

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Луганский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

МАРФИНА ЖАННА ВИКТОРОВНА

**КОНСТАНТА РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ
В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ:
ЛИНГВОМИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ЛУГАНСК – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МИФОПОЭТИКИ	36
1.1. Концепт и константа в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике: вопрос о роли мифопоэтической составляющей.....	36
1.2. Признаки и структура концепта-константы. Лингвомифопоэтический подход к анализу концепта-константы	53
1.3. Лингвокультурная мифопоэтика в контексте компаративной методики анализа концепта-константы	64
1.4. История изучения константы Родство / Спорідненість в российской и украинской лингвистике (аналитический обзор)	71
ГЛАВА 2. КОНСТАНТА РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ: ОТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ К ФРАЗЕОПАРЕМІЙНОМУ СОДЕРЖАНИЮ	99
2.1. Номинативное поле, внутренняя форма (мифопоэтическое ядро) и семантическое ядро константы Родство / Спорідненість	99
2.2. Вербализация константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном (фразеопаремийном) пространстве языка	130
ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ КОНСТАНТЫ РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ В НАРОДНО-ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	225
3.1. Общие особенности вербализации константы в народно-песенном пространстве языка.....	225
3.2. Концептуализация повседневно-бытовых отношений и ритуальных ролей членов нукlearной семьи	228
3.3. Концептуализация семейно-родственных отношений в социально маркированных народно-песенных текстах.....	255
3.4. Метафора как способ семантизации социокультурных отношений на материале НР-фольклором	279
ГЛАВА 4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНСТАНТЫ РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И Т.Г. ШЕВЧЕНКО	289
4.1. Вопрос о мифопоэтическом компоненте художественной литературы	289
4.2. Функционирование константы Родство в творчестве А.С. Пушкина: образность, сюжетика, семантика	294
4.3. Функционирование константы Родство в творчестве Т.Г. Шевченко: образность, сюжетика, семантика.....	324
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	357
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	379

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вопросы взаимосвязи и взаимодействия языка, культуры и ментальности человека остаются основополагающими вопросами лингвистики на протяжении примерно двух веков. Антропоцентричная парадигма не является новейшим изобретением: современная интегративная гуманитаристика в целом и языкознание в частности лишь продолжают начатое еще В. фон Гумбольдтом дело изучения языка как формы выражения «духа народа».

В то же время именно в современной лингвистике проблематика взаимодействия человека как носителя национально маркированной и одновременно индивидуальной ментальности с культурой и языком как ее сущностной семиотической системой приобрела особую актуальность. Это связано в первую очередь с социокультурными, экономическими, духовными процессами глобализации, с одной стороны, и стремлением выработать как научную, так политическую и идеологическую позицию по отношению к национальной и культурной идентичности и процессам (само)идентификации – с другой. В этом контексте активное обращение лингвистов (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, И.А. Стернин, З.Д. Попова, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, А.Т. Хроленко, Н.Ф. Алефиренко, И.В. Кононова, В.В. Жайворонок, С.Я. Ермоленко, Л.А. Лисиченко и др.) к проблемам структурирования национально-языковой картины мира, концептуализации и категоризации опыта взаимодействия мира и человека в ментальном поле носителей национальной лингвокультуры в ее связи с глобальной концептуальной картиной мира есть следствие и социокультурного запроса, и необходимости выработать комплекс научных представлений о специфике и взаимоподобии национальных культур. В русле этой актуальной для современного (в том числе российского и украинского) общества и науки проблематики и выполнено настоящее исследование.

Концептуальная картина мира и языковая картина мира – основные объекты изучения двух актуальных направлений современной лингвистики: лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Основное различие между ними состоит в формулировке предмета исследования: в триаде «язык – культура – человек» лингвокультурология движется от языка к культуре и человеку, тогда как когнитивная лингвистика – от человека (ментальности) к языку и культуре. Иными словами, внимание лингвокультурологии сфокусировано на способах репрезентации в языке национальной и общечеловеческой культуры, закономерностей воплощения в семантике языковых единиц ценностных ориентиров и смысловых категорий культуры (Н.Ф. Алефиренко). Внимание же когнитивной лингвистики нацелено на изучение ментальных процессов, доступ к которым лежит в сферах языковой, речевой и дискурсивной деятельности (Е.С. Кубрякова).

В рамках российской лингвокультурологии был разработан целый ряд в той или иной мере пересекающихся, но не совпадающих в своем содержании терминов, созданных для описания отношений между языком, ментальностью и культурой: «константа культуры» (Ю.С. Степанов), «код культуры» (С.М. Толстая, Т.В. Цивьян, В.Н. Телия, С.Е. Никитина, Т.Б. Банкова, Т.И. Вендина, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, Н.И. Степанова и др.), «культурный концепт» (Н.Ф. Алефиренко, О.А. Дмитриева, Л.Х. Самситова, М.А. Дмитриевская, В.В. Туровский, Н.Ю. Буряк), «лингвокультурема» (В.В. Воробьев, Г.В. Токарев), «лингвокультурный концепт» (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, М.В. Пименова), «культурно значимый концепт» (В.Н. Телия), «ключевой концепт культуры» (В.А. Маслова) и др. В украинской лингвокультурологии введены в научный оборот понятия «языковой эстетический знак» (С.Я. Ермоленко), «этноконцепт» (Е.А. Селиванова, В.В. Жайворонок), «специфический концепт» (А.Н. Приходько), «определяющие слова-понятия» (В.И. Кононенко), «концепты историко-культурного сознания народа» (В.В. Жайворонок), «культурно значимый концепт» (Е.П. Левченко) и др. Из приведенного списка базовым термином, имеющим наибольшую сферу

распространения в науке и наиболее четкие понятийные границы, является термин *(лингвокультурный) концепт*. Термин *концепт* в понятийно-терминологическом отношении отчасти объединяет лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению языка, речи, дискурса. Отчасти – поскольку сходства и различия в содержательном наполнении этого термина в двух научных дисциплинах обнаруживают сходство и различия в самой сути их научной методологии.

(Лингвокультурный) концепт в лингвокультурологии определяется как «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций» (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», то, в виде чего «культура входит в человека» и сам человек «входит в культуру» (Ю.С. Степанов). В сопоставительном ракурсе (то есть в отношении концепта в различных формах его существования внутри двух или более лингвокультур) изучением лингвокультурных концептов занимается лингвокультурная (сравнительная) концептология – «научная дисциплина, изучающая культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленная на выявление через это изучение «лингвоспецифических характеристик» национального (этнического) менталитета [Воркачев 2015, с. 9]. Методика сравнительной концептологии положена в основу методики изучения констант, разработанной в настоящем исследовании.

В когнитивной лингвистике концепт трактуется как «оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», как «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» (Е.С. Кубрякова).

Таким образом, концепт определяется как единица «культурного смысла» в лингвокультурологии и «ментального лексикона» – в когнитивной лингвистике; в

соответствии с этим определяется и разница в установлении этими науками отношений между словом и концептом. В лингвокогнитивистике одному концепту соответствует одна языковая единица (слово), в лингвокультурологии же концепт реализуется в целом ряде единиц языка и речи, а также в других знаках и знаковых системах. В то же время поскольку в рамках когнитивной лингвистики было доказано, что фундаментом любой концептуализации мира в человеческом мышлении выступает языковая категоризация и концептуализация, то интересы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики сходятся в изучении языковой картины мира как проявления национального менталитета.

Значимым для исследования является выделение из ряда лингвокультурных концептов одного их вида, который можно вслед за Ю.С. Степановым определить термином *константа*. Предлагаем под *константой* понимать вид концептов, для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в национальной культуре и который маркирован значимостью для национального мира в плане его духовно-исторического бытования. Гипотеза настоящего исследования тесно связана с этим положением, поскольку она исходит из того, что *масштабность существования констант в культуре, а также их сущностное отличие от остальных видов лингвокультурных концептов определяется содержащейся в них мифопоэтической составляющей*.

Гипотеза, выдвигаемая в настоящем исследовании в качестве опорной теоретической идеи, может быть сформулирована следующим образом: *в константах мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу его развития; при этом понятие «мифопоэтическая составляющая» подразумевает не только отсылку к мифу во внутренней форме (мифопоэтическом (образно-смысловом) ядре) константы, но преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического потенциала*. Это положение опирается на научное представление о константах как «ключевых

концептах», имеющих длительность существования, сопоставимую с длительностью развития национальной культуры (Ю.С. Степанов). Новизна гипотезы состоит в том, что масштабность существования констант в национальной культуре связывается с их мифопоэтическим образно-смысловым стержнем (ядром).

Необходимо пояснить, что под **мифопоэтической составляющей** концепта-константы в работе подразумевается мифопоэтический образ, лежащий в основе и центре (образно-смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) концепта, определяющий его ценностное содержание и задающий основные векторы его развития (развития его структуры), содержащий в свернутом виде определенный сюжет или набор сюжетов, которые впоследствии разворачиваются в разных (в первую очередь фольклорных и литературных) текстах культуры, и реализующийся во внутренней форме доминантного и других слов, вербализующих концепт, а также в соответствующей метафорике, символике, фразеологии, паремиологии и т.д. Другими словами, в работе утверждается и доказывается (на отобранном материале), что концепт-константа в качестве образно-смыслового ядра и центрального элемента структуры имеет не «чувственно-образное», но мифопоэтическое ядро, то есть имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также (в качестве потенциальной или же реализованной возможности) ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжету, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом.

Значимость мифа-имени и мифопоэтического ядра в структуре константы допускает возможность следующего предположения: ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и литературные тексты, поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его,

зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Особое место в этом развитии принадлежит тем текстам художественной литературы, которые получают статус «классических», «национальных», лежат в основании национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт). Исходя из этого, был отобран основной материал для данного исследования.

В отношении концепта-константы Родство / Спорідненість эта гипотеза может быть конкретизирована в следующей формулировке: *указанная константа преимущественно развивается в фольклорном и художественном пространствах, осваивающих образно-смысловой потенциал ее мифопоэтического ядра, которое определяется этимологией слова «род» и целым рядом связанных с ней мифологических представлений о взаимодействии и единении мужского и женского начал в человеческой и природной жизни.*

Поместив в центр исследовательского внимания константу Родство / Спорідненість, мы исходим из трех основных тезисов:

1. Она является ключевой в формировании мировоззренческих ориентиров по отношению к «человеку семейному».

2. Это одна из наиболее значимых констант в концептосфере человеческой культуры в целом и в концептосфере восточнославянских лингвокультур в частности (ср.: Родственные связи и отношения нашли в языках мира «культурное осмысление, их ритуальное оформление», содержание и оценку [Толстая 2009, с. 7]).

3. На настоящий момент она не получила полного и разностороннего описания как в том, что касается отдельно русской и украинской лингвокультур, так и в том, что касается их сопоставления.

Поясняя первый тезис, необходимо отметить, что «человек семейный» – одно из базовых для человеческого общества и его исторического и социокультурного развития понятий; не случайно «в приоритетную аксиологическую группу “Человек” в большинстве классификаций в качестве

ведущего входит и понятие “семья как ценность”» [Кучуб 2008, с. 43]. Сопряженное с представлением о семье как ячейке и важнейшей ценности общества, как модели взаимодействия и сосуществования в едином пространстве людей, объединенных заботой друг о друге и любовью друг к другу, «человек семейный» в контексте современных духовных, идейных и политических тенденций есть принципиально традиционное (в разных его оценках и трактовках) понятие.

Более того, именно в современном контексте оно приобрело особую актуальность как базовое понятие-идея, в борьбе против которой философия и политическая практика неолиберализма выдвигает идеи трансгуманизма и таких личных свобод, которые если не полностью отрицают ценность и человека семейного, и семьи как таковой, то активно подвергают ее сомнению. «Либеральная идеология, ставя высшей ценностью человека и его свободу, устраняет ограничения для проявлений эгоизма» [Закирова 2022, с. 361], путь ничем не ограниченной свободы «отбирает у людей их достоинство, равно как и чувство эквивалентной ценности» [Dworkin 1978, p. 206], институты брака и семьи «если не упраздняются, то радикально трансформируются» [Закирова 2022, с. 361].

Для современного российского общества в отношении «человека семейного» и семейных ценностей характерно многообразие точек зрения и социокультурных тенденций. Однако на уровне государственной политики и идеологии (Концепция государственной семейной политики РФ до 2025 года; Основы государственной молодежной политики РФ), равно как и на уровне традиционных представлений о семье, имеющих значение и для молодежи (см., в частности: [Серебрякова 2019]) закреплена идея фундаментальной значимости семьи, в том числе в основополагающих ее функциях – воспитании ребенка в любви, продлении рода, сохранении ценности брака. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется как необходимостью теоретической и практической разработки проблематики лингвокультурологии в аспекте мифопоэтического содержания констант национальной лингвокультуры,

так и обращением к социокультурно значимой проблеме «человека семейного» в ее воплощении в русской и украинской лингвокультурах в форме константы Родство / Спорідненість.

Что касается места константы Родство / Спорідненість в концептосфере восточнославянских лингвокультур, для подтверждения тезиса о его значимости необходимо принять во внимание следующие факты. В восточнославянской мифологии бог Род – «воплощение рода, единства потомков одного предка» [Топоров 1988, т. 2, с. 384–385] – занимал если не центральное, то одно из наиболее выделенных мест в культурах божеств; упоминания о нем и связанных с ним богинях (Рожаницах) в древнерусских памятниках XI–XII веков чрезвычайно многочисленны [Там же, с. 385]. Известно, что культ предков сосуществовал с православными представлениями в народной русской культуре вплоть до конца XIX века [Миролюбов 1996]; более того, его следы можно найти и в русской православной традиции молитвы за предков. С другой стороны, и в настоящее время понятийная категория «Родство» включается исследователями в число ключевых ментальных образований русской лингвокультуры: в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и др. находим следующий значимый в этом отношении тезис: «Родство – духовная связь по общности предка, обретаемая по роду, рождению, родине, т.е. физически, социально и духовно» [Колесов 2014, т. 1, с. 167]. Таким образом, для всех восточнославянских культур, имеющих общий мифологический, мифопоэтический источник, и отдельно для русской культуры константа Родство является одним из наиболее значимых феноменов духовного бытия.

В отношении же третьего из выдвинутых тезисов следует отметить, что речь идет о степени разработанности проблемы описания константы Родство / Спорідненість в современной лингвистике и, соответственно, о новизне данной работы.

Состояние и степень разработанности проблемы исследования. Номинации родства, вербализующие константу, традиционно находятся в центре внимания отечественной и зарубежной лингвистики. Прежде всего, отметим, что

эти номинации были объектом изучения с позиций истории языка и этимологии (П.А. Лавровский, Ф.П. Филин, А.А. Бурячок, О.Н. Трубачев, В.А. Козырев, В.М. Русановский, Б.А. Ларин, В.Н. Топоров, В.В. Нимчук, Г.В. Дзибель и др.), семасиологии (А.А. Уфимцева, А.А. Тараненко, Л.А. Лисиченко, О.Ю. Николенко, Н.Н. Трошина, С.А. Кидямкина и др.), лингвофольклористики (С.Я. Ермоленко, Н.И. Мазай, Н.Г. Барышникова, В.Ф. Стенина, М.Ю. Езаова, Н.А. Данилюк), стилистики (С.Х. Головкина, И.Ю. Белякова, О.А. Бондаревская, О.А. Фещенко, Е. Привалова, Т.В. Пьянкова, Н.Н. Рухленко, Е.М. Черникова, Л.Б. Мельник, Н.В. Охота, В.М. Янив, Л.М. Романюк, А.В. Чернова, Ж.В. Марфина и др.), этнолингвистики (С.М. Толстая, В.В. Жайворонок, Д.И. Добрусинец и др.). Изучались номинации родства и в рамках сравнительного языкознания: известно немало работ, выполненных на материале русско-, украинско- и белорусскоязычных текстов (О.Н. Жизневская, В.И. Ярмак), на материале неблизкородственных языков (М.А. Гасанова, Л.Х. Хараева, А.С. Головин, Е.А. Кострубина, Л.Е. Леонтьева, З.Г. Коцюба, А.Г. Абрамова, С.М. Адамова, Н. Гаспарян, А.А. Ким, Р. Ани, Р.Д. Шамилева, Т.А. Шайхуллин, М.К. Гулкамян, М. Николич, Н.Ю. Микитенко, Е.В. Ли, Р.З. Мурясов, Х.Х. Эгамназаров, А. Мамедгасанов, З.А. Биктагирова, А.Ш. Альбекова, Л.А. Гаджиева, С.А. Алиева, Н.Э. Гаджихмедов, С.Г. Перевалова, Д.Е. Восканянц, В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Ж.Б. Жалсанова и др.).

Как многоуровневая изоморфная семантическая структура, парадигма номинации родства (в дальнейшем используется аббревиатура НР) рассматривается и в лингвокультурологии. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. Большинство исследователей относит концепты Семья, Род, Родство к так называемым концептам-универсалиям (А.С. Головин [Головин 2014]), а также к ключевым (М.В. Пименова [Пименова 2005], Ю.С. Макарец, О.М. Слипчук [Макарец, Слипчук 2013], Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Г.А. Гуняшова [Гуняшова 2013] и др.) или фундаментальным (Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [Верещагин,

Костомаров 1973, 1980, 2005] и др.) концептам, определяющим жизнеустройство общества, регламентирующим сложные социокультурные процессы.

Результаты осуществленных лингвокультурологических исследований, в частности, показывают, что в концептосферу русской культуры входит ряд взаимосвязанных микроконцептов родства. Так, компонентами значимого для русского сознания макроконцепта Дом являются микроконцепты Родители, Семья, Отец, Мать, Бабушка, Дети, Брат, Сестра, Муж [Залевская 2005; Караулов 2000; Уфимцева: Русские 1996; Алефиренко 2010; Артыкбаева]. Н.С. Сергиева отмечает, что «подзона «Семья» самая важная для человека как существа социального обозначается в составе зоны ЧЕЛОВЕК» [Сергиева 2007]. Концепт Мать проанализирован как репрезентант макроконцептов Семья и Женщина (Ю.А. Абрамова, А.Д. Алиева, Г. Вальтер, А.Г. Евенчук, Я.И. Калинина, А.В. Кирилина, И.И. Ковалик, И.С. Страшнюк, Т.Н. Сукаленко, В.Н. Телия и др.). Изучено его функционирование в художественном дискурсе (Х.В. Старовойтова, В.Б. Яковлева и др.), описано ассоциативное поле по данным свободного ассоциативного эксперимента на материале немецкого, польского, русского, украинского и других языков (Л.В. Адонина, Т.В. Бисовецкая, В.Б. Марчук и др.). В.Н. Телия, анализируя номинативные единицы для обозначения женщины, родовым считает концепт Женщина / Баба, а все остальные, в том числе связанные с семейным статусом, – видовыми [Телия 1996, с. 261].

В работах В.И. Кононенко, В.В. Жайворонка, Ю.С. Макарец, О.М. Слипчук отдельные составляющие константы Спорідненість (укр. рід, родина, сім'я, мати, батько-мати) рассматриваются в контексте формирования украинской языковой картины мира. В ракурсе соотношений лингвокультурных концептов в русском национальном сознании Е.А. Глотова описала концепт Семья [Глотова 2014]. В исследовании З.Б. Богословской на материале толковых словарей русского языка разного времени делается заключение о семантических изменениях концепта Семья, происходивших на протяжении полутора столетий [Богословская 2016, с. 67].

Наибольшее количество современных исследований константы Родство выполнено в русле сравнительной концептологии и сфокусировано на изучении вербализации ценностной части данного концепта в сопоставляемых языках. Исследователи, обратившиеся к изучению макроконцепта Род / Семья в различных национально-культурных реализациях, отмечают, что его наиболее полное и концентрированное воплощение, значимость для повседневно-бытового сознания, ценностное содержание воплощается во фразеопаремииологическом составе языка ([Кошарная 2018; Калько 2013; Ніколайчук 2013; Жизневская 2012; Кульсарина 2014]).

Ученые также отмечают способность структурных составляющих константы Родство пересекаться с иными концептами и входить в структуру этих концептов. Например, концепт Мать входит в структуру концептов Родина, Родная земля (В.Н. Телия, Ж.В. Колоиз, Н.Н. Малюга), Женщина (Л.В. Адонина, Н.А. Паскова, Е.В. Бахтина, Д.А. Примачук, Л. Йен-Чун, Лю Бо); концепт Семья – в структуру концепта Быт (А.В. Рудакова); концепты Муж, Сын – в структуру концепта Мужчина (Е.И. Зиновьева, М.Н. Довголюк, А.И. Головня), концепт Род – в структуру концепта Судьба (Н.И. Мазай) и под.

Вместе с тем единственным основательным исследованием, сфокусированном на изучении как таковой константы Родство, является диссертация А.С. Головина «Лингвокультурный концепт “Родство” в английских, немецких и русских паремиях» [Головин 2014]. Выполненное в русле сравнительной концептологии, оно имеет свою специфику как в методологии, так в материале (паремийный фонд) и в предмете изучения (вербализация ценностной составляющей константы Родство). К релевантным для настоящего исследования тезисам диссертации относится в первую очередь следующий: «Ценностный компонент концепта “родство” вербализуется посредством паремий, семантика которых на материале английского, немецкого и русского языков демонстрирует специфику представления отношений к родственникам по крови, по браку и в понимании родства душ» [Головин 2014, с. 7].

Таким образом, в отношении константы Родство / Спорідненість и ее изучения в русле сравнительной концептологии открытыми остаются следующие вопросы:

- содержания (структуры и семантики) константы;
- механизмов воплощения ее мифопоэтического «стержня» (внутренней формы) в формах вербализации константы на разных этапах ее существования в сопоставляемых национальных культурах;
- содержания и развития ассоциативно-образной ее составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в первую очередь в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах;
- расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамики этого расхождения.

Исследовательские лакуны в изучении константы Родство / Спорідненість связаны как с недостатком ее комплексных (в том числе сравнительных) исследований (обычно в фокус изучения попадают компоненты, части константы (микрконцепты, концепты), но не целостный ее состав), так и с невниманием к мифопоэтическому компоненту ее содержания. Выдвигая тезис о том, что любая константа, включая Родство / Спорідненість, имеет в основе своей внутренней формы, а также в качестве образно-смыслового ядра комплекс мифопоэтических образов и представлений, мы определяем эту составляющую предметом своего изучения, наравне с другими компонентами константы.

Указанные лакуны определили **проблему исследования**, которую можно сформулировать как назревшую *необходимость теоретико-методологического и концептуально-исторического осмысления развития структуры и семантики константы Родство / Спорідненість как комплексного феномена двух национальных лингвокультур (русской и украинской) на разных этапах их становления в свете содержащихся в нем опорных мифопоэтических структур*. Данная проблема обусловила выбор темы исследования – «Константа Родство / Спорідненість в русском и украинском языках: лингвомифопоэтический подход».

Объектом исследования является константа Родство / Спорідненість в различных способах ее вербализации в русском и украинском языках.

Предмет исследования – структура и семантика константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках на разных этапах их становления в качестве национальных литературных языков, включая механизмы вхождения мифопоэтических структур в ее содержание, актуализованное в различных фольклорных дискурсах и в ключевых (с точки зрения формирования национальных лингвокультур) текстах художественной литературы.

Основным материалом исследования, в соответствии с выявленной проблемой и определенным выше предметом исследования, являются тексты народно-разговорного (фразеопаремийного), народно-песенного и словесно-художественного дискурсов русского и украинского языков.

Источниками материала исследования стали сборники пословиц, поговорок, словари фразеологизмов, среди которых Большой словарь русских пословиц (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., М., 2010); «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия (М., 2006), «Фразеологічний словник української мови» (Киев, 1993); академические сборники народных песен («Пісні родинного життя» под ред. И.П. Березовского (Киев, 1988); ряд произведений А.С. Пушкина, включенных в собрание сочинений в 10 т. (М., 1976–1979); Т.Г. Шевченко, полное собрание сочинений этого автора (Повне зібрання творів у 12 т. (Киев, 2001–2003. Т. 1–3)), а также словари языков и образных средств А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко: «Словарь языка Пушкина» (М., 1956–1961), «Поэтическое слово Пушкина. Словарь» (И.И. Меньшиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная (Днепропетровск, 1999)), «Словарь русских произведений Т.Г. Шевченко» (Киев, 1985–1986), «Словник мови Шевченка» (Киев, 1964), «Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка» (Торонто, 2001), «Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка» (В.С. Ващенко (Днепропетровск, 1982)), «Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій» (И.И. Меньшиков, Н.В. Подмогильная, Киев, 2008)).

В качестве дополнительных источников исследовательского материала в ходе выполнения диссертации привлекался ряд других лингвистических словарей, среди которых толковые: «Словарь современного русского литературного языка» (1950–1966); «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (М., 1999), «Словник української мови» под ред. И.К. Белодеда (Киев, 1970–1980); Етимологічний словник української мови: В 7 т. под ред. А.С. Мельничука (Киев, 1985–2012. Т. 1–7); словари эпитетов: «Словарь литературных эпитетов» А.Л. Зеленецкого (М., 1913), «Словарь эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевич (СПб., 2002), «Словник епітетів української мови» под ред. С.Я. Ермоленко (Киев, 1998); источники энциклопедического характера: «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» под ред. Н.И. Толстого (М., 1995–2004), «Мифология. Большой энциклопедический словарь» под ред. Е.М. Мелетинского (М., 1998), «Мифы народов мира. Энциклопедия» под ред. С.А. Токарева (М., 1997), «Демографический энциклопедический словарь под ред. Д.И. Валентей (М., 1985), «Национальная психологическая энциклопедия» (электронный источник), «Российская педагогическая энциклопедия» под ред. В.Г. Панова (М., 1993–1999), «Философский энциклопедический словарь» под ред. С.С. Аверинцева (М., 1989).

Общее количество проанализированных микроконтекстов – более 10 тыс.; на их основе смоделированы концептуальные цепочки (общее количество 460): 284 – в народно-разговорном; 105 – в народно-песенном и 25 и 46 (71) – в словесно-художественных индивидуально-авторских (А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко) пространствах константы Родство / Спорідненість.

Целью исследования является комплексное сравнительно-концептуальное описание содержания константы *Родство / Спорідненість* с учетом стержневой роли ее мифопоэтической составляющей и в соотнесенности путей становления русского и украинского национальных языков во фразеопаремийном, народно-песенном и художественном пространствах их функционирования.

Для достижения поставленной цели в исследовании решались следующие **задачи:**

1) разработка методологии исследования константы Родство / Спорідненість на основе интеграции лингвокультурологического (с вычленением сравнительно-концептологического), лингвоконцептологического и мифопоэтического подходов к изучению текстов, дискурсов, семиотических рядов культуры;

2) создание специального подхода к анализу концептов-констант, адекватного их сущностным признакам и особенностям их структуры; определение в качестве такового лингвомифопоэтического подхода (лингвокультурной мифопоэтики);

3) разработка и апробация методики концептуальных цепочек в качестве базового приема моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования национальных лингвокультур;

4) описание места константы Родство / Спорідненість в структуре национальной языковой картины мира;

5) аналитический обзор осуществленных на настоящий момент исследований в отношении функций и семантики названий родства в русском и украинском языках;

6) апробация лингвомифопоэтического подхода к анализу концепта-константы в отношении образно-смыслового содержания мифопоэтического ядра константы Родство / Спорідненість в аспектах номинативного поля константы и ее семантического ядра, по данным лексикографических источников;

7) сопоставительный анализ фразеопаремийных контекстов с доминантными названиями кровного родства и свойства в русском и украинском языках с применением авторской методики концептуальных цепочек;

8) сопоставительный анализ народно-песенных текстов, содержащих доминантные названия кровного родства и свойства, в русском и украинском языках с применением авторской методики концептуальных цепочек;

9) выявление ценностно-образной и информационно-смысловой специфики функционирования константы Родство в художественном творчестве

А.С. Пушкина – в текстах, которые лежат в основе современного русского литературного языка и русской национальной культуры;

10) выявление ценностно-образной и информационно-смысловой специфики функционирования константы Спорідненість в художественном творчестве Т.Г. Шевченко – в текстах, которые лежат в основе современного украинского литературного языка и украинской национальной культуры;

11) выявление и описание особенностей функционирования константы Родство / Спорідненість в анализируемых пространствах сопоставляемых лингвокультур;

12) определение роли мифопоэтического ядра («стержня») в развитии содержания константы в разных пространствах двух лингвокультур;

13) характеристика соотнесенности констант Родство – Спорідненість в параметрах общих и индивидуальных признаков;

14) комплексное описание (на основе проведенного анализа) информационно-смыслового и ценностно-образного содержания константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования двух национальных лингвокультур; определение роли художественных текстов общенационального значения в развитии структуры константы.

Методологическую основу исследования составили лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы к изучению языка, а также приемы и идеи литературоведческой мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики. В отношении лингвокультурологии основополагающими для настоящего исследования стали разработки в области сравнительной лингвоконцептологии, включая теоретические положения о природе, признаках и структуре концептов, а также предлагаемые учеными варианты методики концептуального анализа. Значимыми для настоящего исследования являются идеи лингвокогнитивистики относительно когнитивных механизмов и структур и той роли, которую в деятельности человеческого сознания играет язык и культура (Г.Г. Слышкин, Е.С. Кубрякова,

С.А. Жаботинская); за образец при интеграции основ лингвокогнитивистики и лингвокультурологии были взяты работы И.В. Кононовой.

Опорными приемами работы с текстовым материалом стали широко используемые в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике приемы лингвокогнитивной интерпретации (описание когнитивных структур через анализ языковых средств их объективации); полевой стратификации; компонентного анализа; дискурсивного анализа художественных произведений А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. В работе были также использованы такие лингвокогнитивные методы и приемы как метод субъективных дефиниций; метод описания чувственного образа (на материале народно-песенной культуры); метод письменной рефлексии и оценочной дифференциации. Особо значимым для нашего исследования был метод моделирования семантической структуры высказывания, состоящий в конструировании концептуальных цепочек, отражающих модели семантизации названий родства в русском и украинском языках и обобщающих сценарии повседневно-бытовой коммуникации в соответствующих лингвокультурах.

При этом следует признать, что вне методологического и идейно-понятийного поля лингвоконцептологии, так же как вне ее исследовательской практики, остается изучение таких специфических признаков сущности и структуры концептов-констант, как интенсивность их реализации в фольклорных и литературных текстах, роль художественного осмысления имени-мифа, лежащего в их основе; стержневая роль имени-мифа и мифопоэтического в их структуре.

«Мифопоэтическое» в работе понимается шире, чем спектр проявлений древнего мифа в художественной литературе: вслед за Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским мы считаем, что мифопоэтический компонент подразумевает «просвечивание» древних мифологических представлений в человеческой (включая национальные) культуре на любом этапе ее исторического становления.

При выработке лингвомифопоэтического подхода к анализу концептов-констант, при утверждении лингвокультурной мифопоэтики как подхода,

адекватного природе и структуре концепта-константы, учитывались идеи и принципы работы с текстами, выработанные в рамках литературоведческой мифопоэтики. С другой стороны, в этом аспекте для исследования был значимым тезис В.А. Масловой о том, что лингвокультурологическая поэтика изучает «способы формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект», «репрезентацию культурных знаний в поэтическом тексте» [Маслова 2014, с. 59–60].

Таким образом, предлагая считать лингвокультурную мифопоэтику особым подходом к изучению концепта-константы, адекватных особенностей его природы (сущности) и содержания, мы интегрируем идеи и методы работы с текстом, предлагаемые в рамках сравнительной концептологии (объединяющей, в свою очередь, постулаты и методики лингвокультурологии и лингвоконцептологии), мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики. При этом предложенный в качестве ключевого прием моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур направлен на выявление ключевых фреймов / сценариев, в которых задействованы термины родства как знаки, символы повседневно-бытовой, ритуально-обрядовой культуры; уточнение сочетаемости вербализаторов концепта-константы; семантический анализ синтагматических связей названий родства с целью интерпретации выделенных ситуаций в контексте жизненного опыта субъекта и его мировоззренческих установок, закрепленных в текстах сопоставляемых национальных культур; расширение рамок лексического значения, что позволяет посмотреть на жизнь слова в условиях определенного дискурса. В рамках разработанной методики анализа концепта-константы использованы лингвистические приемы интерпретативного, полевого, фреймового, структурно-семантического, компонентного, ассоциативно-семантического и количественного анализа языкового, текстового, дискурсивного материала, широко применяемые как в рамках лингвокультурологии, так и в рамках когнитивной лингвистики.

Теоретической базой работы послужили труды отечественных ученых, созданные в последние десятилетия. В области лингвокультурологии ключевыми

стали идеи и труды В.И. Карасика и Н.Ф. Алефиренко (в частности, В.И. Карасик сформулировал цель лингвокультурологии в «поиске закономерностей языкового преобразования действительности» [Карасик 2013, с. 4]; Н.Ф. Алефиренко же определил основной задачей лингвокультурологии осмысление «способов и средств репрезентации в языке объектов культуры, особенностей представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, с. 21]). Были учтены наблюдения и заключения ряда других ученых-лингвокультурологов (работы В.Н. Телия, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.А. Масловой, А.Д. Шмелева, Н.И. Толстого, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, О.А. Дмитриевой, Ю.Е. Прохорова и др.).

С точки зрения разработанного подхода к анализу концепта-константы базовой теорией для настоящего исследования стала теория лингвокультурной (сравнительной) концептологии (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, И.В. Кононова и др.) – «научной дисциплины, изучающей культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленной на выявление через это изучение «лингвоспецифических характеристик» национального (энтического) менталитета [Воркачев 2015, с. 9]. Лингвоконцептологические исследования направлены на изучение лингвокультурологических концептов, в связи с чем та исследовательская методика (и практика), которая сегодня получила общее название «концептуальный анализ», так или иначе реализует методологию лингвоконцептологии применительно к сопоставляемым в двух национальных культурах концептам.

Относительно природы мифа и сущности мифопоэтического компонента культуры для настоящего исследования основополагающими являются идеи Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, С.С. Аверинцева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова и А.Ф. Лосева.

В методологическую базу работы вошли идеи, сформулированные в рамках лингвокультурологической поэтики – научной дисциплины, предмет которой был

сформулирован В.А. Масловой в монографии 2014 г. [Маслова 2014], а несколько позже уточнен (вместе с формулировкой цели и методологии) О.В. Данич и Н.В. Крицкой в статье 2018 г. [Данич, Крицкая 2018].

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые:

– была выдвинута и подтверждена на отобранном материале гипотеза о том, что масштабность существования концептов-констант в культуре, а также их сущностное отличие от остальных видов лингвокультурных концептов определяется содержащейся в них мифопоэтической составляющей;

– было доказано, что в константах мифопоэтическая составляющая играет роль образно-смыслового стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу его развития;

– был разработан особый подход к изучению концептов-констант, объединяющий методологию сравнительной лингвоконцептологии с теоретическими положениями и исследовательскими методиками лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики – лингвокультурная мифопоэтика (лингвомифопоэтический подход);

– на основе предложенного подхода и с учетом места мифопоэтической составляющей в структуре концепта-константы и значимости фольклорных и литературных текстов для ее развития была создана лингвокультурная мифопоэтическая методика сравнительного анализа концепта-константы, а также предложено использование приема концептуальных цепочек в качестве базового способа моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования национальных лингвокультур;

– были определены основные признаки, формирующие семантическое ядро константы Родство / Спорідненість (совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’; мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’; ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость);

– было выявлено, что образно-смысловое (мифопоэтическое) ядро константы Родство / Спорідненість, связанное с мифопоэтическими представлениями о боге Роде, ряде женских божеств и Мировом древе, в образно-чувственной форме содержит семантику единства (рода, мира, народа) и отдельности (царств земного и небесного, царства мертвых); взаимосвязи синхронической и диахронической (мира и человека, предков и потомков); взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего (поддерживающего); (с)охранения (сакральной родовой энергии); значимости и преодолимости границ (между царствами);

– было установлено, что русский и украинский фразеопаремийные и народно-песенные фонды характеризуются незначительными отличиями и в целом симметричностью в актуализации содержания константы Родство / Спорідненість, обнаруживающим соотнесенность одновременно с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе и с разработкой мифопоэтического потенциала концепта;

– было выявлено, что семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют значения ‘жизнь’, ‘порядок’, ‘согласие’, ‘общность, единство’, ‘благополучие’, ‘защита’, ‘воспитание’, ‘дом’; периферийную же зону этого содержания составляет семантический комплекс, в который входят ‘(генетическая) наследственность’, ‘(психологическое и физиологическое) сходство’, ‘опора’, ‘счастье’, ‘(Божья) правда / воля / помощь’, ‘сочувствие’, ‘доброта’, ‘любовь’, ‘забота’, ‘уважение (к родителям)’, ‘(родовая) судьба’, ‘(родовая) ответственность’, ‘труд, работа’, ‘ум, разум’;

– было определено, что с информационным компонентом содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании неразрывно связан положительный оценочный компонент и что при этом в ней содержатся информационно-оценочные значения негативного характера, указывающие на возможность развития неблагоприятных сценариев в отношении рода, родственников, родственных связей: ‘смерть’ (родителей), ‘корыстолюбие’, ‘зависть’,

‘обособленность’, ‘враждебность’, ‘безответственность’, ‘глупость’, ‘брань’, ‘битье’, ‘пьянство’;

– было доказано, что варианты содержания константы Родство / Спорідненість различаются в зависимости от вида (функции) народной песни: лирической, календарно-обрядовой, семейно-обрядовой, социально маркированной; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является акцентирование семейных (а не родовых) отношений;

– было определено, что семантическим центром в структуре константы Родство / Спорідненість в народно-лирическом и в обрядово-песенном вариантах ее бытования является взаимоподобный комплекс значений, включающий в себя такие оценочно маркированные значения, как ‘семья’, ‘любовь’, ‘свой, родной’, ‘жизнь’. К периферийному содержанию константы в этих песенных пространствах относятся семантические компоненты: (для народно-лирических текстов) ‘счастье’, ‘радость’, ‘судьба’, ‘чужой’, ‘чужбина’, ‘страх’, ‘печаль’, ‘страдание’, ‘боль’, ‘долг’; (для обрядово-песенного пространства) ‘благословлять’, ‘дом’, ‘сад’, ‘радость’, ‘женитьба / замужество’, ‘порядок’, ‘уважение’, ‘печаль (тоска)’;

– было выявлено, что в семейно-обрядовых песнях моделируется особая структура константы Родство / Спорідненість с акцентом на оппозиции ‘своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)’: в ее семантическом центре – такие значения, как ‘послушание’, ‘уважение’, ‘родной’ (и ‘неродной’), ‘род-племя’, ‘дом’; на периферии – ‘поддержка’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘слезы’, ‘труд’, ‘верная (жена)’;

– было доказано, что в центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість в социально маркированной народной песне находится комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества: ‘дом’, ‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не

однозначно негативен: 'слезы', 'тоска', 'печаль', 'сила', 'помощь', 'совет', 'жизнь', 'смерть'.

– было уточнено, что во всех видах народной песни мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість приобретает эстетические функции: через механизмы психологического параллелизма, метафоризации, олицетворения (фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий) он усиливает оценочность, образность, экспрессивность фольклорно-песенного языка, привносит в нее особую стилистическую высоту;

– было выявлено, что характерный для казацких народных песен образ-символ матери (в значении оберега, защитных сил семьи, рода) специфически воплощается в ассоциативно-образной связи мать=Украина. В этом уподоблении архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли встраивается в военно-исторический сценарий вражьих набегов, разорения и борьбы с врагами, приносящими страдания матери-земле, которая при этом теряет свойственные ей функции поддержки и защиты, оберегания, питания народа природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках;

– было обнаружено, что между бытованием константы Родство в творчестве А.С. Пушкина и бытованием константы Спрідненість в творчестве Т.Г. Шевченко существуют как некоторые сходства, так и существенные отличия: именно к этим последним следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время;

– было доказано, что у Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским и женским началами, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания ставит сакральную фигуру матери;

– было выявлено, что у Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства, связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической

связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения, тогда как у Шевченко в структуре константы Спорідненість центральное место отведено сочетанию семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком. Спроецированная на социокультурный мир, эта семантика предельно сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между ней и украинским народом.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что:

- *уточнены* научные представления о признаках, структуре и механизмах развития концепта-константы в национальной культуре;

- *дано определение* концепту-константе и мифопоэтической ее составляющей;

- *установлены и обоснованы* принципы интеграции методов и теоретических положений лингвокультурологии, лингвокогнитивистики, мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики для описания содержания и функционирования концепта-константы;

- *разработан* подход к анализу концепта-константы, адекватный ее сущности и структурным особенностям; *предложены* лингвомифопоэтическая методика анализа константы и ключевой прием моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур (концептуальных цепочек) для определения особенностей ее функционирования в тексте (дискурсе);

- *охарактеризовано* содержание семантического и мифопоэтического (образно-смыслового) ядра константы Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах;

- *доказано*, что русский и украинский фразеопаремийные и народно-песенные фонды в целом характеризуются симметричным семантическим наполнением и функционалом, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с разработкой мифопоэтического потенциала, содержащегося в образно-смысловом (мифопоэтическом) ядре константы;

- *определено*, что функционирование константы Родство / Спорідненість в таких центральных для формирования национальных литератур и современных литературных языков текстах, как художественные тексты А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко, сопровождается существенными расхождениями в актуализации ее семантики.

Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что его результаты могут быть использованы в качестве основы для сравнительных исследований в области лингвокультурологии и культурологии, лингвоконцептологии, социолингвистики, лингвостилистики, лингвоаксиологии, семасиологии, ономасиологии, а также в теоретической и практической лексикографии, в литературоведении, философии культуры, социологии, истории. Результаты работы представляют очевидную ценность с точки зрения перспектив развития лингвокультурологии – в частности, для уточнения научных представлений о функциональной текстовой семантике названий родства в близкородственных языках (в аспекте как их сходств, так и различий), а также об акционально-ситуативной, образно-смысловой (мифопоэтической), ценностной и информационной компонентах их содержания.

Полученные новые прикладные результаты могут быть полезны в практике вузовского преподавания как русского, так и украинского языков, для переработки курсов сопоставительного языкознания, создания спецкурсов по этнолингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, дискурсологии, истории литературного языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования константы, а также ее сущностное отличие от остальных видов лингвокультурных концептов определяется содержащейся в ней мифопоэтической составляющей, то есть 1) памятью об архаическом (и христианском) мифе, работающей во всех формах его бытования, 2) мифопоэтическим образом, лежащим в основе (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) константы и задающим основные векторы ее

развития. Этот образ в контексте мифопоэтических представлений, с ним связанных, является мифопоэтическим, или образно-смысловым ядром константы.

2. Константа характеризуется особым признаком – интенсивностью реализации в фольклорных и литературных текстах (как текстов, восприимчивых к ее мифопоэтическому ядру), а также структурной спецификой, состоящей в том, что 1) концепт-константа в качестве основополагающего, исходного элемента своей структуры имеет не чувственно-образное, но мифопоэтическое ядро; 2) периферийное поле константы состоит из актуальных ценностно-образных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ценностно-образных ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху.

3. Адекватным сущности, признакам и структуре константы с точки зрения возможностей их изучения является разработанный и апробированный в работе лингвомифопоэтический подход – лингвокультурологический подход к изучению языкового, текстового, семиотического материала в аспекте их соотносительности друг с другом как форм выражения концепта-константы и сочетающий принципы и методологию сравнительной лингвоконцептологии с идеями и приемами мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики.

4. Ключевой номинацией константы Родство / Спорідненість выступает слово *родство* / *спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род* / *рід* является внутренней формой константы.

5. Существенными признаками семантического ядра константы Родство / Спорідненість являются: а) совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, б) мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, в) ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как

ценностную установку. Во всех трех признаках обнаруживается семантика мифопоэтического ядра константы.

6. Мифопоэтическое ядро константы восходит к мифопоэтическим представлениям о боге Роде, ряде женских божеств и Мировом древе и в образно-чувственной форме содержит семантику единства (рода, мира, народа) и отдельности (царств земного и небесного, царства мертвых); взаимосвязи синхронической и диахронической (мира и человека, предков и потомков); взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего (поддерживающего); (с)охранения (сакральной родовой энергии); значимости и преодолимости границ (между царствами). Новые христианские представления об отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства влили семантику родства духовного.

7. Русская и украинская концептуализация отношений родства в фольклорной лингвокультуре – как во фразеопаремийном фонде, так и в народно-песенных текстах – обнаруживает симметричность общего содержания и функций, расходясь при этом в незначительных деталях понятийной, образной или же ценностной структуры. В то же время существенной для дальнейшего развития константы является специфика ее актуализации в казацких песнях. Она определяется значимостью ассоциативно-образной связи мать = Украина, в которой характерное для народной культуры представление о святом материнстве родной земли встраивается в военно-исторический сценарий вражеских набегов и борьбы с ними. В этом сценарии мать-земля предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

8. Более близкой к образно-смысловому содержанию мифопоэтического ядра является реализация константы во фразеологизмах и поговорках (нежели в народных песнях). Семантический центр ее содержания составляют значения 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом'. Первые пять из них явно восходят к семантике мифопоэтического ядра.

9. В народно-песенном пространстве языка развивается эстетизация мифопоэтических средств; структура и содержание константы Родство / Спорідненість приобретает выраженную специфику, ориентированную на ценность любви и семьи (христианская и одновременно ритуально-бытовая перспектива) и варьируется в зависимости от песенного жанра. Семантическим центром в структуре константы народно-лирическом и в обрядово-песенном вариантах ее бытования становится взаимоподобный комплекс значений, включающий в себя оценочно маркированные значения ‘семья’, ‘любовь’, ‘свой, родной’, ‘жизнь’. «Просвечивание» мифопоэтического ядра обнаруживается здесь как в системе образно-поэтических средств, так и в ценностном выделении пространства дома и семьи.

10. В отличие от фольклорной концептуализации родственных отношений, структура и содержание константы Родство / Спорідненість в художественном пространстве русского и украинского языков – а именно в творчестве создателей их литературных форм (А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко) – обнаруживает глубокие сущностные различия. Именно к ним следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время.

11. Варианты концептуализации отношений родства в творчестве поэтов объединяют следующие признаки: многоаспектная значимость фольклорной традиции (особенно в ее народно-песенном варианте); активность употребления всех основных номинаций родства в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией; актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту.

12. Наиболее значимые различия в бытовании константы Родство / Спорідненість в художественной речи Пушкина и Шевченко касаются: 1) взаимодействия с мифопоэтической и библейско-христианской парадигмой иерархических отношений между мужским и женским началами. У Пушкина она сохраняется, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания помещает

сакральную фигуру матери; 2) структуры константы: у Пушкина центральное место в ней занимает сочетание семантики духовного родства и семантики рода, тогда как у Шевченко – сочетание семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком.

13. Спроецированная на социокультурный мир, семантика жертвенной любви и священной связи между матерью и ребенком, занимающая центральное место в структуре константы у Шевченко, предельно сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между ней и украинским народом. Таким образом поэт, чье творчество лежит в фундаменте национальной украинской культуры, усиливает вектор развития содержания константы, обозначившийся в казацких песнях, закрепляет за образом Украины статус высочайшей ценности и соединяет его (этот образ) со сценарным мотивом жертвы и жертвования.

14. Фольклорное и художественное бытование константы Родство / Спорідненість расширяет комплекс семантических признаков, выделяемых в семантическом ядре константы на основе лексикографических источников. В каждом из выделенных пространств бытования национального языка константа приобретает своеобразные очертания как в границах своего семантического центра, так и в облаке периферийных значений. При этом семантика, а отчасти и образно-смысловые (ценностные, нарративные) структуры мифопоэтического ядра сохраняются (при возможности существенной трансформации) в виде стержневых во всех исследованных вариантах единого концепта-константы, так же как в компонентах ее семантического ядра.

Апробация и внедрение результатов исследования

Исследование проводилось на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет». Основные результаты, выводы и положения диссертационного исследования стали предметом научных докладов на международных конференциях: «Актуальные вопросы современных гуманитарных наук» (2016, Екатеринбург, Российская Федерация),

«Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах» (2016, Кострома, Российская Федерация), III Фирсовские чтения. «Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы» (2017, Москва, Российская Федерация), «Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков» (2017, Липецк, Российская Федерация), «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (2017, Владимир, Российская Федерация), «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (2018, Витебск, Республика Беларусь), «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур» (2018, Симферополь, Российская Федерация), Фортунатовские чтения в Карелии (2018, Петрозаводск, Российская Федерация), «Актуальные проблемы и перспективы русистики» (2018, Барселона, Испания), «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» (2018, Тула, Российская Федерация), «Русистика в XXI веке: тенденции и направления» (2019, Ереван, Армения), «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (2019, Витебск, Республика Беларусь), международной научно-практической конференции «Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)» (2020, Кострома, Российская Федерация); международной научно-практической конференции «XV Машеровские чтения» (2021, Витебск, Республика Беларусь); международной научно-практической конференции «Далевский код современной культуры» (2021, Луганск, ЛНР); а также на научно-практических мероприятиях разного масштаба и формата: XVI международном семинаре «Тарас Шевченко и его петербургское окружение» (2014, Санкт-Петербург, Российская Федерация), «Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты» (2018, Луганск, ЛНР), «Дискурс современного социально-гуманитарного знания и образования» (2019, Луганск, ЛНР); II всероссийской научной конференции «Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XX вв.)» (Нижний Новгород, 2024, Российская Федерация), VII всероссийской научно-практической

конференции молодых учёных, приуроченной к 150-летию Д.Н. Ушакова и Году педагога и наставника «Славистика: новые имена в науке» (2024, Горловка, Российская Федерация); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология: язык, культура, общество» (2024, Луганск, Российская Федерация).

Результаты диссертационной работы обсуждались на заседаниях кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет».

Основные результаты исследования представлены в монографии «Лингвокультурный концепт “Родство” в русской языковой картине мира» (Луганск: НПК ПЕРСПЕКТИВА; Книта, 2023. 248 с.) и 17 статьях из списка ВАК по теме диссертации; были внедрены в научную и проектную деятельность кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» и послужили основой модернизации процесса обучения в Луганском государственном педагогическом университете по курсам «Современный русский язык», «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», «Лингвистический анализ текста», «Стилистика».

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и списка литературы. Библиография включает 494 наименования, в том числе на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 426 страниц.

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность; определяются цели и задачи исследования, методологическая база, объект и предмет исследования; выдвигается научная гипотеза, раскрывается научная новизна, обозначается теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **Первой главе** рассматриваются основные этапы формирования лингвокультурологии как научной дисциплины, изучаются отношения между лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой, уточняется специфика

лингвоконцептологии как направления в лингвокультурологии; из видов лингвокультурных концептов вычленяется константа, обосновывается масштабность ее существования в культуре в связи с мифопоэтической ее составляющей; дается определение терминам константа, мифопоэтическая составляющая, мифопоэтическое ядро; обосновывается необходимость лингвомифопоэтического подхода к изучению константы, дается его описание на основе синтеза методологии и приемов лингвоконцептологии, лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики; предлагается соответствующая методика анализа константы с применением концептуальных цепочек; дается аналитический обзор исследования номинаций родства и концептов, которые они вербализуют.

Во **Второй главе** описывается номинативное поле константы Родство / Спорідненість, выделяются наиболее существенные признаки ее семантического ядра, исследуется этимологическое значение, «внутренняя форма» доминантного слова-мифа; определяется содержание мифопоэтического ядра константы; изучаются формы ее вербализации во фразеологизмах и поговорках с доминантными названиями кровного родства (на украинском и русском материале); определяется семантическое, ценностное, образное наполнение этого варианта константы, с выделением центральной и периферийной зоны, включая мифопоэтическую образность, в ее содержании; отмечаются случаи несущественного расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах.

В **Третьей главе** рассматриваются особенности использования номинаций родства в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения; анализируется функционально-стилистическая нагрузка НР-фольклором в лирических и обрядовых песенных текстах, а также в социально маркированных текстах; выявляются особенности структуры и содержания константы Родство / Спорідненість в них; отмечается эстетизация мифопоэтического компонента, неотделимость оценочности от информационно-понятийного компонента (если рассматривать его в составе семантики), прослеживаются варианты эстетической

обработки мифопоэтических образов: фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий; отмечаются их функции; определяется специфика функционирования НР-фольклором в казацких песнях.

В **Четвертой главе** изучается специфика функционирования НР и слов более общего содержания с семантикой родства в художественных произведениях А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. Выявляется ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; описываются особенности восприятия в их творчестве фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; определяются основные различия в содержании и структуре константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.

В **Заключении** обобщаются полученные в ходе исследования результаты, определяется степень доказанности гипотезы работы, кратко описываются методологические основы и методика исследования; характеризуются отношения между семантическим ядром константы Родство / Спорідненість, фольклорной и литературной концептуализациями отношений родства в русской и украинской лингвокультурах; намечаются перспективы дальнейших исследований констант культуры на основе предложенного лингвомифопоэтического подхода.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МИФОПОЭТИКИ

1.1. Концепт и константа в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике: вопрос о роли мифопоэтической составляющей

В процессе развития человеческого общества, в результате накопления, обработки, трансформации, передачи и иных видов использования знаний и способов и приемов взаимодействия человека с природой и человека с человеком формируется культура – «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т.д.» [Межуев, Константинов 2023]. Будучи имманентно антропоцентричной, культура есть «система осознания мира человеком, и поэтому формы концентрации и обозначения в ней мироустройства соответствуют масштабам деятельности в микро и макрокосмосе человека как субъекта культуры» [Телия 2004, с. 24].

Существование культуры (в том числе национальной), ее развитие требует разнообразия специальных знаковых систем, помогающих кодировать и транслировать информацию в социуме. Сложную систему культуры составляют разнообразные знаковые системы – коды, образующие многочисленные парадигмы: религиозные, философские, научные, бытовые, речеповеденческие, ценностные, языковые, дискурсивные, текстовые [Барт 1989, с. 39–40] и т.п. Понятие «код культуры» был выработан, как известно, в рамках семиотического направления (Ю.М. Лотман и его школа, в том числе работы В.В. Красных и А.С. Кармина способствовали [Кармин 2006]. В формулировке Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел)

материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [Гудков, Ковшова 2008, с. 97]. В семиотической трактовке культура предстает как иерархия кодов – знаковых систем как средств для выражения смысла.

Вслед за Н.И. Толстым можно утверждать, что в любом коде культуры прослеживается сосуществование и взаимодействие четырех семантических полей:

- концептуального (понятийно-смыслового),
- вербального (словесного),
- реального (вещно-предметного),
- акционального (действенного, кинетического) [Толстой 1995, с. 15–26, 86].

Значение «кодов культуры» – в концептуализации биоморфных (антропных, соматических, сенсорных, фитоморфных, зооморфных и т.п.), социальных, природно-ландшафтных, архитектурно-домостроительных, вещных, или предметных, пространственных, духовных (моральных, эстетических, этических, мифологических, религиозных), колоративных, звуковых, одоративных, квантитативных, темпоральных, гастрономических, аксиологических и т.д. (согласно классификациям В.В. Красных [Красных 2002, с. 257] и Д.Б. Гудкова [Гудков 2004], Г.А. Багаутдиновой [Багаутдинова 2007, с. 21], Т.В. Леонтьевой [Леонтьева 2003] и др.) информационных элементов и блоков в сегментах культуры. В то же время «коды культуры», имея вербальное и невербальное выражение, кодируя и транслируя информацию разного уровня и степени сложности, соотносят ее с определенным смыслом (что? / кто?, для чего?, когда?, в какой ситуации? и т.п.), который и составляет семантическое и ценностное ядро знаков культуры.

Семиотические изыскания в области языка и вторичных знаковых систем были продолжены в поле изучения культуры через язык в лингвокультурологии. Непосредственная связь между семиотикой и лингвокультурологией

устанавливается, в частности, в формулировке одного из основателей этого направления в современной лингвистике В.Н. Телия: «Культура обладает своим “языком” – она говорит с нами архитектурой, живописью, музыкой, танцем, литературой и прочими творениями разума, таланта и другими делами рук человеческих». При этом в центр внимания лингвокультурологии попадает «самое универсальное средство для выражения смыслов культуры» – естественный язык. «Используя это средство, человек воплощает в нем все, что можно и пересказать, и сказать об окультуренном мироздании» [Телия 2006, с. 12].

Понятие «код культуры» приобрело качество гиперонима по отношению к таким вошедшим в научный оборот терминам, как *когнитивная метафора* [Лакофф 2004], *квазистереотип* [Телия 1996], или *культурно-национальный эталон, символ* [Потебня 1989; Вольф 2002]. «Код культуры» подразумевает системность субзнаков, их определенную комбинаторику, что и создает представление о коде культуры как сетке, сети элементов, сплаве смыслов. Подмечена такая закономерность функционирования кодов культуры: чем большую значимость они имеют, тем сложнее их смысл и тем больше элементов (вербальных знаков) с ними связано [Красных 2003, с. 298–299], тем сложнее их ассоциативная природа. В частности, Е.А. Селиванова отмечает метафорическую природу междукодовых переходов [Селиванова 2006]. Неслучайно среди основных характеристик кодов культуры исследователи отмечают открытость к изменениям с присоединением этнокультурных, индивидуально-личностных, групповых черт и универсальность [Рэнчин 2010, с. 11].

Постигаемое человеком в том или ином опыте преимущественно вербализируется, покрывается ментальными «сетками», набрасываемыми культурой на окружающий мир в виде категорий, семантических структур, оценок [Красных 2002, с. 232]. Вербализованная часть культуры при этом в той или иной мере осознается коллективным сознанием, пребывает в его «светлой зоне», невербализованные же смыслы присутствуют имплицитно, их экспликация может быть результатом специального анализа [Гудков 2004, с. 39].

Действительно, среди знаковых систем, кодирующих культуру, особая – ведущая – роль отведена слову: «бездонное», диалогичное по своей природе (М.М. Бахтин), как бы растянутое между типовым (структурным) значением и индивидуальным смыслом, оно не механически кодирует и транслирует освоенное знание, но соединяет индивидуальные голоса, человека с человеком, эпоху с эпохой, и оставляет возможность для приращения, изменения количества и качества усвоенной человечеством информации.

Важнейшим результатом концептуализации опыта человека и общества в слове (языке) становится формирование общей национальной картины мира: «Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культурных традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000, с. 15].

Коды культуры образуют картину мира, имеющую национальную специфику: «Интегральный образ реальности в обыденном сознании прежде всего включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной. Каждый тип культуры, славянский в том числе, вырабатывает свой символический язык и свой “образ мира”, в котором получают значение элементы этого языка» [Маслова 2001, с. 70]. «Картина мира» (далее – КМ) является одним из базовых терминов в различных научных дисциплинах гуманитарного цикла, включая философию, психологию, социологию, культурологию и лингвистику. Под КМ как «одном из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие» [Там же, с. 47] понимается система образов-представлений, в которых воплощаются знания человека, общества о себе самом и мире вокруг него. Понятие «картина мира» отражает стереоскопичность и континуальность пространства культуры: «Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров» [Маслова 2001, с. 64]. Разные ее аспекты представлены в терминах *мифологическая, религиозная,*

наивная, философская, художественная, физическая, языковая, национально-культурная и т.п. картины мира.

В современной когнитивной лингвистике, как и в лингвокультурологии, различают языковую КМ (далее – ЯКМ) и концептуальную картину мира (далее – ККМ). В соответствии с определением Ю.Н. Караулова, ЯКМ есть «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов 2009, с. 161]. Концептуальная же КМ, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, есть система индивидуальных образов-понятий, складывающихся в сознании человека в общую картину мира. Это одновременно более широкое и более узкое понятие, чем ЯКМ, поскольку сознание человека может вмещать как больше, чем выражает и транслирует язык, так и меньше (например, при небогатом опыте и неосознаваемой его концептуализации). Представляется, что известное рассуждение Кубряковой о ККМ человека («Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова 1988, с. 142]) не учитывает всего спектра взаимоотношений языка и человека, в том числе тех случаев, когда язык оказывается «больше» человека, а ЯКМ – больше ККМ.

Сущность ККМ, как и соотношение ККМ и ЯКМ, в концепции В.А. Масловой трактуются принципиально иначе. «Концептуальные картины мира у разных людей одинаковы, ибо человеческое мышление едино», – рассуждает авторитетный специалист в области лингвокультурологии и далее утверждает: ЯКМ по отношению к ККМ «вторична», поскольку она касается не фундаментальных категорий, представлений, образов, но некоторых их особенностей, обусловленных чертами национальной культуры [Маслова 2008, с. 51]. Для настоящего исследования несущественны расхождения в трактовке разными учеными сущности понятия ККМ. Базовым же для него является представление о том, что ЯКМ имеет национальную специфику, как бы плотно «сшивающую» национальный язык с культурой народа. Значимо и другое научно

подтвержденное утверждение: ККМ (уточним: ККМ в двух версиях ее понимания, добавим: не только ККМ, но и ЯКМ) не являются неизменными. В их структурах происходят более резкие и заметные или более плавные категориальные (и концептуальные) сдвиги [Лапшина 1996, с. 3–7]. Л.А. Лисиченко выделила два их направления: расширение в процессе освоения нового и уплотнение, возникающее в процессе углубления знаний об уже освоенном языке концептуальном пространстве [Лисиченко 2009, с. 4–5].

Ставшее аксиоматичным гумбольдтовское суждение о том, что язык есть воплощение «духа народа», в отношении ЯКМ разворачивается в возможность ее поименования национальной языковой картиной мира (далее – НЯКМ), поскольку язык народа, т.е. этноса, имеющего в своей истории опыт государственно-национального (суверенного) бытия, в способах концептуализации мира, заложенных в его лексико-семантических, грамматических и дискурсивных особенностях, отражает специфику национальной культуры. В этой связи трактовка О.А. Корниловым термина «национальная языковая картина мира» как «запечатленного в лексике соответствующего языка национально-специфического видения всего сущего» [Корнилов 2000] представляется неполным, поскольку язык не есть только его лексика, и специфика национальной концептуализации мира отражается не только в ней.

В отличие от ККМ, для ЯКМ характерно дискурсивное членение средств выражения, временная и пространственная динамика. Системный и деятельностный аспекты языка сопряжены в ЯКМ, поскольку она «связывает язык с речью, с окружающим миром, с культурно-этническими реалиями и содержанием самых сложных абстрактных понятий и категорий, которые функционируют в языке» [Губарева 2002, с. 186].

ККМ и ЯКМ – основные объекты изучения двух актуальных направлений современной лингвистики: лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Основное различие между этими направлениями составляет предмет исследования: в триаде «язык – культура – человек» лингвокультурология движется от языка к культуре и человеку, тогда как когнитивная лингвистика – от

человека (ментальности) к языку и культуре [Приходько 2008, с. 98]. В отношении основного предмета лингвокультурологии точными и емкими представляются формулировки отечественных ученых, специалистов в области лингвокультурологии В.И. Карасика и Н.Ф. Алефиренко. Первый из них указывает, что внимание этой науки нацелено на «поиск закономерностей языкового преобразования действительности» [Карасик 2013, с. 4]; второй уточняет, что «современная лингвокультурология» изучает «способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, с. 21]. Схожим образом в формулировке В.В. Красных лингвокультурология – это «дисциплина, которая изучает проявление, отображение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [Красных 2002, с. 12].

В фокусе лингвокультурологических исследований находится язык в аспекте культурно значимой информации, те элементы семантики его единиц, которые отмечены ценностным, эмоциональным, образным параметрами его собственного или же ассоциированного с ним содержания. С точки зрения лингвокультурологии «культурная информация» вкраплена как в структурно-типологическое, так и процессуально-индивидуальное бытие языковых единиц [Маслова 2001, с. 10–11]. Взаимная встроенность языка в культуру и культуры в язык отражается в ключевых понятиях лингвокультурологии: *пространство культуры, текст культуры, тезаурус культуры, код культуры, симболарий культуры* [Телия 1999], *культурно значимый концепт* [Левченко 2005, с. 6, 58], *культурно маркированная единица, языковой эстетический знак культуры* [Срмоленко 2009].

Как известно, лингвокультурология, оформившись как одно из ведущих направлений отечественной лингвистики в последнее десятилетие XX века (работы В.Н. Телия, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.А. Масловой, А.Д. Шмелева, Н.И. Толстого, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, Ю.Е. Прохорова, В.И. Карасика и др. исследователей),

продолжает активно развиваться в научном, научно-просветительском и учебно-методическом планах. Что касается первого из них, ведущую роль в его развитии играет лингвокультурная (сравнительная) концептология – «научная дисциплина, изучающая культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленная на выявление через это изучение «лингвоспецифических характеристик» национального (этнического) менталитета [Воркачев. *Studia selecta*, 2015, с. 8]. Лингвоконцептология необходимо должна быть сравнительной, поскольку национальная (этническая) специфика концептов со схожим содержанием и функцией в культуре и менталитете не может быть выявлена никаким другим способом, кроме как сопоставительным.

Исходный термин лингвокультурной (сравнительной) концептологии – (лингвокультурный) концепт, сущность которого В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, а вместе с ними отчасти и С.Г. Воркачев, определяют как «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций», которые образуют соответствующую «лексико-семантическую парадигму» [Карасик, Слышкин 2007, с. 12]. В схожей по содержанию формулировке Ю.С. Степанова концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», то, в виде чего «культура входит в человека» и сам человек «входит в культуру» [Степанов 1997, с. 40], а О.А. Дмитриева трактует его как многомерное смысловое образование, включающее ценностный компонент [Дмитриева 1997]. Иными словами, **лингвокультурный концепт – это единица коллективного и вместе с тем индивидуального знания / сознания, имеющая языковое воплощение и иные семиотические формы выражения и отмеченная культурной (национальной) спецификой.** Примем это определение за рабочее и отметим, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, что при языковой объективации концепта его присутствие в языке обозначается словами и фразеологизмами, свободными словосочетаниями, структурными и позиционными схемами предложений (синтаксическими концептами), высказываниями паремиологического характера, текстами [Попова, Стернин, 2001, с. 38].

Поскольку лингвокультурология, несмотря на не менее чем сорокалетний период своего становления и развития, не является полностью устоявшейся и утвердившейся в определенных границах наукой, термин «лингвокультурный концепт» получает в работах разных авторов разные дублетные именованья: в одном с ним синонимическом ряду стоят термины «культурный концепт» (В.А. Маслова), «константа культуры» (Ю.С. Степанов, М.Ф. Алефиренко), «ключевое слово культуры» (А. Вежбицкая). Все они обозначают когнитивно-семиотические образования, которые занимают промежуточное положение между языковыми знаками и объектами, которые познаются (С.Г. Воркачев) и которые, кодируя и транслируя этнокультурное видение мира [Алефиренко 2006, с. 151], являются экзистенциально значимыми как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом [Маслова 2001, с. 51].

Вместе с тем необходимым для настоящего исследования представляется **разграничение понятий «лингвокультурный концепт» (далее – ЛК) и «константа»** и определение последней как определенного вида ЛК – вида, для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в культуре и который маркирован «основополагающей» (в формулировке Ю.С. Степанова) значимостью для национального мира в плане его духовно-исторического бытования. Теоретическая гипотеза настоящего исследования тесно связана с этим положением, поскольку она исходит из того, что *масштабность существования констант в культуре, а также их сущностное отличие от остальных видов ЛК определяется наличием в них мифопоэтической составляющей*. Саму же гипотезу можно представить следующим образом: в константах как видах ЛК мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития; при этом понятие «мифопоэтическая составляющая» подразумевает не только отсылку к мифу во внутренней форме константы, но преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического

потенциала. *В отношении концепта-константы Родство эта гипотеза имеет более конкретизированное наполнение: константа Родство преимущественно развивается в фольклорном и художественном освоении образно-смыслового потенциала мифа о Роде, ассоциированного с рядом мифологических представлений и формирующего внутреннюю форму константы.*

В осмыслении взаимоотношений между словом, мифом и когнитивными процессами эта гипотеза углубляет и «продолжает» тезисы, озвученные такими крупными учеными-лингвистами прошлого, как В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня. Последний, в частности, указывал на то, что номинативные единицы, вербализирующие мифы, являются знаками-«генераторами» («энергейями», по В. фон. Гумбольдту [Гумбольдт 1985, с. 169], носителями «ближайшего этимологического значения слова» и основой формирования поэтического образа [Потебня 1976, с. 37]). Этот тезис получил уточнение в наблюдениях современных отечественных лингвистов: в частности, над тем, что кроме функций (номинативно-репрезентативной, сигнификативной, коммуникативной и прагматической, идентифицирующей [Уфимцева 1977]), такие знаки задают общее направление информационных (кодовых) взаимодействий в моделируемой реальности, влияют на ход типизированных сценариев, поведение их участников; а также над тем, что когнитивные структуры и языковые элементы, связанные с мифом, в исторической перспективе способны к развитию. В содержании когнитивных структур развиваются понятийный и ценностный компоненты, расширяются концептуальные модели, мотивирующие создание и функционирование номинативных единиц [Колесник 2011, с. 63].

Прежде чем двигаться к детальному описанию структуры концепта и концепта-константы, необходимо прояснить вопрос о том, что подразумевается под **«мифопоэтической составляющей» константы**. «Мифопоэтическая составляющая» – термин-неологизм, восходящий к устоявшимся в литературоведении терминам «мифопоэзия» и «мифопоэтическое», введенным англо-американскими учеными мифологической школы (Н. Фрай, Э.М. Бодкин, Г. Слокхвер) [Токарева 2004; Мелетенский 1976] для обозначения «всех жанров

художественного творчества, тематически или структурно связанных с тем или другим древним мифом» [Slochower 1970, p. 76]. При этом миф следует понимать как когнитивную структуру, которой присуща инвариантность, изоморфность, взаимоподобие и ассоциативно-образная логика, ориентированная на целостное, синкретическое понимание мира [Белехова 1998, с. 85]. В формулировке Э. Кассирера, в мифе «образ не изображает вещь, он и есть вещь» [Cassirer 1955, с. 51; 1957, с. 66].

«Мифопоэтическое», однако, нужно понимать шире, чем спектр проявлений древнего мифа в художественной литературе, если подразумевать, в целом, «просвечивание» древних мифологических представлений в человеческой (включая национальные) культуре на любом этапе ее исторического становления. Такое «просвечивание» подразумевают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, когда говорят о «мифологизме» литературы и культуры в целом как об устойчивом и распространенном явлении, уточняя при этом что «соответствующие формы могут представлять собой реликтовое явление или результат регенерации; они могут быть бессознательными или осознанными» [Лотман, Успенский 2000, с. 536–537]. Органичность присутствия мифа в человеческой культуре, искусстве, литературе утверждает и С.С. Аверинцев, соотнося «символ» как «универсальную категорию эстетики» с мифом и определяя эту соотношенность в отношениях неполного тождества: «<...> символ и есть миф, “снятый” (в гегелевском значении) культурным развитием, выведенный из тождественности самому себе и осознанный в своем несовпадении с собственным значением» [Аверинцев 2001, с. 156].

Отметим, что наиболее обобщенно под символом понимают «знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания» [Маслова 2001, с. 95]. Символ – продукт развития культуры и ее признак, поэтому его считают важной составляющей «нашего ментального устройства», его жизненной силой «в построении человеческого образа», его «психической энергией». Поэтому культурные символы «не могут быть

устранены без значительных потерь», как отметила В.А. Маслова [Маслова 2001, с. 55].

В работе придерживаемся убеждения о наличии у символа ряда признаков: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений, архетипичность, универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип [Маслова 2001, с. 98].

В приведенном выше утверждении С.С. Авернцева тонко отмечена как связь литературы, искусства с мифом, так и факт преобразования мифа в эстетическую категорию (символ) в художественных произведениях. Вводимый в представленной работе термин *мифопоэтическая составляющая концепта-константы* призван выделить связь слова-символа с другими элементами, входящими в художественное произведение, активно формирующими его смысловую структуру и вместе с тем связанными с древним мифом, равно как и смысловое расстояние между ними, обусловленное преобразованием мифа в ряд категорий когнитивно-языкового (метафора, образ) и эстетического (символ, художественный образ) планов.

Длящееся значение мифа в истории человеческой культуры вне его воплощений в искусстве и художественной литературе отмечает А.Ф. Лосев в авторитетном труде «Диалектика мифа». В нем миф в целом предстает не «выдумкой, или фикцией», не «фантастическим вымыслом», но подлинной реальностью человеческого сознания – символом, в котором осуществляется чудесная личностная история, диалектический синтез личности и ее выраженности [Лосев 1990, с. 363–600, 567–579]. Примечательно, что в определении французского философа Р. Барта миф есть тоже реальность, но не подлинная, а псевдо-, заведомо ложная: это «коммуникативная система» – «некоторое сообщение», которое «деформирует» «буквальный смысл» и тем самым «превращает историю в природу» [Барт 2000, с. 233, 249, 255].

Представления о мифе в трудах Лосева и Барта объединены утверждением истинной или мнимой *реальности* мифа и в целом соотносятся с концепциями, изложенными в трудах отечественных ученых: А.А. Потебни, Я.Э. Голосовкера, В.Н. Топорова. Для А.А. Потебни миф – совокупность образа, представления и значения, целостное ментальное образование, связанное со словом [Потебня 1989, с. 237–284, 260]. В.Н. Топоров так же, как А.А. Потебня, связывает слово «миф» с понятием «образ», трактуя первый как «наиболее семантически богатый, энергетичный и имеющий силу примера образ действительности» [Топоров 1996, с. 5]. Утверждение о «многосмысленности» мифа, о своеобразном «двусмысленном», диалектичном познании мира в образах мифа – одно из центральных в книге Я.Э. Голосовкера «Логика античного мифа» [Голосовкер 2010, с. 100, 106]. Тезис о реальности мифа для коллективного сознания (народа) в целом стал одним из важнейших результатов многочисленных исследований «мифологического» в XX веке: представилось очевидным, что «некоторые аспекты и функции мифологического мышления образуют важную составляющую часть самого человеческого существа» [Элиаде 1995, с. 181].

Вместе с тем для осмысления специфики мифа как явления необходимо учитывать этимологические значения греческого слова *μῦθος* – «мифос»: оно обозначает собственно *слово, сказание, речь, предание*. Иными словами, «мифос» – не простое слово, но такое, которое подразумевает потенциальное развитие имени в рассказ, в событийный ряд, в сюжет. Более того, в речи рассказчика миф звучит не как индивидуальное слово, но как слово-предание, т.е. рассказ, освященный традицией воспроизведения мифа и его понимания. В отличие от слова-логоса, *миф как явление человеческой культуры есть такое слово о мире (мироздании), которое в именах и событиях улавливает и воплощает его смыслы*. В определении русского и советского философа Я.Э. Голосовкера, «миф <...> есть запечатленное в образах познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн» [Голосовкер 2010, с. 106].

Таким образом, говоря о мифопоэтической составляющей концепта-константы, мы подразумеваем связанный с древними мифологическими

представлениями образ, находящийся в основе и центре (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) концепта, определяющий его ценностное содержание и задающий основные векторы его развития (развития его структуры), содержащий в свернутом виде определенный сюжет или набор сюжетов, которые впоследствии разворачиваются в разных (в первую очередь фольклорных и литературных) текстах культуры, и реализующийся во внутренней форме доминантного и других слов, вербализующих концепт, а также в соответствующей метафорике, символике, фразеологии, паремиологии и т.д.

Прояснение вопроса о взаимоотношении понятий «миф» и «метафора», равно как и понятий «миф» и «концепт», лежит в поле когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика, объектом которой, как известно, является «язык как экспонент когнитивных структур и процессов сознания, а предметом – соотношение когнитивных механизмов сознания с естественным языком и его речевой реализацией» [Селіванова 2010, с. 365], дает объяснение языковым, речевым, дискурсивным явлениям, опираясь на исследование концептуальных структур мышления и когнитивных операций [Жаботинская 2004, с. 55]. Более того, когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство отображения мыслительных процессов, ее и интересует не собственно язык, а ментальные процессы, доступ к которым лежит в сферах языковой, речевой и дискурсивной деятельности. Являясь частью когнитологии (когнитивистики) – науки «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметнопознавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и систематизированных данных, которые в определенной степени репрезентованы в нашем сознании и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [Кубрякова 1994, с. 34], когнитивная лингвистика трактует концепт как «оперативную, содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», как «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой

деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [Кубрякова и др. 1996, с. 90].

В связи с идентификацией концепта как единицы «культурного смысла» или же «ментального лексикона» в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, соответственно, определяется и разница в установлении этими науками соответствий между словом и концептом: в когнитивистике одному концепту соответствует одна языковая единица (слово), в лингвокультурологии же концепт реализуется в целом ряде единиц языка и речи, а также в других знаках и знаковых системах [Слышкин 2004].

В то же время, поскольку в рамках когнитивной лингвистики было доказано, что фундаментом любой концептуализации мира в человеческом мышлении выступает языковая концептуализация, представляющая собой организованный определенным образом и закрепленный в структурах языка опыт контактирования с внешним миром [Радбиль 2010, с. 164–166], интересы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики сходятся в изучении языковой картины мира как феномена, приоткрывающего завесу над тайной национального менталитета и ментальности человека. В точном обобщении Н.Н. Болдырева, процессы концептуализации и категоризации как фундаментальные когнитивные процессы, результатом которых являются усвоенные человеком знания, хранящиеся в памяти в «квантах»-концептах и систематизируемые по разным принципам в категории, «могут осуществляться только в рамках и с позиций определенной культуры» [Болдырев 2018, с. 58].

С точки зрения когнитивной лингвистики метафора есть не только способ языкового оформления новых знаний, но и когнитивный механизм, особенная форма осмысления явлений, связанная с объединением разных когнитивных единиц. В формулировке А.А. Потебни, во многом предвосхитившего открытия когнитивной лингвистики в XX веке, «метафоричность – постоянное качество языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору» [Потебня 1976, с. 434]. Метафора – двигатель и результат мысли: «большая часть нашей обычной концептуальной системы по своей природе метафорична» [Лакофф 2004, с. 25].

Согласно концепции М. Блэка [Блэк 1990, с. 153–170], метафорические структуры образуются в результате взаимодействия двух концептуальных систем: к главному объекту присоединяется система «ассоциированных импликаций», связанных с дополнительным объектом, вследствие чего образуется новое, отличное от суммы компонентов метафоры значение, в пределах которого также изменяются значения предыдущих двух задействованных в метафоризации объектов. Более того, метафора – один из основных способов формирования познавательной системы человека: сама эволюция человеческого сознания связана со способностью к метафоризации [Janes]. Метафоры языковые есть в то же время метафоры когнитивные; поэтому те из них, которые укоренены в народной культуре, которые корнями уходят вглубь национальной истории (мать → земля, океан → небо, вода → время [Потебня 1989, с. 274]), как правило, фиксируют древние мифологические представления и, в то же время «схватывая» миф в метафорическом переносе, запускают процесс его осмысления через сопоставление (а не изоморфизм и тождество, как в мифе) и (косвенно) осмысление оснований для сопоставления. Таким образом, языковая метафора, укорененная в народной культуре, представляет собой результат когнитивного (рационального и чувственно-перцептивного одновременно) и языкового освоения мифа.

В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии была разработана теория лингвокультурного концепта в параметрах признаков, структуры и типологии концептов, а также в параметрах системности и фрактальности концептосферы – совокупности концептов, соответствующих концептуальной картине мира¹; причем теоретические выкладки лингвокультурологов во многом опираются на достижения когнитивистов. В

¹ Концептосфера языка, следуя логике Д.С. Лихачева и С.А. Аскольдова, соотносится с концептосферой национальной культуры и представляет собой способ целостного выражения национальной картины мира. Концептосфера национальной культуры как система ментальных концептов не только отделена от концептосферы другой культуры (культуроспецифична), но и соединена с ней единым полем человеческой культуры. Национальная концептосфера есть «инвариант, существующий во множестве» фрактальных миров, в том числе в варианте авторской концептосферы, концептосферы произведения или нескольких произведений,

целом вслед за Е.И. Зиновьевой можно утверждать, что «теоретической базой лингвокультурологии, которая описывает концепт как элемент национальной концептосферы, является когнитивная лингвистика» [Зиновьева 2009, С. 82]. Более того, сравнительная лингвоконцептология – ведущее в современных исследованиях направление лингвокультурологии – необходимо сочетает в себе методы и принципы «структурной и функциональной семантики» [Карасик 2013, с. 93], лингвокультурологии как ее современного продолжения, «когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин» [Воркачев 2014, с. 12]. Иными словами, теоретический аппарат и методология концептуального анализа на современном этапе развития лингвистики гипотетически и практически совмещает лингвокультурологический подход с лингвокогнитивным (см., в частности, работы С.Г. Воркачева, Н.А. Сергиенко, И.А. Стернина); варьируются лишь способы и границы этого совмещения.

Опираясь на уже устоявшуюся практику использования достижений лингвокогнитивистики при анализе лингвокультурного концепта, предложим свое понимание структуры концепта-константы, определим его место в типологии концептов и разработаем новую методику концептуального анализа. При этом будем исходить из того, что само наличие мифопоэтического компонента в структуре концепта-константы, значимость его (стержневого, центрального) места в этой структуре, а также роли реализующих его фольклорных и литературных текстов в формировании и развитии концепта-константы требуют особого подхода к анализу этой лингвокультурной единицы. В основу такого подхода может быть положено сочетание элементов собственно концептуального

сближающихся между собой разными аспектами. Авторские концепты в искусстве и литературе всегда индивидуальны и ассоциативно «запредельны», так же как и авторские концептосферы. В то же время они являются вариантом национальной концептосферы, связанной с ней в том числе «первичными» значениями слов, системой языка, культурной традицией. См.: Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / ред. В.П. Нерознак. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287; Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; под общ. ред. В.П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279.

анализа с элементами лингвокультурной поэтики и литературоведческой мифопоэтики.

1.2. Признаки и структура концепта-константы.

Лингвомифопоэтический подход к анализу концепта-константы

Ученые выделяют разные признаки лингвокультурных концептов и определяют разное количество их базовых признаков. Так, в работах С.Г. Воркачева основными признаками концепта названы: 1) «переживаемость» (концепты не только мыслятся, но и переживаются, поскольку совмещают значение с оценочностью и образностью); 2) семиотическая плотность – представленность целым рядом языковых синонимов, пословиц и поговорок, фольклорных и литературных сюжетов, «синонимизированных символов» – ритуалов, поведенческих стереотипов, произведений искусства и пр.; 3) ориентированность на план выражения – включенность имени концепта в парадигматические и синтагматические связи в языке; 4) многомерность – выделяемость в содержании концепта нескольких качественно отличных друг от друга компонентов (например, компоненты понятийный, эмоциогенный, аксиологический, ассоциативный, этимологический (в работах Ю.С. Степанова); ценностная, образная и понятийная составляющие (в работах В.И. Карасика); понятийный, образный и значимостный (в соответствии со значимостью имени концепта в языковой системе) компоненты (у С.Г. Воркачева)) [Воркачев 2015, с. 11–12].

Г.В. Токарев среди основных признаков лингвокультурного концепта также перечисляет 1) многомерность и 2) значимость для культуры (ср.: у Воркачева: семиотическая плотность), при этом формулирует и другие: 3) объективность и 4) сторичность (историческую детерминированность), а также добавляет к ним 5) возможность превращения концепта в константу культуры при условии длительного в ней существования [Токарев 2003, с. 11].

Обобщая положения, изложенные в работах А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева и некоторых других авторов, О.А. Ипанова выделяет одиннадцать признаков лингвокультурного концепта, оговаривая при этом, что не все из них являются обязательными: 1) высокая частотность использования имени концепта в речи, 2) активная производящая основа у имени концепта, 3) активность слов-репрезентантов концепта при формировании состава идиоматических выражений, 4) «переживаемость» концептов, 5) «номинативная плотность», 6) «непредельность», 7) «мировоззренческая ориентированность», 8) «лингвокультурная отмеченность», 9) коммуникативная релевантность, 10) «языковая абстрактность» – способность обобщать значения своих лексических реализаций, 11) наличие «этимологической памяти» [Ипанова 2005]. Представляется, что отдельные из перечисленных Ипановой признаков являются если не дублетными, то взаимопересекающимися (например, мировоззренческая ориентированность, коммуникативная релевантность и даже лингвокультурная отмеченность); такие же признаки, как частотность использования имени концепта в речи и активность производящей основы не только относительны, но и второстепенны, то есть носят дополнительный характер.

Не оспаривая систему признаков лингвокультурологического концепта, изложенную в указанных выше работах, обратим внимание на следующее: особым признаком концепта-константы является интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, а также в других художественных текстах национальной культуры; причем следствием и необходимым сопровождающим эффектом этой реализации является художественное осмысление и переосмысление исходного мифологического образа, а также существенное приращение смысловой структуры константы при неизменности ценностной ее составляющей.

Выделение признаков лингвокультурного концепта необходимо не только для того, чтобы идентифицировать то или иное лингвоментальное явление (в качестве концепта), но и для того, чтобы описать его общую структуру, дать

типологию концептов и, соответственно, на этом основании и на фундаменте существующих методик концептуального анализа предложить ту, которая может быть наиболее эффективна при анализе концепта с мифопоэтической составляющей его содержания.

К наиболее разработанным теоретически и апробированным практически моделям структуры концепта относятся модели Ю.С. Степанова, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, Г.Г. Слышкина, В.И. Карасика и С.Г. Воркачева. В модели Ю.С. Степанова концепт имеет многослойную сферическую структуру, в которой выделяются в соответствии с диахроническим фактором его формирования и синхроническим фактором его существования на определенном историческом «срезе» культуры следующие компоненты: 1) внутренняя форма, «обычно вовсе не осознаваемая», «запечатленная во внешней, словесной форме» и связанная с этимологическим значением и морфемным составом слова-доминанты концепта (слова-концепта); 2) «основной, актуальный признак» – содержание, актуальное для всех пользующихся данным языком в определенную эпоху, период, в том числе на современном этапе развития культуры; 3) дополнительный или несколько дополнительных, «исторических» признаков – содержание, являющееся неактуальным в настоящее время, но имеющее для определенного периода бытования национальной культуры несомненное значение [Степанов 1997, с. 41].

И.А. Стернин и З.Д. Попова также предлагают сферически-«слоистую» модель структуры концепта, опираясь при этом не на факторы исторические, но на модель полевой организации значения слова. Анализ языковых средств репрезентации концепта приводит к определению его «ядра» (чувственно-образного базового слоя) и периферии (интерпретационного слоя): «Базовый слой концепта может исчерпывать содержание концепта, если он отражает конкретные чувственные ощущения и представления <...>. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки (концептуальные слои) наслаиваются на базовый образ <...>. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться

<...> от более конкретного слоя к более абстрактному» [Попова, Стернин 2001, с. 61]. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и содержит «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова, Стернин 2001, с. 97]. Значимо уточнение: «многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления <...>, не может функционировать как мыслительная единица» [Попова, Стернин 2001, с. 34]. Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, воплощающих концептуальные признаки в формах утверждений, установок сознания. С этой моделью схожа модель Н.Н. Болдырева: в ней также выделяется ядро концепта, с конкретно-образным содержанием (как результатом чувственного восприятия мира), а также «производные» признаки – те абстрактные знания об объекте, которые фиксируются в результате комплексного (в том числе научного) постижения мира [Болдырев, 2018, с. 29–38].

Полевая модель структуры концепта на иной основе – основе теории ассоциативного поля и методики ассоциативного эксперимента – была предложена Г.Г. Слышкиным [Слышкин, 2004, с. 51–67]. Ученый исходит из предположения, что концепты существуют в культуре в непрерывном процессе номинации и реноминации объектов; соответственно, бытование концепта сопровождается процессами появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами. «Номинативная плотность» в модели Г.Г. Слышкина является основной характеристикой «интразоны» концепта – совокупности входящих в концепт ассоциаций, а «метафорическая диффузность» – характеристикой его экстразоны, то есть совокупности исходящих ассоциаций [Слышкин, 2004, с. 60].

В модели В.В. Колесова концепт имеет трехчастную структуру, состоящую из образа, понятия и символа [Колесов, 2002, с. 107]. «Образ» в этой модели – психологическая основа знака, «понятие» – результат «перевода» образа на язык

логики, «символ» же – общекультурный компонент словесного знака, то есть общекультурное его содержание [Колесов, 2002, с. 42]. Символическую составляющую в структуре концепта выделяет и Н.Ф. Алефиренко. Он, в частности, указывает, что «формируя экстенционал и интенционал лексического значения, концепт развивается сам, преобразуя тем самым свои смысловые ингредиенты (предметно-изобразительный код, или универсальный предметный код) в такие смыслогенерирующие феномены словопорождения, как предметный осто́в, внутренняя форма слова и соответственно компоненты лексического значения (семемы) – интегрирующие и дифференцирующие семы». И уточняет: концепт включает в свою структуру образную, понятийную, символическую и дискурсивную составляющие [Алефиренко 2003, с. 10–12].

В.И. Карасик предлагает схожую модель структуры концептов, определяя в ней в качестве основных элементов «образный», «понятийный» и «ценностный» компоненты содержания [Карасик, 2004, с. 105–107]. Образный компонент при этом автор трактует как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами»; понятийный – как «совокупность существенных признаков объекта или ситуации»; ценностный (в котором ученый видит основное проявление культурной маркированности концепта) же связывает с наиболее актуальными для носителей языка ассоциациями, составляющими «ядро» (на периферии находятся менее значимые ассоциации).

Соглашаясь в целом с моделью структуры концепта, предложенной В.И. Карасиком, С.Г. Воркачев выделяет в ней четыре составляющие: образную, ценностную, понятийную и значимостную, – и указывает, что последняя определяется «местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [Воркачев, 2015 (Родной народ), с. 28–33]. Это место, в свою очередь, зависит от этимологического фактора, употребительности слова-концепта, богатства его собственно языковых (в первую очередь синонимических) и ассоциативных связей, его словообразовательной продуктивности. Что касается понятийного компонента, то его содержание в целом соответствует содержанию понятия

(построенному на комбинации родовых смысловых элементов) и в то же время может определяться на основе доминантных ассоциаций.

Объединение изложенных моделей происходит в работе И.В. Кононовой «Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации» [Кононова 2012]. В работе предложена модель, в состав которой включены образная, ассоциативная, понятийная, ценностная, этимологическая и историческая составляющие. Указывая, что «ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом», ученый поясняет, что «понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки» (с. 56). И далее уточняет представление об образном компоненте содержания концепта: оно, по мнению И.В. Кононовой, «может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке» (там же). Ученый обращает внимание и на то, что исторический компонент лингвокультурного концепта состоит из таких значимых признаков ассоциативного компонента, которые входят в его структуру не на актуальном, но на более ранних этапах его существования: «По мере обогащения ассоциативной составляющей концепта новыми ценностно акцентуированными признаками, ряд старых, теряющих актуальность и интенсивность оценочности, переходит в историческую составляющую. <...> Оставаясь в «пассивном» (историческом) слое, они способны актуализироваться в особых условиях дискурса» (с. 57–58).

Представленные модели структуры концептов вполне могут быть использованы для описания структуры концепта с мифопоэтической составляющей – то есть концепта-константы. Рабочими в этом смысле представляются модели Ю.С. Степанова, И.А. Стернина и З.Д. Поповой,

В.И. Карасика, С.Г. Воркачева. Однако важно прояснить содержание компонентов и отношения между ними с опорой на выдвигаемую гипотезу: о том, что в константах как видах ЛК мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития. Представляется необходимым в связи с этим ввести в сферу научных представлений о структуре констант как вида лингвокультурных концептов следующие тезисы:

1) концепт-константа в качестве образно-смыслового (содержательного, ценностно-образного) ядра и центрального элемента структуры имеет не «чувственно-образное» ядро, но имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также (в качестве потенциальной или же реализованной возможности) ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжета, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом;

2) периферийное поле константы можно представить, объединяя модели Ю.С. Степанова и В.И. Карасика, в целостности диахронически-синхронического существования как структуру, состоящую из актуальных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху;

3) предположительно, периферийная зона концепта-константы развивается, как и вся человеческая культура, в направлениях от мифа к логосу и обратно, проходя на этом пути такие стадии (процессы) осмысления мифопоэтических структур, как метафоризация (осмысление в метафорических уподоблениях), символизация (осмысление в знаках-символах), рационализация (осмысление в понятийно-логических структурах), «новая» метафоризация и символизация и, возможно, ремифологизация;

4) ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и литературные тексты, поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Особое место в этом развитии принадлежит тем текстам художественной литературы, которые получают статус «классических», «национальных», лежат в основании национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт).

Что касается возможности соотнесения константы как вида ЛК с одним или несколькими типами концептов (имеются в виду типологии, представленные в работах таких ученых, как Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.И. Карасик, М.В. Пименова), отметим, что константы могут относиться как к автохтонным, так и к универсальным (с национальным компонентом значения) типам концептов, но при этом всегда представляют собой вербализованные, устойчивые «ядерные единицы картины мира» (В.А. Маслова), «культурные доминанты» (В.И. Карасик) и «макроконцепты» – «сложные ментальные образования, связанные с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [Пименова 2004, с. 17].

Исходя из выделенных особенностей в отношении признаков и структуры концептов-констант (интенсивность их реализации в фольклорных и литературных текстах, роль художественного осмысления имени-мифа, лежащего в их основе; стержневая роль имени-мифа в их структуре и др.), а также места их в общей типологии концептов (это вербализованные «макроконцепты» и «культурные доминанты»), считаем необходимым предложить особый подход к анализу таких концептов. Основное требование к такому подходу – быть адекватным сущности и структурным особенностям концепта-константы. Этому требованию могло бы ответить предлагаемое совмещение методологии и теоретических положений (сравнительной) лингвоконцептологии с теоретическими и методологическими основаниями лингвокультурологической

поэтики и литературоведческой (культурологической) мифопоэтики. Подход, учитывающий сочетание этих трех направлений научных исследований, можно назвать «лингвокультурной мифопоэтикой». Поясним, что именно подразумевается под совмещением этих методов исследования в лингвокультурной мифопоэтике как подходе, адекватном природе и структуре концептов-констант.

1. Сравнительная лингвоконцептология как ведущее направление современной лингвокультурологии является, в формулировках В.И. Карасика и С.Г. Воркачева, продолжением и развитием классической, структурной и функциональной семантики [Карасик 2004, с. 93; Воркачев 2014, с. 12], «обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин». В силу этого методология лингвоконцептологии опирается на исследовательские методы и теории семантики: компонентный (семный) анализ и теорию поля, – распространяя их на семантику текстовых и дискурсных образований. Лингвоконцептологические исследования при этом направлены на изучение ЛК, в связи с чем большое место в них уделяется анализу ассоциативных полей и контекстов слов, вербализующих ЛК. Кроме того, лингвоконцептология, предлагая выделить «макроконцепты» как особые варианты (виды) ЛК, учитывает особенности их структуры (то есть полисоставность, возможность выделения в их составе «простых» концептов) в практике концептуального анализа [Димитренко 2005; Кушнир 2012; Пименова 2021]. Та исследовательская методика (и практика), которая сегодня получила общее название «концептуальный анализ», так или иначе реализует методологию лингвоконцептологии применительно к различным сопоставляемым в двух национальных культурах концептам. Все вышеозначенное может и должно быть использовано при выработке методики анализа концептов-констант, при утверждении лингвокультурной мифопоэтики как подхода, адекватного природе и структуре рассматриваемого объекта. При этом следует признать, что вне методологического и идейно-понятийного поля лингвоконцептологии, так же как вне ее исследовательской практики, остается изучение таких специфических

признаков сущности и структуры концептов-констант, как интенсивность их реализации в фольклорных и литературных текстах, роль художественного осмысления имени-мифа, лежащего в их основе; стержневая роль имени-мифа в их структуре.

2. Отчасти эту исследовательски-методологическую лакуну восполняет лингвокультурологическая поэтика – научная дисциплина, объект и предмет которой были сформулированы В.А. Масловой в монографии 2014 г. [Маслова 2014], а несколько позже уточнены (вместе с формулировкой цели и методологии) О.В. Данич и Н.В. Крицкой в статье 2018 г. [Данич, Крицкая 2018]. Лингвокультурологическая поэтика, как и традиционная литературоведческая, и более современная лингвопоэтика, занимается изучением художественного текста. Художественный текст является объектом ее исследования; при этом ее предметом, по мысли В.А. Масловой, следует считать «способы формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект», «репрезентацию культурных знаний в поэтическом тексте» (с. 59–60). В свою очередь, О.В. Данич и Н.В. Крицкая задачей лингвокультурологической поэтики как варианта лингвопоэтики считают изучение «совокупности языковых и стилистических особенностей» в речи поэта «в их тесной связи с культурой народа» (с. 62), а основной целью – интерпретировать художественный текст с учетом (в контексте) «системы ценностно-культурных ориентиров нации» (там же). В основу методологии лингвокультурологической поэтики была положена методология лингвопоэтики (труды А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура), с ее вниманием к значению и смыслу художественного слова, в сочетании с идеями и положениями лингвокультурологии. Лингвокультурологическая поэтика, таким образом, восполняет недостаток внимания к особенностям художественного слова при изучении литературных текстов, который в целом характеризует лингвокультурологию и лингвокультурологические исследования художественных текстов. Как бы перекидывая мосты между лингвокультурологией и лингвопоэтикой, она стремится через изучение функционирования культуры в художественном тексте

изучить одновременно особенности самого этого текста – в его реализации культурных смыслов, а также культурные смыслы в их функционировании в художественном тексте. В аспекте изучения взаимоотношения художественного текста и национальной культуры лингвокультурологическая поэтика может служить опорой для методологии лингвокультурной мифопоэтики.

3. При этом остается еще одна «теневая» область в изучении концепта-константы: имя-миф и, соответственно, взаимодействие и взаимосотнесенность имени-мифа как стержневого компонента константы с ее периферийными зонами, включая ее мифопоэтическое освоение в фольклорных и художественных текстах. В изучении имени-мифа методологию и теоретические положения лингвоконцептологии и лингвокультурологической поэтики вполне логично дополнить литературоведческой (культурологической) мифопоэтикой. Как было продемонстрировано выше, в исследованиях мифа, мифопоэтики и мифологического сознания собственно литературоведческие идеи и методы работы с художественным текстом тесно переплетены с идеями философского, психологического, культурологического и лингвистического планов. Мифопоэтика, изучающая способы воплощения древнего мифа в образах, сюжетах, мотивах, аллюзиях и пр. в художественных произведениях, принимает во внимание как когнитивно-психологическое своеобразие мифологического мышления, так и своеобразие мифологической образности и сюжетики, а также полифункциональность отношений фольклора и литературы с мифом. В связи с этим в рамках лингвокультурологической мифопоэтики, то есть при изучении концепта, в структуре которого мифопоэтический компонент является стержневым элементом и в развитии которого ведущую роль играет реализация образно-смыслового потенциала мифа-имени в фольклорных и художественных текстах, мифопоэтика как область и направление научных исследований может дать методологические основания для анализа мифопоэтического аспекта при изучении концепта-константы.

Таким образом, предлагаем считать лингвокультурную мифопоэтику особым подходом к изучению концепта-константы, адекватным особенностям его

природы (сущности) и содержания. Лингвокультурная мифопоэтика – подход к изучению концептов-констант, объединяющий методологию сравнительной лингвоконцептологии с теоретическими положениями и исследовательскими методиками лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики. Уточнив конкретные точки совмещения трех научных направлений в рамках лингвокультурной мифопоэтики, необходимо следующим этапом разработать в рамках заявленного подхода методику компаративного исследования концепта-константы.

1.3. Лингвокультурная мифопоэтика в контексте компаративной методики анализа концепта-константы

Под концептуальным анализом в сравнительной лингвоконцептологии, как правило, подразумевается разностороннее исследование концепта ([Зиновьева 2016, с. 88]), сочетающее в себе различные приемы лингвистического анализа, с акцентом на анализе семантическом (семасиологическом). Научное признание получили, в частности, методики **семантико-когнитивного изучения концептов** З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2007, с. 160], **семантико-семиотического описания концептов-констант** Ю.С. Степанова [Степанов 1997, 2007] и **комплексного концептуального анализа** ([Ипанова 2005; Зиновьева 2016]).

Методика семантико-когнитивного описания концептов, связанная, разумеется, с моделью структуры концепта, предлагаемой авторами-разработчиками методики, предлагает следующую очередность исследовательских шагов:

1) построение номинативного поля концепта, то есть определение доминантного слова, а также максимально широкого ряда слов, вербализующих концепт;

2) описание семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта;

3) когнитивная интерпретация результатов этого семантического описания с целью определения когнитивных признаков, формирующих содержание концепта;

4) верификация полученного научного представления о содержании концепта с помощью ассоциативного эксперимента.

Методика семантико-семиотического анализа, предлагаемая Ю.С. Степановым, схематично описывается им в теоретическом плане и подробно реализуется – на основании предлагаемого им описания структуры концепта – при описании концептов-констант русской культуры. Во Введении к своему Словарю ученый поясняет структуру каждой словарной статьи книги в четырехчастной формуле: «1) этимология, 2) ранняя европейская история, 3) русская история (в той или иной степени), 4) сегодняшний день» [Степанов 1997, с. 8], – поясняя, что каждый раз акцент падает на значение слов: материалом являются «этимологии слов; словоупотребления и толкования слов и понятий, запечатленные в различных текстах – писателей, общественных деятелей, в других словарях», а методом работы с этим материалом – авторская интерпретация, толкование, предполагающее обобщение этих данных в свете убежденности в существовании концепта как духовной субстанции. В статье же «Концепт» Ю.С. Степанов формулирует методологию работы с материалом: это культурно-исторический метод работы с коллективным сознанием в его становлении, развитии, изменении от эпохи к эпохе на материале языковых данных (в первую очередь значений слов) и «эволюционных семиотических рядов», включая фольклорные, литературные, религиозные, философские, живописные, архитектурные и пр. тексты. Вниманием к текстам, принадлежащим разным семиотическим рядам и эпохам, с акцентом на динамике содержательного изменения концепта, о котором можно судить при сопоставлении разных текстов и семиотических рядов, выделяется предложенная Ю.С. Степановым методика концептуального анализа.

Методика комплексного концептуального анализа синтезирует различные подходы к описанию концепта, при этом очевидно, что ее базовые шаги

соотносятся с приемами, предлагаемыми в рамках методики Поповой-Стернина и методики Степанова. Комплексный концептуальный анализ регламентирует следующую последовательность в продвижении изучения концепта:

1) исследование этимологии доминантного слова (слова-концепта; в некоторых случаях (описанных, например, Ю.С. Степановым при анализе концепта «Свобода» («Свобода – Воля») – двух доминантных слов) для выявления внутренней его формы и, соответственно, «этимона, зародыша смысла» самого концепта с целью определения образно-смыслового потенциала, раскрывающегося в концепте;

2) анализ лексикографических источников с целью описания содержания понятия на основе словарных дефиниций. Выделяются семы, формирующие ядро концепта, описывается содержание этого ядра.

3) дистрибутивный анализ типичной (актуальной) сочетаемости доминантного слова, результатом которого становится определение его дополнительных семантических признаков;

4) анализ метафорических употреблений (в языковых метафорах) доминантного слова, описание смысловых приращений, ставших результатом метафорических переносов;

5) анализ значения производных доминантного слова, поскольку содержание концепта определяется значениями всей его словообразовательной парадигмы, а также (возможно, в случае значимого присутствия двух доминантных слов в структуре концепта) других словообразовательных парадигм;

6) анализ ассоциированных со словом-доминантой слов по данным ассоциативных словарей и (или) на основании результатов проведенного ассоциативного эксперимента для выявления скрытых (невербализованных, неочевидных, имплицитных) признаков (нередко эмоционально-оценочного характера) в содержании концепта;

7) выявление парадигматических связей концепта в концептосфере языка для описания значимостного компонента содержания концепта.

Предлагаемая лингвокультурная мифопоэтическая методика сравнительного анализа концепта-константы, которая была выработана с учетом мифопоэтической ее составляющей и значимости фольклорных и литературных текстов для ее развития, базируется на семантико-семиотическом подходе к описанию концептов, предложенном Ю.С. Степановым. Это обусловлено как самой постановкой вопроса об изучении концептов-констант, так и вниманием к текстам разных семиотических рядов – вниманием, принципиальным для существующей и для предлагаемой методик. Действительно, мифопоэтический потенциал концепта-константы не только может, но и должен реализоваться как в языке и речи, так и в самых разных семиотических рядах, включая фольклорный, религиозный, философский дискурсы, литературные и кинематографические тексты и пр. Вместе с тем предлагаемая методика вводит в исследование концепта приемы лингвокультурологической поэтики и литературоведческой мифопоэтики, а также использует и элементы семантико-когнитивного и комплексного подходов, поскольку они задают четкую и последовательную схему шагов по продвижению в изучении концепта.

Лингвокультурная мифопоэтическая методика компаративного анализа концепта-константы включает в себя следующие шаги:

1) построение номинативного поля концепта-константы (в компаративном аспекте), описание семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта: семный анализ лексикографических источников, дистрибутивный анализ сочетаемости доминантного слова; анализ значения производных доминантного слова, определение содержания понятийного ядра концепта;

2) исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа (доминантных слов), описание мифопоэтического ядра константы;

3) компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих

ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную для настоящего времени национальную картину мира;

4) компаративное описание особенностей реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и национальной картины мира и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием;

5) обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Проецируя предлагаемую методику на изучение константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках, отметим, что значимыми для анализа их содержания в динамике развития их семантической структуры являются в первую очередь материалы народно-разговорного и народно-песенного дискурсов, а также литературные тексты, активно участвующие в формировании национальной культуры. Это обусловлено следующими факторами:

1) общедоступность: с этими высказываниями и текстами соприкасаются – через употребление в разговорных фразеологизмах, стереотипных ситуациях, через народные песни, а также через литературные тексты классиков национальных литератур – в своей коммуникативной повседневной деятельности практически все говорящие. В отличие от религиозного, философского, медийного, научного дискурсов именно эти три составляющие создают ядро представлений национально-культурного сообщества о явлениях, объединенных семой 'родство';

2) взаимосвязанность: и народно-разговорное, и народно-песенное субпространства представляют собой значимые сегменты формирования языкового сознания. Эти же два субпространства являются источником формирования художественной картины мира в литературных произведениях.

3) емкость (объемность): широкая представленность контекстов функционирования названий родства, их наполнение национально-культурным содержанием именно в этих трех субпространствах наиболее интенсивны.

Поясним содержание каждого шага предлагаемой методики в отношении изучения константы Родство в русском и украинском языках. Первый шаг – построение номинативного поля концепта-константы – предполагает определение доминантного слова, а также ряда слов (вербализаторов), значимых для вербализации константы. В рамках сравнительного описания семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта, – с помощью метода лексикографического моделирования семантической структуры терминов родства, анализа словарных дефиниций устанавливаются логико-семантические связи, определяются ведущие семы и семемы, выявляется семантическое ядро константы.

Второй шаг – компаративное исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа – включает в себя изучение не только этимологического значения доминантного слова, но и ассоциированных с ним мифопоэтических представлений, входящих в круг той или иной мифологии, с целью определения образно-смыслового потенциала мифа, лежащего в основе константы. Поскольку константа Родство / Спорідненість имеет прямое отношение к концептуализации отношений человека и мира, то в этот шаг в нашем случае втягивается частичное замещение архаических мифопоэтических верований мифологией христианства. Очевидно, что этот второй шаг принципиально не имеет компаративной составляющей в отношении украинского и русского этимологического материала; в то же время в общей перспективе на этом шаге намечен вопрос об историческом расхождении векторов развития образно-смыслового потенциала внутренней формы константы в двух лингвокультурах.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также компаративное описание литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, на третьем и четвертом шагах методики предусматривают совмещение приемов концептуального и мифопоэтического анализа – совмещение, направленное на установление ключевых фреймов / сценариев, в которых термины родства работают как

символы повседневно-бытовой и ритуально-обрядовой культуры. Используются на этом шаге и приемы контекстуального анализа с целью изучения сочетаемости вербализаторов концепта-константы: стереотипных оборотов, формул, метафорических, эпитетных стереотипов, составляющих основу ассоциативно-образного поля названий родства, вербализаторов ментально-мифологического, акционального, антропоморфного кодов культуры. Семантический же анализ синтагматических связей названий родства позволяет интерпретировать выделенные ситуации с точки зрения жизненного опыта и мировоззренческих установок, закрепленных в текстах сопоставимых национальных народных культур.

Для моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур константы Родство / Спорідненість предлагается использовать механизм *концептуальных цепочек*, выделяемых из исследуемых текстов с помощью фигурных скобок {}. Внутри функционально-семантических фрагментов высказываний с помощью квадратных скобок ([]) отделяются семантические секторы, пересекающиеся в анализируемом концепте.

Предлагая к использованию в процессе моделирования несколько графических инструментов, ориентируемся на разграничение типов когнитивно-ментальных текстовых структур, формируемых в процессе:

1) семантической корреляции или сопоставления (\leftrightarrow ; \leftarrow ; \rightarrow), сравнения (семантическая форма выражения – метафора, символ, синоним, ассоциативная связь «общее – частное»), ослабления коннотативной семы ‘близкий’ (:) у вербализаторов, например: {[мать \leftrightarrow питательница, кормилица]}; {[дочь] = [род, родиночка : дуб-отец, липа-мать, клен-брат, калина-сестра] = [защита, совет, беседа, разговор]};

2) отождествления семантических компонентов вербализаторов – полного (=) или частичного (\approx), например: {[родители] = [коты \leftrightarrow дети] = [котята]}; {[дети] \rightarrow [ожидание] \approx [мать]};

3) противопоставления семантики компонентов вербализаторов (\neq), например: {[брат] /хата/ \neq /хата/ [брат]};

4) контрарной оппозиции лексико-тематических маркеров (: | :), например, {[мать] : | : [мачуха]}.

Как правило, между компонентами, введенными в концептуальную цепочку (приведены полужирным шрифтом), выделены в предложенных моделях и так называемые операторы отождествления, т.е. те семантические компоненты, которые определяют в данном контексте основу сопоставления или оценки (указаны между наклонными линиями //, например: {[отец / мать] → /честь/ ← [дети]}, ср: *Не по отцу-матери почет, а по уму*. Моделирование когнитивно-ментальных текстовых структур отражает конфигурации способов семантизации указанных единиц, которые, по сути, являются обобщенными сценариями повседневно-бытовой коммуникации².

Такое моделирование содержания константы Родство / Спорідненість в народно-песенном, народно-разговорном и художественном дискурсах может дать представление не только о ее семантическом развитии, о ее синтагматике и парадигматике, но и о лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации, а также о национально-культурных особенностях реализации того или иного ценностно-смыслового содержания.

1.4. История изучения константы Родство / Спорідненість в российской и украинской лингвистике (аналитический обзор)

Феномен родства, вербализация и концептуализация семейно-родственных отношений – один из наиболее изученных вопросов в российской и украинской лингвистике. НР (согласно некоторым источникам, эту группу номинаций

² Такой концептуальный подход нашел свое обоснование в анализе фразеологических единиц (далее – ФЕ). Так, например, известный фразеолог В.Д. Ужченко считает, что «каждый фразеологизм как единство его инварианта и вариантов глубоко вращается в экстралингвальный грунт, принижывая многочисленными корнями-формулами и одновременно реализуя, вербализуя структуры сознания, представляя своеобразную матрицу некоторой стойкой стандартной ситуации» [Ужченко 2008, с. 50]. Важным аргументом для моделирования во фразеологии является и мысль А.Е. Гусевой, которая считает, что определяя фразеологические вербализаторы концепта, во внимание важно брать как семантический характер компонентов ФЕ, так и общий ситуативный смысл всего стойкого словосочетания [Гусева 2008, с. 24-25]. Поскольку ФЕ и поговорки являются предикативными структурами, то учитывается, что характеристика того или иного микроконцепта (названия родства) должна сопровождаться установлением его отношений с другими компонентами ситуации, а шире – со всем текстом. Определяющим является и учет роли предиката как главного носителя пропозиционного знания и приписывание ему роли фактора описания имени концепта [Кононенко 2004, с. 7].

обозначают термином «лексика семейных отношений» [Ахнина, Шаклеин 2014], в которых воплощается «языковая картина типологии родственных отношений» [Гасанова 2012, с. 135]), являются наиболее исследуемым лексическим слоем в русском и украинском языкознании в аспектах этимологии, лексической семантики, структурно-функциональной стилистики, этнолингвистики (Ф.П. Филин, А.А. Бурячок, О.Н. Трубачев, И.С. Козырев, В.М. Русанивский, Б.А. Ларин, Ф. Копечный, С.М. Толстая, В.И. Кононенко, А.И. Моисеев, Л.А. Лисиченко, В.В. Нимчук, В.А. Передриенко, А.А. Тараненко, А. Вежбицкая, В.А. Попов, А.А. Бурыкин, В.В. Левицкий, Л.А. Новиков, О.В. Близнюк, И.М. Фирсова, Н.Ю. Микитенко, Л.Б. Николаева, Д.М. Добрусинец, Е.В. Ли, М. Николич и др.).

Происхождение и развитие семантики русских и украинских НР детально представлены в авторитетных работах Ф.П. Филина, О.Н. Трубачева, А.А. Бурячка, В.В. Нимчука, В.А. Передриенко, В.М. Русанивского, Л.А. Лисиченко, О.Ю. Николенко, Н.Н. Трошина, С.А. Кидямкиной и др.

НР рассматривают как пример сложно организованной лексической парадигмы, которая является закрытой и четко организованной иерархической структурой. Элементы этой микросистемы, как известно, объединены денотативной общностью. Эти названия являются функционально и коммуникативно важными, поскольку часто актуализированы в языке как в прямом, так и в переносном (метафорическом, ассоциативном) употреблении, имеют сложные парадигматические и синтагматические связи с другими лексико-семантическими полевыми структурами, образованными именно благодаря стабильному обращению человека говорящего к стойким, наиболее «близким», «прочувствованным» от рождения концептуальным ассоциатам, аккумулярованным в памяти концепта «родство» за всю историю человечества.

Наиболее полный лингвистический анализ названий родства в славянских языках с учетом особенностей общественного, исторического и культурного развития их носителей осуществил О.Н. Трубачев, обосновавший взаимосвязь НР с древнейшим слоем *терминов общественного строя*. В частности, он отметил,

что «при известной исторической разнородности славянской терминологии родства следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда – по сложности многих моментов своей истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде» [Трубачев 2006, с. 17].

Идеи о необходимости отнесения НР к терминам придерживались и другие лингвисты (А.И. Моисеев, Н.В. Уфимцева, О.С. Ахманова, Г.С. Щур, Т.П. Ломтев, Т.П. Ломтев, В.В. Левицкий, А. Вежбицкая, А.А. Леонтьев, Л.А. Новиков, О.Ю. Николенко, Е.Ю. Кошелева, Н.В. Новоспасская, О.В. Лазарева, И.Б. Качинская и др.). Свою позицию ученые обосновывали, как правило, тем, что эти наименования «составляют строгую систему, “матрицу”, все элементы которой строго противопоставлены друг другу по определенным дифференциальным признакам и в совокупности покрывают собой всю систему понятий данной области» [Николенко 2011].

Мы не разделяем эту позицию и поддерживаем мнение тех исследователей, которые считают отнесенность НР к терминам «условностью, данью традиции» [Савельева 2007; Сергиева 2007]. «Слова-термины характеризуются отсутствием внутренней формы и соответственно наличием одной семемы» [Русанівський 1988, с. 30], стилистической нейтральностью и ограниченной функциональностью, и эти характеристики принципиально не соотносятся с особенностями НР. Заслуживает внимания и следующий аргумент: слова, входящие в систему НР и содержащие в своем значении несколько семем, в том числе дополнительные эмоционально-оценочные характеристики (*братик, сестричка, мамочка, мамка, старик* и т.д.), уместно лишь условно относить к терминологической лексике [Кочерган 1976, с. 44] в связи с системным характером их группирования.

Что касается состава группы НР, по мнению исследователей, русская и украинская номинативные цепочки в системе обозначений родства количественно превосходят многие другие языки, поскольку последовательно разграничивают названия родственников мужского и женского пола; обладают специальными

названиями далеких и непрямых родственников, в русском и украинском родственном коде различаются отношения непрямого свойства в зависимости от пола лица соотнесения.

Ученые ряда направлений общего языкознания пришли к выводу, что с точки зрения морфолого-словообразовательной структуры НР в русском и украинском языках различаются по разным основаниям:

- 1) по степени родства (кровное, частично кровное и сводное),
- 2) по ступени родства (первое поколение, т.е. поколение говорящего – *homo loquens*), второе поколение – прямые родители, т.е. первая ступень предков, третье поколение, родители родителей, т.е. вторая ступень родства по старшинству, и соответственно первая ступень потомков (*сын, дочь*), вторая ступень (*внук, внучка*) и т.д. И в русском, и в украинском языках доминируют одноосновные термины в группе терминов кровного и частично кровного (прямого) родства (*отец, мать, дочь, сын, внук, внучка, дед, дедушка, бабушка, прадед, прабабушка, брат, сестра, правнук, правнучка, тетя, дядя*). Аналогичное явление наблюдается также в классе терминов сводного родства (*тесть, теща, свекор, свекровь, свояк, свояченица, зять, невестка, золовка, деверь, шурин, сноха, сват, сватья*), а также некоторые термины частичного родства (*племянник, племянница*). Термины вторичного, т.е. частичного кровного родства в русском языке представлены в виде словосочетаний, образованных по моделям «слово, указывающее на степень родства + термин первичного родства» (*двоюродный брат, двоюродный дядя, двоюродный дедушка, двоюродный прадедушка, двоюродная сестра / бабушка / прабабушка; троюродный брат, троюродная сестра* и т.д.).

С точки зрения способов словообразования в классе НР в сопоставляемых языках также имеется много общего. И для русского, и для украинского языков продуктивны суффиксальные модели, по которым образуются в основном стилистически маркированные слова, а именно с разговорной, фамильярной, а также эмоционально-оценочной окраской. Словообразовательные парадигмы с НР могут быть представлены таким образом: *род / рід – родство / спорідненість –*

родня / рідня – родственник / родич – родственница / родичка – родственничек (разг., ласк.) / – *родичи / родичі*; (рус.) *папа – папенька – папуля – папаша – папка – папочка – папаня – папуся*; (укр.) *батько – батечко – батяня – батенько; тато – татусь – татусечка – татусенька* и под.

Производные же от «отец» в русском языке стилистически нейтральны или относятся к высокому стилю, ср. *отец – отцовство – отчество – отечество* (высок.), *отчизна, отчим* и т.д. (также выс. *отець, отче* в украинском языке). Подпарадигма «мать» представлена в таком ряду: (рус.) *мама – маманя* (нар.-разг.) – *маменька* (ласк.) – *мамуля* (ласк.) – *мамуся* (фам.) – *мамаша* (обычно о матери кого-л., прост.) – *мамка – мамочка* (ласк.) – *мамушка* (разг.) – *матушка* (ласк.-почтит.), *мать* (нейтр. или груб.). Что касается особенностей стилистического маркирования слов в украинском языке, то эта подпарадигма может быть представлена таким образом: *мати – матір* (уроч.) – *матінка, матуся* (пестл.) – *мама* (ласк.).

Более компактные словообразовательные парадигмы с НР представлены так: *баба / баба – бабка* (разг.) / *бабка* (розм.) – *бабушка* (разг.) / *бабця, бабуля* (розм., ласк.); *сестра / сестра – сестричка / сестричка* (разг., ласк.) – *сестрица / сестриця* (разг., ласк.) – *сестренка / сестричка* (разг., умен.-ласк.); *тесть / тесть – тестюшка / тесонько* (ласк. / пестл.); *сноха / невістка – сношенька / невістонька* (разг., ласк.); *сыновья / сини* (нейтральн.) – *сыны / сини* (чаще – высок.) и т.п. Подобные дериваты в русском языке могут иметь ярко выраженную эмоционально-стилистическую окраску: *братан* (обл., разг.-сниж.) – *братуха* (фам.) – *братик* (умен.-ласк) и т.д. Такие же особенности употребления этих словоформ и в украинском.

Стилистически противопоставляется в русском языке пара *мать – мама*. Нет параллелизма между компонентами синонимической пары *отец – папа*. С основой *мать* в русском языке могут быть образованы слова со сниженной и грубой стилистической окраской, ср. *материться – матерщина – матюгать – матюгаться – матерный* и т.п. [дет. см. наблюдения: Мурясов 2017]. Своего рода табу наложено в украинском народном и литературном языке на слово «сноха»:

«Словник української мови» не подает НР «сноха», ему в разговорной речи и в литературной письменной практике соответствует «невестка». Тем не менее существует словообразовательная парадигма в пределах исследуемого лингвокультурного концепта «Родство» от общеславянского корня: [сноха] – *снохач – снохачтво – снохачький* ‘связанный с половыми отношениями свекра и невестки’.

Только в русском и украинском языках имеются глаголы, образованные от терминов родства *сын* и *дочь*: *усыновить (всиновити)* и *удочерить (вдочерити)*.

Большое количество слов, описывающих анализируемый лингвокультурный концепт, вступает в антонимические отношения (*внуки / онуки – деды / діди, внуки / онуки – прадеды / прадіди, предки / предки – потомки / нащадки*) [САРЯ], образуя своеобразные микрополя с гармоничными отношениями между всеми аспектами (логико-понятийным, коннотативно-признаковым и фоносемантическим) слова.

Детальный дефинитивный анализ концепта «Семья» в контексте отражения его вербализации в лексикографических источниках русского языка представлен в работе З.М. Богословской, Чжан Ци [Богословская 2016] и, по нашему мнению, не требует возврата к повторению того же пути в исследовании константы Родство.

Система русского кровного родства, как отметила И.М. Фирсова, отличается всеохватностью (можно назвать любое отношение) и регулярностью (единственное ее нарушение – термин «внучатый племянник», в то время как система диктует «двоюродный внук»). В других языках редко можно обнаружить такую регулярность в терминологии. Но это замечание касается только кровного родства; что же касается родства через супружескую связь, то есть терминов свойства, то здесь наблюдается некая разрозненность. На сегодняшний день антропологи считают «живыми» шестнадцать терминов свойства: *муж, жена, свекор (отец мужа), свекровь (мать мужа), тесть (отец жены), теща (мать жены), зять (муж дочери, муж сестры), сноха (жена сына, если «я» – мужчина), невестка (жена сына, если «я» – женщина; жена брата, жена брата мужа), деверь (брат мужа), золовка (сестра мужа), шурин (брат жены), свояченица*

(*сестра жены*), *свояк* (*муж сестры жены*), *сват* (*отец мужа дочери* или *жены сына*), *сватья* (*мать мужа дочери* или *жены сына*) [Левин 1982, с. 92; Фирсова 2011].

Выявлению национально-культурной специфики НР в плане их функционирования в различных сферах (повседневной обиходно-бытовой, профессиональной, социально-культурной и пр.) посвящены работы Н.Н. Трошиной, О.С. Чеснаковой, Е.А. Айсакова, В. Цзинь Линя и др. В частности, стилистическая маркированность НР в повседневной речи проявляется в ситуациях, когда они выполняют роль апеллятивов. Например, Е.Б. Кузьмина на материале словарей проследила, как кодифицированы прагматические нагрузки НР и сделала вывод о недостаточном внимании составителей конкретно к ситуативному употреблению этих номинаций: «В словарях не отмечен даже такой аспект: употребление терминов родства в основном значении в функции апеллятивов имеет разную степень частотности. Так, *брат, сестра, дочь, сын* в этой функции практически не употребляются (в отличие от *мама, папа, дедушка, бабушка*). А использование их в речи требует дополнительного комментария, содержащего описание коммуникативной ситуации (*брат, сестра, дочь, сын* употребляются в качестве обращений в возвышенно эмоциональной речи или в ситуации конфликта, отчуждения). Очень часто в словарях не отмечена возможность употребления терминов родства в производных значениях в функции апеллятивов (ср. *бабушка* «разг. Вообще о старой женщине», «разг. Старая женщина, старуха», «ласк. Старая, пожилая женщина»)» [Кузьмина 2011, с. 148].

Иногда термины родства употребляются в качестве междометий: русск. *мать честная!* выражает изумление, восхищение, *мама дорогая!* выражает изумление, *матерь божья!* выражает изумление, восхищение, испуг, *батюшки мои!* выражает изумление, испуг, радость, *мать пресвятая!* (разг.) выражает изумление, страх, испуг, *мать родная!* (разг.) выражает изумление, восторг, неожиданность и т.д.; укр. *крий (не дай) мати божя!* выражает предупреждение, боязнь, *мати божя!* выражает удивление, восторг, восхищение и под.

Немало исследований стилистических особенностей НР выполнено на материале художественных текстов. В концепции соответствующих трудов актуализируется понятие «художественный концепт», например, «семья»: соответственно, исследуемый материал парадигматизируется на особенностях образов, которые коррелируют с концептом – *семья-дом, семья-хозяйство, пространство семьи, единство, радостная жизнь, сладость сна, счастье, время семьи* [Пьянкова]; а также – «дед» [Назарова 2018].

В свое время С.Я. Ермоленко предложила некоторые НР, а именно зафиксированные в украинском песенном фольклоре, квалифицировать как составляющие типичных фольклорных формул народно-песенного словаря. Речь идет о номинациях *батько-мати, отец-ненька* [Ермоленко 1987, с. 65].

В нашем диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Ассоциативно-образное поле названий родства в языке поэзии второй половины XX в.» представлен детальный анализ дистрибутивных, структурно-семантических и семантико-стилистических потенций соответствующих существительных украинского языка в связи с динамикой процессов их метафоризации и функционально-стилистической модификации; установлены типы ассоциативных связей слов в поэтическом тексте. Наши основные выводы были сформулированы в следующих тезисах:

1. В общелитературном пространстве НР свойственна устойчивая оценочность, для большинства из них – положительная. В языке поэзии положительная или отрицательная коннотация НР усиливается соответствующими средствами – эпитетами, сравнениями и т.п. В свою очередь, НР являются мощным средством индивидуально-авторской оценки реальности: в ассоциативно-образных поэтических моделях они создают эмоционально-экспрессивный фон для психологического восприятия того или иного образа.

2. Высокая частотность, поэтическая символичность значения, сочетаемость с поэтической лексикой и ассоциативно-оценочные свойства НР, наличие определенных традиций употребления в поэтическом языке создают основания для их включения в группу поэтизмов.

3. НР раскрывают собственные ассоциативные потенции за счет неограниченной поэтической сочетаемости с лексемами любых семантических полей, а именно: названиями растений, животных, явлений природы, времен года, стихий, астронимами, пространственными, общественно-политическими, абстрактным названиями, названиями лиц и т.п. На пересечении НР с этими системами образуются микрополя «Природа», «Родина», «Дружба», «Деятель», «Портрет».

4. Рассматриваемый материал показал высокую активность НР в языке украинской поэзии, среди которых наиболее употребительными являются лексемы *мать, сын, отец, брат, ребенок, сестра, дочь, дед, семья*. Поэты употребляют эти НР чаще всего для оценки реалий как близких им. Такие НР, как *мачеха, дядя*, наоборот, передают чуждость явления внутреннему миру поэта. НС-диалектизмы (*вуйко, братан* и т.д.) наиболее употребительны в поэзии шестидесятников. Чаще всего поэтическое словоупотребление НР связано с народными традициями, что проявляется в сочетаемости с традиционными поэтизмами – названиями растений, животных, птиц, явлений природы, астронимами, – которая приводит к символизации значения исследуемых названий.

5. В языке украинской поэзии XX в. прослеживается сочетание в рамках одного микроконтекста различных НР. Чаще всего контекстуально ассоциированы такие лексемы: *мать – сын, отец – сын, отец – мать, брат – сестра, мать – ребенок, женщина – дети, брат – сын*. Эти ассоциативные связи обусловлены тематически.

6. Для каждого периода развития языка украинской поэзии XX в. характерна актуализация определенных НР. Так, в 1910–1930-е гг. наиболее активными были лексемы *братья, сестры*, в 40–50-е гг. – *мать, сын, отец, дочь*; для 60-х гг. отмечены активностью лексем *потомки, предки, родители, дети*; в 70–80-х гг. фиксируется одинакова частотность использования НР в поэтической словесной образности; 90-е гг. являются периодом спада в употреблении НР в языке украинской поэзии. «Вспышки» активности НР в языке поэзии

прослеживаются, как показывает проанализированный материал, в периоды общественных, политических сдвигов, т.е. обусловлены прагматичными факторами. Так, ассоциативно-образные модели *Батьківщина-мати, брати-народи, сестра Росія (Білорусія, Болгарія тощо), визволителі-брати, син (дочка) України (Батьківщини, землі)* становились функционально значимыми в годы войны; времена революционных изменений и восстановления обозначены активностью таких моделей как *брати-трудівники, сім'я народів*, обращение *брати, сестри* и под.; в период экологического кризиса (60-е гг., Чернобыльская трагедия) был актуален образ *матери-природи*.

7. Словарь поэтической речи лучше отражает изменения, происходящие в семантической структуре слова. В частности, материалы нашего диссертационного исследования показали 5 значений лексемы *сын*: 1) лицо мужского пола по отношению к своим родителям; 2) потомки, молодое поколение; 3) человек как выразитель общественных взглядов, политических интересов страны проживания; 4) воспитанник кого-то, чего-то; человек кровно, тесно связана с кем, чем-либо; 5) выразитель характерных, типичных черт своего времени, эпохи, среды, представитель чего-то. В СУМ 3-е значение не зафиксировано, а 4 и 5 рассматриваются как переносные. Подобные семантические преобразования связаны с поэтическими функциями лексем *брат, сестра, дочка* [Марфіна 2001, 2011, 2013, 2014].

Очевидно, что углубление в языковой, речевой, дискурсивный материал, особенно же в материал фольклорных и художественных текстов, дает в отношении концептуализации того или иного явления в лингвокультуре конкретные результаты, расширяющие научные представления о содержании лингвокультурной концептосферы. В данном случае в украинском литературном языке XX столетия в целом, и в частности в языке поэзии, ярко отражена социолингвокультурная динамика развития семантики НР.

Своеобразие отношений между индивидуально-авторской реализацией темы семьи в творчестве М. Цветаевой и особенностями языкового поэтического творчества 20–30-х гг. XX в. проследила И.Ю. Белякова, установив такие

ассоциативные текстовые кластерные зоны: а) предки; б) родители; в) сестра; г) муж; д) дети; е) внуки (гипотетические). Они являются зонами проявления доминирующей семантики «я»-субъект, поэтические псевдо- и мифогенеалогия, «братский» дискурс [Белякова 2010].

К подобным выводам в контексте использования НР в поэтической речи для номинации субъектов родства пришла и С.Х. Головкина, отметив ассоциативно-образную взаимосвязь НР и лексем из сфер «семья», «род», «общество», «межличностные отношения», «сакральная сфера», «природа», «артефакты», «творчество», «объекты социального пространства», «отвлеченные понятия». Наиболее обобщенно результат данного исследования воплощен в таком положении: «Ключевыми в организации системы родства являются термины родства *мать, сын, брат, дед, жених, невеста*, наиболее частотные в творчестве поэта. Семантическим центром поэтической системы Н. Клюева становится духовное родство. Родственная связь между людьми устанавливается поэтом на основании представлений о Божественном начале в мире и человеке» [Головкина 1999, с. 18].

К интересным и немаловажным выводам приходят исследователи, работающие в русле корпусной лингвистики. Так, результатом исследования А.А. Бурькина, использовавшего материалы электронного ресурса «Библиотека лексикографа» (разработан в Словарном отделе ИЛИ РАН), стали выводы о том, что в поэтических и прозаических текстах русской литературы XX века отмечаются определенные изменения, связанные с употреблением НР:

1) термины свойства в подавляющем большинстве текстов не употребляются более одного раза;

2) в отдельных случаях наблюдается гиперконцентрация отдельных терминов свойства в пределах одного или нескольких рядом расположенных абзацев;

3) нагромождение терминов родства и свойства используется для создания сниженного стилистического эффекта.

Автор делает перспективные для дальнейшего изучения функционирования НР выводы: «Дискурсивные модели использования лексических единиц определенной тематической группы, выстраиваемых в определенных системных отношениях или употребляемых в соответствии с определенными замыслами или с некодифицированной узуальной оценкой, представляют собой недостаточно изученную область коммуникативного синтаксиса, и одна из уже видимых сложностей изучения этой проблемы заключена в том, что эти эффекты не имеют определенной привязки к литературной форме, жанру или топике текста. Пока понятно одно: наблюдаемые явления тесно связаны с образными и аксиологическими компонентами концептов, манифестируемых в текстах» [Бурыкин 2013, с. 20].

Восточнославянская репрезентация НР, как отмечают ученые, берет свое начало в праиндоевропейском лексическом фонде. В частности, Л.А. Лисиченко указывает на то, что современные языки Восточной Европы унаследовали от древних славян «разветвленную систему названий родства, которая отражала сложные отношения внутри семьи и рода, где каждый член имел свое место и свои обязанности по отношению к коллективу в целом и к отдельным его членам» [Лисиченко 1993, с. 117].

Особенности словообразования восточнославянских НР рассматривала в сопоставлении с материалом русского, белорусского и польского языков Т.П. Шуба-Зимянина [Шуба-Зимянина 2011]. В ряде сопоставительных работ изучается реализация концептов «род / семья» во фразеопаремиологических картинах мира различных языков мира, в т. числе и на языковом материале неблизкородственных языков (А.Ш. Василова, Е.В. Добровольская – русского, В.Д. Ужченко, В.И. Кононенко, Ю.С. Макарец – украинского; Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова – английского; Г.А. Гуняшова – немецкого; Л.В. Борисова – чувашского; Р.Д. Шамилева – чеченского; А.С. Головин – русского, английского, немецкого, Л.Х. Хараева, А.Н. Халилова – французского, итальянского; З.А. Биктагирова – татарского, турецкого, английского; С.М. Адамова – английского, лакского; Т.А. Шайхуллин – арабского, русского; Н.К. Гаспарян –

русского, армянского; А.А. Ким – русского, корейского; Р. Ани – русского, индонезийского и пр.).

Изучалась вербализация концептов «род / семья» во фразеопаремиологических картинах мира (М. Николич – русский и сербский; Н.Ю. Микитенко – русский и чешский; Е.В. Ли – русский и корейский, Х.Х. Эгамназаров – английский и узбекский, А.А. Мамедгасанова – русский и шведский и пр.). Задачей таких исследований является, как правило, выявление универсальных черт в функционировании названий родства. В частности, Е.В. Ли обнаружила, что общей идеей, отражающей принципы взаимоотношений в русских и корейских семьях, является идея любви [Ли 2013, с. 23].

Кроме собственно семантического и когнитивного анализа исследователи прибегают к комбинации методов синхронно-диахронического подходов к материалу, используя элементы этимологического, семантического, антропологического анализа, причем по отношению к неблизкородственным языкам: рассматривают русский в сопоставлении с голландским, английским, французским, немецким, украинским [Близнюк 2006]. В результате проведенной работы установлено два типа организации семантического поля по линии кровного родства: I – в романо-германской группе, где отсутствует семантический признак направления свойства; II – в группе восточнославянских языков, где этот признак наличествует. Сопоставительное исследование выполнено на материале толковых и переводных словарей, результатов полевых исследований и опроса.

Особое явление в исследовании НР в российской лингвистике – коллективная монография «Категория родства в языке и культуре», вышедшая в свет под эгидой Института славяноведения РАН (и под ред. С.М. Толстой) в 2009 г. В главах книги исследуется не только русская лексика родства и ее вторичные метафорические значения, но и символика и мифопоэтика родства в народной культуре славян и их соседей (греки, евреи), мотивы родства в народном календаре, в мифологических представлениях и фольклорных текстах разных жанров (обрядовая поэзия, заговоры, нарративы) [Толстая 2009].

Общие результаты перечисленных работ можно сформулировать в следующем утверждении: НР имеют длительную историю существования в различных языках, формируют семантически богатые и структурно сложные поля, обладают развитой системой образных парадигм и характеризуются культурной значимостью.

Как многоуровневая изоморфная семантическая структура, парадигма НР рассматривается и в лингвокультурологии. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. Большинство исследователей относит концепты Семья, Род, Родство к так называемым концептам-универсалиям (А.С. Головин [Головин 2014]), а также к ключевым (М.В. Пименова [Пименова 2005], Ю.С. Макарец, О.Н. Слипчук [Макарец, Слипчук 2013], Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Г.А. Гуняшова [Гуняшова 2013] и др.) или фундаментальным (Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1973, 1980, 2005] и др.) концептам, определяющим жизнеустройство человечества, регламентирующим сложные социокультурные взаимодействия.

Условно эти работы можно разделить на следующие группы:

1) исследования, в которых представлены особенности вербализации концептосферы Семья и ее фрагментов с опорой на анализ значений ключевого слова в словарных толкованиях (см. ниже);

2) анализ паремиологических единиц, в которые входит изучаемое ключевое слово (см. ниже);

3) сопоставительные работы (см. выше);

4) изучение концептов на основе ассоциативного эксперимента (Р. Гаваркевич [Гаваркевич 2006], В.В. Васюк [Васюк 2002]);

5) работы, в которых анализируются концепты Семья, Род или Родство в художественных текстах и в которых внимание ученых сфокусировано на определении контекстуального содержания концепта, на описании индивидуально-авторских концептов (Н.Ф. Венжинович, С.Х. Головкина, Е.А. Привалова, Т.В. Пьянкова, Л.В. Мельник, Н.В. Охота, В.А. Янив,

Л.Н. Романюк, А.В. Чернова, Л.В. Маковийчук, Ж.В. Марфина [Марфина 2001, 2011, 2013, 2014, 2019] и др.). Все отмеченные работы выполнены на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Содержание концепта Семья на материале словарных статей анализирует Е.А. Кострубина, которая делает вывод о его содержательной близости концепту Дом. Опираясь на этот вывод, автор вводит в научный оборот представление о гиперконцепте Семья – Дом, который относится «к числу самых долговечных и значимых в сознании человека» [Кострубина 2010, с. 51]. Схожим образом, Н.Н. Занегина на словарном материале показывает, как пересекается содержание концептов Семья, Брак, Дитя и др. [Занегина 2011].

Результаты лингвокультурологических исследований показали, что в концептосферу русской культуры входит ряд микроконцептов родства. Так, микроконцепт Муж является компонентом макроконцепта Человек; по наблюдениям же Н.В. Уфимцевой, компонентами второго по значимости для русского сознания макроконцепта Дом являются микроконцепты Родители, Семья, Отец, Мать, Бабушка, Дети, Брат, Сестра, Муж [Залевская 2005; Караулов 2000; Уфимцева, Русские; Алефиренко 2010; Артыкбаева].

Н.С. Сергиева отмечает, что «подзона “Семья” самая важная для человека как существа социального обозначается в составе зоны ЧЕЛОВЕК». Номинации родства представлены в разных слоях ядра языкового сознания с учетом линий по браку и рождению детей с дифференциацией по половому признаку. По мнению ученого, «при преобладании в русском языковом сознании мужского начала пара *мать – отец* представляет собой исключение. В ней более значимым членом является мать, то же можно сказать и об эмоциональном апеллятиве *мама*, где отсутствует мужской член противопоставления» [Сергиева 2007].

В другом ракурсе соотношений лингвокультурных концептов представила Е.А. Глотова концепт Семья в русском национальном сознании [Глотова 2014]. Представленный в национальном паремийном фонде, в словарях материал условно разделен на три большие группы: 1) муж и жена, взаимоотношения между супругами; 2) родители и дети, отношения между ними; 3) близкие

родственники, отношения между ними. В результате лингвокультурологического анализа сделан вывод: «Концепт СЕМЬЯ архетипически связан с такими концептами, как СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СВОЙ / ЧУЖОЙ, СВОБОДА, БЫТ, так как в основе лежат взаимопонимание, взаимоподдержка, семейные проблемы, быт, взаимоотношения между супругами и детьми, семейные ценности, выяснение отношений между супругами, воспитание детей, родственные отношения и т.д. Компоненты большинства фразеологизмов и паремий соотносятся с антропным, или собственно человеческим, кодом культуры и несут функционально значимые для культуры смыслы. В основе всех рассмотренных фразеологизмов и паремий и лежит этот код, создающий метафорический смысл и значение единиц в целом» [Глотова 2014, с. 50].

Лингвокультурологический акцент отличает исследование З.Б. Богословской, выполненное на материале больших толковых словарей русского языка. Основные выводы изложены в заключении: «Рассмотренные словари позволяют воссоздать преимущественно узуальную модель имени концепта “семья”, конструирование же речевой модели требует обращения к другим источникам. Лексикографические данные о слове “семья” свидетельствуют о его семантических изменениях, происшедших на протяжении полутора столетий. Слово “семья”, имеющее неразветвленную семантическую структуру, постепенно стало полисемантом. С течением времени оно приобрело метафорические и метонимические смыслы. Как термин слово начало использоваться в естественных и лингвистических науках. В целом лексикографические сведения позволяют предположить: концепт “семья” характеризуется полевой структурой, имеющей центр (ядро) и периферию. Его ядро соотносится с прямым значением слова “семья”. Изучение семного и семного варьирования слова “семья” как репрезентанта одноименного концепта в русском языке дает возможность говорить о его сложной организации, имеющей общее узуальное значение: “совокупность живых организмов, находящихся рядом, имеющих сходные признаки, общее происхождение”» [Богословская 2016, с. 67].

Наибольшее количество современных исследований константы Родство выполнено в русле сравнительной концептологии и сфокусировано на изучении вербализации ценностной части данного концепта в сопоставляемых языках. Исследователи, обратившиеся к изучению макроконцепта Род / Семья в различных национально-культурных реализациях, отмечают, что его наиболее полное и концентрированное воплощение, значимость для повседневно-бытового сознания, ценностное содержание воплощается во фразеопаремиологическом составе языка.

Как известно, фразеологические единицы дают наиболее полное представление о национально-культурном компоненте в языке и, следовательно, позволяют определить особенности культурно-исторического и социального опыта народа, раскрыть национальную специфику фразеопаремиологической картины мира. Целый ряд работ посвящен вербализации отдельных микро-, макроконцептов, их взаимосвязи в паремиологических картинах мира различных языков: в русском – Род (С.А. Кошарная [Кошарная 2018]); украинском – Мать, Дети (В.В. Калько [Калько 2013]), Семья, Муж, Жена (К.Н. Николайчук [Николайчук 2013]); в белорусском – Муж, Жена (О.Н. Жизневская [Жизневская 2012]).

Так, концепт Мать проанализирован как репрезентант макроконцептов Семья или Женщина (Ю.А. Абрамова, А.Д. Алиева, Г. Вальтер, А.Г. Евенчук, Я.И. Калинина, А.В. Кирилина, И.И. Ковалик, И.С. Страшнюк, Т.Н. Сукаленко, В.Н. Телия и др.). Изучено его функционирование в художественном дискурсе (Х.В. Старовойтова, В.Б. Яковлева и др.), описано ассоциативное поле по данным свободного ассоциативного эксперимента на материале немецкого, польского, русского, украинского и других языков (Л.В. Адонина, Т.В. Бисовецкая, В.Б. Марчук и др.). Например, С.Г. Коцюба исследовала особенности вербализации стереотипных национальных представлений о статусе и функции родителей в пословицах и поговорках славянских, германских и романских языков, дифференцировав универсальные и национально обусловленные характеристики отца и матери в разных культурах [Коцюба 2010, с. 293–303].

А.В. Чернова описала понятия «отец» и «мать» как константные величины украинской лексико-фразеологической системы языка, выделив ядерную и периферийную зоны их номинативно-смыслового поля и создав когнитивные метафорические модели концептуализации сегментов периферийной зоны [Чернова 2010]. В.Н. Телия, анализируя номинативные единицы для обозначения женщины, родовым считает концепт Женщина / Баба, а все остальные, в том числе связанные с семейным статусом, – видовыми [Телия 1996, с. 261].

При всей основательности упомянутых работ и аргументированности их выводов необходимо отметить, что не все отстаиваемые в них тезисы представляются неоспоримыми. В частности, В.В. Калько предполагает, что в украинской паремийной картине мира «представлены два неиерархических и независимых концепта ЖЕНЩИНА и МАТЬ» [Калько 2013, с. 222]. Однако в концептуальной картине мира, в концептосфере не существует несвязанных, непересекающихся составляющих.

В работах В.И. Кононенко, В.В. Жайворонок, Ю.С. Макарец отдельные составляющие константы Родство (укр. *рід, родина, сім'я, мати, батько-мати*) рассматриваются в контексте формирования украинской языковой картины мира. М.В. Пименова изучает отдельные концепты, такие как Мать, в качестве иллюстративного материала, репрезентующего понятие *концепт* как фрагмент мира, формируемый «общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [Пименова 2004, с. 131].

Ученые также отмечают способность структурных составляющих константы Родство пересекаться с иными концептами и входить в структуру этих концептов. Например, концепт Мать входит в структуру концептов Родина, Родная земля (В.Н. Телия, Ж.В. Колоиз, Н.Н. Малюга), Женщина (Н.А. Паскова, Е.В. Бахтина, Т.В. Григорьева); концепт Семья – в структуру концепта Быт (А.В. Рудакова); концепты Муж, Сын – в структуру концепта Мужчина (Е.И. Зиновьева, М.Н. Довгалюк, А.И. Головня), концепт Род – в структуру концепта Судьба (Н.И. Мазай) и под.

Вместе с тем единственным основательным исследованием, сфокусированном на изучении как таковой константы Родство, является диссертация А.С. Головина «Лингвокультурный концепт “Родство” в английских, немецких и русских паремиях» [Головин 2014]. Выполненное в русле сравнительной концептологии, оно имеет свою специфику как в методологии, так в материале (паремийный фонд) и в предмете изучения (вербализация ценностной составляющей константы Родство). К релевантным для настоящего исследования тезисам диссертации относится в первую очередь следующий: «Ценностный компонент концепта “родство” вербализуется посредством паремий, семантика которых на материале английского, немецкого и русского языков демонстрирует специфику представления отношений к родственникам по крови, по браку и в понимании родства душ» [Головин 2014 (автореферат), с. 7].

Заслуживает внимания мнение А.Н. Приходько, который относит константу Родство к разряду антропоморфных, выделяя среди них такие подклассы, как фамильные (*муж, жена, мать, отец, сестра, брат, теща, тесть, зять*) и гендерные (*мужчина, женщина, муж, мать, отец*). Данные субконцепты «имеют прямое отношение к психическим и физиологическим состояниям человека, восходящим к его способности реагировать на раздражители внешнего мира и переносить их на свой внутренний мир» [Приходько 2013, с. 54]. Эпистемиологическая ценность этой лексико-тематической группы в отношении культурно-национальных особенностей человеческого поведения (акционального и речевого) привела к утверждению их особого статуса среди концептов, отражающих и коррелирующих интерперсональные отношения. Это отмечено в соответствующих работах В.И. Карасика.

По результатам лингвокультурологических исследований НР сформировались представления о существовании национальных стереотипов / эталонов / коммуникативных норм относительно дома и семьи, вербализуемых во фразеологии, паремиях и т.п., например: русский человек воспринимает семью как надежный оплот; не надо рассказывать чужим о домашних дрязгах; посторонним не следует вмешиваться в семейные дела;

осмотрительность в выборе жены (мужа); в семейной жизни надо соблюдать порядок; семейная жизнь должна основываться на труде, ладе и спокойствии [Ахнина, Шаклеин 2014]. В русском фольклоре (пословицы, поговорки, колыбельные) отмечено проявление нескольких ключевых ценностей [Алефиренко 2010]:

- 1) ценность семьи как общности всех ее членов;
- 2) ценность уважения к родителям и послушания воле родителей;
- 3) ценность уважения к родителям и послушания им как залог жизненного блага детей;
- 4) ценность детей;
- 5) основа семейного благополучия – это взаимоотношения супругов;
- 6) семья стоит на одном уровне с карьерой, личными интересами и получением удовольствия.

По справедливому заключению Л.А. Грицай, «идеалом родительского воспитания русской традиционной культуры мы можем назвать формирование личности человека, обладающего социально значимыми добродетелями: трудолюбием, верностью своей семье и роду, послушанием воле старших, смелостью, мудростью и находчивостью в принятии жизненных решений. Родительское воспитание понималось как естественный процесс постепенного приобщения ребенка к миру человеческих отношений, нравственности и труда с помощью традиционных представлений о смысле жизни и коллективного мировоззрения» [Грицай 2012, с. 59].

Исследования концепта Семья, выполненные в русле сравнительной концептологии, позволили установить ряд гештальтов, к которым «восходит» когнитивно-ментальное восприятие этого феномена, в частности в русской культуре: очаг, живой организм, ячейка государства, государство (во времена СССР), здание, театр, гнездо, дорога, упряжка, передвижение по воде, гавань, оазис, остров, война, продукт маркетинга [Крушевская]. Определено в этих исследованиях и поле взаимодействия концепта Семья с другими концептами: Любовь, Совет, Лад (Мир, Порядок), Согласие, Тепло, Забота, Ласка, Романтика,

Верность, Дружба, Доверие, Откровенность, Смирение, Молитва. Выделены также оппозиты концепта Семья – слова, вербализующие концептуализацию опыта вмешательства социокультурных помех в обустройство семейной жизни: намек, попрек, разлад, пьянство, безответственность, ссора, упрямство, вспыльчивость, долг.

Оперируя понятием «стереотип-ситуация», Го Пинтин в результате концептуального анализа устанавливает такую систему традиций семейного воспитания в русской языковой картине мира: стереотип-ситуация «религиозное воспитание», стереотип-ситуация «нравственное воспитание», стереотип-ситуация почитания родителей, стереотипы-поведения [Пинтин 2017].

«Не отпускает» исследователей и проблема идеологизации сознания, одним из инструментов которой является актуализация так называемой «семейной метафоры», или «метафоры родства». Так, в работе Т.Ю. Быковой отмечается, что «семейная метафора была реализована в концептуализации и категоризации деловых отношений между экономическими и политическими партнерами [Туран 1997]. По мнению А.П. Чудинова, метафоры родственных связей прошли путь от текстов времен Российской империи сквозь советскую эпоху и до сих пор остаются востребованы и популярны в политическом дискурсе [Чудинов 2006]: «...при выстраивании образа СССР имплицитно сквозь все тексты статей проходит идея о прототипической идеальной модели семьи. В рамках этой модели все отношения между членами семьи идеализируются: каждый стремится помогать ближнему, нет намека на ссоры и конфликты, предательство и измена остаются в стороне. Таким образом, метафора родства в советском медийном политическом дискурсе первых послевоенных лет выявляет лишь положительные коннотации, выражая смыслы близости отношений, доброты, взаимопомощи, тесной связи, столь необходимые советскому народу в послевоенный период реабилитации» [Быкова 2014, с. 117]. Подобные выводы на материале современного политического дискурса сделаны и в работах Е.С. Савельевой и В.А. Миллер [Савельева 2015].

Обзор основных научных работ по проблематике НР можно завершить ссылкой на «Аннотированную междисциплинарную библиографию научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012», составленной Г.В. Дзибель [Дзибель 2012]. В библиографии перечислено большое количество исследований в русле этнографии, социологии, истории, культурологии, юриспруденции, философии; церковного права, логики, этнологии; литературоведения и фольклористики; лингвистики (включая этнолингвистику и психоллингвистику) – 77 работ. Отдельно указаны работы, касающиеся терминов родства и антропонимов, – 8, работы с использованием формального, структурного, дистрибутивного и др. методов анализа НР – 45 работ, исследования НР у восточных славян – 285 позиций.

Таким образом, изучению феномена родства, вербализации и концептуализации семейно-родственных отношений в русском и украинском языках посвящено большое количество лингвистических работ разной направленности. Глубоко исследована длительная история существования НР в этих и других языках, их архаическое происхождение и связь с древней мифологией, их культурная значимость, семантическая, ценностная, коммуникативная и образная развитость связанных с ними парадигм. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. В различных лингвокультурологических аспектах подробно проанализированы концепты Семья – в русском (Н.Н. Занегина, Е.В. Добровольская, И.Б. Качинская, Н.С. Сергиева, Чжан Циньхан), украинском (Ю.С. Макарець), английском (Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова), немецком (Г.А. Гуняшова), румынском (А.А. Плотникова) языках и их диалектах, Мать – в русском (Е.О. Атрощенко), украинском языках (М.В. Кононенко, В.В. Калько), Дитя – в русском языке (А.Т. Ашхарава), Брат и Сестра – в русском языке (Н.Н. Занегина), Род – в русском и украинском языках (М.В. Пименова, Ю.С. Макарець). В то же время

единственной работой, исследовавшей константу Родство в ценностно-содержательной ее целостности (на паремийном материале английского, немецкого и русского языков и в заданном ракурсе ценностного компонента ее содержания), является диссертационное исследование А.С. Головина.

В связи с этим открытыми остаются вопросы, касающиеся:

- содержания (структуры и семантики) константы,
- реализации и развития ее мифопоэтического «стержня» (внутренней формы) в процессе развития культуры и языка,
- содержания и развития ассоциативно-образной ее составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в первую очередь в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах,
- расхождения в содержании константы Родство в русской и украинской лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамики этого расхождения.

Поиск ответов на эти вопросы формирует основные задачи настоящего исследования.

Выводы к главе 1

Изучению феномена родства, вербализации и концептуализации семейно-родственных отношений в русском и украинском языках посвящено большое количество лингвистических работ разной направленности. Глубоко исследована длительная история существования НР в этих и других языках, их архаическое происхождение и связь с древней мифологией, их культурная значимость, семантическая, ценностная, коммуникативная и образная развитость связанных с ними парадигм. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. В различных лингвокультурологических аспектах подробно проанализированы концепты Семья, Мать, Дитя, Брат и Сестра, Род. В то же время единственной работой, исследовавшей константу Родство в ценностно-содержательной ее целостности

(на паремийном материале английского, немецкого и русского языков и в заданном ракурсе ценностного компонента ее содержания), является диссертационное исследование А.С. Головина.

В связи с этим открытыми остаются вопросы, касающиеся:

- содержания (структуры и семантики) константы,
- реализации и развития ее мифопоэтического «стержня» (внутренней формы) в процессе развития культуры и языка,
- содержания и развития ассоциативно-образной ее составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в первую очередь в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах,
- расхождения в содержании константы Родство в русской и украинской лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамики этого расхождения.

Поиск ответов на эти вопросы формирует основные задачи настоящего исследования.

Для решения этих вопросов был выработан особый подход – лингвомифопоэтический – к анализу концептов-констант (в целом) и концепта-константы Родство (в частности). Предложенный подход базируется на положении о том, что в константах как видах лингвокультурного концепта мифопоэтическая составляющая занимает место содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития.

Понятие «мифопоэтическая составляющая» константы в работе трактуется как а) память об архаическом (и христианском) мифе, работающая во внутренней форме константы, а также преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического потенциала; б) связанный с древними мифологическими представлениями образ, находящийся в основе и центре (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) концепта, определяющий его ценностное содержание, задающий основные векторы его

развития (развития его структуры), содержащий в свернутом виде определенный сюжет или набор сюжетов, которые впоследствии разворачиваются в разных (в первую очередь фольклорных и литературных) текстах культуры, и реализующийся во внутренней форме доминантного и других слов, вербализующих концепт, а также в соответствующей метафорике, символике, фразеологии, паремиологии и т.д.

Соответственно, особым признаком концепта-константы предлагается считать интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, а также в других художественных текстах национальной культуры; следствием и необходимым сопровождающим эффектом этой реализации является художественное осмысление и переосмысление исходного мифологического образа, а также существенное приращение смысловой структуры константы при неизменности ценностной ее составляющей.

Свою специфику имеет и структура константы как вида лингвокультурных концептов. Эти особенности могут быть описаны в следующих утверждениях:

1. Концепт-константа в качестве основополагающего, исходного элемента структуры имеет не чувственно-образное, но мифопоэтическое ядро – имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также (в качестве потенциальной или же реализованной возможности) ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжету, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом.

2. Периферийное поле константы можно представить, объединяя модели Ю.С. Степанова и В.И. Карасика, в целостности диахронически-синхронического существования как структуру, состоящую из актуальных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху.

3. Предположительно, периферийная зона концепта-константы развивается, как и вся человеческая культура, в направлениях от мифа к логосу и обратно, проходя на этом пути такие процессы освоения мифопоэтических структур, как метафоризация (осмысление в метафорических уподоблениях), символизация (осмысление в знаках-символах), рационализация (осмысление в понятийно-логических структурах), «новая» метафоризация и символизация и, возможно, ремифологизация.

4. Ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и литературные тексты, поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Особое место в этом развитии принадлежит тем текстам художественной литературы, которые получают статус «классических», «национальных», лежат в основании национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт).

Лингвомифопоэтический подход (или лингвокультурная мифопоэтика), таким образом, является подходом к анализу констант, адекватным сущности и структуре концептов-констант, а также их месту в общей типологии. Сущностью этого подхода является сочетание следующих методов работы с языковым, текстовым, семиотическим материалом:

1) метода сравнительной лингвоконцептологии, опирающегося на компонентный (семный) анализ и теорию поля и включающего в себя анализ ассоциативных полей и контекстов слов, вербализующих ЛК;

2) метода лингвокультурологической поэтики, сфокусированного на выявлении в художественных текстах способов формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект, на интерпретации совокупности языковых и стилистических особенностей в художественной речи в их тесной связи с культурой народа;

3) метода мифопоэтики, изучающего способы воплощения древнего мифа в образах, сюжетах, мотивах, аллюзиях и пр. в художественных произведениях и учитывающего как когнитивно-психологическое своеобразие мифологического мышления, так и своеобразие мифологической образности и сюжетики, а также полифункциональность отношений фольклора и литературы с мифом.

Разработана лингвокультурная мифопоэтическая методика компаративного анализа концепта-константы, которая должна включать в себя следующие шаги:

1. Построение номинативного поля концепта-константы (в компаративном аспекте), описание семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта: семный анализ лексикографических источников, дистрибутивный анализ сочетаемости доминантного слова; анализ значения производных доминантного слова, определение содержания понятийного ядра концепта.

2. Исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа (доминантных слов), описание мифопоэтического ядра константы.

3. Компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную для настоящего времени национальную картину мира.

4. Компаративное описание особенностей реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и национальной картины мира и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием.

5. Обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также компаративное описание мифопоэтической составляющей литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, на

четвертом и пятом шагах методики предусматривают не только совмещение приемов концептуального и мифопоэтического анализа, но и моделирование когнитивно-ментальных текстовых структур константы с помощью концептуальных цепочек. Такое моделирование может дать представление не только о синтагматике, парадигматике и семантическом развитии константы, но и о ее лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации, а также о национально-культурных особенностях реализации того или иного ценностно-смыслового содержания.

ГЛАВА 2

КОНСТАНТА РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ: ОТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ К ФРАЗЕОПАРЕМИЙНОМУ СОДЕРЖАНИЮ

2.1. Номинативное поле, внутренняя форма (мифопоэтическое ядро) и семантическое ядро константы Родство / Спорідненість

Номинативное поле константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках может быть описано на основе данных толковых лексикографических источников русского и украинского языков. Ключевой номинацией выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребляемое; при этом необходимо отметить, что мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* (вместе с мифопоэтическими представлениями, связанными с ним) следует считать внутренней формой константы.

Основной особенностью номинативного поля исследуемой константы, образуемой прямыми номинациями, является его чрезвычайная разветвленность, объемность, подразумевающая в том числе развернутую синонимию (*родной – милый – любимый / рідний – милый – улюблений*); *род – племя – семья – семейство – фамилия / рід – плем'я – родина (сім'я) – сімейство – прізвище*; *родство – родственность – (кровная) связь – родственные узы – близость / спорідненість – споріднення – (кровний) зв'язок – родинні зв'язки – близькість* и т.п.) и большое количество устойчивых единиц с номинациями, содержащими значение родства. Деривационное поле ключевой номинации, а также мотивирующей ее номинации *род / рід* столь велико, что данные словарей относительно количества соответствующих дериватов разнятся; среди наиболее употребительных (доминантных) однокоренных слов можно назвать: *роды* (укр. *пологи*), *рождать*

(укр. *народжувати*), *родовой* (укр. *родовий*), *родной* (укр. *рідний*), *родственный* (укр. *споріднений*), *родственник* (укр. *родич*), *родина* (укр. *батьківщина*), *зародыш* (укр. *зародок*), *породниться* (укр. *породнитися*) и др. В то же время, поскольку первое значение слова *родство* / *спорідненість* в словарях зафиксировано как «отношения между людьми, имеющими общих предков» и поскольку для мотивирующего слова «род / рід» первичным является семантика «коллектива кровных родственников, происходящих от одного предка и носящих общее родовое имя», то к доминантным словам номинативного поля константы Родство / Спорідненість следует отнести и такие слова, как *кровь* / *кров*, *кровный* / *кровний*, *предок* / *предок*.

Сопоставим семантическую связь выделенных доминантных слов тематической группы «родство, родственность» в двух языках по лексикографическим источникам в таблице.

Таблица 2.1.

Номинативное поле константы Родство / Спорідненість (по данным базовых словарей русского и украинского литературных языков)

Слово	Лексикографический источник русского языка	Лексикографический источник украинского языка
Род Рід	<p>Г м.</p> <p>1. Основная общественная организация в первобытном обществе, представляющая собою союз больших семей, находящихся в родственных отношениях и ведущих общее хозяйство.</p> <p>2. Коллектив кровных родственников, происходящих</p>	<p>1. Форма спільності людей за первіснообщинного ладу, господарське і соціальне об'єднання кровних родичів.</p> <p>2. Ряд поколінь, що походять від одного предка.</p> <p>// збірн. Усі родичі, рідні; родина, рідня // Уживається на позначення належності за народженням до якої-небудь</p>

	<p>от одного предка и носящих общее родовое имя;</p> <p>поколение. 3. разг. Члены одной семьи; родственники.</p> <p>II м.</p> <p>1. Группа, которая объединяет несколько близких видов, обладающих общими признаками (в научных классификациях).</p> <p>2. Категория понятий, включающих в себя ряд частных понятий с общими, объединяющими их признаками (в логике).</p> <p>3. Разновидность, обладающая каким-либо качеством или свойством.</p> <p>III м.</p> <p>Способ, образ, направление деятельности.</p> <p>IV м.</p> <p>Грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или их форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками</p>	<p>соціальної групи, національності і т. ін..</p> <p>3. Вид, тип чого-небудь.</p> <p>4. <i>біол.</i> Група тварин або рослин, що об'єднує близькоспоріднені види.</p> <p>5. <i>лог.</i> Поняття, що включає в себе ряд менш загальних, видових понять.</p> <p>6. Граматична категорія, властива іменникові багатьох мов. [СУМ VIII, с. 554–555].</p>
--	---	--

	пола или с их отсутствием (в лингвистике). V м. устар. Жанр, стиль. [ТСЕ]	
Родство Спорідненість / Споріднення	<p>I ср. 1. Отношения между людьми, имеющими общих предков. Отношения между людьми, возникающие в результате вступления в брак. 2. Родственное чувство. перен. Близость по духу, привычкам, убеждениям. 3. перен. Близость по общности происхождения.</p> <p>II ср. Отношение между языками, предполагающее наличие у них общего источника – праязыка (в лингвистике). [ТСЕ]</p>	<p>Абстр. ім. до споріднений [СУМ ІХ, с. 574]. // Стосунки між родичами людей, що взяли шлюб, а також стосунки подружжя з їх кровними родичами; свояцтво [СУМ ІХ, с. 574].</p>
Родственный Споріднений	<p>I прил. 1. Соотносящийся по знач. с сущ. родство I, родственник, связанный с ними. 2. Свойственный родственникам, характерный для них.</p>	<p>1. Пов'язаний спільністю походження. // Який має спільну причину. 2. перен. Близький, схожий з ким-, чим-небудь за своїми якостями, ознаками і т. ін.. //</p>

	<p>3. Основанный на отношениях родства родство I</p> <p>4. Близкий по общности происхождения.</p> <p> перен. Близкий по духу, привычкам, убеждениям.</p> <p>II прил.</p> <p>1. Соотносящийся по знач. с сущ. родство II, связанный с ним.</p> <p>2. Основанный на отношениях родства родство II, общего источника – праязыка (в лингвистике).</p> <p>III прил. см. родственные Имеющие один и тот же корень; однокоренные (о словах – в лингвистике). [ТСЕ]</p>	<p>Відповідний, близький кому-, чому-небудь, співзвучний з ним [СУМ ІХ, с. 574].</p>
<p>Родной Рідний</p>	<p>I м.</p> <p>Употребляется как ласковое обращение к отцу, брату, мужу, мужчине, юноше, мальчику, соответствуя по значению сл.: родимый, милый, любимый.</p> <p>II прил.</p> <p>1. Находящийся в кровном родстве по прямой линии.</p> <p>2. перен. Близкий по духу,</p>	<p>1. Який має кровну спорідненість, кровний зв'язок із ким-небудь // Власт. людині, яка має кровну спорідненість, кровний зв'язок із ким-небудь// Який належить тому, хто має таку спорідненість, такий зв'язок із ким-небудь // Який перебуває у шлюбі з ким-</p>

	привычкам и убеждениям с кем-либо; свой. [ТСЕ]	небудь (про чоловіка стосовно дружини і навпаки) // Який складається з кровно споріднених осіб. 2. у знач. ім. рідні, них, мн. Батьки. // Близькі й далекі родичі. 3. перен. Близький кому-небудь духом, звичками, поглядами і т. ін. [СУМ VIII, с. 557–558].
Кровний Кровний	I прил. 1. Основанный на происхождении от одних родителей или по отцовской линии. 2. устар. Наследственный (о человеке). II прил. устар. Чистокровный, породистый (о животных). III прил. Глубоко затрагивающий, близко касающийся. IV прил. разг. 1. Добытый, заработанный тяжёлым трудом. 2. Очень жестокий; тягчайший.	1. Який має спільних предків; рідний за кров'ю.// Який ґрунтується на походженні від спільних предків. <i>Кровна спорідненість</i> . 2. перен. Який ґрунтується на духовній близькості, спільності інтересів; міцний, нерозривний [СУМ IV, с. 361].

	[ТСЕ]	
Кровь Кров	<p>I ж.</p> <p>1. Жидкость красного цвета, циркулирующая в организме человека или животного, доставляющая питательные вещества к тканям и уносящая продукты их распада.</p> <p>2. перен. разг. Убийство.</p> <p>II ж.</p> <p>1. Близкое, единокровное родство. Происхождение.</p> <p>2. устар. Потомок.</p> <p>III ж.</p> <p>разг. Страсти, темперамент.</p> <p>[ТСЕ]</p>	<p>1. Червона рідина, яка, циркулюючи в замкнутій системі організму, забезпечує живлення його клітин і обмін речовин у ньому.</p> <p>2. <i>перен.</i> Людські жертви при якому-небудь зіткненні, боротьбі, війні тощо; убивства, кровопролиття.</p> <p>3. Порода, породистість тварин.</p> <p>4. <i>перев. з означ., перен.</i> Про рід, походження, національність людини. // у сполуч.зприсв.займ., розм. Про близьких родичів (переважно про дітей) [СУМ IV, с. 358].</p>
Предок Предок	<p>1. Лицо, являющееся предшественником в семье, роде, племени по отцовской или материнской восходящей линии, обычно далее деда или прадеда (противопол.: потомок) [ССРЛЯ XI, с. 138].</p>	<p>1. Старший родич по висхідній лінії з боку матері або батька (звичайно старіший за діда, бабу); // Той, від кого веде свій початок рід // Родоначальник якогось виду або роду (про тварин).</p>

		2. <i>перев. мн.</i> Попередники сучасних поколінь; люди, що жили задовго до теперішніх часів; // <i>тільки мн.</i> Ті, від кого походять певні людські племена, народності і т. ін. [СУМ VII, с. 528–529].
Роды Пологи / Роди (редко) / Родини (разг.)	1. Физиологический процесс рождения, выхода младенца из тела матери. Процесс рождения детёныша у животных. 2. перен. разг. Тяжёлый, мучительный процесс появления и формирования чего-либо нового. [ТСЕ]	Фізіологічний процес виходу плода з тіла матері; роди [СУМ VII, с. 541].
Рождают	1. Производит на свет младенца в результате родов (о женщине). Давать жизнь кому-либо. 2. перен. перех. Давать начало чему-либо, создавать, производить, быть причиной появления чего-либо. 3. перен. перех. Вызывать в ком-либо какое-либо чувство. 4. Приносить плоды, урожай; родить 3. (о почве). [ТСЕ]	1. перех. Давати життя дитині [дітям] під час пологів (про жінку або самицю). 2. перех., перен. Давати початок чому-небудь, створювати що-небудь, бути причиною появи когось, чогось. // Пробуджувати, викликати що-небудь. 3. тільки док., перех. і

		неперех., розм. Дати багато плодів, принести великий урожай. [СУМ VI, с. 447].
--	--	--

В целом в толковой академической лексикографии отмечаем совпадение семантических признаков, отражающих в русском и украинском языках семантику ‘общность, связь, близость по крови’, ‘общность, связь по браку’ и ‘общность, близость по духу’. Первые два из выделенных значений – ‘близость по крови’ и ‘близость по браку’ – являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными. Именно в этих прямых значениях, как в наибольшей степени связанных с образно-смысловым (мифопоэтическим) ядром константы и реализующих ее мифопоэтический потенциал, будет рассматриваться функционирование константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах в диссертации.

Кроме того, в отличие от семантики слов, вербализующих концепт Семья / Сім'я в двух языках, в семантическом поле номинаций родства значимое место занимают значения ‘общность происхождения’, ‘общий источник’, ‘общий предок’, ‘общее имя’. Все эти значения имеют отношение к значению слова *род* и к связанным с его этимологией комплексом мифопоэтических представлений. *Имя, предок, потомок, семья* (укр. *ім'я, предок, нащадок, сім'я*) – все эти лексемы, составляя часть номинативного поля константы Родство / Спорідненість, концептуализуют ценностный компонент ее содержания в мифологически-исторической перспективе: для константы Родство / Спорідненість вопрос об общем имени, источнике и развитии его потенций в потомках не менее важен, чем вопрос о единстве и близости того, кто объединен узами родства. Установленные протосемы обуславливают вербализацию константы в обобщающих понятиях «предок – род, кровь – родственники, родня, родич, род – родственник, кровный» и конкретных – *мать, отец, дед, баба* – номинациях родоначальников.

Очевидно, что константа Родство / Спорідненість как макроконцепт включает в себя множество концептов, в том числе Род и Семья. Их изучению посвящен ряд работ, среди них: [Добровольская 2005; Макарец 2013; Чжан Цинхань 2022; Пименова 2022]. Так, Ю.С. Макарец в результате своего исследования приходит к обоснованному выводу о том, что «концепты Род, Семья тесно взаимосвязаны между собой, однако их семантико-культурологический объем не тождественен. Ядром названных слов-концептов является значение совокупности лиц, связанных кровной связью, вокруг которого сформирован широкий круг глубинных значений. С родом в украинском сознании тесно связано представление о возможности полноценного существования только в его среде, поскольку он обеспечивает защиту и оказывает помощь. <...> Если род богатый и большой, то это улучшает положение каждого его члена. Род состоит из ряда семей, они также пользовались глубоким уважением, о чем свидетельствуют фразеологические контексты употребления лексемы *семья*. Этим компонентом значения ('единица рода') концепт Семья связан с концептом Род, однако словообразовательная связь первого со словами *род*, *рожать* ограничено его функционированием в научных терминосистемах, в частности вхождением в число биологических терминов, тогда как *семья* зафиксировано и среди лингвистических терминов (*семья языков*)» [Макарец 2013, с. 76]. На подобные корреляции обратила внимание С.М. Колесникова: «Концепт СЕМЬЯ опосредованно связан с понятиями ДОМ, ОЧАГ и ФАМИЛИЯ, РОД» [Колесникова 2018, с. 57]. Представляется, что для описания содержания макроконцепта-константы Родство недостаточным является не только анализ входящих в его состав концептов, но и схематичное описание отношений между ними.

Содержание номинативного поля константы Родство / Спорідненість уточняют данные словарей эпитетов: моделируя семантику той или иной номинации, вербализующей родственные отношения, в ее воплощении в художественной речи, эпитеты, используемые писателями и поэтами, как правило, отражают не только авторскую оценку, но и «точку зрения культуры».

Этот тезис, в частности, аргументированно отстаивается В.Г. Зусманом в статье о художественном концепте: «Концепты в художественной литературе возникают как результат взаимодействия внутренней формы слова-произведения со “словесными и общекультурными стереотипами”» [Зусман 2001, с. 21].

В словарях эпитетов русского языка находим: Мать Заботная (Мельн.-Печерский); Любящая (Плещеева); Нежная (Чехов, Щепкина-Куперник); Дети Беспечные (П.Я., Дрожжин); «Звонкоголосые, быстрые и светлые, как капельки разбежавшейся ртути» (Л. Андреев). Румяные (Некрасов). Резвые (Жуковский) [СЛЭ]. Отметим наличие общей семы «способная проявлять любовь» у эпитетов, характеризующих *мать*, и обратимся к более современному источнику. В нем эпитеты сопровождают большее количество номинаций родственников, число эпитетов значительно возрастает. Наибольшее количество эпитетов приходится на лексемы *семья, жена, муж*. Семья может быть охарактеризована как *бедная, бездетная, беззаботная, бережливая, беспечная, большая, деловая, деловитая, домовитая, зажиточная, захудалая, значительная, интеллектуальная, ленивая, маленькая, малоимущая, малосостоятельная, многодетная, многочисленная, небольшая, нищая, праздная, работающая, рачительная, сибаритская, состоятельная, трудовая, трудолюбивая, труженическая, тунеядная (устар.), хлопотливая, хозяйственная; безалаберная, безупречная, беспутная, благополучная, благоприличная, благопристойная, благоразумная, вздорная, горемычная, гостеприимная, грешная, добропорядочная, драчливая, дружная, жадная, заботливая, замкнутая, затворническая, здоровая, интеллигентная, конфликтная, крепкая, культурная, ладная (разг.), любезная, мещанская, мирная, наглая, неблагополучная, неинтеллигентная, неприветливая, неприятная, непутевая, нескладная, несчастная, обывательская, открытая, праведная, приветливая, радушиная, распутная, скандальная, склочная (разг.), скромная, спаянная, сплоченная, степенная, строгая, сумасбродная, счастливая, трудная, хлебосольная, целомудренная, честная, шумная; Городская, дворянская, крестьянская, кровнородственная, купеческая, моногамная, патриархальная, старообрядческая, студенческая* и т.п. [СЭРЛЯ, с. 162].

О качествах жены свидетельствуют художественные определения: аккуратная, беззаботная, безответная, безропотная, бережливая, благодушная, благоразумная, бранливая (разг.), бранчливая (разг.), верная, вздорная, властная, внимательная, горластая, гостеприимная, грубая, гулящая (разг.), добрая, добродетельная, домовитая, дорогая, достойная, заботливая, заботная (простореч.), злая, злющая (разг.), идеальная, кроткая, ласковая, легкомысленная, ленивая, любвеобильная, любимая, любящая, образцовая, милая, мужняя (разг.), неверная, недобрая, недостойная, нежная, нервная, плохая, покорная, послушная, постылая (разг.), практичная, приветливая, работающая, радушиная, разгульная, расторопная, расточительная, ревнивая, родная, сварливая, скромная, славная, старательная, строптивая, терпеливая, трудолюбивая, умная, хитрая, хозяйственная, чадолюбивая, честная, чистоплотная, чуткая, эгоистичная, экономная; бездетная, законная, незаконная, разведенная, разводная (устар.), фиктивная, чужая и т.п. [СЭРЛЯ].

О характеристиках мужа говорят определения: безропотный, беспутный, благодушный, благопристойный, благоразумный, верный, вероломный, вздорный, властный, грозный, грубый, гулящий (разг.), дачный (разг. и шутл.), добрый, домовитый, дорогой, достойный, жадный, заботливый, злой, идеальный, кроткий, ласковый, легкомысленный, ленивый, любвеобильный, любимый, любящий, милый, молодой, настоящий, неверный, недостойный, нежный, ненавистный, образцовый, отличный, плохой, покорный, послушный, постылый (разг.), практичный, прижимистый (разг.), пьяный, ревнивый, решительный, рогатый (разг.), родной, самоуверенный, сварливый, серьезный, скромный, скупой, скучный, старый, страстный, терпеливый, умный, хмельной, чадолюбивый (устар.), честный, чуткий, эгоистичный. Законный, незаконный, фиктивный, чужой и т.п. [СЭРЛЯ].

Очевидно, что эпитеты, зафиксированные в современном словаре, характеризуют номинации родственников в разных аспектах: поведения в семье, значимых личностных качеств, законности отношений и пр. Обращает на себя внимание другое: большинство этих характеристик вписывается не только в

разные синонимические ряды, но и в ряды оценочные, на противоположных полюсах которых находятся слова-антонимы (с максимально положительной и, соответственно, максимально отрицательной оценочностью): *добрый, кроткий, милый, любящий – вздорный, грубый, грозный, злой (муж); безответная, безропотная, кроткая, благодушная – горластная, бранчливая, бранливая, ворчливая, вздорная, сварливая*. Причем положительной оценкой в языке наделены характеристики, согласованные с ценностью семьи (единства): то, что для семьи (единства, общности, близости) благо, оценивается положительно, то, что семью (общность, близость) может разрушить, – отрицательно. Оценочность, с выделением семьи / единства / общности / близости в качестве ценностно-содержательного ориентира, является неотъемлемой характеристикой семантического поля константы Родство и ее существенным признаком в русском языке. То же можно утверждать на основании данных словарей эпитетов и в отношении украинской константы и украинского языка.

В украинской лексикографии в реестре эпитетизированных названий родства – *баба (бабуся), батько, дід, мама (мати, матір), син, чоловік*. Соответственно *баба – балакуча, беззуба, бідна, бісова (прост.), бридка, весела, в'їдлива, вража (прост.), гладка, глуха, горбата, горлата, грішна, груба, дебела, добряча, добродушна, довгон'ята, дурна, енергійна, єхидна, забарна, завзята, запліснявіла, затята, збіджена, згорблена, здорова, здоровенна, злопам'ятна, злослива, злюща, кирпата, клята (розм.), коса, крива, криво лоба, кривонога, криворот, курноса, лиха, ліберальна, люта, набурмосена, настирлива, нахабна, невірна (розм.), несимпатична, нетямуща, низенька, нікчемна, обдерта, обережна, перелякана, пихата, плакуча, погана, понура, похмура, привітна, приємна, причеплива, проворна, простоволоса, п'яна, розхристана, ряба, сердита, сіда (розм.), сліпа, смілива, справна, спрацьована, стара, столітня, страшенна, суха, суча (розм.), улеслива, хитра, хороша, цікава, чорна, чортова (розм.), язиката [СЕУМ, с. 16–17].*

Широкое эпитетное поле поэтической номинации *батько*: *Активний, багатий, бідний, бльдолиций, богатирський, боголюбний, божевільний,*

бородатий, брехливий, бровастиий, брудний, вбогий, великий, великоголовий, величний, вередливий, веселий, витягнутий, високий, вільний, втомлений, говіркиий, голодний, грізний, добрий, дебелий, довгий, дратівливий, древній, дужий, думаючий, єдиний, живий, життєзнаючий, загиблий, задуманий, задушевний, зайнятий, заклопотаний, закоханий, заможний, замордований, засапаний, заспокійливий, засушений, здоровий, здорожений, злий, коренастиий, коханий, кремезний, лагідний, ласкавий, люб'язний, лютий, мислячий, мовчазний, могутній, мозолястиий, монументальний, мудрий, надійний, намерзлий, намучений, насуплений, нафантазований, невідомий, незабутній, незнаний, немічний, неписьменний, непривітний, нереальний, нерідний, неслухняний, нещасливий, новоспечений, нудний, обвантажений, обдертий, одинокий, осиротілий, панський, поважний, покійний, порядний, працелюбний, привітний, приружений, п'яний, рідний, розхристаний, розумний, рум'яний, сивий, сивоволосий, синьоокий, сонцелюбний, старенький, старий, старомодний, статечний, статний, стурбований, стомлений, суворий, сумний, сутулий, тверезий, улюблений, усміхнений, хазяйновитий, хворий, хмурий, хоробрий, худючий, червоний, чесний, чорнобривий, чудесний, чужий, шанований, шановний, щасливий, щиросердний [СЕУМ, с. 27–28].

Также широко представлены эпитетные ряды для других лексем: *дед* – 80 определений, *мама* – 88 определений, *сын* – 83 определения, *чоловик* – около 100 определений.

Представляется, что значительно больший объем эпитетов, отмеченных в украинском источнике, может указывать на большую значимость ассоциативно-образных структур, связанных с лингвокультурным концептом Родство, в украинской художественной КМ по сравнению с русской художественной КМ. В свою очередь, такое усиление значимости ассоциативно-образных структур, предположительно, может быть связано с большим влиянием фольклорной КМ и, соответственно, дохристианских языческих мифопоэтических представлений.

Влияние языческих мифопоэтических представлений в целом сказывается на развитии языковой метафорики в концептуализации родства и родственных

отношений: они и в целом, и в своих значимых частях могут представлять как метафора. Например, *род*, *семья* (как одна из форм реализации родства) – *человеческий организм* (*своя кровь* – «родня»), *голова* – глава семьи, *колени* – горизонтальный срез родственников, степень родства, др.-рус. *кость* – «род, племя», др.-рус. *мизинец* – «младший сын») и *род*, *семья* – *растение* (*корни родства*, *ветви генеалогического древа*, *семя* – «потомство», *отпрыск* – «ребенок», *племя*, *племянник* – генетически родственное слову *плод*) [Николенко 2012]. Как отмечает О.Ю. Николенко, «древнее синкретическое представление о родстве как одном из законов мироустройства находит отражение и в универсальной метафоре родства, и в метафорическом представлении о самом родстве» [Николенко 2012, с. 219–220]. Действительно, логично предположить, что связь понятий родства с соматизмами и фитонимами не случайна: она отражает в первом случае антропоцентризм традиционной картины мира, выражающей социальные понятия на языке человеческого тела; во втором – «биологизм», обращение к растительному (вегетативному) коду для обозначения социальных отношений [Толстая 2009, с. 11].

Таким образом, существенными характеристиками семантического ядра константы Родство / Спорідненість является не только совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, но и мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, а также ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку. При этом очевидно, что и в прямых, и в метафорических значениях слов-вербализаторов константы ее номинативное поле сконцентрировано вокруг исходного для нее слова *род*, внутренняя форма которого восстанавливается как имя-миф *Род* в связи с системой архаических мифопоэтических представлений о боге Роде. Разумеется, содержание константы Родство / Спорідненість не исчерпывается содержанием внутренней формы слова *род* / *pid*, но оно, в качестве образно-смыслового ядра константы, задает основное направление как ее развитию, так и концептуализации

(в рамках константы) семьи, близости, общности как ценности – в русской и украинской НЯКМ.

Обратимся к структуре семантических отношений между ключевыми (доминантными) вербализаторами константы с точки зрения ее мифопоэтической составляющей. Схематично ее можно представить следующим образом:

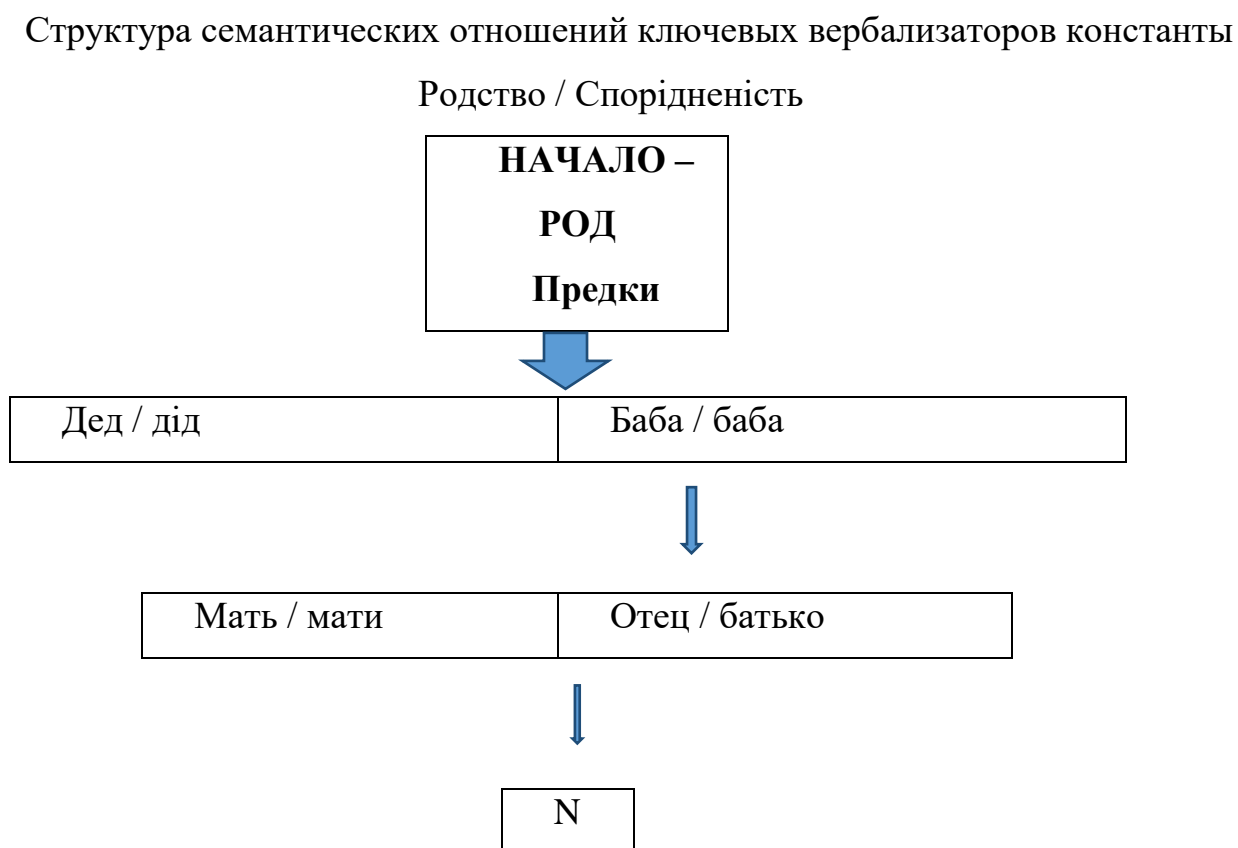

Схема 2.1.

Род как имя-миф (мифема) занимает если не центральное, то одно из наиболее значимых мест в ряду имен-мифов, соотносящихся с древнерусской (восточнославянской) мифологией. С общепринятой точки зрения «древние славяне были язычниками», веровавшими на раннем этапе культурно-исторического развития «в злых и добрых духов», а на более поздних этапах (до принятия христианства) – в целый пантеон богов: эта мысль ясно высказывается не только в учебном пособии «История России», но и в Энциклопедическом словаре славянской мифологии [Орлов А.С., Георгиев В.А. 2006, с. 20; Славянская мифология 1995, с. 15]. Пантеон славянских богов составляли боги, отражающие «разнообразные силы природы», – однозначно утверждают авторы

«Истории России», выделяя при этом Перуна, Сварога, Велеса, Симаргла, Дажьбога и Мокошь как «важнейших». По общепринятым представлениям разные славянские племена имели разных «главных» богов, поклонялись природным явлениям, душам усопших и приносили жертвы, в том числе человеческие [Соловьев 1988, с. 103–104]. Однако в современных этнографических, исторических трудах разрабатывается и иная позиция, согласно которой Сварогу, Божеству Неба, Света, Мира, Добра принадлежала роль Первобога, Создателя [Домников 2002, с. 63; Фаминцын 2012, с. 121–124]. Остальные боги были его различными эманациями – воплощениями.

Б.А. Рыбаков утверждает, что «Сварог» (Небесный) или Стрибог (Бог-отец) как Создатель в различных источниках выступает и под именем «Род». По данным митрополита Илариона Огиенко [Ларіон 1992, с. 116], *Род* считался творцом Вселенной, богом Жизни и Судьбы, опекуном Дерева жизни (символ Великой Матери, по К.Г. Юнгу [Юнг 1991, с. 55]). Со временем Род стал покровителем семьи [Войтович 2002]. А.С. Фаминцын приводит данные из «Ипатьевской летописи», согласно которым имя «высшего бога» древних египтян летописец переводит словом «Сварог» и далее говорит о «Солнце-царе» как о «сыне Сварогове» [Фаминцын 2012, с. 121]. Иллюстративна в этом отношении и отсылка Рыбакова к факту споров после крещения Руси «между христианскими и языческими теологами» о том, «кто является владыкой мира – языческий Род или христианский Саваоф» [Рыбаков 1987, с. 755–756]. По предположению американского историка Г.В. Вернадского, «Дажьбог, Хорс и Стрибог» есть некая «триада, эманурующая из Сварога» [Вернадский 1999, с. 61]. В доказательство он приводит сведения о слове «троянский» в древних летописях, образованном от имени «Троян» и имеющем значение «отец трех сыновей» в украинском языке. Мыслитель и писатель первой половины XX в. Ю.П. Миролубов, аргументируя то же положение, ссылается на слова греческого писателя Прокопия (IV век после Р.Х.) и германского хроникера Гельмольда (XII век) [Миролубов 1996, с. 486–487]. «Род» в этих работах предстает не только Создателем, но и единым началом Вселенной. Не случайно в Збручском идоле IX в. (Святовит) «богиня земного

плодородия (Мокошь), бог земли предков и богатства (Волос), богиня весны и свадеб (Лада), бог «белого света» и солнца (Дажьбог), бог грозы и покровитель воинов (Перун)» сливаются в единый лик и фигуру Рода [Рыбаков 1987, с. 767–768]. Знаменательна в этом отношении «оговорка» из энциклопедического словаря по славянской мифологии: «Видимо, к VI веку славяне были близки к монотеизму, верованию в верховного бога» [Славянская мифология 1995, с. 16].

Опираясь на многозначность слова *род* в русском языке с центральным значением родовых связей, объединяющих людей одного рода, на вхождение этого имени-мифа во внутреннюю форму (этимологию) таких ключевых для представлений человека о мире слов, как *природа, народ, родина, рождение, родственник и родной*, а также на целый ряд других фактов – в том числе упоминание в «Слове о полку Игореве» русских (по одним предположениям, князей, по другим – весь народ) как «внуков Дажь-Бога», традицию «покойников называть родителями» [Афанасьев 2007, с. 250]), предельную сближенность Творца и тварного мира в русских духовных стихах [Федотов 1991, с. 64], «представление русских поселян» о том, что «солнце есть огонь, поддерживаемый Дедом» [Фаминцын 2012, с. 121], наконец, органическую одномоментность вхождения в русскую концептосферу мифологического образа Деда Мороза, – можно утверждать следующее. «Внутреннюю форму» имени-мифа *Род* составляет образно насыщенная семантика ‘единое начало мира’, ‘единство мира’, ‘близость между Небом и человеком и человеком и природой’, в основе которой лежат древние мифологические представления о единосущности бога-Творца мира, природы и человека и о сопричастности одного другому, так же как и человека человеку (в случае, если они объединены семейно-родственными, родовыми отношениями). Кроме того, в этих представлениях, по всей видимости, выделялась активная роль человека, сопричастного творящему Роду, по сравнению со служебной ролью природы, которая должна человеку помочь (быть «при роде / Роде») в устройении его земной жизни.

Можно предположить, что ассоциативная связь «мужское начало» – «творящее», значимая для семантики мифа-имени *Род*, в дальнейшем развилась в

ряд этнокультурных концептов, таких как *посаженный, главный отец / весільний батько, крестный отец / хрещений батько*. Также ведущая роль *отца* в роде отмечена в развитии дополнительного значения слова *отец* ‘родоначальник, основоположник чего-либо’, ‘уважительное отношение (к старшему)’, ‘обращение к священнослужителю’ [ССРЛЯ VIII, с. 1364] / *батько* ‘родоначальник, основоположник чего-либо’, ‘уважительное отношение (к старшему, к козацкой старшине)’ [СУМ I, с. 113]. Немаловажным языковым фактом в этом отношении является и то, что слово *отцы / батьки* употребляется для именованя людей предшествующих поколений [ССРЛЯ VIII, с. 1366; СУМ I, с. 112].

Отношения человека, бога-Творца (Единоначалия) и природы играют значимую роль в мифологических представлениях о Роде и, соответственно, отражаются во внутренней форме константы Родство. Семантика единого творящего мужского начала, нашедшая выражение не только в лексической семантике слов *род, родитель, прародитель* и пр., но и, в частности, в грамматическом значении мужского рода слова *род*, дополняется во внутренней форме константы семантикой единого вынашивающего, рождающего и кормящего женского начала, значимой для мифологических, архаических представлений о матери-природе. Не случайно одно из имен богини, воплощающей плодоносящие силы земли, в восточнославянской мифологии *Рожаница* – имя, этимологический и морфемно связанное с именем-мифом *Род*. Мужское творящее начало, проявляющееся в боге Роде, поддерживается и укрепляется женским питающим началом, воплощенном в Рожанице. Таким образом, во внутреннюю форму концепта Род и константы Родство входит ядерная для него семантика взаимосвязи и взаимодействия мужского и женского как творящего и питающего (поддерживающего) начал. Примечательно, что, по данным этнографии [Амброз 1966, с. 72], изображения женского божества в восточнославянских орнаментах не были самостоятельными: они всегда сопровождали, поддерживали солярный мужской символ, «прорастали» растительными, зооморфными, орнитоморфными, тератоморфными мотивами.

Представления о женском питающем начале в восточнославянской мифологии конкретизировались в образе матери-Земли, «Великой (Родовой Матери)», «Богини жизни» и воплощали идею жизни. Этот образ предстает под целым рядом имен: Жива, Дана, Дева, Берегиня, Житняя Баба, Рожаница, Слава [Жайворонок 2006, с. 69]. По всей видимости, и Мокошь (Макошь) как богиня плодородия и судьбы – одно из воплощений «Великой Матери». При этом если бог Род в восточнославянских мифологических представлениях связан с Небом и, соответственно, духовной силой, то мать-земля свята своей жизненной, материальной силой.

Представления о кровно-родственной связи народа и природы (через соотнесенность с единым родовым началом – *Родом*) проявлялись, в частности, в народных поверьях, распространенных вплоть до революции 1917 г.: «Горсть родной земли, которую брали с собой в дорогу странники, наделялась магическими свойствами»: она могла согревать и защищать на чужбине [Шейнина 2001]. Эти магические свойства родная земля имела, естественно, не только потому, что была насыщена жизненной энергией, но потому, что ее жизненная энергия была адресована «родному человеку» – человеку, рожденному и возвращенному ею в продолжение и поддержку творящей деятельности бога *Рода*.

Прослеживая древнейшие истоки русского слова *святой*, В.Н. Топоров обнаруживает, что исходный для него праславянский корень восходит к праиндоевропейской основе со значением набухания, возрастания, и заключает: «В языческую эпоху это “увеличение” <...> трактовалось как результат действия особой жизненной *плодоносящей* силы <...>. Не случайно поэтому, что эпитет «святой» в русской (и славянской) традиции определял прежде всего символы вегетативного плодородия <...>, рамки вселенной как предел ее потенций (*святая земля, святое небо*), выступающие и в ипостасном, как бы персонифицированном виде родителей (ср.: *Мать-Земля* и *Отец-Небо* при *святая мать, святой отец* <...>)» [Топоров 1995, с. 7–8]. О «живучести» мифологических представлений о святости плодородных сил земли и, собственно, родной земли свидетельствуют тот факт, что и после принятия Русью христианства родная земля в письменных

источниках именуется «матерью» (См., например: «Аще ли земля есть мати, почто плюете на мать свою?» (Ипатьевская Летопись, 986 г.), «мати сира земля» (Иоанн Златоустый IV в.)).

Более того, многочисленные упоминания «святой русской земли» в былинах, духовных стихах и других фольклорных текстах раннего происхождения (включая Голубиную книгу (создание которой относят к концу XV – началу XVI в.) приводят исследователей к выводу о фольклорном происхождении такого значимого для русской культуры дискурса, как дискурс о Святой Руси: «Трудно отрицать, что если не самый термин “Святая Русь”, то дискурс, говорящий о святости Руси, появился в восточнославянском обиходе до Курбского. <...> Соловьев справедливо указывал на более или менее очевидное родство между выражением “светлая Русь” и “Святая Русь”» [Дмитриев 2012, р. 322]; «явственно фольклорная закуска понятия «святая русская земля» (в противовес «святая русская империя») в «Истории» Курбского» указывает на «народно-фольклорное происхождение этого названия» [Королева 2023, с. 5–32. С. 6].

Архаическое по своему происхождению и вечно живое, как показывает история развития русской культуры, мифологическое представление о материнстве родной земли по отношению к народу в годы Великой Отечественной войны и более поздний период воплотилось в монументальных скульптурных и плакатных образах Родины-матери.

Метафорические переносы и символизм в словах, вербализующих этнокультурные концепты *крестная мать / хрещена мати*, рус. *посаженная мать / весільна мати*, *природа-мат / природа-мати*, *земля-мать / земля-мати*, *родина-мать / Батьківщина-мати*; простонародное употребление слова *мати* / *мати* по отношению к любой незнакомой женщине в возрасте указывают на укорененность в НКМ архаических мифологических представлений о значимости связей родства между человеком и человеком и человеком и природой.

Символом родственной связи человека с Небом и Землей, единственности и единоначалия мира, его органичного роста (эволюционности) в

восточнославянской мифологии, так же как во многих других архаических мифологиях ([Топоров 1987]), являлся образ Мирового (космического) дерева. В его образе, как известно, нашли воплощение представления о триединстве мироустройства, а также мифопоэтические представления об изоморфной структурированности мира. Мировое дерево символизирует не только то, что во Вселенной сосуществуют и органично взаимосвязаны небесный (духовный) мир богов (Правь – в восточнославянском варианте), мир людей и всей земной жизни (восточнославянское название – Явь) и мир подземный, невидимый, вообще «тот мир», царство духов (Навь) (см., в частности: [Ларіон 1992, с. 57; Лозко 2010, с. 19–22; Войтович 2002, с. 393, 611–612, 325]), но и то, что трехчленная структурная взаимосвязь вообще органична для мира: для времени (прошлое – настоящее – будущее), для рода (предки – родители – потомки), для человеческого тела (ноги – туловище (вместе с головой) – руки), для стихий (вода, земля, огонь) [Топоров 1987, с. 399].

Представляется значимым для настоящего исследования отметить, однако, не столько архетипические (то есть универсальные) черты и функции этого образа, сколько указать на одну особенность. В.Я. Пропп, рассуждая о функции и происхождении мотива переправы в волшебных сказках, указывает на его историческую связь с похоронными ритуалами и мифологическими представлениями о царстве мертвых и жизни человека в нем после смерти [Пропп 2000, с. 171–182]. В ряд вариантов этого мотива Пропп включает и «переправу» «по дереву»: «Сходное происхождение имеет мотив дерева, по которому попадают на небо. “Взял он мешок и полез на дуб. Лез, лез и взобрался на небо” (Аф. 188). Здесь русская сказка отражает широкое представление, что два мира (а иногда и три – подземный, земной и небесный) соединены деревом» [Там же, с. 180]. Однако происхождение и само содержание этого варианта «переправы» разительно отличается от других приводимых ученым вариантов. Во-первых, он не связан с похоронными ритуалами и, соответственно, с представлениями о царстве мертвых (подземном царстве): герой сказки лезет по дереву вверх (на небо, в царство богов) по собственному почину за своей (весьма прозаической)

надобностью (желудями) и возвращается с неожиданными дарами (жерновцами и петушком). Кроме того, дерево вырастает прямо у «бедных-бедных» старика и старухи в доме, что исторически связано с совсем другим обрядом (обычаем): сажать деревце на месте предстоящей закладки нового дома [Коваль, 2016. с. 64.], как бы вписывая дом в образ Вселенной, «пристраивая» свой домашний очаг к «мировой оси». Примечательно, что в сюжете сказки, которую приводит Пропп, дерево становится «переправой» в небесный мир тогда, когда старуха (жена) всячески старается, чтобы желудь, случайно упавший в подпол, вырос в дерево, и когда старик (муж) решается залезть по стволу, чтобы добыть желудей [Афанасьев 1984–1985, т. 2, с. 30–31].

В этой сказочной обработке мифологического сюжета о Мировом древе со всей очевидностью проступает органичная связь между мифом о *Роде* и мифологическими представлениями о Мировом древе в восточнославянской мифологии: бог Род вписывает человеческий род в космический порядок, объединяя собой царство небесное с царством земным (и, вероятно, царством подземным). Более значительным представляется, однако, другое: что Мировое древо здесь «одомашнено» в прямом и переносном смысле: оно вырастает изнутри пространства избы, более того, его вертикальное членение одинаково легко преодолевается стариком в обе стороны: вверх, в мир богов, и вниз, в земной мир; дары же небесного мира имеют вполне практические, «одомашненные» функции. Мифопоэтическая интерпретация такого «одомашнивания» мифа о Мировом древе в волшебной сказке в целом исходит из того, что волшебная сказка как жанр построена на разложении, в пределе – прозаизации или даже профанации мифа. Однако прозаизация как результат разложения мифа – общее место для волшебной сказки разных народов мира, сюжет же о старике, который лезет по дереву, выросшему в его доме, и беспрепятственно приносит найденные «на небе» дары старухе (и себе), хотя и несколько подобен такому сюжету, как например, сюжет английской народной сказки «Джек и бобовый стебель» (Jack and the Beanstalk), все же уникален. Его уникальность состоит в той простоте, с которой мировая, космическая ось

вписывается в пространство дома и с которой человек преодолевает границы между царством земным и небесным. Представляется, что в этом сюжете, в простоте преодоления границ центра-периферии, внутреннего и внешнего, человеческого и небесного, в образной фиксации не символического, но сущностного подобия домашнего порядка порядку космическому сюжетно разворачивается тот особый образно-смысловой потенциал, который заложен во внутренней форме слова-мифа Род и который связан с семантикой близкородственных отношений между богом Родом (Дедом) и человеческим родом (внуками божьими). Косвенно на это указывает характерный для русских народных сказок выбор в качестве активных действующих лиц, главных персонажей восточнославянской волшебной сказки старика и старухи (деда и бабы), как бы стоящих на границе царств земного и подземного и объединяющих собой, своим пограничным бытием и параллелизмом своего женско-мужского взаимодействия «сороботничеству» Рода и Рожаницы горизонталь земного мира с вертикалью космической структуры – Мирового древа.

Отношения между человеком и человеком, человеком и Небесными силами и человеком и миром, в образно-чувственной форме «схваченные» как отношения *родовой* или *при-родовой* близости в восточнославянской мифологии, концептуализируются в христианской культуре в принципиально новом ключе. Принятие Русью христианства, как известно, привело к масштабным изменениям в мировоззрении, в представлениях о мире и человеке. Миф о божестве-Роде, культ матери-земли, образ Мирового древа при этом не исчезли, не растворились в новых представлениях, но отчасти повлияли на характер русского (восточнославянского) православия, отчасти же сохранились в параллельном существовании с новыми православными верованиями. В этом последнем отношении примечателен факт, на который указывает Д.С. Лихачев: «<...> культ земли, поклонение земле как матери, прародительнице, существовало в России наряду с христианством, точнее, не наряду с христианством, но как-то включалось в христианство <в том числе> и в XIX и в XX веках <...> Это особенность, которая очень важна была в русской жизни, потому что с этим было

связано и особое отношение крестьянства к земле <...>. Что касается культа рода, то это сказалось и на политической жизни. <...> древнерусское язычество было не только характерной чертой русского крестьянства, не только там пустило какие-то свои корни, но и в княжеской среде был культ рода и культ земли [Лихачев 2006].

Сосуществование с православием культа рода проявляется в том числе в известной народной сказке «Куручка» [Афанасьев 1984, т. 1, с. 83–34]: в ней беда, допущенная в пространство рода – избу – дедом и бабой (разбитое яичко) не может быть отведена, исправлена ни просвирней, ни дьячком, ни попадьею, ни самим попом. Вхождение архаических верований в православные традиции нередко встречается и в наши дни – в частности, в замешанной на архаической мифологии убежденности в том, что грехи рода автоматически ложатся на потомков и что их можно и следует «вымаливать» или «отмаливать». Так, в разных выпусках православного журнала «Фома» встречаются вопросы по типу: «Как отмолить свой род?» – и ответы на них православных священников, содержащие отсылки к Новому Завету и отрицающие то, что грехи предков мистически переходят на потомков. Приведем в пример комментарий протоиерея Михаила Самохина: «Грех передается от родителей к детям без всякой мистики путем передачи дурного примера и образа жизни. При условии искреннего покаяния, как изменения образа жизни никакой грех не сможет передаться и стать общим для всей, зачастую многочисленной семьи. <...> Христианство – религия ответственности. Каждый из нас сам отвечает перед Богом за свою жизнь, не прячась за род, не списывая ничего на мифические “прошлые жизни” и не заявляя о предопределении. Мы знаем, что ответственность – обратная, но неотъемлемая часть Божественного дара свободы человека» [Фома 2023].

Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода. Вместе с тем в саму семантику и символику кровного родства и свойства начинает вливаться семантика родства духовного, усиливается значение любви: семья в православной картине мира,

кроме всего прочего, предстает (в потенции и при условии следования христианским традициям) «домашней Церковью», отец и муж – ее главой, проводником воли Божией, а все члены семьи – единым организмом, живущим взаимной любовью (См., в частности: [Нефедов (прот.) 2006]).

С другой стороны, молитва за усопших является неотъемлемой практикой русского православия, что, наравне с некоторыми другими чертами, указывает на вхождение в него (с существенными внутренними изменениями) общих представлений о живой связи между потомками и предками одного рода, свойственных архаической восточнославянской мифологии. Представляется, что и особая жизнерадостность, характерная для русского православия, в той или иной мере связана не только с «праздничным характером» древнерусского язычества (как утверждает Д.С. Лихачев), но с той особой близостью родственных отношений между богом *Родом* и человеком, которая определила уверенность русского человека в «победе добра над злом» и которая, в частности, получила ясное выражение в комментированной выше сказке о старике, петушке и жерновцах. Собственно говоря, рассуждение Д.С. Лихачева об особенностях русского православия в характеристике «оптимистичности» как бы исподволь нащупывает связь между его «праздничностью» и архаическими верованиями древнерусского человека в близость рода *Роду*: «Но праздничный характер, который носило древнерусское язычество, <...> помогала явлению христианства, потому что христианство в Древней Руси <...> было оптимистическим христианством и с самого начала носило очень жизнерадостный характер. И надо сказать, что русское православие в своих лучших формах является выражением радости, радости в большей мере, чем чего бы то ни было другого, радости и благодарности Богу. <...> И русское богослужение, и русская живопись, и русская литература – все представляет собой выражение благодарности Богу, по преимуществу благодарности Богу, и жизнерадостности» [Лихачев 2006].

Более точно эту связь между дохристианским древнерусским мироощущением и оптимистичностью русского православия формулирует В.В. Зеньковский в своих размышлениях об основах русской религиозности:

«Русский аскетизм восходит не к отвержению мира, не к презрению плоти, а совсем к другому – к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире <...>. <...> Отсюда становится понятным, почему так излюблен в русском церковном сознании образ “света” – свою веру народ любит называть “пресветлое Православие”. Здесь корень того мотива космичности, который связывает русскую религиозность со святоотеческой: мир воспринимается, как весь озаренный и пронизанный светом Божиим» [Зеньковский 2001].

Таким образом, новые христианские представления о небесных силах, с выделением триединого личностного начала в личности Господа (Пресвятой Троицы), и об отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром (включая человека) – отношениях, отмеченных одновременно чрезвычайной близостью (человек создан Господом по образу Своему и призван уподобиться Ему в течение земной жизни) и внеположенностью (реальность Создателя в христианстве внеположена реальности тварного мира), – втянули в себя и преобразовали в рамках русской православной традиции такие образно-смысловые импульсы, заданные мифом о божестве *Роде*, как со-причастность человека и природы (матери-земли) небесным силам, как возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, как нерасторжимость духовной связи между предками и потомками рода (шире – народа).

Схожим образом можно охарактеризовать и втягивание культа матери-земли в православные представления о Богородице, внутреннюю его трансформацию в рамках русской православной традиции. Действительно, если вхождение образа Мирового древа в христианскую мифологию и преобразование его в двойной, этически измеряемый образ древа жизни и древа познания добра и зла – это общее место и в то же время специфический признак христианской традиции (ср.: о древе жизни в энциклопедии «Мифы народов мира» В.Н. Топоров говорит как одном из «вариантов образа древа Мирового», при этом отмечая, что «наиболее известный образ древа жизни представлен в книге Бытия» и что «вариант древа познания, где познание направлено на различение добра и

зла <...> не является ни распространенным, ни архаичным» [Топоров 1987, т. 1. с. 396, 407]), то представления о Матери Божьей, характерные для русского православия, имеют отчетливо специфические черты. Об этих чертах в отношении не только народного православия, но православия русского в целом так говорит святой Иоанн Кронштадтский: «Где на земле так величается и превозносится по достоянию – достойно яко востину – имя Пресвятой Богородицы, кроме Православной Церкви и особенно – Русской Церкви? Мы имеем готовую небесную помощь во Владычице нашей Богородице <...> Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, дотоле она будет могущественна и непоколебима, ибо от начала и доселе она выходила из всех бед, укреплялась и расширялась заступлением и помощью Богоматери во всех войнах и ратных, бедственных обстоятельствах» [Кронштадтский 1992, с. 122–124]. Не вдаваясь в догматику, подчеркнем, что Богоматерь именно в рамках русской православной традиции воспринимается как идеал человека и как мать всего человечества (*Заступница и Скорая Помощница*), особенно близкая русскому народу (ср.: «И особое произволение Царицы Небесной о судьбах нашего Отечества свидетельствуется всей историей России» [Полищук 2012, с. 5]): «Похвала женщин и слава женского пола – Пречистая Дева Мария – под своим Покровом хранит весь мир <...> Мы верим, что над нашей страной особым образом простирается Покров и заступление Божией Матери, Пречистой и Пресвятой Девы Марии» [Кирилл (патриарх)]. Представляется очевидным следующее: вера в то, что Покров Богородицы «особым образом» простирается над Россией и что русскому народу Богоматерь особенно, как бы породственному близка, наследует, внутренне преображая, те представления о родственной близости русского народа матери-земле, а также связанным с ней Небесным силам – *Рожанице и Роду*, которые характерны для восточнославянской архаической мифологии и которые получили различные формы развития в так называемом «народном православии».

Церковная и народная концептуализация материнской теплоты отношений между (православным) народом, страной и Богородицей нашла выражение в

особенностях русской иконописи и религиозной живописи. Как отмечает Н.А. Хафизова ([Хафизова 2014]), православная традиция изображения сюжетов богородичного цикла подчеркивает в материнстве не столько действия матери, сколько характер отношений, что в целом выражает общие коммуникативно-ценностные установки: 1) мать – не только та, что рождает и вскармливает, но и та, что охраняет, помогает, советует, сохраняет эмоциональный контакт; 2) заботливое посредничество матери в отношениях между детьми и отцом, подобно посредничеству Богородицы в отношениях между человеком, народом и Создателем, Отцом Небесным, способствует взаимодействию, пониманию, диалогичности этих отношений; 3) ребенок в семье, как человек по отношению к Создателю и Богоматери, развивается в согласовании родительского попечения о нем с его собственными усилиями (что в целом соотносится с идеей синергии в православии – см., в частности: [Хоружий 2002]).

Эти установки отчасти определяют специфику семейных образов (в отношении распределения и взаимосвязи семейных ролей, а также в отношении идеологем, ценностей) в русской и советской живописи XIX–XX веков. По контент-данным, собранным Л.А. Соловьевой [Соловьева 2012] на материале 865 русских и советских картин, центральными для раскрытия темы семьи (для воплощения константы Родство) являются тема материнства-отцовства и отношения жениха и невесты, мужа и жены. Результаты контент-анализа, осуществленного Л.А. Соловьевой, приведены в сводной таблице тем и ролей, которые затрагиваются русскими и советскими художниками XIX–X веков:

Таблица 2.2.

Количественное отражение ведущих тем произведений русских художников XIX–XX веков и воплощенные в художественных образах роли членов семьи

Тема	Количество	Роль	Количество
	ство		во
Добрачное поведение	41	Родители	7
Жених / невеста	34	Семья	166

Мать / отец	28	Свадьба	80
Брат / сестра	21	Жизненный цикл семьи	45
Муж / жена	33	Похороны ребенка	2
Дед / бабушка	49	Беременность	3
Система родства и свойства	12	Влюбленные	7
Сваты / сваха	4	Свадебные обряды	19
Мачеха / отчим	2	Однополая любовь	2
Материнство / отцовство	204	Изображение работающей женщины	30
Крестный родитель	1	Семейно-бытовые ситуации	64

В украинской живописи тема семьи не менее популярна. Яркое воплощение она получила, в частности, в картинах Т.Г. Шевченко. Как отмечают искусствоведы, сюжет его картины «Крестьянская семья» (1843 г.) соотносится с каноном изображения «святого семейства», распространенным в европейской живописи: ребенок стоит в окружении своих матери и отца; движения их рук и линии их тел образуют плавный овал – некую область безопасности, защищенности для младенца, который только-только начал ходить. Шевченко не изображает конкретную бытовую ситуацию из жизни семьи – он передает нечто более глубокое: ощущение духовного единства, семейной общности, семьи как «малой церкви». В интерпретации художника этот сюжет, реализованный на маркированно национальном материале, приобрел украинский колорит (национальная одежда и украинская хата-мазанка под соломенной или камышовой крышей).

Вместе с тем именно для украинской живописи характерен акцент на теме материнства – акцент, который сопровождается вытеснением темы отцовства, отделением материнского (женского) начала от отцовского (мужского), выделением его как основополагающего в семье (в отношениях между детьми и

родителями). Так, в получивших широкое признание работах Н. Ивасюка («Мать», 1908), А. Новаковского («Женщина с девочкой», «Женщина с ребенком», 1912, «Молодая мать с детьми», 1930-е гг., масляные этюды и эскизы к картинам «Мадонна» и «Мать Милосердия»), Е. Кульчицкой (линорит «Мать», 1930), И. Бокшая (рисунок в овальной форме «Материнство», 1942), А. Шатковского (линогравюра «Материнство», 1950), Г. Боня («Мать-земля», 1960), С. Караффу-Корбут («Едельвейс», 1970) прославляется тема материнства и лейтмотивом становится образ жертвенной материнской заботы.

Зафиксируем этот момент: питаюсь от общего мифологического (мифопоэтического) и христианского (православного) корня, к XIX–XX векам константа Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах приобретает разные актуальные слои, связанные, соответственно, с развитием идеи взаимосвязи и взаимодействия мужского и женского начал в семейно-родственных отношениях (прочитываемых как в плане земной, человеческой реальности, так и в плане реальности духовного родства человека Богу и человека природе) (для русской КМ) и с перенесением ценностного акцента на отношения «мать – ребенок», на жертвенную заботу матери и оценочно-образную концептуализацию материнства (для украинской КМ).

Предположение о том, что на развитие ассоциативно-образных характеристик в отношении терминов родства в украинском языке оказали влияние дохристианские мифопоэтические представления, высказанное в начале этого параграфа, следует уточнить. Мифопоэтические представления восточных славян не имели культа матери-земли или женского божества в качестве основного или независимого. Как было показано выше, содержание внутренней формы константы Родство / Спорідненість, связанной с этими представлениями, формируется на основе семантики взаимосвязи и взаимодействия мужского и женского как творящего и питающего (поддерживающего) начал. Логично предположить, что не собственно влияние фольклора, но его направленное влияние, опосредованное индивидуально-авторской картиной мира, воплощенное в творчестве писателя (поэта), стоящего у истоков национальной литературы,

определило специфический поворот в константе Спорідненість в украинской лингвокультуре XIX–XX веков. Это предположение разрабатывается в качестве гипотезы и доказывается на материале фольклорных текстов во второй и третьей главах и при анализе произведений Т.Г. Шевченко в четвертой главе диссертации.

2.2. Вербализация константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном (фразеопаремийном) пространстве языка

2.2.1. Концепт Род – Семья / Рід – Сім'я

Сопоставительный анализ провербиальных единиц коммуникации определяет ментальные, образно-ассоциативные представления русских и украинцев о повседневной бытовой культуре, частью которой являются отношения родства, кровного соподчинения и соответствующие им дискурсивные практики – ситуации (И.Н. Осовская [Осовская 2014], В.И. Кононенко [Кононенко 2004], В.В. Жайворонок [Жайворонок 2006, 2007], З.Г. Коцюба [Коцюба 2010] и др.). Эти стереотипные ситуации и их семантическое наполнение формируют коды национальной повседневно-бытовой культуры – коммуникативные нормы, включающие оценки, характеристики, выстраивание социально-ролевых отношений участников коммуникативного акта, помогающие транслировать определенные смыслы. По словам О.В. Гофмана, «рассматривая семью как фрагмент языковой картины мира, следует исходить из представления о ней, как некоем сюжете, сценарии жизни человека, в котором можно выделить последовательные, связанные друг с другом действия и этапы, а также действующие лица: вступление в брак, создание семьи, сам процесс семейной жизни, который связан с отношениями супругов в семье, нормами поведения, рождением и воспитанием детей. Главными действующими лицами семьи как фрагмента языковой картины мира являются муж и жена, а также дети. Все действия в семье строятся вокруг этих субъектов и между ними» [Гофман 2002].

Поскольку паремии – это «стойкие воспроизводимые, культурно маркированные единицы» [Селиванова 2010, с. 535] национальной языковой

картины мира, можно утверждать, что они не только отражают накопленный многими поколениями носителей национального языка социокультурный опыт, но и реализуют мифопоэтический потенциал, заложенный в релевантных для них константах. Именно паремии, в частности пословицы, в большей степени, чем другие элементы языка, отображают «особенности <...> национальной психологии, менталитета» [Осовська 2010, с. 142]. По мысли В.В. Жайворонка, НР «связаны прежде всего с народными обычаями, сказками, традициями – явлениями, поддерживающими историческую наследственность, укрепляющую общество людей» [Жайворонок 2007, с. 16].

Семиотичными феноменами языка называет паремии Т.А. Космеда, подразумевая, что пословицы «имеют двоякое направление: с одной стороны, это знаки системы языка с соответствующей синтаксической природой, а с другой – микроконтексты, погруженные в дискурсивную сферу, где они проявляют номинативную и коммуникативную природу» [Космеда 2010, с. 11].

Паремии с доминантными названиями кровного родства составляют одну из наиболее объемных групп в русском и украинском национальных паремийных фондах [Пазяк 1984, с. 127]. Отражая представления восточных славян о роде, семье, об отношениях между всеми членами семьи, они в то же время развивают тот мифопоэтический потенциал, который содержится в образно-смысловом ядре константы. Разумеется, широкое употребление названий родства определено не в последнюю очередь экстралингвистическими факторами: кровные связи – наиболее близкие, они формируют непосредственное окружение личности [Щербакова 2002, с. 14]. Однако это утверждение не отрицает другого: что в паремиях о кровных родственниках продолжают концептуализоваться представления народа о единстве и единоначалии мира, завязанного на мужской духовно-творческой силе, и о поддерживающей и материализующей женской, материнской энергии.

В национальных паремийных картинах мира номинации родства имеют общие и отличительные способы вербализации. Прежде всего стоит отметить, что и русские, и украинские пословицы со стержневыми номинациями *род / рід*,

сім'я / родина, сім'я отображают отличительные черты крестьянской этнокультуры, воплотившей в себе особенности повседневного народного языкового мышления. Семантика кровного родства реализуется в паремийных текстах в нескольких концептуальных цепочках.

Одна из них {[род / рід] ← /написано/ → [судьба / доля]}, а именно: *Що кому написано на роду, то й конем не об'їдеш (того не об'їдеш і на льоду)* (См. рус. вариант). Такая концепция рода / семьи связана с архаической сакрализацией доли / судьбы, которая переходит из поколения в поколение, дается свыше, которую невозможно предугадать или изменить [РУТСП, с. 203]. Обращает на себя внимание в способе вербализации этого представления близость связи между судьбой и родом: судьба здесь имеет не индивидуальный, но родовой характер.

Известно, что в основе паремийных образов нередко лежит сравнение, уподобление. Концептуальная цепочка {[семья] ← /завязь, плод, корни/ → [дерево]} репрезентует архаическое представление о Мировом древе: *Человек без семьи, что дерево без плодов* (БФС); *Дерево держится корнями, а человек семьей* (БФС); *Ані роду, ані плоду, ані зав'язі – ні за що й зачептисся* (ФСУМ). В семантической взаимосвязи «человек – семья – дерево» человек и семья вписаны в паремийной картине мира в космический порядок, соотнесены с мифопоэтическим образом Мирового древа и в то же время уподоблены растительному миру, который становится эталоном жизненной силы, образцом упорядоченной взаимосвязи и взаимодействия разных элементов целого (ср.: такие параллели прослеживаются, в частности, в финской паремийной картине мира [Яковлева 2014, с. 80]).

Таким образом, одной из центральных сем константы Родство в ее фразеопаремийном бытовании является сема 'жизнь', что, разумеется, связано как с реалиями семейной жизни, так и с архетипическими мифопоэтическими представлениями о вписанности жизни рода в природную, космическую жизнь. Наиболее четко, вне метафорического отождествления, она проявляется в таких украинских паремийных текстах, где метонимическое словоупотребление

вербализирует оппозитивную семантику – ‘смерть’, например: *Без сім'ї й без роду – хоч з мосту та в воду* (ФСУМ 2).

Причинно-следственные социальные и вещественные отношения передает концептуальная цепочка {[*большой / великий род*] ← /*постная*/ → [*пища / еда*]}, как вот: *Великий рід – пісний обід* (УПП). Она воплощает особенности крестьянского уклада жизни до начала XX в. (возможно, и его первых десятилетий, отмеченных бедствованием) – большое количество членов семьи, проживающих вместе, невозможность обеспечения сытости.

По-разному вербализированы в украинских и русских паремийных текстах оценочный компонент содержания константы. По нашим наблюдениям, украинские пословицы-максимы воплощают ценностную установку на обеспечение жизненности, общности семьи как *лада* – ‘упорядоченности, порядка, согласия’ (концептуальная пара {[*род / рід*] → [*порядок, лад*]}) через причинно-следственную синтаксическую семантику: *Який рід, такий лад* (ФСУМ 2). Механизм сопоставления работает на выражение значимости желаемого, например, семьи как ‘защиты’ от ветра на перепутьях судьбы (концептуальная пара {[*род, семья / рід, родина*] → [*защита*]}) : *Немов верета на шляху: без роду, без племені, без захисту* (ФСУМ). В такой пословице *верета* (‘рядно’) – материальный символ покрывала, т.е. один из компонентов артефактной метафоры семьи. Сравнение урожая пшеницы (‘богатство’, и дополнительная количественная сема) с силой любви воплощает концептуальная пара {[*семья*] ← /*богатство*/ → [*любовь*]}) : *Як мені пшениця родила, так мене й родина любила* (МН–ММ).

Подобная семантика в русской паремийной картине мира разворачивается в концептуальных цепочках, где есть промежуточные оценочные семы, ср.: {[*семья*] ← /*богатство*/ → [*согласие*]}) : *Согласие в семье – богатство* (БФС); *Согласие да лад – в семье клад* (БФС); *На что и клад, коли в семье лад* (ПП); {[*семья*] ← /*крепость*/ → [*лад*]}) : *Семья крепка ладом* (БСРП); {[*семья*] ← /*лад, согласие*/ → [*счастье, добро*]}) : *Согласную семью и горе не берет* (БСРП); *В семье, где лад, счастье дорогу не забывает* (БСРП); *В семье, где нет согласия,*

добра не бывает (БСРП). Высокую степень оценки счастливой семьи передает глагол *дорожить* (концептуальная цепочка {[семья] → /дорожить, беречь/ → [счастье]}: *Семьей дорожить – счастливым быть* (ЖНП)). Как вариативную следует рассматривать концептуальную цепочку {[семья] ← /крепость/ → [счастье, добро]} для украинской пословицы-метафоры *Сім'я міцна – горе плаче!* (УПП Паз).

В различных вербальных знаках концептуализирована семантика дружной семьи. Прежде всего, следует отметить распространенность и в других национальных культурах метафорической модели «Семья – это ДОМ (жилое здание)» (об опосредованной семантической роли этого концепта см. ниже в п. 3.2), которая номинируется в русской паремийной картине мира образами *дом, изба, опора* (*Семья – опора счастья* (БСРП); *Когда нет семьи, так и дома нет* (ЖНП)). Сему ‘вместе’ воплощают артефакты *крыша, куча* (*Семья сильна, когда над ней крыша одна* (БСРП); *Семья в куче, не страшна и туча* (БСРП)), названия еды, продуктов (*Семьей и горох молотят* (ПП); *В семье и каша гуще* (БСРП)), названия тактильных ощущений (*В дружной семье и в холод тепло* (ЖНП)), позитивных эмоций – радость, душевное спокойствие (*Дружная семья не знает печали* (СРПП); *В семье разлад, так и дому не рад* (Д); *Вся семья вместе, так и душа на месте* (БСРП); *Семья поет, а одинокий горюет* (Д)).

Паремий с неодобрительной семантикой, проецированной на понятие ‘недружная семья’, ‘недружественные отношения’, значительно меньше: *В недружной семье добра не бывает* (Д); *Рідня – серед дня, а як сонце сховається, то й не родичається* (АУНТ); *Близька рідня – на одному сонці онучі сушили* (АУНТ).

Примечательно, что в украинской этнокультуре понятие рода и семьи соотнесено с позитивным образом советчика (концептуальная пара {[род / рід, плем'я] → [разговор, совет]}): *Без роду, без племені, без привіту, без совіту* (УПП Паз); *Нема що їсти, нема пити, нема роду, щоб поговорити* (УПП Номис).

В то же время негативные стороны в отношениях между членами большого рода передает сема ‘отсутствие благополучия’ – *ніде пообідати*, ‘отсутствие

крова' – *ніде голови прихилити: Рід великий, а пообідать ніде* (АУНТ); *Роду без переводу, а пообідать ніде* (ЗУПП); *Великий рід, та ніде голови прихилити* (УПП Паз). Кроме подобных стереотипных формул обобщающую аксиологическую функцию выполняют и постоянные эпитеты – дурной, поганый, лихой, злой род: *В дурному роду нема переводу; Поганому роду нема встиду* (УПП Паз); *Не трать ходу до поганого роду* (МН–ММ); *Нещаслива година, як лиха родина* (АУНТ).

Средством концептуализации позитивной семантики, базового понятия ДОБРО, в украинской паремийной картине мира является вспомогательный член концептуальной цепочки – *время* ({[добро: **добра година**] → [**родина**]}). Именно *добра година* – это своеобразная ситуация, когда род, семья едины: *Аби добра година, то знайдеться родина* (ФСУМ 2); *Як добра година, то є й родина* (ФСУМ 2); *При добрій годині – брати й побратими, а при лихій годині – нема й родини* (АУНТ).

Отличительной характеристикой и русского, и украинского паремийного фонда с вербализаторами константы Родство / Спорідненість является сформированность ироничных текстов, в которых обыгрывается, с одной стороны, многочисленность семьи (*У нашого Омелька невелика сімейка: тільки він та вона, та старий та стара, тільки Сидір та Нестерко, та діток шестерко, та батько, та мати, та їхні три брати* (УПП Паз)), а с другой – одиночество, отождествленное с незатейливыми лаптями: *Только и родни, что лапти одни* (РНПТ: Хр.).

Важный семантический элемент константы во фразеопаремийном пространстве русского и украинского языков – деление на «своих» и «чужих» (концепт Свой – Чужой). Больше их в украинской паремийной картине мира: *Свого доправляйся, роду не чужайся* (МН–ММ); *Нашому роду нема переводу* (ФСУМ). Вспомогательными номинациями для их вербализации являются слово-образы преграды (*вода*), преодолевая которую нужно стремиться в семью (*До свого роду хоч через воду* (АУНТ); *Хоч по горло (по шию, по коліна) в воду, та до свого роду* (УПП Паз)), артефактная метафора «семья – дом»: *Своя себе семейка –*

свой порог (Д). Интимизированность оценочной семантики ('свой') поддерживает сема позитивного восприятия семьи: *Своя сім'я не важка* (УПП). Об особенностях культурного концепта «свой» С.М. Толстая писала: «Кто может быть субъектом (посессором) «своего»? Прежде всего человек как отдельный индивидуум или люди как объединения разного типа и масштаба. <...> Соответственно этому область объектов *своего* для каждого отдельного человека можно представить в виде концентрических кругов: центром этой концентрической конструкции будет сам человек и то, что принадлежит ему, прежде всего его собственное тело. Следующий круг будет состоять из его ближайшего окружения (своя семья, свой дом), далее будет идти более широкий круг родственников (свой род), затем будет идти круг близких, соседей, знакомых (своя улица, свой круг общения, круг единомышленников и т.п.), за ним – круг односельчан или вообще земляков, далее круг людей, связанных с ним этнической, языковой, конфессиональной, профессиональной и т.п. общностью (свой народ, своя страна), и, наконец, весь род человеческий, весь земной мир в противоположность “иному”, потустороннему» [Толстая 2008, с. 319].

Постоянными ассоциатами «нуклеарной семьи» являются *дед-прадед, батьки* (концептуальная цепочка в русских поговорках – {[прадед-дед, отцы] → /живали, пивали, ели/ → [семья]}, в украинских же поговорках {[прадед-дед, отцы] → /робили/ → [семья]}: *Деды не знали беды, да внуки набрались муки* (Д); *Наши деды живали, да мед пивали, а мы живем – ни едим, ни пьем* (Д); *Прадеды ели просто, да жили лет до сту* (Д); *Деды наши ели просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью стать* (Д); *Жили деды так, и мы проживем; ак отцы и деды, так и мы* (Д); *Так жили деды да прадеды, так и нам жить велели* (Д); *Як діди і батьки наші робили, так і ми будемо*; а также *отец* ({[батько / отец] ← /глава, дах/ → [семья]}: *Сім'я без батька – як хата без даху* (УПП Паз); *Сім'я без глави – не сім'я* (УПП Паз)), *дети* (концептуальная цепочка {[дети] → /радость, цветы/ → [семья]}: *Семья без детей, что цветок без запаха* (СРПП); *В хорошей семье хорошие дети растут* (РНПТ: Хр)), *жена / жінка* ({[семья / родина] ← /жена / жінка/ → [семья]}: *Гляди семью,*

откуда берешь жену (БСРП); *Не та родина, що мене родила, а та родина, що жінку родила* (УПП Паз)).

В паремийном фонде в семантику родства входят характеристики индивидуальных негативных черт членов семейства: *У роду (в сім'ї) не без урода* (РУТСП); *Нема роду без вироуду* (УПП Паз); *У родині не без вироудка // В семье не без урода* (РУТСП); *Великого роду, а псячого ходу* (УПП Номис).

2.2.2. Концепт Родители и дети

Данный концепт представлен в паремийной картине мира несколькими микроконцептами, которые соотнесены с понятием 1-го уровня родства, т.е. супругами, родителями и их детьми. Для построения ценностно-смысловых составляющих этого концепта важно учитывать, что его иерархию образуют два уровня понятийной семантики: 1) концептуальное наполнение номинаций родства *отец, мать, дети – сын, дочь; дед, баба, внук / внучка, внуки*; 2) концептуальное наполнение релятивных лексико-тематических пар *родители – дети, отец – мать, отец – сын, мать – сын, отец – дочь, мать – дочь, муж – жена* и под. На первый план выдвигаются при этом отношения между супругами (представителями одного поколения), а не отношения между представителями разных поколений (родителями и детьми).

Начнем описание концепта с характеристики его составляющей – Отец / Батько. Специфика мифопоэтического образно-смыслового и одновременно оценочного содержания микроконцепта Отец / Батько определяется не только семантикой главы семьи [Жайворонок 2007, с. 16–17; Кононенко 2008, с. 58], но и семантикой эталонного поведения, проводника Божьей силы, хранителя семейных традиций (концептуальная пара {[отец / батько] → [Бог]}): *Шануй батька та Бога – буде тобі всюди дорога* (УПП Паз); *Отець – як Бог* (УПП Номис)), источника жизни и жизненного опыта (концептуальная пара {[отец / батько] → [поле; лице]}): *Отця похоронил, будто с поля убрался* (ЖНП); *У кого нема вітця, у того нема лиця* (ЗУПП)). В актуализации этих значений паремии соотносятся равно с архаическими и с

христианскими мифопоэтическими представлениями. Особые черты характера и поведения отца отмечены в паремийной картине мира в таких текстах, как (концептуальная пара {[**батько / отец**] ≠ [**мати**]}) : *Батько – не мати, не поцілує, не приголубить* (УПП Номис); *Що тато, то не мама* (УПП Номис).

Отец / батько в паремиях предстает как символ дома, причем богатого, сытого, теплого, родного (концептуальная цепочка {[**отец / батько**] ← /*моя, родная, своя, теплая, богатая*/ → [**хата**]}) : *Своя хата – своя стріха, свій батько – своя втіха* (УПП Паз); *Таткова хата усім багата* (УПП Паз); *І в тата не своя хата / І вродного батька не своя хата* (РУТСП); *Хоч у рідного тата, не моя хата* (УПП Паз); *Добре тому, хто має батька, бо в батька найтепліша хатка* (ЗУПП). Отцовский порог (метонимия отцовского дома) – символ достатка. Зафиксировано выражение с обобщением стремления к еще большим личным благам: *У батька високі пороги, а у мене коли б ще вищі* (УПП Номис).

Отцовская забота незаменима в жизни человека, что и отображают пословицы с оценочными интимизированными определениями свой / свій, мой / мій, дорогой (любленький) / любенький, родной / рідний: *В любленького татка любленька й кроватка* (ФСУМ 1); *Своя хата – своя стріха, свій батько – своя втіха* (УПП Паз); *У свого батька і рай, і мука* (УПП Паз).

Отношение наследников к отцу всегда было показателем человеческой порядочности, чести, воспитанности: *Як батька чужими пирогами поминать, то лучче без поминок* (УПП Номис); *Не слухав батька малий, не послухає й великий* (ЗУПП); *На что отец, коли сам молодец* (БФС).

Среди пословиц с номинативным центром *отец / батько (тато, татко), отець* преобладают паремийные тексты с обобщенной этносемантикой. Прежде всего – с социокультурным компонентом. Один из них – ‘генетическая наследственность’. В большинстве случаев ее семантическим воплощением является концептуальная пара {[**отец / батько**] → /*добрые, злые, такие*/ [**діти, дитя, дитя, дитятко**]}) : *По татку й дитятко; Який батько, таке й дитятко* (УПП Паз); *І мій батько таки мався, і я в його вдався* (ЗУПП). Ряд таких паремийных текстов можно разделить на те, где семантическим средством

опосредования отождествления являются: а) названия внешних признаков (*Руді батьки – руді в них діти* (УПП Паз)); б) названия черт характера (*У доброго батька добрі й діти, у лихого – лихі* (ЗУПП)); в) названия вида деятельности (*Батько рибалка, то й діти у воду дивляться* (УПП Паз)); г) названия растительного мира (дерево, дуб; веточка дерева, хворостина с куста), что целиком можно трактовать как проявления архаических представлений о роде в образе Древа жизни, Мирового дерева (*Від доброго дерева добрий і пагонець, од доброго батька піде і добра дитина* (УПП Паз); *Який кущ, така й хворостина, який батько, така й дитина* (УПП Паз)).

В украинской паремийной картине мира метафорой ребенка выступает и номинация *вівця* ('овца'), концептуальные цепочки – те же ({/гарний, добрий/ [отец / отець] → /дурна, скажена/ [вівця]}): *Буває від гарного вітця родиться не раз дурна вівця* (УПП Номис); *І від доброго вітця народиться скажене вівця* (УПП).

В целом метафорическая модель соединения членов концептуальных пар «какой – такой» очень распространена (*Який отець, такий і хлопець* (ЗУПП)) и охватывает она понятия предметной (концептуальные цепочки {[гребля – млин; хата – тин; колода – клин] ← /такой/ → [отец / батько – сын / син]}) и растительной (концептуальные цепочки {[явор / дерево – клин; кущ – хворостина; дуб – тин] ← /такой/ → [отец / батько – сын / син]}) культуры, характерных для сельского дискурса: *Яка вода, такий млин* [*Яка гребля, такий млин* (АУНТ)]; *Яка хата, такий тин* (АУНТ); *Яка колода, такий клин* (АУНТ); *Який явір, такий клин* (АУНТ); *Яке дерево, такий клин, Який дуб – такий тин*, *який батько – такий син* (АУНТ).

Еще один компонент семантики микроконцепта Отец / Батько – {[отец / батько, тато] ← / до ума (разума) довел, научил, воститал, выкормил/ → [учитель]}, {[отец / батько, тато] ← /выкормил/ → [кормилец]}. Наиболее распространенная модель концептуализации семы 'воспитание' «не тот отец / батько, что родил (сплодив, вином скропил), а той, що...»: *Не той батько, що зродив* [хто вином скропив; що родить; що сплотив], *а той, що ума навчив* [до ума

довів, розуму доводить; виховав; вигодував] (УПП Паз). Последствия непослушания со стороны детей также нашли свое место в паремийной картине мира в соответствующих текстах: *Отец сына не на худо учит* (СРПП); *Хто не слухає тата, той послухає ката* (ФСУМ 1); *Діти батька не учать* (УПП Паз). Концепт «уважение к отцу» воплощен в таких текстах: *Стар батька – убил бы его, а умер батька – купил бы его* (РНПТ: Хр); *Хорошо как при старости отец* (БСРП) / *Из черною головою у батька добре, а з сивою не так* (ЗУПП).

Как одну из форм воспитания паремийная картина мира отражает концепции бития (биття) и похвалы детей (концептуальная цепочка {[отец / батько] → /наказал, похвалил/ → /учитель, воспитатель/ → [сын]}): *Отец наказывает, отец и хвалит* (БСРП); *Ненаказанный сын – бесчестье отцу* (БСРП).

Наиболее метафоричной является русская поговорка *Оттого парень с лошади свалился, что отец криво посадил*, поскольку она в не прямой форме вербализует концепт воспитания как опыт *езды на коне*. При этом семантика отношений кровной близости дополнена здесь семантикой родовой ответственности, которая так или иначе связана с мифопоэтическими представлениями, ассоциированными с внутренней формой константы Родство / Спорідненість.

В украинской паремике метафорой учения является отрицание роли хлеба ('сытость', 'еда') в процессе отцовского воспитания: *Батьків хліб не навчить, як треба жити* (УПП). И утверждение роли шапки ('ум', 'опыт') как артефактной метафоры учения: *Не купив батько шапки, нехай вуха мерзнуть [..., а яку дав, то бережи, бо погано і без неї]* (РУТСП). Хотя относительно этой поговорки встречаем комментарий несколько другого рода: «употребляется в ситуации, когда хотят подчеркнуть: кто-либо преднамеренно совершает или поощряет бессмысленные, неразумные поступки, умышленно проявляет упрямство, которое ему же и создает дополнительные жизненные проблемы» [РУТСП, с. 182].

Выделяем в паремийной картине мира и тексты с концептуализованными семами: {[отец / батько] ↔ [опора в жизни]} (*Гіркий світ: тато осліп, а діти навпомацьки ходять* (УПП Паз); *Як батька покинеш, то й сам загинеш* (УПП));

{[отец / батько] ↔ [забота]} (*Батько тисячі синів має, кожному мисочку справляє* (УПП); *Скоріше батько вигодує десять дітей, аніж десятеро дітей одного батька* (УПП Паз); *Батько пазуху дере, а діточкам дає* (УПП)). Кроме того, паремийные тексты с номинативным центром *батько (тато) / отец* имеют антропные компоненты семантики – {[отец / батько] ↔ [правда]} (*Мій батько не брехав і мені не велів* (УПП Паз); *І на рідного батька можна правду казати* (УПП)); {[отец / батько] ↔ [суддя]} (*З батьком суд коротенький* (УПП)); {[отец / батько] ↔ [уважение]} (*Не роби з тата вар'ята* (УПП Паз)).

Ряд приведенных сем продолжает наиболее выраженная в концептуальной паре {[отец / батько] ↔ [трудолюбие]}, {[отец / батько ↔ достаток]}: *Чого не стане, батько достане* (ЗУПП); *Хліба не стане – батько дістане* (ЗУПП); *Бий, ще батько купить* (УПП Паз); *Як хліб уродить та батько заробить, то й заміж підеши* (УПП Номис). Правда, разворачивается она в украинских паремийных текстах в следующую: {[отец / батько] ↔ [трудолюбие], а [сын] → [расточительство, лень, склонность к развлечениям]}: *Батько нехай їде орать – його коні знають, а я піду гулять – мене гості чекають* (ФСУМ); *Батькова кобила худа у двір везе, а синаборзая з двора мчить* (УПП); *Батько складав, а син роздавав* (УПП Паз); *Отець збирає – син розкидає* (УПП Паз); *Дав мені батько гроші на підошву та на драгву, а я понав у тیاتру* (УПП Номис).

Отношения отца и детей сакрализированы: в паремийных текстах, хотя таких и немного, вербализована концепция родовой ответственности: *Дети возмужают – батьку испугают; Валяй, дети: отец в ответе* (Д); *За что отец, за то и дети* (Д); *Батько нашкодив, а діти в одвіті* (УПП Паз); *Прокльон батька не на ліс сухий їде, а на голову паде* (УПП).

Паремийные тексты вобрали в себя образы социального неравенства. Отдельные высказывания содержат ироничные оценки бедности, материального неблагополучия отца и его наследников: *Мій татуньо між двома хлібами вмер: старого не було, а нового не дочекався* (МН–ММ); *Мій батько нікому не винний: у одного позичає, а другому повертає* (ФСУМ 1); *Батько мій жив не так, як треба: хліб є – солі нема, сіль є – хліба нема. А я живу краще: ні хліба, ні солі*

(ФСУМ 1); *Батько був середній хазяїн: торби по боках, а сам посередині* (УПП Паз). Привлекает внимание синтаксическая структура этих паремийных нарративов: первая часть предложения характеризует вещественную сторону ситуации, суть которой фактически раскрывает следующая иронически маркированная часть высказывания, присоединенная бессоюзной связью.

Кроме пословиц с позитивной коннотацией зафиксированы паремии, в которых отец ассоциируется с негативными явлениями: пьянство (*Сам отец пьян, а дети голодны* (СРПП); *Збувся тато клопоту: жито змолотив, а гроші пропив* (УПП)); расточительство (*Ах, мій батько що мав, то витрусив* (УПП)); *Збувся батько лиха: збувся грошей з міха* (ФСУМ 1)); эгоизм (*Не плач дитя, не плач! Принесе батько калач, медом помаже, тобі покаже, а сам і з'їсть* (ФСУМ 1); *Батько збирав ложкою, а діти їли варишкою* (ФСУМ 1); *Каша наша, батьків борщ* (МН–ММ)); равнодушие к собственным детям (*Рідний батько, та не своїм дітям* (УПП Паз); *Поки батько народився, а син по світі находився* (УПП Паз)); ненадежность (*На батька надійся, а сам не плошай* (УПП Паз); *Як Бог дасть, батько хату продасть та собаку купить, то й до хати ніхто не приступить* (УПП)), заносчивость (*Викрутився батько, без чуприни прийшов додому* (ЗУПП)).

Пословицы, в которых для оценки обыденных действий со значением-рекомендацией 'не спеши' используется отсылка к отцу / батьке, – характерное явление как украинской, так и русской лингвокультуры. *Не лізь* [не перебігай; не сунься; не спіши; не хапайся; не хватайся] *поперед батька в пекло* (РУТСП). – *Не лезь поперек батьки в пекло* (БСРП). Таким образом, в обыденном сознании, как подчеркивают приведенные паремии, закреплён образ последовательности жизни поколений, а мифопоэтический потенциал константы реализован в свернутом виде в символике адского пекла.

Подобным образом семантика отцовства снижается до значения значимого, важного человека в пословицах на тему товарищества (*Артелью (артелем, гуртом) хорошо (легче) и недруга (батьку, батька) бити* (СРПП) // *Гуртом добре і батька бити* (РУТСП)), поддержки в дороге, т.е. вне дома. Такие выражения зафиксированы в русской паремийной картине мира: *В дороге и врага назови*

родным отцом (СРПП); *В дороге и родной отец товариш* (БСРП); *В дороге и отец сыну товариш* (БСРП).

Компаративная семантика паремий, проявляющаяся и в характерной структуре с компонентом «как / як отец / батько», связана с концептуализацией интенсифицированной семы ‘родной – близкий’, которая переформатируется в коннотативную сему ‘очень; сильно; крепко, щедро’: *Держись, как за родного отца* (БСРП); *Запросив, як за рідного батька* (ФСУМ 1).

Концепт Родители – Дети часто реализуется в паремиях русского и украинского языков через другую его составляющую – Мать / Мати. Паремии с номинативным центром **мать, мама, матушка, матка / матір (мати, мама, матка, матушка)** отражают парадигму социокультурной семантики. В частности, ее сохраняют пословицы-максимы: *Другой матери не будет* (БСРП); *Що то мати!* (УПП Паз). Таким образом подчеркивается семантическая глубина и разноплановость, сопряженные во внутренней форме номинации родства *мать*.

Имя матери священо, ее деяния как защитницы рода сопряжены с усердным молением о детях – заботой об их духовном благополучии. Поэтому ряд русских паремий включает соответствующие лексемы, которые являются носителями сакральной ассоциативной семантики (концептуальные пары {[**мать**] ← [**дети**] → [**Бог** – защита, церковь, глава]}): *Всяка мать за своё дитя молится* (БСРП); *Матерь (матэрь) почитайтэ як на цэркви главу* (БСРП); *Покояй матерь свою, волю Божию творит* (БСРП).

Как и в семантике микроконцепта Отец / Батько, в семантике этого микроконцепта содержится указание на действие сакральных сил: *Хто матір забуває, того Бог карає* (ФСУМ 1). На это указывает и концептуальное сближение пары {[**мама / мати**] → [**правда / закон**]}, в основе которой сема ‘истинная’: *Пускай будет по-старому, как мать поставила* (Д); *[Тільки в світі] Нема в світі правди – тільки рідна мати (мама)* (УПП Паз).

В качестве центральных рассматриваем четыре семантические составляющие в структуре микроконцепта Мать / Мати. Первая – это ‘естественная родственность’ (*Нема тих яток (ярмарок), де продають рідних*

маток (УПП Номис); *Нема того краму, щоб пошити рідну маму [щоб купити маму]* (УПП Паз); *Матері ні купити, не заслужити* (УПП Паз); *Нема такого дружка, як рідна матушка* (УПП Паз)), т.е. матери / мать – это данность, та, что родила, поэтому носителем этой семантики является концептуальная пара {**[мать / матери]** ↔ **[родительница]**}: *Одна матери рожає, да не один обичай дає* (УПП Паз); *Одна матери родить, та не один розум дає* (УПП Паз); *Козака матери родила, а мужика – жінка, а чернця – паніматка* (УПП Номис). Это стержневая сема, ибо, как известно, именно такая биосоциальная роль характерна только для женщины. Мать ответственна за человека от рождения и до смерти, но если кто-либо ведет аморальный образ жизни, отрекается от родных, то указывают: *Родила мама, что не принимает и яма* (БСРП) // *Породила мама (ненька), що не приймає і яма (свята земляка)* (РУТСП).

Вторую семантическую составляющую описывает концептуальная цепочка {**[мать / матір]** ↔ */годувальниця / кормилиця/* ↔ **[земля]**}, например: *Не та матери, що родила [Не та матери, що на світ пустила], а та, що вигодувала* (УПП Паз). *Не та мать, что родила, а то, что воспитала* (БСРП); *Цить, не плач! Дасть матери калач* (ФСУМ 1); *Матери годує дітей, як земля людей* (ФСУМ 1).

Третий уровень семантических составляющих анализированного микроконцепта представляют концептуальные цепочки {**[мать / матери]** ← */зависимость, счастье, радость, добро/* → **[жизнь]**}, {**[мать / матери]** ← */зависимость, совместность/* → **[хата / дом]**}, концептуальная пара {**[мать / матери]** ↔ **[голова]**}. Выделенное общее понятие ‘зависимость’ вербализируется в паремийной картине мира через компаративные, наглядные тексты с констатационной семантикой паремий-максимумов (*Мать всякому делу голова*), с акциональной семантикой (*Одна матери родила, одну и смерть давала* (БСРП); *Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота* (БСРП) // *Нема батька – півсироти, нема матери – повна сирота* (УНПП); *Як помре матери, розбігаються діти з хати, батько їх не вдержить* (УНПП); *Дорогая тая хатка, де родила мене матка* (ФСУМ 1); *Коли умре дитина, то мала долина, а як умре мама, то велика яма* (УНПП); *Живої матери можна діждатись, а мертвої —*

ніколи (УНПП); *Раз родила мати, раз треба вмирати* (УПП) и с натуроморфной семантикой (*Пчелки без матки – пропачие детки* (БСРП) ; *При солнышке тепло, при матери добро* (БСРП) // *При сонці тепло, при матері добро* (ФСУМ 1); *Птица радується весні, а младенець матери* (БСРП) // *Пташка радіє весні, а дитя – матері* (УПП); *Тяжко саду без зозулі, тяжко дочці без матулі* (ФСУМ 1); *Без матері і сонце не гріє* (ЗУПП); *Тоті цвіти красні, котрі зацвітають, тоді діти щасні, коли матір мають* (УПП Номис); *Нема у світі цвіту цвітнішого над маківочки, нема ж і роду ріднішого над матіночки* (АУНТ)), когда жизнь с матерью, при матери ассоциируется в украинской паремийной картине мира с поющим и цветущим садом, маковым цветом, с теплом солнца, весной, а в русской – еще и с пчелиным роем, с теплом, которое получают цыплята. Таким образом, паремийные тексты и с акциональной, и с оценочной натуроморфной этносемантикой воплощают мифопоэтическое содержание микроконцепта Мать / Мати как Древа жизни, Центра Вселенной. Кроме того, взаимоотношение матери и детей (потомства) воплощают паремии *При матери ребятки как при клушке цыплятки* (БСРП); *Слепой щенок и тот к матери ползет* (БСРП) // *Сліпе щеня і те до матері лізе* (АУНТ), в которых обобщен опыт биологического и социального взаимодействия живых существ.

Четвертый прицентровый семантический компонент конкретизирует концептуальная пара {[мать / мати] → [учитель, воспитатель, советчик]}: *Не та мать, что родит, а та, что ходит* (БСРП) ; *Не та мать, что родила, а та, что до ума довела* (БСРП) ; *Аще кто матери не послушает, в беду впадает* (БСРП) ; *Кто матери не послушает, тот век мучиться будет* (БСРП) // *Не та мати, що вродить, а та, що до розуму доводить* (ФСУМ 1); *Мама – вірна порадиця* (УПП Паз); *Одна мати – вірна порада* (УПП Паз); *Тільки мати рідна – порада* (РУТСП); *Чого мама не дала, того не купиш у пана* (УПП Номис); *Дякую тобі, мамо, за твою науку, колисала ти мене, колишеш й онуку* (УПП). В украинской этнокультуре сам процесс воспитания ассоциируется с солнцем / тучами на небе: *Рідної мати слівце єсть як літнє сонце, бо хотя й єсть не раз на світі хмарненько, а все-таки від нього тепленько* (ЗУПП).

В старину, как известно, позитивно оценивалось воспитание с битием, что отражает ряд русских паремий. Поэтому в отмеченную выше концептуальную пару вклинивается еще один компонент и модифицирует ее структуру, расширяет ациональную семантику, ср.: {[**мать / мати**] → /битие/ → [**учитель, воспитатель, советчик**]}: *Мать высоко замахивается, да не больно бьёт, мачеха низко замахивается* (БСРП); *Матьи бия не бьёт* (БСРП); *Матьи бьёт, так гладит, а чужая и гладит, так бьёт* (БСРП); *Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку* (БСРП); *Мама дрочит (дрочить), жизнь (жысь) учит (вучить)* (БСРП).

Ряд паремий, в которых реализуется микроконцепт Мать, мама / Матір (мати, мама), ориентрирован на отражение повседневно-обыденных взаимоотношений в семье, выражающих глубокие энокультурные оценки с антропным компонентом, т. е. активны концептуальные цепочки {[**мать**] → /каменная, праведная/ → [**защита, опора, ограда**] } (*Мать праведна – ограда каменна* (БСРП); *Мать приветная – обрада каменная* (БСРП); *Мати праведна — опіка й охорона камінна* (УПП Паз)) и концептуальные пары {[**мать**] → [**совет**] } (*Мама вірна порадиця*), {[**мать**] → [**терпение, доброта, сердечность**] } (*Мене мати цілий вік дурила: казала “битиму”, та не біла* (УНПП); *Рідна мати — брехуха, то мачуха справедлива: як скаже: “Я тобі дам”, то вже дасть; а мати “І щоб тебе, і бодай тебе”, а сама “Ох коли б, Господи, не сталося чогось дитині з моєї дурної речі”* (УПП)), {[**мать**] → [**друг**] } (*Лучше матери друга не сыщешь* (БСРП); *Нет такого дружка, как родная матушка* (БСРП) // *Нема такого дружка, як рідна матушка* (УНПП)), {[**мать**] → [**питательница, кормилица**] } (*Мать кормит детейх как земля людей*); *Мать кормит детей – сохнет, а они по ней и не охнут* (БСРП); *Мать – кормилица, а кормилица – не мать*); *На что и мать, когда нечего дать* (БСРП); *На что и мать, коли не кормит* (БСРП); *Мати сама не з’їсть, а дітей нагодує* (УПП)); {[**мать**] → [**забота**] } (*Хорошо тому гулять, у кого родная мать: она встренет, да проводит, и в окошко поглядит* (ПП)).

Обобщенную семантику имеют поговорки, построенные на концептуальной паре {[мать] → [любовь]}. Если в украинской поговорочной картине мира основной акцент приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (*сердце*) (*До людей – по розум, до матері – по серце* (ФСУМ 1)), то в русских поговорках такого семантического направления соединены сопряженные понятия ‘душа’ + ‘красота’ (*Любящая мать – душа семьи и украшение жизни* (СРПП)). В украинских поговорочных текстах выражен и акцент на силе чувств, вербализированный в народнопесенных сравнениях: *Любов матері сягає аж поза гріб* (УПП Номис); *Молитва матері з дна моря врятує* (УПП); *Любов матері й на віддалі гріє* (ФСУМ 1).

Как видно из уже приведенных поговорочных текстов, в них часто функционирует понятийно-оценочный эпитет *родная*: *Без матушки родной и цветы не цветно цветут* (БСРП); *На свете все найдешь, кроме родной матери* (БСРП) // *На світі знайдеш усе, крім рідної матері* (ФСУМ 1); *Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери* (БСРП) // *Жінка для совіту, теща для привіту, а матінка рідна лучче всього світу!* (МН–ММ); *Біля рідної матки добре дитятку* (УПП Паз). Следует подчеркнуть и тот факт, что этнокультурные тексты украинских поговорок содержат и такой символический вербальный образ, как «белая сорочка» (‘защита’), т. е. сема ‘родная’ входит в концептуальную цепочку {[мать]→ /родная/ → [защита, ограда]}: *Як мати рідненька, то й сорочка біленька* (УПП Паз); *Сорочка біленька – є мати рідненька* (УПП). В народном быденном сознании отражен и идеал защиты преданной, родной матери как воплощение благодарности за ее преданность. Поэтому порицается оскорбление матери: *Кто обидит мать, тому счастья никогда не видать* (БСРП).

Сема ‘защита, опора’ в русской и украинской поговорочных картинах мира модифицирована в телесную метафору, а вернее, в метонимический образ «гладкой головы» (‘ухоженной, здоровой’, ‘счастливой’): *У кого есть матка, у того голова гладка* (УПП Номис) // *Як у мене була матка, була у мене голова*

гладка (УПП); [*В кого є ненька*] *Поки є ненька, в того й головка (головонька) гладенька* (УПП).

Концептуальная пара {[**мать / мати**] → [**хозяйка**]} реализуется в ироничных контекстах: *У нашей матушки всё печево (печено), а есть нечего* (БСРП); *Умила мати готувати, та нэ умила подавати* (БСРП); *Видно, що мати хліб пыкла, бо и ворота в тисти* (БСРП); *Пішла мати по масло, а у печі погасло* (ФСУМ 1); *Знать мою матір, що хліб пекла, бо на воротах тісто* (ЗУПП). Они отображают лишь некоторые негативные стороны бытовой жизнедеятельности женщин, но в качестве обобщающих образов могут проецироваться на другие ситуации как средства иронической оценки неаккуратности, поспешности, невнимательности.

Немногочисленны паремии, в которых закреплён образ матери, поющей колыбельную: *Найдорожча пісня, з якою мама колисала* (МН–ММ).

В исследуемом материале используется и такой способ оценки роли матери, как актуализация концептов «жизнь – смерть»: *Мала щербина, як умре дитина, а дуже знати, як умре мати* (УПП); *Мати з хати – горе в хату* (УПП Паз); *Як помре мати, розбігаються діти з хати, батько їх не вдержить* (УПП); *Живої матері можна діждатись, а мертвої – ніколи* (УПП).

Воплощением сценария отсутствия матери является формула «без матери». Ассоциатом такой печальной ситуации является неутешность ребенка. Благодаря фигуре параллелизма мать отождествляется с мастером, т. е. идеалом, совершенством, ср. соответствующие русские паремии: *Без матери младенца не утешишь, без мастера азимит не уложишь* (БСРП); *Без матери младенца не утешишь, без мастера аксамита не уложишь* (БСРП).

Подобным образом, т. е. на противопоставлении жизненных ситуаций, более объёмно предстают характеристики матери в противовес характеристикам мачехи (концептуальная антитеза {[**мать**] ≠ [**мачеха / мачуха**]}: *Що мати – то не мачуха* (УПП)), а именно в таких концептуальных цепочках: {[**мать /милая/**] – [**мачеха / мачуха**]} (*Сыр калача белее, а мать мачехи милее* (БСРП)), {[**мать/тепло, доброта, забота/**] – [**мачеха / мачуха**]} (*Мать гладит по шерсти*

(по шёрстке), мачеха – супротив (против) (БСРП); Тепло, тепло, да не лето: добро, добра, да не как мать [мать родна] (РНПТ:Хр); Мати дітей пушить, а мачуха сушить (ЗУПП); Матка головку мыит – приглажиит, а мачеха мыит – прискубаает, кошулю даёт – проклинаает (БСРП) // Мати голівку миє – пригладжує, а мачуха – прискубує (УПП), {[мать /честность, справедливость/] –[мачеха / мачуха]} (Рідна мати – брехуха, то мачуха справедлива: як скаже: «Я тобі дам», то вже дасть; а мати: «І щоб тебе, бодай тебе», а сама: «Ох коли б, Господи, не сталося чогось дитині моєї дурної речі!» (УПП), {[мать/достаток/] –[мачеха / мачуха]} (Достаток – мать, убожество – мачуха (СРПП)).

Как периферийные следует квалифицировать паремийные тексты, в которых сосредоточена широкая сема ‘родственность’, ‘близость’, ‘сродность’. В таких паремиях приложения «мать», «матерь», «матушка» выполняют традиционную аксиологическую роль, усиливая социокультурную оценку и возводя ее к архаическому мифопоэтическому образно-смысловому ядру константы:

Земле ({/кормит, родная, ласковая/ ← [мать] ↔[земля-родина]}): *Пахарю земля – мать, а лентяю – мачуха; Родная сторона – мать, чужая – мачуха (Д2); Мать-сыра земля – говорить нельзя (БСРП); Мать-сыра земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим телом пригревает (БСРП); Дорога матушка Москва: за золото не купишь, силой не возьмёшь (БСРП); Мы у матушки России детки, она наша матка – её и сосём (БСРП); Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая (Д2), У матери-Родины долга рука на ласку (БСРП);*

крупным водным ресурсам ({/кормит/ ← [мать] ↔[вода]}): *Волга-матушка – глубокая, раздольная, разгульная (Д2); Матушка-Волга спину гнёт, зато денежки даёт (БСРП); Играй пока, матушка Ока, апрель на дворе (БСРП);*

весне как источнику жизни ({/красивая/ ← [мать] ↔[весна]}): *Матушка-весна всем красна (БСРП);*

хлебу как источнику жизни ({/кормит/ ← [мать] ↔[хлеб]}): *Матушка-рожь кормит всех дураков (сплошь), а пшеничка по выбору* (БСРП);

печке как бытовому артефакту, символу дома, семьи ({/кормит/ ← [мать] ↔[печь]}): *Мать-печка хохочет, караваю хочет, а припечек усмехается, караваю дожидается* (БСРП). Подобные контексты отражают явление вторичной мифологизации.

В паремийных текстах зафиксированы соединения названий родства *отец / батько / тато и мать / матір / мати / мама / нянька*. В таких случаях подчеркивается исключительность родителей, их особое значение в жизни каждого человека, что сконцентрировано в семантике обобщающих высказываний 'незаменимость', 'преданность', 'исключительность', 'верность': *Нема такого краму, аби купив тата й маму* (УПП Паз); *Все купиш, лише тата й мами ні* (УПП Паз); *Три вірні друзи: батько, мати та вірна дружина* (УПП). Характерно, что и в украинской, и в русской паремийных картинах мира отражена некоторая независимость отца и матери, намерение утаивать что-либо, держать в секрете, т. е. сохранять личное пространство в бытовых отношениях, хитрость: *Молчок: разбил отец горшок, а мать два, так никто и не знает* (БСРП) // *Мовчок: розбив тато горщок, а мати два, та ніхто не зна* (УПП); *Не казывает батька матке, сколько в кубышке денег, да матка знает* (СРПП); *Змолв тато невіяне, спекла мама несіяне* (ФСУМ 1). «Разность» родителей учитывается народным самосознанием: *Отец про походы, мать про расходы; Мать у корзины накормит, отец у сусека заморит* (БСРП); *Що тато, то не мати* (ФСУМ 1).

Поскольку паремии – это в некоторой степени логические конструкции, то такие тексты с несколькими названиями родства делают отношения между объектами более выразительными, отражают стереотипные модели родственных отношений в этнокультурах. В частности, это акциональные субкоды повседневной-бытовой культуры взаимоотношений детей и отца / матери, закрепленные в концептуальных цепочках:

{[отец / мать, батько / мати] → /единоначалие в обучении, воспитании/ → [дети]} (*Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет* (БСРП) // *Що мати*

навчить, то й батько не перевчить (ФСУМ 1); Не тот отец, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил, да добру научил (БСРП); Не слухав батька-матері, нехай люди учать (ФСУМ 1); Тільки батько й мати знають, як їх діти виростають (ЗУПП); Коли батько каже «так», а мати – «сяк» – росте дитина як будяк (ЗУПП)),

{[отец / мать, батько / мати] → /хозяйственность, беспокойство/ → [дети]} (Як не стане, то батько дістане, як не буде, то мати добуде (УПП)),

{[отец / мать,батько / мати] → /отношение к воровству/ → [дети]} (Дети крадут, отец прячет (БСРП); Дети воруют, мать горюет (БСРП)).

Значимым является то, что наибольшую поддержку, как отмечают паремийные тексты, дети получают от матери, ср.: *Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота (БСРП) / Батько вмере – то півсирота, а мати – то вже ціла сиротина (УПП Паз); Отцов много, а мать – одна (БСРП) / Батьків багато, а мати одна (УПП Паз); Лягай, дитя, спати: десять батьків, а одна мати (ЗУПП).*

Ряд паремий отражают такую ценностно-духовную доминанту, как необходимость уважительного отношения к отцу-матери. Если в российских паремиях концептуальная цепочка *{[отец / мать, батько / мати] ← /уважение/ ← [дети]}* связана с констатацией такой поведенческой нормы (*Живы родители – почитай, померли – поминай (БСРП); Кто родителей почитает, тот (вовсеки) не погибает [, тот век счастливым живет / , тому Бог помогает] (БСРП); Отца с матерью не почитаешь, никого не уважаешь (СРПП)*), то украинские паремии отображают и другой культурно-дискурсивный опыт бытовой повседневности: хорошие отношения между родителями считали залогом успеха, счастья, удачи (концептуальная цепочка *{[отец / мать, батько / мати]← /уважение/ ← [дети] → /добро, здоровье, счастье/}*): *Хто батька-матір зневажає, той добра незнає (УПП); Не слухав батька-матері, нехай люди учать (УПП); Не послухаси батька-матері, то навчить тебе лиха година (ФСУМ 1); Шануй отця-матір, то буде тобі добре і будеш довго жити на землі (ЗУПП); Шануй батька й неньку,*

то буде тобі скрізь гладенько (ФСУМ 1); *За науку цілуй батька й матір в руку* (УПП Паз).

Кроме семьи ‘уважение’ отношение к родителям проецируется на сферу материального обеспечения (концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] ← /поддержка, пропитание/ ← [дети]}): *Батько і мати виховують дванадцять дітей, а дванадцять дітей не можуть прогледувати на старість двох батьків* (УПП).

Паремийные тексты анализируемого концепта сохраняют сакрализованные оценки отношения детей к родителям (концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] → /защита/ → [дети]}): *Не оставляйте отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит* (БСРП); *Родителей чти – не собьешься с истинного пути* (СРПП); *Не проживут дней своих, иже прогневят отца да мать* (БСРП); *Живи умом и благословеньем родителей своих* (ПП); *Детям не жить, коли не умом да благословением родителей* (ПП); *Батькова і материна молитва із моря витягає, а прокльони в калюжі топлять* (УПП). Примечательно, что таких пословиц больше в русской паремийной картине мира. В подобном направлении утверждается данность родителей: *Все купишь, а отца-матери не купишь* (БСРП) / *Все купиши, лише тата й мами – ні* (УПП Паз); *Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца-матери и в сказке не найдешь* (БСРП); *На свете все найдешь, кроме отца и матери* (БСРП); *Нема такого краму, аби купив тата й маму* (УПП Паз).

В направлении сакрализации русские паремии обобщают роль родителей и их дом как защиту от всех невзгод: *У отца-матери за пазушкой* (БСРП); *Коли есть отец и мать, так ребенку благодать* (БСРП). Сема ‘защита’ преобладает и в паремиях, утверждающих, что роль отца-матери выполняет Ангел-хранитель (христианская мифопоэтика): *Отца с матерью Господь прибирает, а к детям пристателя приставляет* (БСРП).

Смерть родителей – горе детей (*Жалко матки с батькой, а везёшь на погост* (БСРП)) и ассоциируется с ямой (‘пустота’): *Як умре тато і мама, то*

велика яма (УПП); *Як умре дитина, то мала щербина, а як тато або мама, то велика яма* (УПП Паз).

Как правило, в образах отца / батька и матери как основоположников семьи воплощены наивысшие моральные ценности, которые они вкладывают в детей. Вполне естественно и то, что родителями гордятся. Однако для украинцев высшим мерилom достоинства является хорошая репутация в общественном и личном поведении – честь (концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] → /честь/ ← [дети]}): *Батьком-матір'ю не хвались, а хвались своєю честю* (УПП). Отец / батько и мать в украинской семье воспринимались как неразделимое целое: *Як помре батько, мама осліпне* (ЗУПП).

В целом нередко паремийные тексты, подчеркивающие схожесть отца-матери с детьми: *Яке дерево, такі його квіти, які батьки, такі їх діти* (УПП Паз); *У добрих батьків добрі й діти* (УПП Паз); *Руді батьки – руді в них діти* (УПП Паз). В то же время гендерные особенности определяют особые взаимоотношения отца и сына, матери и дочери (хотя и не всегда): *У кого дівка хороша! – У матки. У кого син хорош? – У батьки* (БСРП); *Кто дівку хвалит – отец да мать* (БСРП).

Полноценность восприятия родителей дети оценивают, понимают только в то время, когда приобретают тот же опыт – родительский, ср.: *Пока не родится сын – не оценишь отца, пока не станешь матерью – не оценишь мать* (СРПП).

Обе из анализированных паремийных картин мира сохранили особенности вторичной образности, т. е. использования названий *отец / батько* и *мать / мати* как оценочных метафор, ср. украинскую паремию с фольклорно-песенной направленностью (*Хліб – батько, вода – мати* (УПП Паз)) и русские с элементами книжности, с расширенным рядом социально-ролевых статусов названий людей: *Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец, ветер – господин, дождь – кормилец, солнце – князь, луна – княгиня* (Д1); *Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова* (Д2).

В отношении микроконцепта Дети примечательны следующие признаки. В отдельных паремиях проявлена мифологическая перспектива христианства: люди

предстают в них Адамовыми детьми, т. е. потомками единого прапредка, созданного Господом-Творцом. В таком трактовании {[дети] ↔ [потомки (от единого корня)]}: *Все Адамовы детки* (БСРП); *Все Адамовы детки, все на грехи падки* (БСРП); *Мы все – Евины дети* (БСРП).

Отмечается связь вербализатора константы Родство / Спорідненість *дети* с универсальной концептуальной оппозицией «свой – чужой» (концептуальная цепочка). В связи с этим актуальны поговорки с оценочно-кваликативными эпитетами *мой, свій*, которые подчеркивают интимизацию отношений родителей и детей (концептуальная цепочка {[родители] → /мой / мій, свой / свій/ → [дети, дитя / діти]}): *Своё дитя завсегда жалко* (БСРП); *Каждый своего дитёнка жалкует* (БСРП); *Моя дитина кому, як постіл, а мені, як сокіл* (УПП); *Хто не хоче свої діти нестити, той буде сучині любити* (УПП).

Преимущественно в русских поговорках, меньше – в украинских любимые дети ассоциированы с котенком (котятками), такой же заботой, которую могли наблюдать и фиксировать в обыденном сознании поколения родителей (концептуальная пара {[родители] = [коты ↔ дети] = [котятка]}): *У кошки котя – тоже дитя* (БСРП); *У княгини князя, у кошки котя – тоже дитя* (БСРП); *Не умела родить ребенка, корми серого котенка* (СРПП); *Ласкай и ката, коли не родила дитя* (БСРП); *У матери дитя, а у кошки – котя: всякому мило свое дитя* (БСРП) // *У матері – дитя, у кішки – котя: всякому миле своє дитя* (ФСУМ 1); *І задрипана ворона своїм дітям оборона* (МН–ММ).

В поговорках с актуализированной концептуальной цепочкой {[родители] → / чужой / чужий/ → [дети / діти]} сильнее выражено противопоставление *чужой* (людей, соседский) – *свой* (*мой, наши*) и также оценочные компоненты во вторичных номинациях детей *чортенята – паненята, волчонок*, ср.: *Чужие детки шалют – нам смех, а свои – горе* (БСРП); *Чужие дети невидко растут* (БСРП); *Чужа дитина не своя* (УПП); *У людей діти – любо поглядіти* (УПП); *З чужого чортеняти не зробиш свого дитяти* (ЗУПП); *Чужо дитё – волчонок: как ни ласти – всё в лес глядит* (БСРП); *Свої діти бодай святилися, а чужі бодай запалися* (УПП Номис); *Сусідські діти найпустіші* (УПП); *Як чужі діти*

пустують, то на сміх, а як наші – то горе (УПП); *Чужі діти скоро ростуть, а свої помалу* (УПП Паз); *Чужі діти череваті й головаті і багато їдять, а вже мої – як паненята* (ЗУПП). Чужое дитя – особый объект, в отношении которого ограничено влияние и наложено определенное табу вмешательства в его воспитание: *Чужими детьми не торгуй* (БСРП); *Чужими детками не загадывай [распожжаться]* (БСРП); *Не пейся (Не плачь, Не тужи), мати, о чужом дитяти* (БСРП); *Не сохни, мати, по чужом дитяти* (БСРП).

И в украинской, и в русской паремийных картинах мира представлены паремии с сакрализованной оценкой наличия детей в семье, что позволяет выделить концептуальную триаду {[Бог] → [родители] → [дети]}. Во-первых, появление ребенка в семье характеризуется как подарок свыше: *Дети – благодать божья* (БСРП); *Дети – благословение Божие* (БСРП); *Не мы на детей находим (походим), а они на нас* (БФС); *Дай, боже, дитину, а корова буде* (ФСУМ 1). Поэтому рождение детей, данных свыше, параллельно сопровождается и материальной помощью в их вскармливании: *На деток Господь подаст* (БСРП). Поэтому в некоторых паремийных текстах, во-первых, подчеркивается функция Бога и ангелов – поддержка ребенка (символика подушки): *Як дитина падає, то Бог подушку підстилає, а як наш брат упаде, то або на драбину, або на граблі* (УПП Номис); *Дитина паде – ангел подушку кладе, старий паде – дідько камінь кладе* (УПП). Во-вторых, и процесс воспитания (кормления) также сопровождается осознанием божественного благословения: *Дай, Бог, кому детей родить, тому их и вскормить!* (БСРП). В-третьих, подчеркивается роль отца как прообраза Бога в семье, на земле, и таким образом, его определяющей роли в воспитании детей: *Бог до людей, а отец до детей* (БСРП); *Как Бог до людей, так отец до детей* (БСРП).

Залогом счастья в украинской и русской народной культуре считаются дети (*У кого дети, у того счастье* (БСРП)). Бездетную семью считали неполноценной, безрадостной, несчастливой, такой, где царит горе, пустота, беда: *Без дітей тихо, та на старості лихо* (ФСУМ 1); *Хата з дітьми – базар, без дітей – пустка* (ФСУМ 1); а также семьей, которая несет на себе грехи рода: *У кого*

детей нет – во грехе живут (БСРП) (чтобы Бог простил – приемыша берут). Однако ряд паремий утверждает обратное: *Кто детей не имеет, тот и горестей не знает* (БСРП) // *Хто дітей не має, той горя не знає [той біди не знає / той лиха не знає / той клопоту не знає]* (ФСУМ 1); *Без детей гребты не знаешь* (БСРП); *У кого нет детей, нет и заботы* (БСРП); *У кого детки, у того и заботы; У кого детки, у того [и] бедки* (БСРП); *Детки – родителям кручина* (БСРП).

Противоречивость качества жизни супружеской пары с детьми и без детей отражает ряд пословиц, построенных по модели противопоставления определенных оценок: *С детьми дом – содом, без детей – могила* (БСРП); *Без детей сухота, с детьми грохота (перхота)* (БСРП); *Без детей тоскливо, с детьми водливо (вередливо)* (БСРП); *Без детей – горе, а с детьми – вдвое* (БСРП); *Горе з дітьми, горе й без дітей* (УПП Паз); *Біда з дітьми, а ще гірше без них* (УПП Паз); *Без дітей скучно, а з дітьми душно* (УПП Паз); *Без дітей тихо, та на старості лихо* (УПП).

Одна из определяющих для характеристики семьи с детьми концептуальная пара, в которой дети ассоциированы с родовым пространством – домом, избой {[дети / діти] ↔ [изба / хата]}: *Изба детьми весела* (БСРП); *Журишь хатою, за дітей не журишь – будуть* (УНПП).

Для отца и матери дети – опора в жизни, её смысл, источник вдохновения и силы: *Якби усі діти спали, то не були б батьки старі, а якби дітки не мерли, то вони б і небо підперли* (УНПП).

Самую многочисленную группу пословиц с номинацией діти / дети составляют те, в которых раскрыт социокультурный опыт и особенности этнопедагогики (концептуальная цепочка {[родители] →/ воспитание/ → [дети / діти]}). Обобщающие пословицы «*Детей воспитать – не курочек пересчитать* (БСРП); *Не устанешь детей рожаячи, устанешь на место сажаячи* (БСРП); *Детей учить – не лясы точить* (БСРП); *Детей растить – не мёд хлебать* (БСРП); *Детей (деточек) носить – не ветки ломить (тяжелехонько)* (БСРП) подчеркивают сложность процесса воспитания.

Вместе с тем паремийная картина мира отражает и биологическое сходство родителей и детей (или отсутствие такового): *Какая мати, такие и дети* (БСРП); *Не мы на детей походим, а они на нас* (БСРП); *Дети походят почитай всегда на родителей* (БСРП); *Дети удаются (бывают) в родителей* (БСРП); *Одна матка, да не одни детки* (БСРП); *Дети от одной матери и те разные бывают* (БСРП) / *Однієї матері діти, та не однакі* (УПП Паз); *Одного тата діти, а не одної натури* (УНПП); *Який талан мамці, такий і дитяці* (УНПП).

Одна из выделенных групп отображает концептуальную цепочку {[родители] →/ любить, учить, поливать/растить, гнуть, глядеть/ → [дети / діти]}, включающую народно-песенный метафорический механизм отождествления процесса воспитания-учения с выращиванием растений (цветов, деревьев). По структурно-семантическим особенностям их можно разделить на следующие группы:

1. Пословицы-поучения, в которых содержатся предостережения, наставления: *Умел дитя родить, умей и научить* (БСРП); *Учи дитя, пока поперёк лавочки лежит, а как вдоль лавочки ляжет, тогда поздно учить* (БСРП); *Детей учи без людей!* (БСРП); *Люби дитину, як душу, а трясси її як грушу* (УНПП); *Діти, як квіти: поливай – рости будуть* (УНПП); *Вчи жінку без дітей, а дітей без людей* (УНПП); *Учи дітей не страшкою, а ласкою* (УПП Паз); *Гни дерево, поки молоде, учи дітей, поки малі* (УПП Паз); *Ой, мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина* (ФСУМ 1); *Діти – не поле засіяне, їх треба доглядати* (ФСУМ 1); *Від доброго дерева добрий і пагінець, од доброго батька піде і добра дитина* (УПП) и под. Такие паремии – это своеобразные дидактические сентенции, формулы, пожелания. Если в русскоязычных контекстах преобладает обобщенная рекомендация, то в украинских усилена ассоциативная связь «дитя – дерево, росток».

2. Пословицы-предостережения относительно сформированных черт характера построены по принципу оппозиции актуализованных атрибутов *добрий, хороший – худой, плохой, злой (злий), добрий – ледачий: Детки хороши – отцу, матери венец, худы (плохи) – отцу, матери конец* (БСРП); *Дети наши, а*

воля у них своя; серце само скажет, хто кого полюбит (БСРП) // *Добрі діти – батькам вінець, а злі діти – кінець* (УПП Паз); *Добрі діти доброго слова послухають, а лихі й дрючка не бояться* (УНПП); *Добрі діти – потіха, злії – гризота* (УНПП); *Добрі діти їдять кашу, злії – серце й душу нашу* (УПП Паз); *Добре дитя боїться й кива, а ледаче не боїться й кия* (УНПП).

3. Пословицы-максимы, определяющие эталонное поведение детей:

покорство, послушность: *Покорному дитяти все кстати* (Д1); *Добра – то дитина: коли спить, то не плаче* (УПП);

трудолюбие: *Работные дети отцу хлеб (хлеба)* (БСРП); *Родители трудолюбивы, и дети не ленивы* (БСРП); *Счастье родителей – честность и трудолюбие детей* (БСРП); *Трудящі діти, як комахи: скоро все рознесуть* (МН–ММ); *Ледача та дитина, котрої батько не вчив* (УПП Номис);

правдивость, откровенность: *Доброе дитя скорее пролжётся* (БСРП); *Дитина і п'яний усе правду скажуть* (ЗУПП); *Діти і дурні говорять правду* (УНПП); *Діти мають великі вуха і довгий язик* (УНПП); *Дитина до семи літ правду каже* (УНПП);

резвость: *Діти – як роса, тут є, тут нема* (ФСУМ 1).

Существенны в национальных паремийных картинах мира пословицы-максимы с концептуальной цепочкой {**[родители]** → **/воспитание/** → **[дети / діти]**}, построенные по моделям:

«растить, учить, родить N ≠ легкое дело»: *Детей ростить – осинку глотать* (БСРП); *Детей учить – не лясы точить* (БСРП); *Детки родить – не ветки сломить / .. не веток ломить*(БСРП); *Легко дитя нажить, нелегко виростить* (БСРП); *Не строй семь церквей, пристрой семь детей* (БСРП);

«N = положительное или отрицательное явление»: *Дети – связа* (– обуза (БСРП); *Детки – кручина родительская* (БСРП)); *Детки – радость, дети – горе* (БСРП) / *Діти – радість, діти і горе* (УПП Паз); *Діти такий народ, що вдень мовчить, а вночі кричить* (УПП); *Діти – чужа користь* (УПП Паз); *Діти – найбільша радість в світі* (УПП);

«N как / мов / что...»: *Ребенок, что поросенок* (БСРП); *Ребенок, что жеребенок* (БСРП); *Ребенок – что воск: что хочешь, то и сольешь* (БСРП) / *Дитятка – что тесто: как замесил, так и выросло* (БСРП); *Дитина, як година: і добра, і погана* (ЗУПП); *Дитина, як дзеркало: все відбиває* (УПП); *Дитина, мов порожня посудина, що в неї влиєш, те й держить* (ФСУМ 1).

Кроме обозначенных моделей характеристики детей как объекта воспитания заслуживают внимания паремии, которые определяют этнокультурные особенности способа воспитания ребенка в семье, который в каждом доме свой (*Що вчать дома діти, то не знають і сусіди*). Один из них – битие (концептуальная цепочка {[родители] →/воспитание = битье / биття/ → [дети / діти]; [дети / діти] /не слушают/ ← /воспитание = битье / биття/ ← [родители]}): *Кто отца и матери не слушает, тот послушает телячьей кожи* (БСРП) // *Не вмів слухати [Не хотів слухати] батька, слухай собачої шкури* (УПП Номис); *Дитину серцем люби, да в руках держи* (УПП) // *Дитину серцем люби, а руками гнети* (БСРП); *Наказуй детей в юности, упокоят тя на старости* (БСРП); *Наказуй детей в юности – упокоят тебя в старости* (БСРП); *Розгой в могилу ребенка не вгонишь, а калачом не выманишь* (БСРП); *Добре дитя не потребує биття* (УПП Паз); *Дитина без прута не виросте* (УНПП); *Хто не слухає вітця-матері, нехай слухає песької [баранячої] шкіри* (УНПП).

Часть паремий отрицают положительный результат бития: *Хто б'є дитину, той не виховує добру людину* (ЗУПП); *Дитина не втікає від калача, але від бича* (УПП).

Как противоречивые квалифицируем пословицы, которые дают оценку свободы в воспитании детей: *Дай дитині волю, а собі неволю* (УПП Паз) – *Дитині волю не давай* (УПП Паз). Негативно оценивается и балованье, излишнее внимание к ребенку: *Гарна мазана паляниця, а не дитина* (УПП) / *Мазані пироги добрі, а діти не дуже* (УНПП).

Этой группе паремий противопоставлены по мерам, способам воздействия на детей паремии, которые утверждают позитивную роль:

похвалы: *Не вчи дитину штурханцями, хорошими слівцями* (УПП Паз); *Боги й діти живуть там, де їх хвалять* (УНПП);

ігри, забавы: *Детям не порча игрушка, а порча худая при служка* (БСРП); *Не доспи, не доїж, а дитину потіш* (УНПП); *Чим би дитина не бавилася, аби не плакала* (УПП Паз);

суровости: *Ой мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина* (УПП Паз);

призыва к стыду: *Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом* (РНПТ: Хр)

заботы, внимания: *У семи нянек дитя урод (калека)* (БСРП) *У семи мамок (мамак) дитя без глаза (без глазу)* (БСРП) // *У семи нянок дитина без носа* (УПП Паз); *Когда нянек много, дитя безного* (БСРП); *Где нянек много, там дитя безного* (БСРП); *Где много мамушек, так там дитя без глаза* (БСРП) // *Багато нянок – дитина без носа* (УПП Паз); *У семи нянек дитя (дите) без глаза (глазу)* (БСРП) // *Де багацько нянок, там дитя каліка [там дитя без ляльок | там дитя без голови]* (УНПП); *Доглядай дитину, як перлину* (УПП Паз); *Двадцять нянок – дитина бита* (УНПП); *Де багацько нянок, там дитя – каліка* (УПП Паз); *Де багато баб, там дитя безносе (безпуне); Сім баб – сім рад, а дитя безпуне* (РУТСП).

В то же время негативную оценку имеет народный опыт потакания детям: *Кто детям потакает, сам слезу утирает* (БСРП).

Процесс воспитания в паремийной картине мира отождествлен с кормлением. Таким образом, выстраивается концептуальная цепочка {[родители] → / воспитание = годування / кормление/ → [дети / діти]}: *Детки годовать – век коротать* (БСРП); *Кому діти родити, тому їх і кормити* (УНПП); *Дітей годувати, як камінь глитати [свій вік коротати /, а сам торби готуй]* (УНПП); *Дітей годувати – то не меду лизати* (УПП).

В украинской паремийной картине мира зафиксированы присказки, в которых через анималистические образы обыгрывается сложный процесс воспитания-вскармливания: *Годував ведмідь діти, а голови не мав де*

діти (УНПП) / *Годувала сова діти – і нема на що глядіти* (ФСУМ 1). Так через имплицитный психологический параллелизм проявляються міфопоетические представления о причастности человека природной жизни, о подобии, если не изоморфности, человеческой и природной жизни.

Украинские и русские паремии фиксируют понимание ответственности за воспитание ребенка, осознание того, что с его появлением в семье заканчивается беззаботная жизнь: *У кого детки, у того бедки* (БСРП); *Соловей співа, поки дітей нема* (УПП); *До зубів наїсися, а до дітей наспися* (УПП). В таких случаях микроконцепт Дети / Діти разворачивается в сложный семантический механизм концептуализации, т. е. обобщения предыдущего опыта (опыта предыдущих поколений), выстраиваемый в поговорах-максимах такого типа с концептуальной цепочкой {[родители] → /воспитание/ → [дети] = /бедность, беда, огорчение, недоедание, недосыпание/}.

В ряде пословиц утверждается мысль о том, что с годами ребенок требует больше родительских усилий и внимания. Этот смысл актуализуют вербальные компоненты *не наешься, не дают поесть, не дают пожить, не дают спать, не дают дышать* и т. д., соотнесенные с оценочным компонентом *малые / малі* (концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание/ → [малые дети] = /бедность, тягость, беда, печаль, огорчение, недоедание, недосыпание, хлопоты/}: *Малые дети тяжелы на коленях, а большие – на сердце* (БСРП); *Малые (Малыя) дети – малая печаль, большие (большия) дети – большая печаль* (БСРП); *Детки малыньки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут* (БСРП); *Детки малыньки спать не дадут, детки велики – сам не уснёшь* (БСРП); *Малые дети съест, а большие зносить не дадут* (БСРП); *Малые дети не дают спать, а большие дышать (жить)* (БСРП) // *Малими були діти, то спати матері не давали, а вирости, то й дихать не дають* (ФСУМ 1); *Малые детки – малые бедки, а большие детки – большие бедки* (БСРП); *Маленькие детки – маленькие бедки, а вырастут велики – будут большие* (БСРП); *Малые детки – мало хлопот, а возмужают, так отца испужают* (БСРП) // *Малі діти – малий клопіт, а підростуть буде великий* (УПП Паз); *С малыми детками горе, с*

большими вдвое (БСРП) // Малі діти – мала жура, великі діти – велика жура (УНПП); Мала дитина – не виспишся, більша дитина – не наїсися, велика дитина – не уберешся (УПП); Мала дитина відбирає родичам сон, більша – хліб від рота, а велика і сорочку з тіла здере (УНПП); Мала дитина – мала болячка; Більшають діти – більшають і клопоти (РУТСП). В то же время единичные паремии сравнивают малое дитя со сладостью – медом, пряником: Малы деточки в дому как пряженики в меду (БСРП).

Символами душевных переживаний за детей выступают символические образы *сердца, головы, больших физических усилий – руки, материального жизнеобеспечения – запаска: Малое дитя грудь сосёт, а большое – сердце (БСРП); Одно дитя – руки нет, два дитя – двух нет (БСРП); Своё детище – вар у сердца (БСРП); Малые дети едят хлеб, а большие – сердце (БСРП) // Малі діти деруть запаску, а великі – серце (УПП Паз); Маленькие дети – руки болят, большие дети – сердце (БСРП); Детки – на руках железо / мозоль / сети (БСРП); Малі діти їдять хліб, а великі – серце (УПП Паз); Від малих дітей болить голова, а від великих – серце (УНПП).*

При этом в паремиях устойчивы ассоциации ребенка с кладом, цветами, ягодками (плодами, звездочками на небе): *Дети – цветы жизни (БСРП); У кого детки – у того и ягодки (БСРП) // У кого дітки, у того і ягідки (УПП Паз); Малые детишки – что часты звездочки: и светят, и радуют в тёмную ноченьку (БСРП) // Малі діточки – то ясні зірочки: і світять, і радують у темну нічку (УПП); Нащо ліпший клад, коли в дітках лад (УПП Паз).* В этих ассоциациях имплицитно присутствует миф о Мировом древе, реализуется характерный для восточнославянских мифологий способ символизации его образно-смыслового потенциала в представлениях о потомках как ветвях или плодах родового древа.

Ассоциатом материнского переживания является плач ребенка. Органичность такого психофизиологического состояния выражается в паремийной картине мира: *У матери сердце в детях, а у детей – в камне (в каменьях) (БСРП); Дитя плачет, а у матери сердце болит (БСРП) / Дитина плаче, а в матері серце болить (УПП Паз); Коли дитя не плачет, мать не*

слышит (БСРП); *Дитяне заплачет – мать не услышит* (БСРП) / *Дитина не плаче, матери не чує* (УНПП); *Дитя не плачет – мать не понимает (не слышит)* (БСРП); *Дитина плаче, а матері боляче* (УНПП); *Дитина плаче – мама мусить співати* (УПП).

Паремийные тексты отражают один из самых важных компонентов отношений детей и родителей – любовь. Поэтому в определенных пословицах представлена концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание = любовь/ → [дети]}: *Всякому свое дитя милее* (БСРП); *Цілуй, чоловіче, дитину дома, бо на ярмарку не дотовпишся* (ФСУМ 1); *Рад би до дітей небо прихилити та зорями вкрити* (МН–ММ). Нелюбимые, нежеланные дети – те, которых бьют, которых не жалеют: *Нелюбимое дитя больше ест* (БСРП); *Нелюбимое дитя – хлыстом, любимое – дубьём* (БСРП); *На нелюбое детище и смерти нет* (БСРП).

Жизнь с детьми в любви в украинской и русской паремийных фондах ассоциируется с ярмаркой, звездным ('счастливым') небом, просто – с радостью (концептуальная цепочка {[родители] ← /радость/ → [дети]}): *Те счастливицы дети, от коих отец и мать радость может имети* (МНБСРП). Среди русских пословиц (*Мед сладок, ребенок еще слаще* (БСРП)) есть тексты, в которых подчеркнута сравнение ребенка со сладким медом (концептуальная цепочка {[родители] ← /сладость/ → [дети]}). Объединяющей для украинской и русской паремийных картин мира в отношении реализации фрейма «любовь к детям» является концептуальная цепочка {[отец, мать] → [/милое, родное/дитя] /сопливо, кривое, худое, горбатое/}: *Своё дитя и сопливо мило* (БФС); *Свое дитя и горбато, да мило* (БСРП); *Дитя хоть и криво (хило), а (да) отцу-матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило* (БСРП) // *Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленьке* (УНП Паз); *Хоть дитя худое, а отцу да матери родное* (СРПП) // *Хоч дитя худеньке, та батькові й матері рідненьке* (УНПП); *Дитя худенько, а отцу, матери (отцу-матери) миленько* (УНПП).

Паремийный фонд сохраняет обобщения, связанные с возрастными изменениями родителей – наступлением старости и мудрости: *Детки постели –*

батьки (батки) без веку доспели (БСРП); Детки поспели – отца, мать до веку доспели (БСРП); Детки поспеют – и родителей доспеют (БСРП).

Микроконцепт Дети / Діти объединяет паремии, в которых можно структурировать концептуальную цепочку {[родители] ← /смерть/ → [дети]}. С одной стороны, это тексты, в которых утверждается, что детей рожают не для старости (*На рать сена не накошишься, на смерть детей не нарожаешься (ФСУМ 1)*). С другой стороны, это тексты, в которых оценивается степень горя от смерти родителей или их детей: *Легше камінь глодами [Ліпше терня збирати], як дітей ховати (ЗУПП); Коли умре дитина, то мала долина, а як умре мама, то велика яма [, то мала щербина, а як тато або мама, то велика яма] (УПП Паз).*

Количество детей в семье – важная составляющая микроконцепта Дети / Діти. У восточных славян семья традиционно была многодетной. Однако сложные социальные и экономические условия, в которых развивался институт семьи, сформировали у определенной части общества неоднозначное восприятие многодетности. Например, зафиксированы паремии, в которых представлено ироническое предостережение относительно роста количества детей в семье, например: *Обложився дітьми, як дід онучами (ФСУМ 1)*. Позитивную оценку получило качество ‘много’ (*У кого дітей много, тот не забыт от Бога (БСРП); Одна дитина – не дитина, а много дітей – радість (УНПП); Діток повен куток (УПП); Подумай жениться, то й діток копиця (УПП); Діток як бобу, а хліба ні дробу (ЗУПП)*), причем вербализируется и сознание того, что количество детей только ухудшает материальное благосостояние в семье, но не забирает ощущение радости, Божьей поддержки. Негативную оценку получило качество ‘один’, ‘два’: *Одно дитя – не дитя (УПП Паз); А як росте одна дитина, то на старість трудна година (УПП Паз); Як двоє дітей у батька, то так як одно: а як одно, то як ні одного (УПП Паз); Двоє діточок – як два ока в лобі (УПП).*

Украинские паремии сохранили и временные характеристики, т. е. определенных периодов, в какие зачинали детей – Рождество (метонимия – кутя), после Успенского поста (метонимия – жнива): *Вони збилися з пуття: як кутя, то й дитя (УНПП); Що жнива, то й дитина нова (УНП Номис).*

Екстралингвістическі факторы обусловили возникновение пословиц, в которых прослеживаем концептуальную цепочку {[родители] → [дети] = /бедность/}: *Були колись чорти, та бідного чоловіка діти з'їли* (ФСУМ 1); *Батько і мати виховують дванадцять дітей, а дванадцять дітей не можуть прогудувати на старість двох батьків* (УНПП); *Їжте, діти, сити – на дні потопа буде* (УПП); *Детки подросли – батьку растрясли* (БСРП); *Детки подросли – отца растрясли; оттого растрясли, что умел отец родить, а не умел разуму научить* (БСРП); *Одно взять – или детки водить или деньги копить* (БФС); *Одно взять: либо дети водить (водит), либо деньги копить (копит)* (БСРП).

В связи с этой концептуальной линией в паремийной картине мира отмечен ряд ритмизированных текстов, причем таких, которые имеют вариативность. Ср. русскую поговорку *Дети, дети, да куда ж мне вас дети?* и украинские варианты: *Діти, діти, де вас подіти? На піч покидати та їсти не дати? [Чи на піч заганяти, чи горщик каші дати? / В трубу сховати, кілком заткати?]* *Поставимо вас в коробочку, мете шкряботіти; Діти, діти, добре з вами вліті, а зимою хоч об комин (камінь) головою* (ФСУМ 1) / *Небожата-діти, добре було вліті: хоч хліба не мали, та тепло знали* (ФСУМ 1).

В паремийном содержании микроконцепта Сын / Син выделяется несколько компонентов: 1) оценочный компонент; 2) взаимоотношения матери и отца с сыном; 3) обобщающие характеристики сына. Следует отметить, что как и микроконцепт Дети / Діти, микроконцепт Сын / Син входит в широкую оппозицию «свой – чужой»: *Чужий син дурний – сміх, а свій син дурний – плач* (УНПП). Охватывает эта оппозиция и номинацию «зять». Таким образом, в паремийных текстах выстраивается концептуальная цепочка {[сын /свой/] ← [родители] → [/чужой/ зять]}: *Коли син виганя з хати, на ніч укладайся, коли ж зять стане гарчати, то за двері хапайся* (УПП); *Із сином сварись, та й за стіл берись, а з зятем сварись, за поріг берись* (УПП Паз); *Лучче в сина під полон, ніж у зятя за столом* (УПП Паз).

Кроме того, рождение сына в украинской паремике ассоциировано с радостью: *Як син родиться, то й стіни радіють* (УНПП); *Як син вродиться, то і хата радується* (УПП).

По-разному предстает в паремийной картине мира восточных славян позитивный образ богатства, передаваемого сыну, и сочувствие бедности последнего. Ср.: *Родился сын, как белый сыр* (БФС) – *Не смійся з Макара, що він син злидаря* (ЗУПП).

Паремийные тексты отражают особенности этнокультуры взаимоотношений родителей и сына. Во-первых, это касается воспитательного процесса ({[родители] → /учение, воспитание/ → [сын]}): *Учи сина, як годуєш, бо тоді вже не навчиш, як тебе годуватиме [, як коло лавки ходити, бо як виросте, то тебе навчить]* (ФСУМ 2); *Вчи на добре сина, то не буде псина* (МН–ММ); *Як дуба не нахилиш, так великого сина на добре не навчиш* (УПП). Народная мудрость концептуализует роль конкретного родителя в воспитании (*Чи батьків синочок. Чи мамин мазун* (УПП Паз)): отца – *Синові воля – батькові торба* (УПП); *Так виховав синка, що сам тепер його боїться* (УПП Паз); матери – *Матушкин сынок, да батюшкин горбок* (БФС); *Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станет, уже не научишь!* (БФС); *Ой, мамо, мамо, не пести так сина, бо бідная на світі пещена дитина* (УНПП).

По нашим наблюдениям, все же и в украинской, и в русской паремийной картине мира большая ответственность за плохое воспитание сына лежит на отце как архетипном праобразе Творца: *Из-за плохого сына бранят и отца* (БСРП); *Блудный сын – ранняя могила отцу* (БСРП); *Від поганого сина батько сивіє* (УПП); *Поганому сину батьківщина не в моду* (ЗУПП).

Как в описанных выше микроконцептах, в этом процесс воспитания ассоциирован с битьем (концептуальная цепочка {[родители] → /учение, воспитание = битие/ → [сын]}): *Ненаказанный сын – бесчестье отцу* (БСРП); *Любимого сына жезлом* (БСРП); *Дал Бог сыночка, дал и дубочка* (БСРП); *Кулаком да в спину – то и приголубье сыну* (РНПТ: Хр). В то же время паремийные тексты отражают обратную связь {[сын] → /битие/ → [родители]}: *Сын отца бьет – не*

на худо учит (БСРП); Син хотя й не хлібом, то кулаками, а все-таки нагодуе (УПП Паз).

Среди обобщающих характеристик сына выделяем фиксацию того, что сын – наследник родителей (концептуальная цепочка {[сын]→ /близость/ →[родители]}: Каков ни будь сын, а все своих черев урывочек (БСРП); позитивную маркированность образа хорошего, доброго сына ({[сын]→ /хороший, добрый/ ←[родители (отец)]}): Всегда отец будет веселиться, когда хороший сын родится (БСРП); Слава сына – отцу отрада (БСРП); Добрый сын всему свету завидюще; и послушного (Послушному сыну родительський наказ не тягостен) (БСРП), умного сына ({[сын → [умный] ←родители (отец)]}): Умный сын слова боится, а глупый и побоев не страшится (БСРП); Умный сын отцу замена, глупый – не помощь (БСРП); Умному сину не забирай – сам наживе, а дурному не оставляй – усе проживе (УНПП); Сын мой, а ум у него свой (БСРП) / Син мій, а розум у нього свій (УПП); Сын отца глупее – жалость (БСРП); Сын отца умнее – радость; брат брата умнее – зависть (БСРП); Не забирай, сину худоби, а заberi йому розум (ФСУМ 2); Не бажай синові багатства, а бажай розуму (УПП).

Паремийная картина мира содержит и характеристики сыновей относительно порядка их рождения (Первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание (БСРП)), количества в семье, что связано с некоторыми качественными признаками: недостаточность / досточность рабочей силы в крестьянской семье (Один сын – не сын, два – не кормильцы (БСРП); Один син не син, два сини – півсина, три сини – ото тільки син (УНПП) / Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын (БСРП); Сім синів годують, всім і щастя готую! (ФСУМ 2)); склонность к вредным привычкам (Син-одинак – як не злодій, то пияк (УПП); Батька горбом (нажил), а сынок горлом (прожил)) (БСРП); слабый ум (глупость) (Пронав батько з дурними синами (УПП Паз); Дурному синові і батькове багатство не в поміч (УПП Паз); Від дурного сина каяття не бачити (ЗУПП); Глутому [дурному] синові батько розуму не купить (УПП) // Глутому сыну и рожном отец ума не пришьет (ЖНП); В глупом сыне и отец не

волен (БСРП); *От сына дурака не хлеба колоба* (БСРП); *Глупому сыну не в помощь наследство [не впрок богатство]* (БСРП).

Негативно оцениваются определенные качества поведения сына: лень (*Ледащо син – батькові гріх* (УПП Паз); *Доброму синові не забирай, а ледачому не оставляй [а ледачому не покидай]* (УПП Паз); *Ледачому сину худоба не поможе* (УПП Паз)), потребительство (*Татові на воли грошей не вистачає, а син скрипки забажав* (УПП Паз); *Син ходить в жупані, а матір водить в лахмітті* (УПП Паз)).

Народные высказывания зафиксировали и ироническое восприятие некоторых особенностей сыновей. Например, несоизмеримость физических размеров и ума (*Рости, сину, хоч дурний, аби великий!* (щоб люди боялись)), привязанность сына к отцу как источнику благ (*Плачет сын по отцу, что мало денег оставил* (БСРП) *Засиджене яйце завжди бовтун, занянчений син завжди швендяло* (УПП Паз)).

Особенности функционирования микроконцепта *Дочь / донька* в украинских и русских поговорках могут быть описаны по нескольким направлениям: 1) оценочный компонент; 2) взаимоотношения матери и отца с дочерью; 3) обобщающие характеристики дочери.

Оценочность дается *дочери* в отношениях с судьбой / долей – концептом, в народной культуре связанным с архаическими мифопоэтическими представлениями, и в частности с образом Мирового древа. Ср. концептуальную цепочку {[*дочка / дочь*] → /*окно / вікно*/ → [*Судьба / Доля*]}: *Ні світ, ні тьма – сидить доня біля вінка* (УПП), т. е. высматривает свою Долю, поскольку «окно» – мифопоэтический символ внешнего мира.

Концептуальная оппозиция «мало – много» выражена в поговорочных текстах, ориентированных на оценку количества дочерей: приемлемой являлась многодетность и большое количество дочерей в доме, что делает его веселым, счастливым, хотя и хлопотной саму жизнь, ср.: *Десята дочка – не болотна кочка: ногой не пхнёшь* (БСРП); *Де донька одна, там доля гірка, а де дівок сім, там доля усім* (УПП Паз); *У сусіда дочок сім, та і доля всім* (УПП Паз); *Як дочка одна, то*

їй нема талана (УПП Паз); *Сім дочок – свій таночок* (УПП Паз); *Сім (шість) дочок – свої вечорниці* (УПП Паз); *У кого дочок сім, то і щастя всім, а у мене одна і то щастя нема* (ЗУПП); *Много доньок – много клопоту* (УПП Паз).

Содержание микроконцепта в аспекте отношений между дочерью и матерью и отцом складывается из нескольких составляющих. Во-первых, из семантики подготовки дочери для кого-то (т. е. она в определенное время становится объектом сватанья, замужества): концептуальная цепочка {[**ДОЧЬ / дочка**] ← /чужая/ → [**дом / хата**]}. Эта составляющая обрядового народного дискурса наиболее выражена в восточнославянской паремийной картине мира; для нее характерно соответствующее ситуации употребление глаголов и народнопоэтических сравнений: *Маєш дочку, держи варенуху в горшку* (УНПП); *Дочку тримай вдома, ще й заплати кому, щоб взяв біду з дому* (УПП); *3 дочками таке: до десяти чешеш, до п'ятнадцяти доглядаєш, а після двадцяти дякуєш тому, хто забирає* (УПП); *Дочка – як ластівка: пощобече, пощобече, та й полетить* (УПП Паз). Поэтому концепт «чужой – свой» тут нашел особую реализацию: вербализацию оценки перспектив семейной жизни дочери: *Дочь – чужое сукровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай* (БСРП); *Доньки – чужа потіха* (УПП Паз); *Доньки – чужа користь* (УПП Паз); *Діти – чужа користь, а найбільше того – дочки* (ФСУМ 1). Синонимами «чужого» выступают обрядовое слово *пропитая* (ср.: *Пропитая дочь – не своя, чужая* (БСРП)) и обрядовое понятие *выданная* (*Выданная дочь – отрезанный ломоть* (БСРП)).

Обобщены в паремиях и вопросы материального обеспечения семьи, где есть дочери: чтобы их отдать замуж в хороший дом, нужно хорошее приданое: *Дочка [дочку] в колыбельку, а придано в коробейку* (Д1). В украинской паремийной картине мира символом приданого выступает «сорочка»: *Годуй дочки, та будеш ходити без сорочки* (УНПП); *У кого суть дочки, у того латані сорочки* (УНПП); *Дочки залишають без сорочки* (УПП Паз); *Дочки забрали всі сорочки* (УПП); *Хто має дочки, той ходить без сорочки, а хто має синки, той гаптує торбинки* (УПП Паз). С этим блоком паремий связана концептуальная

цепочка {[родители] → /дочь/ → [замужество]}, отражающая установку на выдачу дочери замуж: *Дочь отцу с матерью не корысть: пои-корми, да и в люди отдай* (БСРП).

Длительные наблюдения за психологическими типами дочерей-жен, позволили сформулировать определенные обобщения, связанные с отмеченной схожестью дочерей с родителями, в зависимости, очевидно, от опыта самих родителей, копирования моделей поведения дочерей в зависимости от наличия в семье второй дочери. Поэтому смысловое наполнение паремий *Первую дочь бери по матери, а вторую – по сестре* (БСРП); *Первую дочь бери по отцу, по матери, а вторую – по сестре* (БСРП) отражает обобщение {[мать, отец] = [первая дочь] ≠ [вторая дочь] = [первая дочь, т.е. сестра]}.

Уходя в другой дом, дочь забирает все, что ей приготовлено заботливыми родителями, поэтому фиксируем образ ободранной, голой хаты после выданья (концептуальная цепочка {[дочь / дочка] → голая [дом / хата]}): *Як дочки підросли, то й хату розтрясли* (УПП Паз); *Дочка – обдери хата, все забирає, бо хоче бути багата* (УПП Паз).

Обобщая опыт до замужества (женитьбы), родители положительно оценивают желание дочери гулять, веселиться, спать вдоволь, что отражают паремии с формами глаголов в повелительном наклонении: *Спи, доню, тоненько у рідної неньки* (ФСУМ 1); *Співай собі і грай, доню, я ти не бороню* (УПП); *Співай, доню, вдома, бо в людях наплачешся* (УПП); *Гуляй, доню, я ти не бороню [бо хто зна, що буде, як підеши у люди]* (УНПП); *Гуляй, доню, піймавши долю* (ЗУПП).

В то же время эти пожелания-рекомендации включают семантику меры, ср.: *Коли хочеш з доні молодиці, то держи у твердих рукавицях* (УПП Паз); *Не на те, козаченьку, дочку годувала, щоби з пройдисвітом гуляти пускала* (ЗУПП).

Паремийная картина мира отражает большую духовную связь матери и дочери (концептуальная цепочка {[мать] → /родная, близкая/ ← [дочь]}): *Материна дочь – отцова падчерица (т. е. мать любит, так отец не любит)* (БСРП); *Матка по дочке плачет, а дочка по доске (по Дёмке (Диомке)) скачет* (БСРП); *Дочь – матери поміщица* (БСРП); *Хороша дочь, если мать любит*

(БСРП) и в то же время определяет социальную роль каждой: *Дочь матери в сводни не годится* (БСРП).

Среди вербализированных обобщающих характеристик дочери отмечаем оценки со стороны матери – *хорошая* (*Хороша дочка, коли мать хвалит* (БСРП) // *Хороша дочка, як мати хвалить* (УПП); *Хороша дочь, если мать любит* (БСРП); *Дочку матери хвалила, пока з рук звалила* (УНПП)), оценку психологического состояния – радость от голоса (ассоциация с щебетом) (*Чути в хаті дочку, як зозулю в садочку* (УПП)), негативная оценка ленивой дочери (*У лінивої дочки брудні сорочки* (УПП Паз); *Роби, дочко, так не будем ликом кожуха шити* (УНПП)). Позитивную оценку получает дочь по отношению к труду – она и родная, и видная, приметная, обращающая на себя внимание, ср.: *Не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна* (БСРП).

Сценарий похвалы со стороны матери, бабушки, т. е. представителей женской части дома, семьи, очевидно, важен, т. к. он закрепился и в ритмизированных контекстах: *Хороша дочь Аннушка [дочанушка], коли хвалит мать да бабушка* (ЖНП).

Традиционно характеристики дочери соотносятся с чертами отца: *Який Хомка, така його донька* (ФСУМ 1).

Семантический компонент ‘материнство’ разворачивается в ряду компонентов. Пословицы, отражающие идеализированные отношения **мать / матір – дети, ребенок, дитя / дитина (діти, дитя)**, содержат характерные эпитеты (*найкраща, мила мать, мати / дитя, дитина*), а также другие средства оценки: *Всяке дитя матері миле // Всякой матери свое дитя мило* (БСРП); *Дитя хоть и криво (хило), а (да) отцу-матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило* (БСРП) // *Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленьке* (УПП Паз); *Матери все дети равны – одинаково сердцу больны* (БСРП) // *Матері своїх дітей жаль, хоч найменшого, хоч найбільшого* (УПП Паз); *Яка б дитина не була, а для матері вона найкраща* (УПП Паз); *Людям, як болото, а матері, як золото* (УПП).

Социокультурный компонент семантики этих паремий связан с акциональными и оценочными значениями:

а) ‘внешнее и внутреннее психологическое сходство с матерью’. Причем в одних паремийных текстах прослеживается концептуальная связь {[*как, что, куда, какова, яка / мать, матка, мамка, матушка / матери, мама, матка*] → [*одинаковые*] → [*так, то, туда, таковы, такая, таке, такі / [дети, дитя / діти]*]}: *Какова матка, таковы и детки* (БСРП) // *Яка матери, такі й дітки* (УПП Паз); *Как матка, так и дитяtko* (БСРП) // *Яка матка, таке й дитяtko* (УНПП); *Какая мама, такая и гага (кага)* (БСРП); *Что мамки едят, того и детки хотят* (БСРП); *Куда мать (матушка), туда и дитя (дитяtko)* (БСРП); *Який талан матці, такий і дитяці* (УПП Номис); *Яка мама, така й сама[така й ляля (лялька) / така й катка]* (УПП Номис; УНПП); *Дурна матери – дурні діти* (УПП).

В других паремиях – {[*какова, какая, яка / мать / матери / няня / мамуня*] → [*одинаковые*] → [*такова, таковы, такая, така / дочка, доня, донюня*]}: *По матери и дочь* (БСРП); *Какова мать, такова (таковы) и дочь (дочери)* (БСРП) // *Яка няня, така доня* (УПП Паз); *Яка мамуня, така донюня* (ЗУПП); *Нема чого дивувати, така була й її матери* (УПП Паз); *Яка клепка, така й бочка, яка матери, така й дочка* (БСРП); *Вилилась у матір, як з воску* (УПП); *Чого мама научить, те й дочка знає* (УПП); *За горами мала хмаронька, яка матери, така донька* (УНПП); *Фія-фіялочка, яка матери, така й дочка* (УПП Номис). Выразительную этнокультурную коннотацию содержит паремия с концептом «каша» (есть кашу вместе ‘жить под одной крышей’): *Яка матери, така дочка[іли кашу з черепочка]* (УПП). Реже в выделенной аксиологической подгруппе паремий встречаются концептуальные пары {[*мать*] → [*син / син*]}: *Яка вода, такий млин, яка матери, такий син* (УПП Паз); *Мать при сыне не наследница* (СРПП). Интересна украинская паремия, в которой отношения с сыном ассоциированы как с родным человеком (поссоришься и помиришься, т. к. живешь с ним и для него), а с зятем – как с чужим. В приведенном примере используется архетиповая семантика печихаты (‘родное, близкое, свое’) и клямки (‘двери из дому, в чужой мир’): *Мати з сином лається – за піч береться, з зятем – за клямку* (ЗУПП).

Наиболее широко такую семантику передают поговорки с семантикой доли ('судьба'): *Матері доля витає з її дітьми* (УНПП);

б) 'несхожесть детей с матерью'. Та же концептуальная цепочка {[**матка** / **мати**, **матка**] → /счастье, обычай / /неодинаковые, разные/ [детки, ребятки / дітки]} определяющая для дифференциальной характеристики детей: *Одна матка, да не одни детки* (БСРП); *От одной матки, да не одни ребятки* (БСРП) // *Одної матки, та не одні дітки* (УПП Паз); *В одної матки, та не одні дітки* (УПП Паз); *От одной матки не одинаковы детки* (БСРП) // *Одної матки неоднакові дітки* (УПП Паз); *От одной матки, да разные детки* (БСРП); *От одной матки не равны детки* (БСРП); *Одна матери рожає, да не один обичай дає* (УПП); *Одна матери родила, та не однакове щастя дала* (УПП);

в) 'сочувственность, сопереживание'. С таким семантическим направлением связаны концептуальные цепочки {[**матка**, **мати**] → /плач, слезы, боль, жаль/ ← [детки / дітки]}: *Где мать плачет, там колодец* (БСРП); *Мать плачет не над горсточкой, а над пригоршней* (БФС); *Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до века* (БСРП); *Матери все дети равны – одинаково сердцу больны* (БСРП) // *Матері кожної дитини жаль: бо котрого пальця не вріж, то болить, і цей вріже – болить, і цього вріж – болить, всі однаково болять: так і в матір діти – усіх однаково жалко* (ФСУМ 1); *Мать плачет, что река льётся, жена плачет, что ручей течёт, невеста плачет, как роса падает: взойдёт солнце – росу высушит* (БСРП) // *Де матери плаче, та ріки течуть, де сестра плаче, струмки біжать, де жінка плаче – роси нема* (ФСУМ 1); *У дитини заболить пальчик, а в матери – сердце* (УПП Паз); *Дітки плачуть, а в матері сердце болить* (УПП Паз); *Сльози матері дармо ніколи не пропадуть* (УНПП); *Матері своїх дітей жаль, хоч найменшого, хоч найбільшого* (УПП Паз);

г) 'заботливость' (*Любая матка за дитячко глаза выдерет* (БСРП); *Мати дітей пушить, а мачуха сушит* (ФСУМ 1); *Мати з малятами, як ластівка з ластів'ятами* (УПП)).

Одним из направлений обобщения отношений матери и ребенка является тема физического наказания – бития (биття) / небития (небиття) (концептуальная

цепочка {[мать / матери] → /битие / биття/ → [дитя]}), поскольку приложение физических усилий в народных традициях патриархального семейного воспитания: *Не годится водиться: матушка бить грозитя* (БСРП); *Мать и бия не бьет* (БСРП); *Мене матери цілий вік дурила: казала «битиму», та не била* (УНПП); *Материні побої не болять* (УНПП); *Мене матери в голову не била* (УПП) ('недурный'). Зачастую рукоприкладство в семье осознавалось как поучение, а точнее – предостережение другим: *Мать дочку била, невестке намитки давала* (БСРП). Если негативные оценки бития матерью смягчены, то в проекции на такие поведенческие мотивы мачехи они осуждаются и в украинской, и в русской паремийных картинах мира: *Своя мать бьет на крыше, да никто не слышит, а мачеха ударит – все соседи гудорят* (БСРП); *Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается, да больно бьет* (БСРП); *Своя матка бья, не пробьет, а чужая глядя прогладит* (БСРП); *Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет* (БСРП) // *Рідна матери, високо розмахує, а помалу б'є* (РУТСП).

Микроконцепт Материнство реализуется в ряде пословиц, которые отражают отношение детей к матери, проявляющееся в конкретных жизненных ситуациях. В целом они подчеркивают неравенство соучастия и сопереживания, как вот: *Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает* (ПП); *Мать, прятаяв детям, пазуху прорвала, а дети, прятаяв от матери, по две прорвали* (БСРП); *Матка, на детей крадучи, прорвала пазуху, а детки, у матери крадучи, прорвали три (две)* (БСРП) // *Мати подере пазуху, дітям ховаючи, а діти від матері* (УПП Паз); *Мати рве пазуху, збираючи, а діти, відбираючи* (УПП); *Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери* (БСРП) // *Одна матери вигодує семеро дітей, а семеро дітей одної матері не можуть* (УПП Паз). А также несоизмеримость социальных ролей матери относительно ребенка в младенчестве и в состоянии взрослости: *Молодому мать вредна, а старому непотребна* (ЖНП).

По народным наблюдениям, на отношения матери и детей влияют ее отношения с отцом (концептуальная цепочка {[мать] ← /битие/ ← [отец]} =

[мать] → /битие/ → [дети]), ср.: *Напряталась матка от батьки – напрячутся и детки от матки* (БСРП). Целиком реалистичен и сценарий ответной реакции (бития) со стороны детей, которіх біла мать, как вот: *Напряталась матка от деток – напрячутся и детки от матки* (БСРП).

Отмечены в этнокультуре и отношения матери с детьми разных полов (соответствующие концептуальные пары {[мать] ↔ [сын], [мать] ↔ [дочь]}). В этом ключе паремии обобщают процесс равноудаления детей по мере взросления: *Прийшла мати до сина – гірка її година, прийшла до доньки – навдалась бідоньки* (ФСУМ 1); *Прийшла до сина – кепська часина, прийдеши до доньки – наберешся бідоньки, прийдеши до зятя – не твоя хата* (УНПП).

Не менее важны для этнокультуры паремийные тексты в форме обобщенных диалогов. Это ритмизированные микротексты с некоторой долей ироничности в оценке отношений матери и домочадцев, в основном – детей, для которых в некоторых присказках закрепились собственные имена. Наиболее выражены в таких паремиях сценарии питания (*Наливай, мамаша, щов, – я привёл товарищов!* (БСРП); *Разбуди меня, мама, завтра пораньше! – Почему? – Да вот ломоть хлеба доесть, сейчас не могу; Разбуди меня, мама, завтра пораньше! – Что так? – Да вот хлебушка-то ломоть доесть: теперя уж не смогу* (БСРП); *Пекла б мати і млинці, та не сходяться кінці; «Дай, мамо, масла!» – «У печі погасло!» «Дай, мамо, вечеряти!» – «Підожди, долото вкипить!»; «Мамо, недобрый борщ!» – «Ет, прийде, де тато з паницини, то й недоброго з'їсть!»* (ФСУМ 1); *Сьорбай, Андрушко, добра юшка: мала мати свиням дати* (УПП)), а также женитьбы, замужества (*Не куй меня, мати, к каменной палате, прикуй меня, мати, к девичьей кровати!* (БСРП); *Хорошо тебе, матушка, было идти за батюшку, а мне каково идти за чужого* (БСРП); *Хорошо тебе, матушка, за батюшкой жить; пожила бы за чужим мужиком* (БСРП); *Віддайте мене, мамуню, хоч за вола, щоб я вдома не була* (ФСУМ 1)), рукоделия (– *Умеешь ли ткать и прясть? – У нас матушка ткала и пряла, да не по две рубахи нашивала, а в городе не орут, не пашут, да калачи едят* (БСРП)) и судьбы (*Мати моя Василюх, зростила мене на лихо* (ФСУМ 1)).

Выделяется в паремийной картине мира микроконцептуальная корреляция Сын / син – дочь / дочка, поскольку в ряде паремий сравниваются особенности отношений родителей с детьми разного пола и обратная связь сына и дочери с родителями. Обращает на себя внимание актуализация в украинской паремийной картине мира образа Древа жизни, Древа рода. Оно проявляется, в частности, в паремии *Сини й дочки – з одного дерева листочки* (УПП Паз), т. е. равные, рожденные от одного корня, рода, семьи. В то же время в русской паремийной картине мира концептуализовано представление о принципиальных различиях между сыном и дочерью: *Сын да дочь – день да ночь* (БСРП), о разной привязанности к ним: *Дочки дороже сынка* (БСРП), отличие социальных последствий воспитания детей разного пола: *Дочь питаю – за окно кидаю, сына кормлю – в долг даю, отца-мать кормлю – долг плачу* (БСРП).

Семантическое наполнение некоторых русских паремий о сыне и дочери связано с актуализацией концептуальных оппозиций, в частности «свой – чужой» (концептуальная корреляция {[свой = сын] – [чужая = дочь]}): *Сына кормил – себе пригодится, дочь кормил – людям пригодится* (БСРП); *Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет* (СРПП). Семантика красоты в русской паремийной картине мира сосредоточена вокруг образа дочери, а семантика почета, уважения, гордости – вокруг образа сына: *Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут* (БСРП). Хотя такое разграничение не всегда прослеживается: *Кто красен дочерьми да сынами в почете, тот в благодати* (БСРП).

Наибольшее отчуждение связано с образом дочери, что констатировано в украинской паремике: *І у доні зазнаєш лихої долі* (УНПП); *Мовчить, кишечки, не в сина, а в дочки були в гостях* (УНПП).

Традиционны в русской паремике народно-песенные отождествления сына с месяцем, а дочери с солнцем (*Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц* (БСРП)), их восприятием как хороших, красивых, приятных родительскому сердцу (*Сын да дочь – красные детки* (БСРП)). Ситуативно сравнивают сына и дочь с желанными гостями, если они живут отдельно: *Сын да дочь – домашние гости* (ПП).

Не менее важна для восточнославянской культуры концептуализация корреляции детей и родительского дома. Концептуальная корреляция $\{[\text{сын} / \text{дочь}] \leftrightarrow [\text{дом} / \text{хата}]\}$ может раскладываться на такие компоненты – $\{[\text{сын}] \rightarrow [\text{дом} / \text{хата}]\} - \{[\text{дом} / \text{хата}] \rightarrow [\text{дочь}]\}$, т. е. с семантическими векторами «в – из дома», ср.: *Дочь выдать – с суседами, сына выдать – с сусеками* (БСРП); *Син дивиться в хату, а дочка кричить: «Пусти, тату!»* (УНПП); *Сини принесуть, а дочки угли рознесуть* (УПП); *Син – полатайхата, а дочка – обдерихата* (УПП).

По-разному в паремийных картинах мира обобщен опыт отношений и внешнего сходства каждого из родителей с детьми разного пола, ср.: *Счастливая дочь – в отца, а сын – в мать* (ПП); *Син – утіха батька, а дочка – матері* (УПП Паз).

Сегмент паремийной картины мира, в котором представлен микроконцепт Брат / Брат, прежде всего отражает представление о способах вербализации концептуальной оппозиции «добро – зло». Поскольку именно отношения между братьями, братьями и сестрами концептуализуются в ракурсе отношений между своими и чужими людьми вне дома.

Иерархия семантики микроконцепта Брат / Брат связана с отражением как положительного, так и отрицательного отношения людей друг к другу, причем паремии с негативным оценочным содержанием преобладают. Например, положительное представление о взаимоотношениях вербализовано в паремиях с концептуальными цепочками $\{[\text{брат}] \rightarrow /взаимопонимание/ \leftarrow [\text{брат}]\}$ (*Старший брат как второй отец* (ПП); *Брати – що коти: погризуться й помиряться* (УПП)), $\{[\text{брат}] \rightarrow /взаимопомощь/ \leftarrow [\text{брат}]\}$ (*Брат за брата станет* (БСРП); *Як брат брату не поможе, то що вже чужі люди* (УПП)), $\{[\text{брат}] \rightarrow /преданность/ \leftarrow [\text{брат}]\}$ (*Брат брата не выдаст* (БСРП)), $\{[\text{брат}] \rightarrow /единство/ \leftarrow [\text{брат}]\}$ (*У пяти братьов одна логика* (БСРП); *Чотири брати в одну дірку стріляють* (УПП)), $\{[\text{брат}] \rightarrow /доброта/ \leftarrow [\text{брат}]\}$ (*Один брат, один свет милый* (БСРП); *Добре тому, у кого брат або сестра добрі, а ще добріше – як і*

сам не лихий (УНПП)); {[брат] → /ум/ ← [брат]} (От хорошего братца можно ума набратся (БСРП)).

Негативная сторона взаимоотношений или проявления черт характера вербализирована и в украинской, и в русской паремийных картинах мира через концептуальные цепочки {[брат] → /предательство/ ← [брат]} (Пращатый родного брата за копейку продаст (БСРП); И брат на брата доносит (БСРП); Брат по брату тужит, а желает хуже (БСРП)), {[брат] → /недоверие/ ← [брат]} (Не верю брату родному, а верю своему глазу худому (БСРП); Не верь брату родному, верь своему глазу кривому (БСРП)), {[брат] → /зависть/ ← [брат]} (Сын отца глупе – жалость, сын отца умнее – радость, а брат брата умнее – зависть (БСРП) // Син від батька розумніший – радість, а брат брата мудріший – зависть (УПП Паз)), {[брат] → /корыстливость/ ← [брат / сестра]} (Не рад брату, а його (БСРП) Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую (БСРП) // Брат любить сестру багату, а чоловік жінку здорову (УПП Паз); Брат сестру любит богатую, а тещу тороватую (БСРП); Кто богат, тот мне и брат (БСРП); Коли бідний, то забуде й брат рідний (УПП); Брат сестру багату стріча з калачами, а бідну коло порога з сухарями (УНПП)), {[брат] → /индивидуализм, обособленность/ ← [брат]} (Брат он мой, а ум (т. е. воля) у него свой (БСРП) / Брат мій, а розум у нього свій (УПП Паз); Брата родного знаєш, а ума его не знаєш (Д2) Нынче брат брату – сосед (БСРП); Два брата через гору живуть і ніколи один до одного в гості не ходять (ЗУПП); Близький сусід кращий від далекого брата (УПП)), {[брат] → /жадность/ ← [брат]} (Брат мой, а хлеб ешь свой (БСРП); Братец [ты] мой, а ешь хлебец свой (БСРП); Брат родной, а карман не одной (БСРП) // Хоч ми й брати, але кишені не сестри (УПП Паз); Брат мій, а кури табак свій (УПП Паз); Брат братом, а бриндзя за гроші (УНПП)), {[брат] → /ограничения в отношениях/ ← [брат]} (Хоч і в брата, та не своя хата (УПП)); {[брат] → /враждебность/ ← [брат]} (Брат на брата – нуще супостата (БСРП)).

В русской паремике более, нежели в украинской (Брат за брата – жити), отмечаем актуализацию силы братских отношений ({[брат] → /сила,

взаимопомощь/ ← [брат]}}): *Два брата на медведя, два свата – кисель* (БСРП); *Два брата на медведя пойдут, а двое чужих и киселя не одолеют* (БСРП); *Брат с братом на медведя ходят* (БСРП); *Брат брату – головой в уплату* (БСРП); *Брат брату сосед* (БСРП).

Это преобладание семантики подтверждают не все контексты, поскольку зафиксировано параллельное употребление паремий с акцентом на враждебных отношениях братьев: *Лучше сосед вблизи, чем брат вдали* (ПП) // *Краще сусід поблизу, ніж брат подалеку* (УПП); *Брат на брата – пуще супостата* (БСРП); *Хотя мне брат, только я ему не рад* (БСРП); *Поки брати малі, доти й рідні* (РУТСП).

Выделяется группа паремий, в которых концептуализованы денежно-вещественные отношения. В украинской паремике в большей мере, но в русской также отмечают обособленность хозяйственной деятельности братьев, а также отсутствие стремления к материальной взаимопомощи: *Один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок* (БСРП); *Брат, що хоче братья* (УНПП); *Брат мій, а кури табак свій [а хліб їж свій / а бриндзя за гроші]* (УНПП); *Коли бідний, то забуде й брат рідний* (УПП); *Брат – брата, сват – свата, а денежки не родня* (БСРП) / *Брат братом, сват, сватом, а гроші не рідня* (УПП Паз); *Брат брату не плательщик: брат за брата не плательщик* (БСРП). Практически речь идет о реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой».

В то же время концептуальная оппозиция «богатый – бедный» реализована спорадически: *Брати мої небагаті – нема штанів, самі лати*. Скорее она представляет сочувственные отношения братьев. Хотя, возможно, что номинация «брат» здесь употреблена не в значении члена родни, а сродного, дружественного человека: *Пьяный та дурный – рідни брати* (БСРП); *Схожая братья, кузнецы, карманье тяглецы* (УПТРН:Хр); *Сонливый да ленивый – (два) родные братья (братца)* (ЖНП). Четко функцию употребления номинации *брат* с более широкой семантикой ‘родной, близкий человек’ прослеживаем тогда, когда оно употребляется в роли сравнения: *Друзья пряме, что братья родные* (УПТРН:Хр).

Обособленность братьев в материальном плане подчеркивает концептуальная цепочка {[брат] /хата/ ≠ /хата/ [брат]}: *Дім брата – не своя хата* (УПП); *Хоч і в брата, та не своя хата* (УПП Паз).

Преобладание материальной заинтересованности в братских отношениях также обобщено в следующих паремийных контекстах: *Что у брата в руках, вижу; что у него на уме, не вижу* (ЖНП); *Не верь брату родному, верь глазу своему кривому* (Д).

Паремий, соотносимых с микроконцептом Сестра / Сестра немного. Они являются проводниками обобщений, связанных с реализацией концептуальных цепочек {[сестра] → /взаимопонимание/ ← [сестра]} (*Сестра с сестрою, как река с водою* (ПП) // *Сестра з сестрою, як риба з водою* (УПП)), {[сестра] → /зависть/ ← [сестра]} (*Сестра сестрі заздрить в красі* (УПП); *Сестра то була мала, а то від братового добра аж землю вросла* (ФСУМ 2)); {[сестра] → /корыстливость/ ← [сестра]} (*Кожний то знає, що сестра тільки за себе дбає* (УПП)), {[сестра] → /индивидуализм, обособленность, эгоизм/ ← [сестра]} (*Сестри рідні тоді, як усі вийдуть заміж* (УПП Номис); *Кожний то знає, що сестра тільки за себе дбає* (УПП)). Паремии с отрицательной оценочностью преобладают.

Примечательно присутствие игрового компонента в семантике паремий с ироничным маркированием каламбурных выражений: *Василь бабі сестра у перших* (УПП); *Сестра! Вона мені така сестра, як чорт козі дядько* (УНПП).

Как в коррелятивных связях Сын – Дочь, в корреляции Брат – Сестра основополагающим является реализация мифопоэтического образа Древа жизни, Древа рода, напр.: *Человек без братьев и сестер – одинокое дерево* (СРПП).

Высоко оцениваются благоприятные, дружественные отношения между братом и сестрой, они являются эталонными ({[брат] → /лучшие/ ← [сестра]}): *Лучших братьев и сестер не бывает* (БСРП); ({[брат] → /мир, согласие/ ← [сестра]}): *Живут, как брат с сестрой* (БСРП); ({[брат] → /вместе, единство/ ← [сестра]}): *Куда брат, туда и сестра* (БСРП).

В то же время негативную оценку получают отношения отчуждения брата и сестры, как, например: *Хорош брат – сестру продал, хороша и сестра – от брата ушла* (БСРП).

Нейтральная в эмоциональном отношении концептуальная цепочка {[брат] → /подобие/ ← [сестра]}: *Каков брат, такова и сестра* (БСРП). Она же транспонирует отождествление родственников, воспитываемых в одной семье. В то же время паремии подчеркивают и разность брата и сестры, формирующуюся в силу психологических и биологических особенностей тяготения к образам отца и матери ({[батько / отец ≠ брат] ← /различны/ → [сестра ≠ матери / мать]}): *Брат – то не батько, сестра – то не матери* (УНПП).

Концептуальная цепочка {[брат] ← /корыстливость; скупость/ → [сестра]} отражает неискренность отношений родственников: *Сестра при брате не вотчиница* (БСРП); *Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую* (БСРП); *Брат любить сестру багату, а чоловік жінку здорову* (РУТСП); *Брат сестру багату стріча з калачами, а бідну коло порога з сухарями* (РУТСП); *Брат собі драп, а сестра собі несла* (УПП); *Сестра любить, коли брат багатий* (РУТСП); *Сестра-то була мала, а то від братового добра аж в землю вросла* (УНПП); *Брат все собі рад, а сестра собі несла* (УПП); *Хоч ми собі брати, але наші кишені не сестри* (УПП). Это понятийное содержание паремий как в украинской, так и в русской картинах мира представлено большой подгруппой текстов.

Русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения не только к своей сестре (сестрам), но и к чужим, дабы не принести вреда: *Не смейся, братец, чужим сестрицам: свои в девицах* (БСРП); *Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах!* (БСРП).

2.2.3. Концептуализация названий второй степени родства

По нашим наблюдениям, паремийные тексты с центральной номинацией «дед / дід» воплощают ряд архаических мифопоэтических представлений (концептуальная пара {[дед] ↔ [жизнь рода]}). Прежде всего, образно-

смысловые элементы мифа о Роде (*Який дід, такий його плід* (УПП Паз)), о счастье-удаче (судьбе) (*Кого дедушка любит, тому и косточки в руки* (ЖНП), т. е. кость на удачу), о хлебе (ассоциативные заменители – обед, рыбка), т.е. жизни, жизненной энергии (*У кого есть дед, у того и обед* (БСРП); *Есть дед – есть и обед* (БСРП)); *Доки [поки] діда, доти й хліба* (УНПП); *Не стане діда – не буде хліба* (УНПП); *Нема діда, нема хліба, нема й отче нашу* (УПП); *Біда мені без діда – хлищу борщик без хліба* (ФСУМ 1); *Коли є дід, то є й обід, нема діда, нема й обіда* (УПП); *Добре було при діду: щодня рибки к обіду* (УПП)).

Семантика жизненной энергии, закреплённая в обеих паремийных картинах мира за номинацией *дед/ дід*, реализуется, в частности, во фреймовых структурах, регламентирующих поддержание старшего поколения в старости и немощи (*Корми деда на печи: и сам там будешь* (БСРП) / *Годуй діда на печі, бо й сам там будеш* (УПП); *Подсади деда на печь – тебя внуки подсадят* (БСРП); *Постій, діду, не вмирай, киселику дождидай* (УПП); *Постій, діду, не вмирай, киселику дождидай* (УПП)).

Особое внимание обращает на себя в паремиях образ деда, сидящего на печи, поскольку он является символом Рода, Духа, Первоначала. Особенно это подчеркивает русский паремийный текст: *Не стучи: дед сидит на печи* (БСРП); *Дед на печи сушит кирпичи* (БСРП); *Подсади деда на печь – тебя внуки подсадят* (БСРП) (концептуальная пара {[дед] ↔ [печь]}), в котором «печь» – символ счастья, добра.

Лишь немногие пословицы характеризуют старость деда в связи со смертью (а не жизнью) (концептуальная пара {[дед] ↔ [старость]}): *Дедушка сед, а смерти на него нет* (БСРП).

Традиционные оценки деда как воспитателя, и в этом видится не только следствие социокультурного опыта народа, но и влияние мифопоэтических представлений о деде и бабе как проводниках силы рода / Рода (*Дедко бучит – не на худо учит* (БСРП); *Не съел дед отца, не съест отец и тебя, молодца* (БСРП)); начала рода, в котором или продолжают, передаются черты характера, манеры,

или нет (*Дед (Дід) твій був казак (козак), батько – сын козачий, а ты – хвист собачий* (БСРП); *Дед жил свиньёй, зажил внук поросёнком* (Д)).

Паремийные тексты с номинацией *баба/ баба* (и синонимичных ей), как и в случае с паремиями о деде / (про) діда не только концептуализуют социальный опыт семьи в отношении к бабушке, но и транслируют смыслы, связанные с архаическими мифопоэтическими верованиями и христианской мифологией. Бабушка – защитница рода, молитвенница и хранительница родовой жизненной энергии (**{[баба, бабушка] ↔ [защита] ↔ Род}**): *Была б моя бабуся, никого не боюся, бабушка – щиток, кулак – молоток* (БСРП) // *Поки жива бабуся, я нікого не боюся* (ЗУПП); *Баба, бабушка, золотая сударушка! Бога молишь, хлебцем кормишь, дом бережешь, добро стережешь* (БСРП).

Сценарий ворожения бабушкой – проявление ее отождествления с Берегиней – богиней, непосредственно связанной с богом Родом: *Добро тому жить, у кого бабушка ворожит* (БСРП); *Тогда бабушка ворожить стала, когда у неё хлеба не стало* (БСРП); *Хорошо тому, у кого бабушка ворожит [а хоть и не ворожит, так шепчет]* (БСРП).

Бабушка – центр доброй родовой силы, проводник милосердного отношения к людям (**{[баба, бабушка] → [добрая] → [Род]}**): *Баба всіх жаліла, а бабу ніхто не пожаліє* (УПП Паз); (**{[баба, бабушка] → [щедрая] → [Род]}**): *Всіх бабуся обдарувала, тільки бабусі ніякий чорт* (УПП). В-третьих, бабушка – кормилица (**{[баба, бабушка] → [заботливая] → [Род]}**): – *Где вы были? – У бабки. – Что ели? – Оладки* (БСРП); *Где бабка ни бери, а внука корми!* (БСРП)

Как микроконцепт Дід / Дед, микроконцепт Баба / Баба не имеет разветвленной группы паремий с семантикой ‘старость’ (концептуальная пара **{[баба ↔ старость]}**), ср.: *Съела бабушка зубы, а остались язык да губы* (УПТРН:Хр). Возрастные изменения передаются через соматизмы.

Тем не менее временным маркером, символом прошлого является слово «вспомнила»: *Вспомнила бабка свой девишник* (БСРП); *Вспомнила бабка, когда девкой была (внучкой стала; Вспомнила бабка, когда на крестины кашу варили)*

(РУТСП) // *Згадала (спом'янула) баба дівера (свекора) (РУТСП); Згадала баба дівич-вечір (як дівкою була, як дівувала) (ФСУМ 1).*

Кроме специфических качеств деда и бабы в паремийных картинах мира отмечены общие, выделяющие, а также кардинально противоположные характеристики. Среди релевантных для дифференциации ролей деда и бабы в роду важна связь с предметным символом **Печь**, т. е. центром счастья, благополучия в доме, символом энергичного начала (в первую очередь – для русской паремийной картины мира). По смысловому содержанию паремийных текстов с лексемой *печь* можно утверждать, что источником (хранителем) счастья и благополучия в семье являются дед и баба, причем не по отдельности, а в единстве: *Молчи: дедушка с бабушкой на зиму печь межуют (УПТРН:Хр); Бабушка у бражки, дед на печи (БСРП). Бабушка на печь, а дед по дрова (БСРП).*

В русской паремике подчеркивается роль бабушки как поддержки деда, ее равное участие в жизни семьи ({[баба] → /любовь, поддержка/ → [дед]}): *Рассыпался б дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка (ПП).* Хотя, как отмечается в русских паремийных текстах, для исполнения этой роли порой нужна хитрость (концептуальная цепочка ({[баба] → /хитрость, мудрость/ → [дед]}): *Подрались дедушка с бабушкой, и семеро внуков не разберут по что (БСРП); Твоя бабушка моего дедушку из Крайнего Села за нос вела (БСРП); Дедушка с бабушкой разодрались: печку на зиму делят (БСРП); Плохо тому жить, у кого дед ворожит, а у нас и баба не знала (БСРП).* В украинских паремийных текстах больший акцент переведен на роль бабушки как источника добра и любви ({[баба] → /любовь/ → [внуки ≠ дед]}): *Бабі тільки один дід не онук(ЗУПП) / Бабушке один только дедушка не внук – Болит дед о бабке, а бабка о внуке, а внук – о сучке (БСРП).*

Все вышесказанное в свернутом виде отражает те особенности мифопоэтических представлений об отношениях между Небесными, космическими силами и человеком, родом, которые характерны для восточнославянской мифологии.

В русских поговорах поддерживается образ строгого, сурового деда ({[баба] ←[угроза] ← [дед]}), например: *Резал дед лозу, давал бабе грозу* (РНПТ: Хр).

Отмечаем несколько концептуальных цепочек, установленных в семантике поговорок, характеризующих противоположные качества деда и бабушки:

- {/хлеб/ = [дед / дід] ← [Род] → [баба] = /радость/}: *У кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед* (БСРП); *Поки діда, поти й хліба, поки баби, поти й ради* (УПП);

- {/ум/ →[дед / дід] ← [Род: внуки] → [баба] ← /душа/}: *Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа* (РНПТ: Хр).

В поговорок, которые реализуют корреляцию «дед – бабушка – внуки», отмечается хитрость, обособленность внуков, их корыстолюбие (концептуальная цепочка {[дед / бабушка] ← /хитрость, корыстность/ ← [внуки]}): *Про то дедушка не ведает, где внучек обедает* (БСРП); *Дедушка не знал, что внучек корову украл: дедушка спал, а внук и кожу снял* (БСРП); *Поки бабуся спече кншиі, в дідуся не буде душиі* (УПП); *Ждала баба онукового кншиа, аж вилізла її голодна душа* (УНПП) // *Пока у бабушки поспеют кншии, у дедушки не стане души* (БСРП); *Скажете нашим: на дедушке пашем. А бабушку бережём: её завтра запряжём* (БСРП).

2.2.4. Концептуализация родства по браку

Как и микроконцепт Отец / Батько, микроконцепт Муж / Чоловік является основополагающим. Отличие состоит в том, что он связан с характеристикой личностных, гендерных особенностей мужчины в супружестве. Роль мужчины в жизни женщины, т. е. отношений, перерастающих в семейные, отражает ряд поговорок с одним обязательным компонентом – предлогом БЕЗ (без мужа). Таким образом, поговорочные обобщения проясняют ситуацию «без мужа» как ненормальную, отрицательную для женщины. В связи с этим актуализирован ряд концептуальных оппозиций:

- «жизнь – смерть»: *Жінка без мужа і жити не дужа* (УПП Паз);

- «ум – глупость»: *Без мужа, что без головы, без жены, что без ума* (БСРП); *Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт* (БСРП);
- «хорошо – плохо»: *Жена без мужа всего хуже* (БСРП);
- «семья – одиночество»: *Без мужа жена – всегда (кругом, гольна) сирота* (БСРП); *С мужем жена – княгиня (госпожа), [а] без мужа [жена] – сирота* (БСРП); *Жена без мужа вдовы хуже* (БСРП).

Достаточно научного внимания уделено работе столь характерного для фольклорных текстов механизма сравнения человека с природными явлениями в паремиях об отношениях между мужем и женой; основным выводом стало представление о том, что в паремиях такого рода отношения в паре утверждаются как естественные, природные (в основе представлений – зооморфные метафоры-сравнения) (концептуальная корреляция {[муж] /гусь, конь, собака/ ↔ [жена] /вода, узда, кошка/}): *Что гусь без воды, что мужик без жены* (Д); *Муж без жены, что конь без узды* (Д); *Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки* (Д2).

Роль мужа в доме в фольклорных текстах соотнесена, как известно, с его главенствующей позицией, таким образом, константной является концептуальная пара {[муж / чоловік] ↔ [глава, голова, закон, порядок; Бог (крест), церковь]}: *Жену с мужем Бог разбирает* (БСРП); *Жену с мужем некому судить, кроме Бога* (БСРП); *Муж – глава жены* (БСРП); *Муж в дому, что глава (что крест) на церкви* (БСРП); *Муж жене закон* (БСРП); *Искони так ведётся, что жена мужу поддаётся* (БСРП); *Чоловік усьому голова* (УПП Паз); *Без чоловіка – то так, як без голови* (УПП Паз); *Чоловік – усьому порядок* (УПП Паз); *Муж – дому строитель, ницете отгонитель* (БСРП). Очевидно при этом, что эта социальная установка имеет не собственно социальное происхождение, но происхождение мировоззренческое, в глубине своей мифологическое, причем если корреляция между ролью мужчины и христианским, православным вероучением отчетливо вербализована в некоторых из цитированных выше паремий, то соотнесенность паремийной картины мира, утверждающей главенство мужа над женой, с архаическими мифопоэтическими представлениями

присутствует имплицитно. На нее, в частности, намекают слова *глава (голова), искони*.

Мифопоэтическая «подкладка» более очевидно проявляется в паремиях, выражающих сомнение в надежности жены, поскольку в мифопоэтические представления о женском начале через образы матери-земли и пр. входит и представление о его природности, стихийности: *На жену, на лошадь да на лодку не надейся* (БСРП); *На конину в полі, на жінку в домі не сподівайся ніколи* (УПП). Причем обе, и русская, и украинская, пословицы идентичны по смыслу, имеют сходные компоненты: *жена, лошадь / конь, лодка* – это символы жизненной опоры мужчины, его реализации как продолжителя рода и кормильца, защитника. В то же время народная мудрость склоняет к мысли: «надейся на себя», т. е. имей в себе духовный стержень.

Микроконцепт «муж / чоловік» разворачивается в исследуемых паремиях в нескольких направлениях.

Во-первых, через положительно оцениваемые черты характера, поведения, отношений с женой. Отмечаем ключевую роль оценочно-кваликативных эпитетов (концептуальная цепочка {[муж] /честный, милостивый, добрый, щедрый, хороший, милый/ → [жена]}): **честный** (*Честному мужу честен и поклон* (БСРП)), **милостивый, добрый** (*У милостивого мужа всегда жена досужа* (БСРП); *У доброгу мужа злая жена на добро есть* (БСРП); *У доброго мужа и худая жена досуха* (БСРП); *У доброго мужа и жена просужа* (БСРП); *У доброго мужа жінка, як ружа* (УПП); *Кожний добре знає, що за добрим мужем і жінка красна, як рожса, буває* (УПП); *За добрим мужем і свинка господинька* (УПП Паз); *За добрим чоловіком й чулинда жінка* (УПП Паз); *Добрий чоловік надійніше кам'яного мосту* (УПП Паз); *Плачте очі хоч до віку по доброму чоловіку* (УПП); *Добрий чоловік: на печі сухий, у воді мокрий* (УПП); *Добрий чоловік жінці ліпший від рідної матері* (УНПП)), **щедрый** (*Все мужья добры, купили жонам бобры, а мой муж неуклюж: невидаль, корову купил* (УПТРН:Хр)), **хороший** (*За хорошим мужем и худая жена хороша* (БСРП) // *Гарний чоловік і погану жінку красить* (УПП Паз); *У хорошего мужа и жена*

досу́жа (БСРП); *У хороше́го мужа и ду́ра досу́жа* (БСРП); *Нащо́ і гроші́, коли чоловік хоро́ший* (ФСУМ 1), *ми́лий* (*С ми́лым муже́м и зимо́й не сту́жа* (БСРП)), *у́мный* (*У умно́го мужа́ жена́ выхолена́, у глупо́го – по будням зата́скана* (БСРП); *У умно́го мужа́ и глупа́я жена́ досу́жа* (БСРП); *У умно́го мужа́ и ду́ра умне́й вигляди́т* (БСРП); *У умно́го мужа́ и жена́ умна́* (БСРП); *За розу́мним муже́м і ду́рна жі́нка розу́мна* (УПП)); *паве́дный, правди́вый* (*Паве́дна мужа́ не одоле́ет ну́жа* (БСРП); *У паве́дна мужа́ ду́ша – краса́вица* (БСРП); *Правди́вому мужу́ лука́вство не под ну́жу* (БСРП); *Паве́дному́ мужу́ лука́вство не в ну́жу* (БСРП)).

По нашим наблюдениям, наиболее частотным для оценки мужа является эпитет «добрый» ('хороший'). О таком муже мечтает жена, вымаливая его у Бога: *Кара́й, Бо́же, ві́ком, кара́й до́брым чолові́ком* (ЗУПП). Добрый муж ассоциируется с зеленой, т. е. дающей жизнь, растительностью (концептуальная цепочка {[**муж / чоловік**] /*добрый, хороший*/ → [**жена / жі́нка**] /*молодая*/}) (*Під до́брим ку́щем тра́ва зеле́ніє, за хоро́шим чолові́ком жі́нка молоді́є* (УПП Паз)). Нередко паремийные тексты такого содержания содержат антитезы (концептуальные оппозиции «добрый – худой», «добрый – дурной», «добрый – лихой» в соответствующей концептуальной цепочке {[**муж**] /*добрый, хороший*/ → [**жена / жі́нка**] /*с защитой, красивая, молодая*/}): *За до́брым муже́м как за горо́дом, за худы́м [муже́м] и огоро́дби́ща нет* (БСРП); *За до́брым муже́м і воро́нка жо́нка, а за ду́рним і кня́гиня гине́* (УПП); *За до́брого мужа́ жо́на, як ру́жа, а за ли́хого дра́ба – за рік, за два – ба́ба* (УПП); *У до́брого мужа́ жі́нка, як ру́жа а у про́клято́го, як у чо́рта рога́того [а у злого́ ба́ба, як жа́ба]* (ФСУМ 1).

Положительно оценивается забота жены о внешности мужа, ее заинтересованность в красивом муже (концептуальная цепочка {[**муж / чоловік**] /*красивый*/ ← [**жена**]}): *На краси́вого чолові́ка диви́тись гарно́, а з розу́мним жити́ легко́* (УПП Паз); *Ой, я сво́го чолові́ка на́рядила́ паном: і сорочечка́ по ко́ліна, підв'язана́ валом* (УНПП).

Кроме положительных качеств паремийные тексты, естественно, концептуализуют отрицательные характеристики (концептуальная цепочка

{[муж / чоловік] /ревнивый, злой, ленивый, робкий, глупый/ → [жена]}, в частности: **ревнивый** (*За ревнивым мужем быть – не в корысте свою молодость износить* (БСРП); *Ревнивий чоловік, що полохливий злодій* (УПП); *Не дай Бог коня лінивого, а чоловіка ревнивого* (УПП Паз)), **зlobный, лихой** (*З малою дитиною до церкви, а з лихим чоловіком на весілля не йди* (УПТРН:Хр); *Бешеному мужу и море за лужу* (РНПТ:Хр); *Зlobный муж зовсем не дюж* (БСРП)), **ленивый** (*Лень мужа не кормит, только портит* (БСРП); *За ледачим чоловіком жінка марніє, а за хорошим молодіє* (УПП Паз)), **робкий** (*Робкий муж и лестовок боится* ('ременные четки') (БСРП), **глупый** (*Глупому мужу красная жена дороже красного яйца* (Д).

Концептуальне опозиції «свой – чужой», «старый – молодой» также активно вербализированы в паремийных картинах мира. Семантические признаки *чужой* и *старый* оценивались отрицательно и прописывались в сценарных мотивах поведения и отношения женщины, жены к мужчинам с такими качествами:

Таблица 2.3.

Концептуализация отношений мужа и жены в паремиях с семантическими опозициями «свой – чужой», «старый – молодой»

Концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ← /чужой/ → [жена]}	Концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ← /старый/ → [жена]}
<i>Драний кожух не одежда, чужий чоловік не надежа</i> (УПП). <i>Як проти сонця не напиться, так з чужим чоловіком не нажитьься</i> (УПП). <i>Чужого мужа полюбить – себя погубить</i> (БСРП) // <i>Чужого чоловіка полюбити – себе погубити</i> (УПП)	<i>Любит жена и старого мужа, коли не ревнив</i> (БСРП). <i>Старый муж да упрямый муж – поперек постели лежит</i> (БСРП). <i>Старый муж и на руку колодой валится</i> (БСРП). <i>Старый муж ворчит, журиет, раздевать, разувать велит</i> (БСРП).

Паз).	<i>Старый муж что гнилая колода лежит (БСРП).</i>
<i>Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним; а свой постыл – волочиться с ним (БСРП).</i> <i>Чужий муж до часу, а свій до смерті (УПП Паз).</i>	<i>Стар муж, так удушлив; молод, так не сдружлив (БСРП).</i> <i>Старого мужа соломкой прикрою, молодого сама отогрею (БСРП) // Старого чоловіка соломкою накрою, а молодого сама нагрю (УНПП).</i>
Концептуальная цепочка [муж ← [свой] → жена]	Концептуальная цепочка [муж ← [молодой] → жена]

Противоположное отношение к чужому – своему и старому – молодому мужу со стороны жены подчеркивает восприятие чужого как ненадежного, временного, а старого – как тяготу жизни, нелюбовь к нему.

В то же время и противопоставление отношений «старый муж» – «молодая жена» также представлено как ненадежное, неестественное, грозящее бедой (разлукой, изменой и под.): *У старого мужа молодая жена – чужая корысть (БСРП) // У старого чоловіка жінка молода – корысть чужа (УПП); У старого жена молода – беда не мала (БСРП); Муж молод, жена стара – беда не мала (Д); Видимо беда, что у старого жена молода (Д); По старом муже молода жена не тужит (Д); Де муж старий, а жінка молода, там рідко згода (ФСУМ 2).*

Кроме оценочных эпитетов в приведенных выше паремийных текстах прослеживается сравнение мужа с оградой, защитой (концептуальная цепочка { [муж → [защита] → жена }): *Хоть плох муженёк, да затулье мое, завалюсь за него – не боюсь никого (БСРП); За мужа завалюсь, всем насмиюсь, никого не боюсь (БСРП); Муженёк хоть и весь с кулачок, да за мужней спиной не сижу сиротой (БСРП); Худ муж, да затульище (БСРП); За мужем жена – всегда госпожа (БСРП); При муже володарь, а без мужа голодай (БСРП); За мужем жена – в доме госпожа, без мужа жена – гольна сирота (БСРП); Я за мужа*

затулюсь, та нікого не боюсь (УПП); Чоловік, як ворона, а все жінці оборона (УПП Паз).

Микроконцепт Жена / Жінка также вмещает сегмент со сравнительным компонентом БЕЗ.., как... / як. Таким образом более объемным становится семантическое поле, к которому апеллирует этнокультурное сознание. Так, жена семантически и синтаксически увязывается с семейно-родовым пространством дома (хата, кути, або роги) – концептуальная цепочка {[жена / жінка] ↔ [дом]}: *Жена – как на хате труба, а муж – на церкви глава (БСРП); Мужчина без жінки – то дім без даху (УПП Паз); В хаті жінка три кути держить, муж четвертий (УПП Паз); Жінка за три кути хату держить, а чоловік за четвертий (УПП Паз); Жінка тримає хати в три роги, а чоловік-у четвертий (УПП Паз).* Семантика поддерживающего мужчину, мужа начала в семье реализуется в метафоре опоры (*стенки, горы*) – концептуальная цепочка {[жена / жінка] ↔ [опора]}: *Хороша жінка-то камінна стінка, а зла-то горе й біда (УПНП); Добра жінка-то камінна стінка (УПТРН:ХР); Жінка й кам'яну гору пересіче (УПТРН:Хр).*

Не менее четкими (чем в случае с микроконцептом Муж / Чоловік) являются в паремиях с микроконцептом Жена / Жінка концептуальные оппозиции:

- «ум – глупость»: *Без жены как без шапки / головы (БСРП); Без жены, что без ума (БСРП); Чоловік без жінки – як без розуму (УПП Паз); Без жінки так, як без ума (УПП Паз);* ценится в народной культуре мудрость жены: *Не сказывает муж жене сколько у него денег в сундуке, да сама знает (БСРП); Жінка чоловіка не б'є, а під свій норів веде (УПП Паз);*

- «здоровье – нездоровье»: *Худо мужу тому у которого жена больная в дому (БСРП); Больная жена мужу не мила (БСРП); Муж любит жену здоровую, а жених невесту богатую (РУТСРП); Жінка хоч корова, аби здорова (УПП); На что корова – была бы жена здорова (БСРП); Одежа добра нова, а жінка здорова (УПП); Жінка здорова, а теща багата, то не треба мати й рідного тата (УПП);*

- «добро – зло»: *І без жінки зле, а з жінкою недобре (УНПП).*

Четко прослеживается актуализация зооморфной метафоры, содержащей сопоставление женщины с кошкой (семы 'привязанность (к дому)', 'мягкость', 'независимость'): *Без жєны – [что] без кошки, а без мужа, [что] без собаки* (БСРП) // *Без жінки дїм, як без кішки, а без чоловіка – як без собаки* (УПП Паз); *Без жінки – як без кішки* (УПП Паз); *Без жінки – що без кішки, а без мужа, що без собаки* (УПП Паз). Муж и жена ассоциируются с частями одного существа, представленного анималистической символикой: *Без жінки мужчина – як без хвоста скотина* (УПП). А еще шире – женщина – часть мужа: *Без жінки, як без рук* (УПП Паз).

Обобщенный опыт семьи, которая теряет жену, представляет паремийный текст, центральным в котором является концепт Счастье (концептуальная цепочка {[жена / жінка] ← /счастье/ → [муж]}): *Нема щастя родинного без жінки* (УПП Паз).

Среди концептуализированных внешних признаков жены – ее красота, которая часто предстает не самостоятельной, но связанной с мужем. Семантическими соответствиями этого концепта в украинских и некоторых русских паремиях являются народно-песенные эпитеты *хороша, красна, ладна, гарна, румяная* или процессуальный ассоциат – *красит*, а также особые синтаксические структуры (по типу: S – Nominal Pred – O (Instrument)): *Жена при муже хороша* (БСРП); *Мужем жена хороша* (БСРП); *Красна пава перьем, а жена мужем* (БСРП) // *Красна пава пір'ям, а жінка – чоловіком* (ФСУМ 2); *Не муж женой красен, а жена мужем* (БСРП); *Подчас и жена мужа красит* (БСРП); *Птица крильями сильна, жена мужем красна* (БСРП); *Красна жінка для людей, погана для чоловіка* (УНПП); *Як з красною жінкою ожєнитися, то є на кого подивитися*(УНПП); *Гарна жінка, гарні діти-тільки жити та радїти* (УПП); *Ой біда, біда, в кого жінка блїда, в кого рум'яна, в того кохана* (УПП).

Кроме того, зафиксированы в такой функции в украинской паремике и компаранты *як ружа, як квітка: Твоя жінка, як повітка, а моя, як квітка*. В русской паремийной картине мира красивая жена – *милая, белая*, сравнима с

лебедь-птицей, пчелкой: *Всего милее, у кого жена всех белее* (БСРП); *Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу)* (БСРП); *Жёночка – Божья пчёлочка, а matka – какой шершень* (БСРП).

В то же время в украинской и русской паремийной картине мира та же синтаксическая структура (S – Nominal Pred – O (Instrument)) может передавать рекомендацию в выборе спутницы жизни женщины умной, трудолюбивой, с хорошим, покладистым характером, нежели красивой: *Красна пава пером, а жена норовом; Не ищи жену модницу, а ищи заботницу* (БСРП) // *Гарна пава пером, а жінка норовом* (УПП Паз); *На красивую жену глядеть хорошо, а с умной – жить хорошо* (БСРП). В то же время наличие красивой жены обобщается как признак ума у мужа: *Кто имеет жену красную и лошадь хорошую, всегда не без мысли бывает* (БСРП).

В восточнославянской паремийной картине мира отмечается и угроза мужу со стороны красной (красивой) жены, на которую заглядываются другие, которая не защищена от ревности, отнесенной к отрицательным качествам мужа (см. выше). Поэтому прослеживаем в определенных паремиях концептуальную цепочку {[жена / жінка → /краса / гарна, красна/ → [безумство/ смерть / измена (мужу)]}: *Жена красавица – безочному (слепому) радость* (БСРП); *Жена красовита – безумному радость* (БСРП); *Хорошая (пригожая) жена – лишняя сухота* (БСРП); *Гарна жінка – готова смерть* (ФСУМ 1); *Гроші, молода жінка і бистрі коні – то смерть* (ФСУМ 1); *Красна жінка і бистрий кінь – то смерть* (УПП); *Жінка ладна – завше зрадна* (УПП); *Жінка ладна – завжди (всюди) збавна* (УНПП). Пословица-максима *Не наряд жену красит – домостройство* (БСРП) соотносит концепт Жена не только с концептом Дом (семья), но и с мифологическим образом богини-Берегини. Преобладание прагматичного отношения к жене, тем более красивой, пригожей, отражает паремия: *Красную жену не в стенку врезать* (БСРП).

В украинской же паремике традиционно красивая жена ассоциативно сближается с калиной как символом женской красоты, привлекательности: *Як*

жінка умре, то жінку до гробу, як глину, а другу беру, як калину, бо єсть цвіту, по всенькому світу (УПТРН:Хр).

Поскольку есть вероятность вторичного вступления мужа в брак, паремийная картина мира отмечает, что у мужа будет разность восприятия: *Первую жену жених сам выбирает, вторую – Бог даёт, а третью – чёрт посылает (БСРП) // Перша жінка сужена, друга – раджена, а перша – від чорта принесена (УПП Паз); Первая жена – как утренняя заря, а вторая жена – как красное солнышко (БСРП); Друга жінка вже не те, що перша; Друга жінка-то так, як ключ дерблений до колодки (УПТРН:Хр); Друга жона – другий світ (УПП)*

Одной из ключевых для характеристики взаимоотношений жен и мужей является концептуальная оппозиция «свой – чужой»:

концептуальные цепочки {[жена / жінка] /чужая/ ↔ [муж] /смерть, необдуманность поступков, мед, побег, маков цвет, не-жизнь, обман/}: *Вольно дурить – чужих жен любить (БСРП); Чужих жёны – безголовье, большой сон – к нездоровью (БСРП); На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди; Чужую жену полюбить – свою погубить (БСРП); Чужемужнину жену любить, с нею и плакаться (БСРП) // Лучче женись, а на чужу жінку не дивись (УПП); В чужую жену чёрт ложку мёду кладёт (БСРП) // У чужу жінку чорт ложку меду кладе (УНПП); Чужая жена всегда лучше своей (БСРП); Чужая жена всегда своей милее (БСРП) // Чужа жінка все ліпша, як своя (УПП Паз); На чужую жёнку не заглядывайся – к своей ближе подваливайся (БСРП); Чужа жінка медом намазана, а своя – смолою (УПТРН:Хр); У сусіди ані коня не купуй, ані жінки не бери, бо будуть утікати (УПП); Як проти сонця води не напиться, так з чужою жоною або з чужим мужем нажитися (УПП); Не клади біля чужої жінки кілок, бо ним тоді й печінки відіб'ють (УПП); То не біда, що з чужою жінкою жартував, аби дома ночував (УНПП); Чужі жінки, як маківки, моя, як опуда (УПП); Чужая жена – то здоров'я чиєсь (УНПП); Своя жінка – вірówka на шию, а чужа – на втіху молоденьку (УПТРН:Хр); Не заглядайся на чужих*

жінок, бо свою загубиш (УПТРН:Хр); Той сам себе губить, що чужую жону любить (УПП);

концептуальные цепочки {[жена] /своя/ ↔ [муж] /краса, милая/}: *Всякому мужу своя жена милее; Своя жена – своя и краса (БСРП); Свою жену береги, на чужую не заглядывайся (БСРП).*

Искушение чужой женой и связанные с этим противоречивые чувства отражают русские поговорки: *Чужая жена лебедушка, а своя – полынь горькая (БСРП); Своя жена – змеюшка, чужа жена – любушка (БСРП); В чужую жену чёрт мёд кладёт, в свою уксусу подливает (БСРП).*

Далее приводим сравнительные оппозитивные характеристики жены, поскольку большое количество поговорок содержат именно антонимичные семантические обобщения признаков жен, ср. концептуальные цепочки:

{/разумная, мудрая/ [жена] = /благодать, сума, клад, богатство, спасение; хитрая/}:

Умная жена – благодать Божья (БСРП); Чем умнее жена, тем сильнее семья (БСРП); Умная жена как нищему сума: всё сбережёт (БСРП); Умная жена, как нищему сума (БСРП); У разумной жены и неудельный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест (БСРП); Розумна жінка як має міх гороху, то буде носити потроху (УПТРН:Хр); То й не жінка, як сім раз на день не обманить чоловіка (УПТРН:Хр); Добра жінка двадцять раз на день обдурить, а як яка, то й без числа (УПП); Не одна жінка мужа змудрувала (УПП); Мудра жона, як є три міхи муки, а четвертий пшона (УПП);

{/глупая/ [жена / жінка] ← /учение/ ← [муж]}, ср.: *С умной женой пир пировать, а с глупой век горевать (БСРП); Розумна жінка – клад, а дурна – два (УПП Паз); Розумна жінка чоловіка із біди вирятує, а дурна ще втокмачить (УПП); Нащо мені казна, коли жінка без ума (УПП Паз); У жінка волос довгий, та ум короткий (УПП); Жінки довге волосся мають, а розум короткий (УНПП); Ліпше залізо у вогні варити, ніж дурну жінку вчити (УПП Паз).*

Среди отобранных паремий есть тексты, открывающие первопричины глупости в жене – бедность, многодетность семьи, ленивость: *Тогда жінка глупа, як дітей купа, а в мішку одна крупа.*

В народной повседневно-бытовой культуре отдавалось предпочтение уму, разумности, мудрости жены: *На красиву жінку гарно дивитись, а з розумною гарно жити* (УПП Паз).

По понятным причинам противопоставлены аксиологические доминанты «хороший – злой»:

концептуальные цепочки {/добрая/ [жена, жєнушка / жінка] = /клад, богатство, честь, забота, счастье, веселье, корона, спасение, победа, хозяйственность; веселая, добрая, заботливая/}

Добрая жєнушка – как яичко всмятку (в смятку) (БСРП); У хорошей жены и плохой муж будет молодцом (БСРП); С доброй жєною горе – полгоря, а радость вдвойне (БСРП); Добрая жена да жирные щи – другого не ищи (БСРП); Добрую жєну взять – горя не видать (БСРП); Добрую жєну взять – ни скуки, ни горя не знать (Д); С доброй жєной с полгоря и горе (Д); Добрая жена та добрые щи – другого добра не ищи (БСРП); Доброй жєне домоседство не мука (БСРП); Добра жєна, як є ступа пїона: одну виїдає, а на другу поглядає (УПТРН:Хр); Доброю жєною и муж честе (БСРП); Жєна добра веселит мужа своего (БСРП); Добра жінка в мужа краде і перед нього кладе (УПП Паз); Добра жінка і лихого чоловіка направить (УПП); Добра жінка найгіршого чоловіка переможе і лихого чоловіка направить(УПП Паз); Добра жінка і здоров'я, то найбільший скарб (УПП Паз); Добра жєна, то мужу корона (УПП Паз); Єсли Бог допоможе, то добра жінка і найгіршого мужа переможе (УПП Номис); Добру жінку взяти – не будеш смутку й горя знати (УПП); З добров жєнов і на камені доробишся хліба (УНПП); Хто добру жінку має, той горя не знає (УПП Паз) //

{/злая, лихая/ [жена, жєнушка / жінка] = /кара, отравка, погибель, несчастье, тупость, нехозяйственность, упрямство, печаль, осуждение, мятеж, укор, грех, страх/}

Добрая жена веселая, а худая – злое зелье // Добра жінка, то весілля, а зла – то погане зілля (РУТСП); Добра жена – венец мужу своему и безпечалие; а зла жена – лютая печаль, истощение дому (БСРП) // Добра жінка мужеві своему вінець, а зла – кінець (УПП Паз); Добрая жена дом сбережет, а плохая (худая) своим рукавом разнесет (растресет) (БСРП) // Добра жінка дом збереже, а погана своїм рукавом рознесе (УПП Паз); Жену хорошую взять – много станут знать, а худую – нельзя в люди показать (БСРП); Добрая жена к дому приучает, а худая – от дома отлучает (БСРП); Добрая жена – лопата, а худая жена – метла: одна в дом, а другая из дома загребают (БСРП); Добрая жена рада за мужа умереть, а злая – [рада] избыть (БСРП); Добрая жена – так в дом метёт, а худая жена из дома метёт (БСРП); От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь (БСРП); Худая жёнушка будет дом домить, хорошая милушка дом зорить (БСРП); Добра жінка на ноги поставит, а зла із ніг звалить [а злая, то ще й звалить] (УПП); З лихою жінкою сварка та розлад, а з доброю і без грошей лад (РУТСП); Від сердитої жінки постарієш, а від доброї помолодієш (БСРП); Хороша жінка – мужеві слава, а лиха – згуба (УПП Паз) //

{/злая, лихая/ [жена, женушка / жінка] = /кара, отравка, гибель, несчастье, тупость, нехозяйственность, упрямство, печаль, осуждение, мятёж, укор, грех, страх/}; Храни вас Господь от огня, воды да злой жены (БСРП) // Від огня, води і злої жінки божє борони (УПТРН:Хр); Лучше камень долбит нежелю злую жену учит (БСРП) // Краще камінь довбати, чим лиху жінку навчати (УПП); Зла жена – лютая печаль (БСРП); Злая жена битая бесится, укроцаемая высится, в богатстве зазнаётся, в убожестве других осуждает (БСРП); Злая жена – мирской мятёж (БСРП); Злая жена ни учения не слушает, ни церкви чтит, ни Бога ся блюдет, ни люди ся стыдит, но вся укоряет, вся осуждает (БСРП); Злая жена поборица греху (БСРП); Злая жена страшнее дурного сна (БСРП); Лучше кума чем злая жена (БСРП); Злая жена сводит мужа с ума (БСРП); На злой жене одна только печь не побывает (БСРП); Железо уваришь, а злой жены не уговоришь (БСРП); От пожара, от потопа и от злой жены, Боже, сохрани (БСРП); Червь дерева точит, а злая жена дом

изводит (БСРП); Злая жена та же змея (БСРП); Злая жена злее зла (БСРП); Зверей всех свирепее злая жена (БСРП); Лучше не жениться, нежели на злую жену угоди (БСРП); Худая жена – лишняя сухота (БСРП); Худая жена – кара Господня (БСРП); Худая жена и хорошего мужа портит (БСРП); Черв'як дерево точить, а зла жінка мужа морочить (УПП Паз); Відпусти, Боже, гріха, в кого жінка лиха: і моя недобра (УПТРН:Хр); З доброю жінкою поздоровієш і збагатієш, а з лихою – згорбатієш (УПТРН:Хр); Ліпше залізо у вогні варити, ніж з лихою жінкою жити (УПП Паз); Де лихая жінка в хаті, там добра не споді (УПП Паз); Лучче їсти хліб з водою, чим жити з жінкою лихою (УПП Паз); Хто на лиху жінку попаде, того життя пропаде (УНПП); Залізо звари – звариш, а з лихою жінкою не договоришся (УПП).

В украинских паремиях противопоставление доброй и злой жены усиливается противопоставлением материальным благам, символами которых являются волы и земледельческое поле: *Треба сто пар волів віддати, аби добру жінку мати (УПП Паз); Ліпше мати гарну жінку, ніж сто фалеч поля (УПП Номис); Не той багатий, у кого багато маєтку, а той, у кого жінка добра (УПП Паз).*

Паремийные тексты открывают некоторые причины озлобления жен, например, чрезмерно большое хозяйство, наличие большого количества детей: *І жінка любенька, як діток жменька, а як дітей купа, то й сама, як злюка.*

Зафиксированы и ритмизированные паремии с концептом «добро», в которых в игру смыслов включены онимы: *Того добра годинка, в кого жінка Маринка (УПП); Щастя, в кого жінка – Настя, а в кого Горпина, то лиха година (УПТРН:Хр).*

Высокую социальско-культурную и эмоциональную оценку получила жена работающая, хаййственная, негативную – ленивая, ср.:

концептуальные цепочки {/работающая/ [жена / жінка] = /богатство, забота, чистота в доме/};{/ленивая/ [жена / жінка] = /ненадобность, зло/}:

Жінка більше викине ложкою, як чоловік принесе лопатою (УПП Паз); Як сорочка біла, то й жінка мила (УПП Паз); Пусти жінку до неба, то вона з собою

й корову спровадить (УПП); Пусти жінку в рай, то вона з собою і корову поведе (УПП); Жінка ледащо в хаті нінащо (УПП); Негаразд, як жінка ледащо: не зварить, не спече, коли нема що (УПТРН:Хр); Лучче чорта тримать, ніж ледачу жінку мать(УПТРН:Хр).

В русских поговорках подчеркиваются, что такие качества супруги, как доброта, смирение, заботливость, являются высшими добротетелями в семье: *Не тот счастлив (щаслив), кто женится на прекрасной и богатой; а тот, чья жена любезна и добронравна (БСРП); Смирена жена велико добро (Д); Не ищи жену модницю, а ищи заботницю (БСРП); Жена добра и страдолюбива и молчалива – венец есть мужеву своему (БСРП).*

Чтобы найти такую супругу, нужно правильно подойти к выбору жены: выбирать по делу (в старину это уточнялось – по работе в поле): *Жена хороша не телом, а делом (БСРП); Выбирай жену не в хороводе, а в огороде (БСРП).*

Паремийные тексты определяют особое отношение рода к чести жены: *Честна жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша (БСРП); Первая жена не початая, другая стеклянная, третья хрустальная (БСРП); Не бери жену богатую, а бери непочатую (Д); Жену с почину берут (БСРП); Дом купи крытый, кафтан шитый, а жену непочатую (Д).* Ценностной доминантой паремийных текстов является и верность супруги, порой отождествяемая с верностью друга-приятеля: *Ніхто так не доглядає, як вірна дружина (УПП Паз); Три друга: батько, мати та вірна жінка (УПП Паз); Нема кращого друга, як вірна супруга (УПП Паз); Нема вірнішого приятеля, як добра жінка (УПП); Все тільки до часу, а жінка до смерті (УПТРН:Хр).*

В то же время от супруга требуется любовь к жене, которая делает ее доброй и ласковой (концептуальная цепочка {[жена / жінка] → /любовь/ ← [муж]}): *Як чоловік жінку любить, то й лиха жінка доброю буде (УПТРН:Хр); Як чоловік жінку не любить, то й добра лихою буде (УПТРН:Хр); Як чоловік жінку любить, то все її голубить (УПП).* Семантика любви вербализируется по-разному. В одних случаях под ней подразумеваются отношения родственников, в других – мужа (*Бери жінку в одній льолі, аби не без долі [аби була до*

любові] (УПТРН:Хр)). В частности, в украинской этнокультуре символом единства, мира в доме является борщ: его восприятие определяет отношение мужа к жене (*Як жінка не любя, то чоловікові дома і борщ смердить*(УПП)), а отношения супругов соотносятся с белым цветом, символизирующим чистоту: *Нема цвіту білішого над ожиноньку, нема роду милішого над дружиноньку*. В русских паремиях любовь ассоциируется с силой жизни (*В том то и сила, что-бы жена мужа любила* (ПП)).

В украинской паремийной картине мира особо отмечена и роль возраста супруги. Например, слишком молодая жена, а отдавали в былые времена, как известно, замуж почти ребенка, оценивалась как малоработающая: *З корови телячої і з жінки дитячої роботи нема* (УНПП). Неоднозначно характеризуют и молодой возраст жены – и позитивно (*Не біда, в кого жінка молода*(УПП Паз) и предостерегая от нестойкости ее верности: *Не лишай молоді жінки дома, як ідеши в далеку дорогу* (УПП). Наивысшую цену имела зрелая жена, сравнимая с песней: *Пісня гарна складами, а жінка – годами* (УПТРН:Хр).

Осуждает народная мудрость неравные по возрастному цензу браки «старый – молодая»: *Виділа біда, що у старого дружина молода* (УПП Паз); *У старого жінка молода – готова біда* (УПП).

Негативное отношение социума к **бранливости / сварливости** жены также обобщено в паремийной картине мира: *Жена бранлива – мужу позор* (БСРП); *Сварливая жена – в доме пожар* (БСРП); *Сварлива жінка гірш, ніж коню хомут* (УНПП); *Сварлива жінка для чоловіка горе* (УНПП); *Краще жінка сварлива, ніж дурна* (ЗУПП).

Среди отрицательных качеств жены паремийные тексты осуждают **лукавство** (*Жена ублажаєт – лихое замышляєт* (БСРП); *Лукавая жена льстива; Жена льстит – лихо мыслит (норовит)* (БСРП); *Одна жена плачет от жалости, другая от лести* (БСРП), **хитрость** (*Не всякая жена мужу правду казывает* (БСРП); *У жінки правди не питай* (УПП Паз); *Не кажи, сестро, чоловікові усієї правди – кажи тільки по коліна* (УПП); *И дура жена мужу правды не скажет* (ЖНП); *Муж того не знает, что жена гуляет* (БСРП)); **завистливость**

(Заздрісна жінка цілу хату держить у вогні (УНПП)). В связи с этим ряд паремийных текстов содержит компонент «жене правды не говори», «не верь жене» (концептуальная цепочка {[жена / жінка] → /правда/ ← [муж]}), ср.: *Не верь жене в подворье, а коню в дороге* (БСРП); *Не верь жене в воле, а коню в поле / не верь коню в поле, а жене в доме* (БСРП); *Не всяку правду жене сказывай* (СРПП); *Жінці не вір у домі, а кобили – в дорозі* (УПП Паз); *Не вір жінці, як тій коняці: її щодня гнздай* (УПП); *Не вір ніколи жінці, коняці і собаці* (УПП); *Не вір жінці, як чужому собаці* (ЗУПП); *Ніколи жінці правди не кажи* (ЗУПП); *Лаптя ликом не в'яжи, жінці правди не кажи, у попа грошей не позичай* (УПТРН:Хр); *Жінці правди некажи, чужою дитини за свою не бери, з панамі не братайся* (УПП Номис); *Жінці та попу правди не кажи* (УПП); *Жінці всієї правди не одкривай* (УПП).

С осторожностью рекомендуют паремии относиться к богатству жены (концептуальная цепочка {[богатство] → [жена] ← [ругань] ← [муж]}): *Жена богатая гордится и с мужем часто бранится* (БСРП).

Некоторые паремийные тексты созданы по определенной модели, в которую вкладывается семантика отождествления: *женщина как / жінка як; жінка не..* В роли объекта отождествления выступают *кошка*, когда речь идет о поведении жены, ее отношении к ласке (*Жінка – як та кішка: чим більше гладь, тим більше хвоста* (УПП Паз)). Также сравнение жены с козой подразумевает способ ухаживания, нежных отношений, заботы: *Жена не коза, травой кормить не будешь* (БСРП); *Жена не коза, дети не пчелы* (БСРП).

Предметы – *лоза, жилка* являются объектами, которые конкретизируют в украинских паремиях сему 'связь, связанность', т. е. взаимодействие мужа и жены: *Жінка, як жилка: коли схочеш, потягнеш* (УПП Паз); *Жінка, як лоза: кудисхочеш, похилиши* (УПП Паз); *торба* – ассоциат того, что поддается усилиям мужа (*Жінка, як торба: що покладеш, те й несе* (УПП Паз)). Отождествление через отрицание задействует также предметы быта – названия крестьянской утвари, обуви, рукавиц, головного убора, т. е. того, что поддается сбрасыванию с тела. Отрицание легкости такого действия подтверждает тесноту отношений мужа

и жены, их готовность принимать на себя заботы о другом: *Жена не седло – со спины не сымешь* (БСРП); *Жена – не сапог [не валенок, не лапоть, не башмак]– с ноги не скинешь [не снимешь, не разуешь, не сбросишь]* (БСРП) // *Жінка не черевик [не башмак, не лапоть] – з ноги не скинеш* (РУТСП); *Жена – не рукавица, с руки [с белой ручки] не сбросишь [не стряхнешь] [за пояс не заткнешь]* // *Жінка – не рукавиця, з руки не скинеш [мінять жінку не годиться]* (РУТСП); *Жена не шапка – не сбросишь* (БСРП). Аналогичны соотношения жены и легко бьющихся предметов, народных музыкальных инструментов: *Жена – не гусли: поиграв на стенку не повесишь* (БСРП) // *Жінка – не гуслі, погравши на стінку не повісиш;* *Жена не балалайка: поиграв, на стену не повесишь* (БСРП); *Жінка – не скрипка, погравши на стінку не повісиш* (РУТСП); *Жена – не седло: со спины не сымешь* (Д); *Жена не горшок– не расшибешь [а расшибешь – берестой не перевьешь]* (БСРП).

Украинская паремийная картина мира сохраняет особое отношение к предметному символу – окну, которое, как праобраз иного мира, мечты, девичества, оценивается как враг хорошей жены, препятствие ладу в доме, ср.: *Вікно при річці псує: сірник, сіль і гарну жінку; Вікно три речі псує: атрамент, сіль і молоду жінку.*

Брачные узы не по любви, а по расчету также обобщены в паремийной картине мира: *Будь жена хоть коза, лиш бы золотые рога* (БСРП) // *Хоч жінка свинка, так гроше скринька* (РУТСП).

Пословица с онимом Марья (*Не у всякого жена Марья, а кому Бог даст (повезет)*) (РУТСП)) употребляется в ситуации, когда хотят подчеркнуть, что судьба человека, его жизненный путь не всегда зависит от его воли.

В паремийных контекстах с номинативным центром *жена* также отображается изменчивость повседневнобытовой культуры семейных отношений: *Давно то было баяно, что жена не барыня* (БСРП).

Большая группа паремийных текстов отражает отношения мужа и жены, разность их характеров, поведения, обобщает супружеский опыт и содержит поучения, направленные на рекомендации мужу вести себя с женой

определенным образом. Наиболее обобщенно сакральность союза мужчины и женщины, решивших создать семью, отражает концептуальная цепочка ($\{[\text{жена}] \leftarrow [\text{Бог} = \text{Закон}] \rightarrow [\text{муж}]\}$) и соответствующая ей паремия: *И жена да боится своего мужа* (БСРП); *Жена Богом дана, а с пасёстрой – свой сатана* (БСРП).

Ряд паремий, созданных по модели противопоставления, осмысляет единство противоположностей в браке. Семантически-сопоставительную основу оппозиций составляют:

- названия продуктов питания: *Муж с женой, что вода с мукой, а теща дрожжи* (РУТСП) // *Чоловік із жінкою, як вода з борошном, а теща – дріжджі* (РУТСП);

- названия домашних животных и способов их использования: *Муж с женой, что лошадь с телегой: везут, когда они исправны;*

- соматизмы: *Муж голова, а жена – душа* (БСРП) // *Чоловік голова, жінка душа* (УПП Паз);

- мифонимы: *Между мужем и женой всегда посредник дьявол* (БСРП).

Многочисленна группа паремий, отмечающих единство мужа и жены. В таких текстах прослеживается концептуализация понятий:

ОДИН, ОДНО, ОДНИ, ОДНА, ОДНЕ: *Мужу – полтину, а жене – холстину, всё в одно место кладут, так и хорошо живут* (ПП); *Муж и жена – одна душа* (БСРП); *Муж и жена из одного кремня искры* (ПП); *У мужа и жены мысли одни* (БСРП); *Муж да жена – одна сатана* (РУТСП); *Муж і жінка – то одне болото* (УПП Паз); *Чоловік та жінка – одне діло, одне тіло, один дух* (УПП Паз) // *Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух* (РУТСП); *Чоловік та жінка – одна жінка* (РУТСП);

ПАРА: *Муж і жінка – то пара волів: куди один, туди і другий* (УПП Номис);

СОЮЗ: *Чоловік та жінка – найліпша спілка* (УПП Паз); *Найліпша спілка, то чоловік і жінка* (УПП Паз);

ЗАКОН: *Муж жене закон* (БСРП) // *Муж жені закон* (УПП);

НИТКА, НИТКА и ИГОЛКА: *Между мужем и женой нитки не протащишь* (БСРП); *Куди голка, туди й нитка, куди чоловік, туди й жінка* (УПП Паз);

ПОРОДА: *Жена да муж – змея да уж (одна порода)* (БСРП);

ПЯДЬ, ЛОКОТЬ, ПОЛТИНА: *Муж от жень на пядень, а жена от мужа на сажень* (БСРП); *Жена от мужа на ноготок, а муж от жены от кокоток* (БСРП); *У мужа полтина, и у жены половина* (БСРП);

ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: *Муж вези гуж, а жена – шей рубашки* (БСРП); *Жона пряди, а муж тягни гуж* (БСРП); *Жена прядет, а муж пашет* (БСРП).

Единство супругов обобщают паремийные тексты с концептуальными цепочками {[муж] ← /свой/ ← [жена / жінка]} (*К мужу пришла, так своё нашла* (ПП)), {[без мужа] ← /сирота/ ← [жена / жінка]} (*Без мужа жона – кругом сирота* (ЖНП)), {/где/какой/ [муж] ↔ /там/такая/ [жена / жінка]}: *Где муж, там и жена* (СРПП); *Какова жена, таков и муж* (БСРП) // *Де чоловік, там і жінка* (ФСУМ 2).

Руководящая роль одного из супругов определена через семантику соматизмов – *голова, шея*, предметов быта (зачастую соотносимого с пространством дома), а также через сопоставление с реалиями церковной, духовной жизни или же соответствующую метафорику. В такого рода паремиях реализован мифопоэтический потенциал как архаических, так и христианских воззрений: *Жена мужа почитай, как крест на голове, муж жену береги, как трубу на бане* (БСРП); *Жена мужу паства* (БСРП); *Жена мужу пастырь* (БСРП); *Жена мужу пластир, муж жене пастырь* (БСРП); *Муж жене отец, жена мужу – венец* (БСРП); *Вот худо, как муж дьякон, а жена попадьё (владеет им)* (БСРП); *Муж говорит: Я – глава. А жена: А я шея, куда хочу, туда головушку верчу* (БСРП); *Муж – голова, жена – шея: куда шея повернёт, туда и голова за ней* (БСРП); *Муж голова, жена – шея: куда захочет, туда и повернет* (БСРП) // *Чоловік голова, жінка шия: куди захоче, туди й поверне* (УПП); *Чоловік голова в хаті, жінка капелюх на голові* (УНПП).

Семантика главенства жены в украинском и русском паремийном фонде сопровождается неизменно отрицательной оценочностью: *Жена верховодит, [так] муж по соседям бродит (ходит)* (БСРП); *Худо тому, у кого жена хозяйкой в дому* (БСРП).

С помощью сопоставления со взаимоотношениями других членов семьи (рода) паремии могут подчеркивать близость супругов (*Муж да жена больше, чем брат и сестра* (СРПП); *Добра жінка чоловікові ліпша від рідного брата* (УПП)), в других же может быть концептуализован конкретный жизненный опыт – например, в положительной оценке здоровья и взаимопонимания: *Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца* (БСРП); *Муж жену любит здорову (здоровую), а брат сестру багату (богатую)* (БСРП) // *Чоловік любить жінку здорову, а брат сестру багату* (УПП); *Брат любить сестру багату, а чоловік – жінку здорову* (УПП Паз); *Чоловік любить жінку здорову, а тещу багату* (УПП Паз); *Жінка чоловікові подруга, а не прислуга* (УПП Паз).

В общем сложность взаимоотношений полов в семье заметили давно, о чем свидетельствуют такие паремии-максимы: *З чоловіком горе, а без нього ще вдвоє* (УПП Паз) // *С мужем нужда, без мужа – и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой* (РНПТ: Хр) – *З жінкою клопіт, а без жінки ще більший* (УНПП); *Біда з жінкою, а без жінки ще гірше* (УПП); *Доки чоловік не має жінки, доти не є чоловіком* (УПП).

Лад, т. е. мир в семье, – это наивысшая ценность в супружестве: *Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад / на что и клад, когда у мужа с женой лад* // *Не потрібен і клад, коли у чоловіка з жінкою лад* (РНПТ: ХР). В сохранении лада паремии выделяют роль жены: *Мир в семье женой держится* (БСРП).

Добрые отношения мужа и жены, взаимопонимание, схожесть супругов в поведении, мышлении также отмечены через вербализацию концептуальных цепочек {[муж] ← /ум, разум/ → [жена / жінка]}: *Мужа чтут за разум, жену по уму* (БСРП); *У плохого мужа жена всегда дура* (БСРП); *Якщо муж без ума, то і*

жінка дурна (УПТРН:Хр); {[муж] ← /забота/ → [жена]}: *Нет жены – нет [и] заботы* (БСРП).

Идеал хорошей семьи связан также с концептуализацией работоспособности обоих супругов (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ← /работа/ → [жена / жінка (баба)]}): *Муж возом не навозит, что жена горшком не наносит* (БСРП); *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде* (БСРП); *Не ищи жену модницу, а ищи заботницу* (БСРП); *Жінка-голубочка пече млинці з полубочка, а мужик, щоб здоров, більше муки намолов* (УНПП). В то же время осуждалась расточительность: *Муж возом не навезёт, что жена рукавом растрясёт* (БСРП) // *Чоловік возом не навозить, що жінка рукавом розтрясе* (УНПП). Предметными символами разделения труда были мешок (нечто тяжелое, ноша) и горшок (символ дома, сытости членов семьи): *Чоловікові мішок, а бабі – горшок* (УНПП); *Чоловікові мішок, а бабі – черепок* (УНПП), а также домашняя ткацкая работа и работа в поле: *Бабі кросна, мужу – соха* (ЗУПП).

Разными способами вербализируется ассоциирование жены и семьи с едой (концептуальная цепочка {[жена / жінка] → /еда/ → [муж / чоловік]} и {[жена / жінка] ↔ [семья = 'каша'] ↔ [муж]}). При этом в одних текстах еда – символ единства, желания поддержать супруга, символ заботливости (*Чоловік за поріг, а жінка за пиріг* (РУТСП)), в другом еда – самодостаточная ценность, по отношению к которой характеризуется жена (*Чоловік жінку хвалить, що їсти добре варить* (ФСУМ 2)) и семейное единство вообще (*В семье и каша гуще* (БСРП)). В других же – через отношение к еде проявляются особенности привязанностей супругов: *Ти, жінко, їж борщ, а я м'ясо, скоріше діло буде* (УПП).

Голодный муж – позор жене и причина для брани: *Як жінка співає, то голодний чоловік вовком виє, або, як пес гавкає* (УПТРН:Хр). Голодный муж – и наказание от жены: *Жены не послушаешь – в сухомятку покушаешь* (ПП).

Немало паремийных текстов нацелены на обобщение противоположностей в манерах, образах действий супругов, невозможности прийти к одному мнению,

согласию (концептуальная оппозиция {/орать, мислу; огонь/ [муж / чоловік] ≠ [жена / жінка] /руками махать, плясать; вода/}): Муж в поле пахать, а жена руками махать (РУТСП) // Чоловік у поле орать, а жінка руками махать (РУТСП); Муж пашет, а жена пляшет (РУТСП); Муж за бороною, жена за меледою ('забавляется') (РУТСП); Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет (БСРП); Муж – как бы хлеба нажить, а жена – как бы мужа избить (БСРП); Муж в двери ногой, а жена в окно и с головой (БСРП); Муж по дрова, а жена со двора (БСРП); Муж в бане, а жена в амбаре – уговориться не могут (СРПП); Муж – с огнем, жена – с водой (ПП); Муж в шансах, а жена в танцах (БСРП); Жена поет, а муж волком воет (СРПП); Муж – за гудок, жена – за песенки (СРПП); Муж в бедах, а жена в гостях (БСРП); Муж за волками, а жена за молодцами (ПП); Муж крамар, а жона крамарка, він із двора, а у жінки ярмарка (ЗУПП); Чоловік за литку, а жінка за калитку (УПП); Оженися, не журися – піде тобі рукою: жінка піде за борщем, а ти за мукою (РУТСП); Коли чоловік у корчмі скаче, а жінка дома плаче (РУТСП).

Естественно, что отсутствие лада в семье влечет за собой скандалы, потому такой семейный опыт также обобщен в паремийной картине мира. Причины – интерес к выпивке у мужа (Муж пьёт, а жена горшки бьёт (Д); Муж за чарку, а жена за палку (Д)), склонность к веселью у жены (Муж в голях, жена в бусовых сергах (Д); Муж в долгу, а жена в шелку (БФС); Муж по деревням, а жена в ожерелье (БФС)), верховенство жены (Жена верховодит, так муж по соседям бродит (БСРП)), ее болтливость или сварливость (Жена говорлива мужу не мила (БСРП)), метафорой чего является «язык» (Не б'є жінку мужик, а б'є жіночий язык (УПП)) и т. д.

Обращает на себя внимание то, что народная мудрость предупреждает: в спорах мужа и жены они должны разбираться сами: Муж с женой ругайся, а третий не мешайся (БСРП); Муж с женой бранятся, чужой не вяжись (БСРП); Жену с мужем некому судить кроме Бога (БСРП) // Між чоловіком і жінкою один Бог суддя (РУТСП). Причина в самой природе скандалов и способов их нивелировать: Муж с женой бранится, да в одну шубу ложится (БСРП); Вдень

жінку гудить, а вночі любить (МН–ММ); Муж з жінкою сваряться і б'ються, а перина їх мирить [а під одною ковдрою лягають] (УНПП).

Паремийная картина мира содержит противоположные по смыслу тексты, которые призывают к битью как средству решения конфликта и воспитания жены и осуждают такие действия мужа по отношению к жене, ср.:

Таблица 2.4.

Отражение концептуальной оппозиции «бить – не бить» (жену) во фразеопаремииологии русского и украинского языков

НЕ бей	Бей
<p><i>Пий пиво, але не лий, люби жінку, але не бий.</i></p> <p><i>Коли жінку почав бити, то й будеш бита, а не починав, то й не починай.</i></p>	<p><i>Шубу бей – теплее, жену бей – милее.</i></p> <p><i>Бей жену молотом, будет золотом.</i></p> <p><i>Бей жену в молодости, покой будет в старости.</i></p> <p><i>Кого люблю, того и бью.</i></p> <p><i>Жену не бить – милу не быть.</i></p> <p><i>Бей жену до детей, бей детей до людей.</i></p> <p><i>Бей жену к обеду, а к ужину опять.</i></p> <p><i>Бей жену к обеду, а к ужину опять (опеть), чтоб щи (шти) были горячи (гореци) и каша маслѐна.</i></p> <p><i>Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет-мил не живет.</i></p> <p><i>Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее (тем наварней щи).</i></p> <p><i>Жене спускать – добра не видать; Жену спускать, так в чужих домах ее искать.</i></p>

	<p><i>Люби жену, как душу, а трусы как грушу // Жінку люби, як душу, а трясси, як грушу [а тріпай, як шубу].</i></p> <p><i>Як чоловік жінки не б'є, так у неї отроба росте.</i></p>
--	---

С темой битья связана вербализация концептуальной оппозиции «воля – неволя» (концептуальная оппозиция {/воля/ [муж] ≠ [жена / жінка] /неволя/}). Русские поговорки отражают народную традицию бить жену, т. е. держать ее в подчинении, в неволе. Допущение ж воли в отношениях с женой осуждалось и грозило нарушением устоев патриархальной семьи: *Воля и добрую жену портит* (БСРП); *Дал муж жене волю – не быть добру* (БСРП); *Люби жену вволю, да не давай ей воли* (БСРП); *Отбилась от рук жена, так что твой сатана* (СРПП); *Кто жене волю дает, тот сам себя обкрадывает* (ПП); *Хто жінці волю дає, той сам себе продає* (УПП); *Жінці раз волю дати – назад трудно відобрати* (УНПП); *Дай жінці волю, сам попадеш в неволю* (УПП Паз).

Социальный акцент в паремийной картине мира приобрело такое бытовое явление, как битье женой мужа: *Ище сорочка не побіліла, щоб жінка чоловіка біла* (УНПП); *Била жінка чоловіка, пішла позивати: присудили чоловікові ще жінку прохати* (УНПП); *Жінка доти люба, доки не візьме за чуба* (УПП Паз); *Не є то жінка люба, що веде мужа за чуба* (УПП). Паремии с компонентами «в старые времена», «бывало», «доселева» указывают на новизну явления, хотя точно установить время появления поговорки мы, конечно, не можем: *В стары годы бывало, муж жену бивал, а теперь жена мужа бьет* (ПП); *Доселева бывало жена мужа бивала, а ныне ведётся – и она мужа блюдётся* (ПП). Можно допустить: раз в украинских поговорках нет временного акцента, то такое социальное явление в украинской народной культуре «более нормативно», чем в русской.

Воспитание жены битьем ассоциировалось с вымешиванием теста, т. е. подготовкой его для выпечки хлеба, или растиранием в ступе шафрана. Таким

образом, прослеживается во внутренней форме паремии связь «жена – хлеб – жизнь», значит, научить жену жизни не так просто, она упрямее и мудрее мужа, как утверждает, хоть и не прямо, украинская пословица: *Діж не перемісити, а жінки не перебити* (УПП Номис) Как вариант такой паремии – *Шафрану не перетреш, а жінки не перетнеш* (УНПП).

Муж / чоловік в паремийных текстах предстает как ответственное за порядок в доме лицо, поэтому ему вменяется вина за просчеты, муж – залог чести и достоинства женщины (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] → /честь, главенство/ → [жена]}): *Жена по муже честна* (БСРП); *Жена шаловлива, так мужа бей* (БСРП); *Чоловік винен, що жінка ледаща* (УПП Паз); *Чоловік рядить світом, а жінка – чоловіком* (УПП Паз).

В начале параграфа отмечено, что корреляция Муж / Чоловік – Жена / Жінка связана с определенными синтаксическими моделями паремий, в которых закреплена рекомендательная, наставническая модальность. Это определяется по грамматическим признакам сказуемого в форме повелительного наклонения. Таким образом, в зафиксированных паремиях рекомендации конкретизируют глаголы, определяющие ключевые сценарные мотивы соответствующих паремий:

учи: *Учи жену без детей, а детей без людей* (БСРП) // *Учи жінку до дітей, а дітей – без людей* (РУТСП);

хвали: *Хвали день увечері, а жінку рано* (РУТСП); *Не хвали жінку тілом, а хвали її ділом* (УПП Паз);

жалей: *Жалей жену, да жалуй* (БСРП);

выбирай (бери): *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде* (БСРП); *Жену выбирай не глазами (очами), а ушами* (Д); *Жену выбирай и глазами, и ушами* (БСРП); *Жену выбирай не глазами, а умом* (БСРП); *Жену бери не дородную, а природную* (БСРП); *Выбирай корову по рогу, а жінку по роду* (УПП Номис); *Выбирай собі жінку радше ушима, ніж очима* (УПП); *Выбирай жінку оком старця, але коня оком молодця* (УПП Номис);

держи: *Держи жену в ласке, дочку в сохраннысти – ссоры не будет* (БСРП);

не хвали: *Не хвали жєну по делу, а по телу* (БСРП);
не уступай: *З конем не грай, а жінці з кроку не уступай* (УПП);
не давай: *Жінки та коня нікому не давай* (УПП);
не пускай: *Жінку не пускай в придане, а коня не давай в бояри* (УПП);
не позичай: *Люльки й жінки не позичай нікому* (УПП Паз);
не кидай: *І в лиху годину не кидай дружину* (УПП Паз) и под.

В некоторых украинских паремийных текстах содержится императивный компонент *треба* ('нужно'): *Жінку треба два рази слухати: раз – як кличе їсти, другий раз – як спати* (УПТРН:Хр); *Млин, корабель і жінку треба часто заправляти* (УПТРН:Хр); *Жінку і стодолу все треба покривати* (ЗУПП); *Хату і жінку все треба покривати* (УПП).

Решаясь на создание семьи, муж, как обобщают паремийные тексты, должен руководствоваться чувствами, а не мерять будущую выгоду: *Люба жєна, люба и родня* (БСРП); *Хто бере собі жінку багату, той бере собі наставника* (ФСУМ 1); *Як люба дружина, то люба й в ряднині* (УПП); *Де жінки тільки горшки пильнують, там в хаті неладі непорядки панують* (УПП).

В некоторых паремиях концептуальную цепочку составляют понятия {[**батьки**]: [**муж**] – [**жєна**] – /**смерть**/}, маркирующие век семьи: *Смерть да жєна – Богом суждена* (Д2) // *Смерть і жєна від Бога призначена* (УПП); *Смерть жєны – беда для мужа: Видел ли ты беду? Терял ли ты жєну?* (СРПП); *Горькие проводы – жєна мужа (муж жєну) хоронит* (ПП); *Батько глядить доньку до вінця, а чоловік до кінця* (УПП Паз).

Концептуализация отношений между мужем и женой выстраивается по линии ряда сценарных мотивов:

«защита»: *Жєна на мужа не доказчица* (БСРП); *За мужєну жєну єсть кому вступиться* (БСРП) // *Жінка на чоловіка не докажчица* (УПП Паз);

«уважение»: *Моє дело – сторона, а муж мой прав* (СРПП);

«забота»: *Жєнушка душка любит мяжку подушку* (Д1); *Нет жєны – нет заботы* (БСРП); *Продай, муж, лошадь за корову, купи жєне обнову* (БСРП);

Продай, муж, корову с лошадушкой: купи, муж, ожерелье жемчужный борок! (РНПТ:Хр);

«угождение»: *Сім пар ходаків стоптав, а жінці своїй не догодив* (УПП Номис);

«дети»: *Жены стыдятся – детей не видать / стыдятся жены, так и детей не видать* (Д) // *Як будеш жінки соромиться, то дітей не буде* (УПП); *Аби дружинка, дасть Бог, і буде дитинка* (УПП Паз); *Була б жінка, а діти будуть* (УПП); *Як квочка з курчатами, так жінка з дитятами* (УПП Паз).

Приоритет в отношениях между супругами в некоторых паремиях отдается жене (концептуальная цепочка {[жена 1 / жінка 1] → [муж 2]}): *У неї муж по ниточке ходит; От мужа поволька жена самоволка; Утро вечера мудре, жена мужа удалее.* Верховенство женщины в украинской семье подчеркивает ироничная пословица о том, что жена могла продать мужа, распорядиться им как вещью: *За городом левада, де збиралась громада: жінка мужа продала за три копи без шага* (УПТРН:Хр).

Украинская паремийная картина мира отражает ироничное отношение мужа к внешности своей жены (концептуальная цепочка {[муж] ≈ /низкая, толстая, большая/ [жена / жінка / жона]}):

невысокого роста (*Усе гаразд, усе добре, що жінка маленька: він поб'є і полає – вона веселенька* (УПТРН:Хр); *Велика ми хвала, що жінка мала* (УПП Номис)),

большая, толстая (*У мене жона, як стоїть один міх муки, другий – пиона, бодня сала на горі, стоги хліба на дворі* (УПТРН:Хр)).

Отражено и ироничное отношение по отношению к умению справиться с ней, подчинить ее себе (концептуальная цепочка {[муж] → /подчинение/ ≈ [жена / жінка / жона]}): *Легше сто зайців пасти, як одної жінки допильнувати* (УПП); *У всіх жони, як соколи, та пригнали по два воли, а моє бідовище не принало й телище* (УПТРН:Хр).

Характерно, что пословица-максима «Який чоловік, такий з ним і вік» имеет ряд паремийных соответствий, в которых в ритмизированной форме

определенным качествам, характеристикам мужа подобраны созвучные имена: *Горе-горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван (Д), Был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам; Флор плачет, а жена скачет* (БСРП).

Паремий с микроконцептом Дядька / Дядько – Тетка / Тітка в украинском и русском языках мало. Они в большей мере обобщают оценку моральных качеств тетки и дядьки – их отчужденность (концептуальная цепочка {[**дядька / дядько – тетка / тітка**] → /чужой/ → [**семья, племянники**]}): *Варвара мне тетка, а правда – сестра* (БСРП); *Ближча сорочка до тіла, як рідна тітка* (УНПП); *Дядько – не батько, а тітка – не мати* (УПП Паз). А также скупость тетки (концептуальная цепочка {[**дядька / дядько – тетка / тітка**] → /скупость, жадность/ → [**семья, племянники**]}): *Дядюшка сыт, так и племянник кости гложет* (БСРП); *Тетка Варвара – широкие карманы* (БСРП); *Пішов до дядини – найвся гов'ядини, пішов до тітки – вмотався в намітки* (УПП Паз), и ее грубость (концептуальная цепочка в украинской паремии {[**тетка / тітка**] → /грубая/ ← [**дядька**] → [**семья, племянники**]}): *Якби тітка мала вуса, то дядьком була* (УПП), и любовь к племянникам (концептуальная цепочка {[**тетка / тітка**] → /любвеобильная/ → [**племянники**]}): *У тетки баловень племянник, у дяди – племянниця* (БСРП).

Тем не менее положительные оценки также зафиксированы: концептуальная цепочка {[**дядька**] → /ум/ → [**племянники**]}): *Добрый дядька придаст ума дитятке* (БСРП), *Дядька дитятке ума придаёт* (БСРП);

{[**дядька**] → /забота/ → [**племянники**]}: *У кого есть дядька, у того цел и дитятка* (БСРП); *У кого есть дядька, у того цело дитятко* (БСРП).

В русской паремийной картине мира отражена социально-ролевая функция тетки – участие в сватанье (концептуальная корреляция {[**тетка**] ↔ [**сваха**]}): *Где тетка, там и сваха* (БСРП).

Из внешних особенностей в ритмизированных русских паремийных текстах отмечают красоту (концептуальная пара {[**тетка**] ↔ [**краса**]}): *Наша тетка и сама лебедка* (БСРП).

Понятийное содержание микроконцепта Невістка / невестка раскрывается в концептуальных оппозициях:

- «свой – чужой»: *невестка (Нывистка) – чужа кистка (БСРП) // Невістка – чужа кістка (УПП); Про мене, синку, хоч і свинку, аби мене матір'ю звала (УПП);*
- «правда – кривда» (концептуальная пара {[невестка / невістка] – /неправда / сплетни/}): *Хоч невістка збреше, то личко не збреше (УПП Паз); Як нема невістки, то нема на селі звістки, а як стала невістка, о стане на селі звістка (УПП); Ані в селі, ані в місті не вір невістці (УПП).* В связи с последней оппозицией пребывает положительное отношение к невестке, которая умеет смолчать: ее молчание – «золото», как вот: *Смалчивай, невестка: сарафан куплю (БСРП).*

Отношение к невестке как источнику всего зла, поскольку она чужая в доме и «забрала» на свою сторону сына, выражено в паремиях с концептуальной цепочкой {[невестка / невістка] ← /зло/ ← [семья]}: *Сина побивають, а невістці докоряють (ФСУМ 2); Кішку б'ють, а невістці докоряють (УНПП); Хто ж винен, як не невістка (ФСУМ 2); І плахта невістчина шкоду робить, бо невістки нема дома (УПП Номис).* В связи с этим в украинской паремике предметным символом напряженных отношений в доме стал «соленый борщ»: *Де багато невісток, там дуже борщ солоний (УПП).* Неуживчивость в семье невесток отмечает зоометафора «коты в мешку»: *Дві невістки в хаті – два коти в мішку (УНПП).* В целом образ невестки связан с концептом «зло, враждебность», предвзятое отношение к результатам труда невестки – ее неумению выполнять женскую работу – прясть, ткать и под.: *Свекровь злится, що невестка веселиться (БСРП); Свекор говорить: нам медведицу ведуть; свекровь говорить: людоядицу ведуть; деверья говорять: нам неткалу ведуть; заловки говорять: нам непряху ведуть (Д); Садиться (села) невестка прясть, берегите, деверья, глаз (БСРП); Невістка сорочку полатає, а зять штани здере (УПП); Невістка свекрусі догодити не годна (УПП Паз); Кожна невістка для свекрухи зла кістка (УПП Паз); Свекруха любить невістку, як собака діда (УПП); Пам'ятає свекруха*

свою молодість, через те й невістці не вірять (УПП Паз); *Свекрусі невістка не вгодила, бо свекруха невістки не полюбила* (УПП Паз).

С отмеченной концептуальной цепочкой связана вербализация неразборчивости в еде, что отражает злобное отношение в семье к невестке: *Наша невестка всё трёкает: мёд и тот прёт (жрет)* (БСРП); *Наша невестка всё трескает (стрескает)* (БСРП); *Наша невестка ничем не брезгает: хоть мёд, и то сожрёт* (БСРП).

Недоброжелательность к невестке проектируется на возможность нагружать ее работой, использовать как рабочую силу, поэтому в нескольких паремиях выделяем концептуальную цепочку {[невестка / невістка (раба)] ← /работа/ ← [семья]}: *Пусть бы невестка [и] дура, только б (бы) пораньше огонь (огонь пораньше) дула* (БСРП); *Все семь спят, а невестке молот велят* (БСРП); *Рано невестка встала, да мало напярла* (БСРП) // *Всі в сім'ї сплять, а невістці молоти велять* (УПТРН:Хр); *Невестушка, полно молот, отдохни – потолки* (БСРП); *Невістка в хаті замість помела* (УПП); *Радуйся мати, йде невістка до хати добра робуха, а не цокотуха* (УПТРН:Хр). Ср. также ироничный диалог-обобщение: «Хто води принесе?» – «Невістка» – «Хто обід зварить?» – «Невістка» – «Хто піде у жнива?» – «Невістка». «Кого б'ють?» – «Невістку» – «А за що?» – «За те, що вона невістка» (УПТРН:Хр). То же отношение трансформируется в концептуальную цепочку {[невестка / невістка] ← /отсутствие похвалы/ ← [свекровь, свекор]}: *Не хвали невістку через сім днів, а хвали через сім год* (УПП Паз); *Не хвали невістки третього дня, а хвали третього року* (УПП Паз).

Безразличие к внешности невестки, а порой и злоутешение ее непривлекательностью, отмечены в украинской паремийной картине мира ({[невестка / невістка] ← /некрасивая, занехаянная/ ← [свекровь, свекр]}): *Бери собі, синку, й свинку, аби тобі мила була* (УПП Паз); *Наша невістка – що не дай, то тріска* (УПП Паз); *Як була я у батенька, то була чубатенька, а як стала у свекрухи, то й мій чуб обсіли мухи* (УПП).

(({[невестка] ← /неуважение/ ← [свекровь, свекр]}): – *Хто усравсь? – невестка (Нывистка). – Так вона ж в поли. – Так виттила витер несе!* (БСРП).

В целом в народном сознании утвердилось негативное отношение к невестке. А если семья и многодетная, живущая в старину на одном дворе, то умножается это отрицательное отношение, что отражает поговорка: *Три невестки – беги из избы* (БСРП).

Восприятие зятя в бытовой культуре прежде всего объективирует концептуальная оппозиция «свой – чужой» (концептуальная цепочка {[зять] ← /чужой/ ← [семья]}): *Зять мил по дочери, а сын постыл по невестке* (БСРП) // *По дочці і зять милий, по невістці і син чужий* (УНПП); *Лучче у сина під полом, ніж у зятя за столом* (УПП Паз); *Сестра до гробу, а зять із роду* (УПП). Неприятие «чужого» зятя отображает образ осознанного греха: *Бери зятя в дом, неси Бога вон!*; бранливости: *Зять с тещей говорит до вечера, а слушать нечего* (СРПП); *Зять за порог – теща за кочергу* (БСРП); *С зятем бранися да за печь держися* (БСРП).

Это концептуальное направление развивается в антикорреляцию {[зять] ≠ [сын / ребенок]}, т. е. сема 'близость' отсекается: *Зять мил по дочери, а сын постыл по невестке* (БСРП); *С сыном бранися, на печь ложися; а с зятем бранися, за скобу берися* (БСРП) (т. е. уходи); *Білий сніг – то не сир, добрий зять, то не син* (ФСУМ 1); *Зять, невістка – не дитина* (УПП Паз).

Вторая знаковая концептуальная оппозиция – «враг – друг» спроектирована в концептуальной цепочке {[зять] ← /враг/ ← [семья (тесть, теща)]}, которая синонимизирует зятя с врагом, чертом, собакой (псом), т. е. со злом и выражена в украинской и русской паремийных картинах мира: *Нет черта в доме – прими зятя!* (БСРП); *Не для зятя-собаки, для милого дитя* (БСРП); *Не зять бы был – не собакою (не чёртом) бы слыл* (БСРП); *Бедному зятю и тесть не рад* (БСРП); *Нема ворога, як зять* (УПП); *Ні втять, ні взять, лучче собака, ніж зять* (УПП); *Ні з пса солонини, ні з зятя дитини* (УНПП); *Яка з собаки солонина, така і з зятя дитина* (УНПП).

Паремийные тексты обобщают различные жизненные ситуации, в которых проявляется и радостное, позитивное восприятие зятя (концептуальная цепочка {[зять, зятюшка] ← /радость/ ← [семья (тесть, теща)]}: *Для зятя (затюшки) – света всегда приспето* (БСРП); *Зять на двор – пирог на стол; Зять да сват у тещи – первые гости* (БСРП), а в результате – и гостеприимство по отношению к нему и его родне. А с другой стороны, отмечаем разворачивание в паремиях и концептуальной цепочки {[зять] ← жадность, корыстолюбие ← [семья (тесть, теща)]}: *Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду* (БСРП); *Зять все хоче взять (да не любит отдать)* (БСРП); *Думала теща, пятерым не съест, а зять-то сел, да за присест и съел* (БСРП); *Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду* (БСРП); *На зятьев не напасешься, что на яму* (БСРП); *Не зять бы был, кабы на сырной тещу не навестил* (БСРП).

Появление зятя в доме – обеим сторонам притеснение, ср.: *Хочеш зятечка придбати – мусиш з хати утікати* (УПП Паз); *Хто в зяті пристає, у того шкіра відстає* (УПТРН:Хр); *На тихому зятеві теща воду возить* (УПП Паз).

Наиболее малочисленны паремии с номинацией *шурин*. Согласно нашим наблюдениям, ценностно-аксиологическое наполнение соответствующих образных обобщений такое же, ср.: *Зять да шурин – Бог их судит* (БСРП); *Зять да шурин – чёрт их судит* (БСРП). Т. е. сказанное можно представить в концептуальной цепочке {[семья] → /нелюбовь/ → [зять, шурин = ‘чужой’]}.

Понятийное наполнение паремийных текстов с концептом «Свекор, свекруха / свекровь» связано с оппозитивной парой «добро – зло» (концептуальная пара {[свекровь /зверь/, свекор] ↔ [зло]}). Вербализировано это качество по-разному:

- через образ грозы, зверя (*Свекор гроза, а свекровь ест глаза* (РНПТ:Хр); *Свекровь на печи что сука на цепи* (БСРП) / *Свекруха на печі – то те, що собака на ланцюгу* (УПП); *Свекруха – уїдлива муха* (УПП Паз); *Свекруха – псяюха* (УПП)),

- всевидящего злого ока (*У лихой свекрови и сзади глаза* (РНПТ:Хр) (невестке на отместку) / *У лихой свекрухи ззаду очі* (УПП Паз)),

- через оценочные эпитеты – лихая / лихой (*Свекруха лихая і на піч лізе – бурчить і з печі гарчить* (УПП Паз); *В лихом свекре правды нет* (БСРП)), брехливая (*Брехливая свекруха невістці не вірить* (УНПП)), ворчливая (*Брюзжит, как свекровь на невестку* (БСРП); *Свекруха – воркотуха* (БСРП)), журливая (*Журлива, что свекровь* (БСРП)).

Из таких характеристик наиболее общей является негативная оценка «лихая», спроектированная и на образ дома / хати (метонимия): *Хата чужая, як свекруха лихая*, в котором, как видно, прослеживается связь и с концептуальной оппозицией «свой – чужой». В отношении свекра этот концепт выражен четко и прямолинейно: *Свекор – не рідний батько* (УНПП) (концептуальная пара {[свекор, свекровь] ↔ /чужой, чужая/}).

Основная микроконцептуальная корреляция «свекровь – невестка», негативно маркирована, что подтверждено в выше приведенных примерах. Тут только добавим, что основное выражение возмущения одна другой выражают в словесной перепалке, а потому этот сценарий поведения обобщен в паремийном тексте-макиме: *Нічна зозуля денну перекує, свекруха невістку перекричить* (УПТРН:Хр), где образ кукушки (зозули) – воплощение свекрухи и невестки. Оружие свекрови – слова, оскорбления, поучения (концептуальная цепочка {[свекровь] → /слово/ → [невестка]}): *Рідна мати і б'є, та не болить, а свекруха словами б'є гірше, ніж кулаками* (УПП Паз).

Что касается характеристики отношений свекра и невестки, то они в паремийной картине мире трансформированы в образ бития (концептуальная цепочка {[свекор] → /битье/ → [невестка, сын]}): *Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невістки мутливы* (БСРП); *Син б'є жінку, а свекор дубця дає* (МН–ММ).

Оценки свекра и свекрови со стороны невестки выражены в паремийных текстах в лестных (*Свекор батюшка – застоюшка, свекровь матушка – заборонушка* (БСРП) (говорит сноха, льстя)) и грубых номинациях: *Кому свекровь и свекровушка, а кому и свекровище* (БСРП).

В целом особенности поведения свекра и свекрови обобщаются в паремии-максиме (концептуальная пара {[свекор] ↔ [свекровь]}): *Свекор і свекруха одного духа* (УПП). Когда хотят подчеркнуть близость отношений с кем-либо, возможность договариваться, то обращаются к паремии: *Свекор, свекровь и своя кров* (РУТСП).

Что касается микроконцепта Тесть / Теща, его можно представить в нескольких концептуальных оппозициях:

«добро – зло» (концептуальная цепочка {[тесть / теща] → /зло/ → [зять]}): *Як єсть, то єсть – лучче собака, ніж тєсть* (УПП); *Тєща в хату – нема ладу* (УПП Паз); *Так м'яко спать, неначе тєща постелила* (УПП Паз);

«свой – чужой» (концептуальная цепочка {[тєща] → /чужая/ → [зять]}): *Аби позбутися жінки, не один оддав би й тєщу* (УПП Номис);

«богатство – бедность» (концептуальная цепочка {[тєсть / тєща] → /богатство, достаток/ → [зять]}): *Багатий тєсть – зятю чєсть* (БСРП); *Бойся тєстя багатого, как черта рогатого* (РНПТ:Хр) / *Бійся тєстя багатого, як чорта рогатого* (РУТСП).

Кроме того, паремийный фонд сохраняет ассоциации **тєщи** с болтливостью (*Язика тєщі аршином не зміряєш* (УПП)), неискренностью, скупостью (*Як зять за поріг, так тєща на пиріг* (УНПП)).

В то же время жизненные ситуации не все такие негативные, поэтому паремийная картина мира наполнена и текстами с высокой оценкой тєщи (концептуальная цепочка {[тєща /родная/] → /жена/ ← [зять]}): *Мені батько не рідня, мені мати не рідня, мені тєща родина – мені жінку родила* (УПТРН:Хр).

Рекомендательную интенцию имеет паремия-максима *Не жени сына на тєще, не отдавай дочери за свєкра* (РНПТ:Хр.), подытоживающая приоритет любви и взаимопонимания между супругами, а не материальных благ, которые могут дать им родители (*Что мне тєсть, коли нечєго єсть* (БСРП); *У тєщи карманы тощи* (БСРП)).

С этим моментом связан концепт «честь» (концептуальная цепочка {[тєсть] /честь/ → [зять] ↔ [дочь]}), который является одним из ключевых в

характеристике тестя, потому что он выдает замуж дочь, которая должна по традиции стать под венец в чести: *Тесть не повинен втрачати честь* (УПП); *Тесть любить честь, зять любить взать, а теща любит дать* (УПП Паз); *У тестя в руках не приданое* (ПП).

Минимальное количество паремийных текстов находим в подгруппе Сват. Как в проанализированных выше микроконцептах, здесь проявляется концептуальная оппозиция «свой – чужой» (концептуальная цепочка {[сват] ← /чужой/ ← [семья]}), связанная с отождествлением свата с собакой: *И добрый сват – собаке брат* (БСРП). Отношение к свату если не отрицательное, то недружелюбное (концептуальная цепочка {[сват] ← /недруг/ ← [семья]}): *Не всяк тому рад, что приехал в гости сват* (БСРП) или осторожное: *Сват, не сват, был бы добрый человек* (Д2); *И сват свату друг, да не вдруг* (БСРП); *Поколе пьем вместе, так и сваты, а упились – и разошлись* (Д2); *Хоть и сват, да горбат* (Д 2).

Выводы к главе 2

Основной особенностью номинативного поля константы Родство / Спорідненість является его чрезвычайная разветвленность, объемность. Ключевой номинацией константы выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы.

В целом в толковой академической лексикографии отмечается совпадение семантических признаков, отражающих в русском и украинском языках семантику ‘общность, связь, близость по крови’, ‘общность, связь по браку’ и ‘общность, близость по духу’. Первые два из выделенных значений – ‘близость по крови’ и ‘близость по браку’ – являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными. Именно в этих прямых значениях, как в наибольшей степени связанных с

образно-смысловым ядром константы и реализующих ее мифопоэтический потенциал, рассматривается в диссертации функционирование константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах.

Существенными признаками семантического ядра константы Родство / Спорідненість являются:

- совокупность значений 'родство по крови', 'родство по браку' и 'родство по духу',
- мифологически-историческая перспектива значений 'общего источника' и 'общего имени',
- ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку.

При этом очевидно, что и в прямых, и в метафорических значениях слов-вербализаторов константы ее номинативное поле и семантическое ядро сфокусированы на исходном для нее слове *род*, этимология которого связана с именем-мифом *Род* и системой архаических мифопоэтических представлений о боге Роде.

Мифопоэтическое (образно-смысловое) ядро константы Родство / Спорідненість, связанное с мифопоэтическими представлениями о боге Роде и женских божествах (в том числе Рожанице), в образно-чувственной форме «схватывает» семантику взаимодействия мужского и женского как творящего и питающего (поддерживающего) начал, обеспечивающих единство, взаимосвязанность и порядок в космическом, природном и человеческом мире.

Новые христианские представления о Небесных силах и отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства вливают семантику духовного родства и в то же время втягивают в себя и преобразуют (в рамках русской православной традиции) такие образно-смысловые, мифопоэтические представления, как со-причастность человека и природы небесным силам, возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, нерасторжимость духовной связи между предками и

потомками рода (шире – народа). Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода.

Паремии с доминантными названиями кровного родства составляют одну из наиболее объемных групп в русском и украинском национальных паремийных фондах. Отражая социокультурный опыт устроения семейной жизни, они в то же время развивают тот мифопоэтический потенциал, который содержится в образно-смысловом ядре константы.

Проведенный анализ русских и украинских фразеологизмов и паремий, соотносимых с констатной Родство / Спорідненість, показал, что:

1) русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотношенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений;

2) семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют следующие значения, выделяемые по параметру наиболее широкого охвата фразеопаремийного фонда: ‘жизнь’, ‘порядок’, ‘согласие’, ‘общность, единство’, ‘благополучие’, ‘защита’, ‘воспитание’, ‘дом’;

3) в периферийную же зону этого содержания входит большой семантический комплекс, включая следующие (наиболее актуализованные) значения: ‘(генетическая) наследственность’, ‘(психологическое и физиологическое) сходство’, ‘опора’, ‘счастье’, ‘(Божья) правда / воля / помощь’, ‘сочувствие’, ‘доброта’, ‘любовь’, ‘забота’, ‘уважение (к родителям)’, ‘(родовая) судьба’, ‘(родовая) ответственность’, ‘труд, работа’, ‘ум, разум’;

4) положительный оценочный компонент содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании тесно связан с информационным (понятийным); при этом в константе содержатся и информационно-оценочные значения негативного характера, указывающие на возможность развития неблагоприятных сценариев в отношении рода, родственников, родственных связей: ‘смерть’

(родителей), 'корыстолюбие', 'зависть', 'обособленность', 'враждебность', 'безответственность', 'глупость', 'брань', 'битье', 'пьянство';

5) на тесную связь константы с архаическими мифопоэтическими представлениями о единстве и взаимосвязи рода и мира, вписанности жизни рода в природную, космическую жизнь в первую очередь указывает частотность актуализации во фразеопаремийном фонде растительных образов, восходящих к образу Мирового древа;

б) наблюдаются незначительные расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах. Так, соотносительность паремийной картины мира с делением на «своих» и «чужих» чаще встречается в украинской лингвокультуре. Если в украинской паремийной картине мира основной акцент в характеристике отношения матери к детям приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (сердце), то в русских пословицах это отношение ассоциировано с 'душой' и 'красотой'. Только русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения к чужим сестрам. В то время как только в украинской паремийной картине мира выражено безразличие к внешности невестки, а порой и злоупотребление ее непривлекательностью.

Во фразеопаремийном фонде русской и украинской лингвокультур наиболее представлена концептуализация ключевых названий родства – *мать / мати, отец / батько, дети / діти, сын / син, дочь / дочка, брат / брат, сестра / сестра*. В то же время отмечается наличие весомой части фразеологизмов, в которых концептуализируются отношения: *муж / чоловік – жена / жінка; мать / мати – сын / син, дочь / дочка; отец / батько – сын / син, дочь / дочка; брат / брат – сестра / сестра; дед / дід – баба / баба; отец-мать – зять / невестка / невістка*.

Дифференцируются в связи с этим концептуальные пары двух типов: в одних сопоставимыми становятся вербализаторы константы Родство / Спорідненість (например, {[мать] → [син / син]}, {[жена 1] → [муж 2]}, {[тетка] ↔ [сваха]} и под.), а в других – концепты другого порядка. Среди них – мифологемы

({[Бог] → [родители] → [дети]}; {[семья] ← /завязь, плод, корни/ → [дерево]}), артефакты-символы ({[дети / діти] ↔ [изба / хата]}), концепты эмоций, чувств ({[мать] → [любовь]}), концепты морали ({[мать] → [терпение, доброта, сердечность]}), концепты-соматизмы ({[мать / матери] ↔ [голова]}), метафорические концепты ({/кормит, родная, ласковая/ ← [мать] ↔ [земля-родина]}), социологемы ({[сын] → /битие/ → [родители]}), идеологемы ({[отец / мать, батько / матери] → /единоначалие в обучении, воспитании/ → [дети]}; {/глупая/ [жена] ← /учение/ ← [муж]}) и некоторые др. типы.

Отражая иерархию структурно-семантических языковых и ментально-языковых связей через конкретные микроконтексты со связанным лексико-грамматическим значением, фразеопаремии тяготеют к таким глобальным концептуальным оппозициям, как «свой – чужой», «добро – зло», «правда – неправда», «богатство – бедность», «радость – горе», «умный – глупый», «счастье – несчастье», «молодой – старый».

Эти все взаимосвязи имеют ориентированный характер, что показывают соответствующие значки: ↔, →, ←.

В целом русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотносительность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений. Выделенные из фразеопаремийного фонда литературных языков вербализаторы константы Родство / Спорідненість отражают народную концептуализацию родовых и семейных устоев, ценностных установок и сценариев взаимодействия в семье, а также реализуют мифопоэтическую составляющую, связанную с архаическими представлениями о боге Роде, Судьбе, Древе жизни. Особое место в ряду паремийных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, принадлежит паремиям с центральными номинациями *дед / дід* и *баба / баба*. В них широко воплощается ряд архаических мифопоэтических представлений о роде и сакральных силах Рода, о счастье-удаче и жизненной энергии Мирового древа.

ГЛАВА 3

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТАНТЫ

РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ

В НАРОДНО-ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

3.1. Общие особенности вербализации константы в народно-песенном пространстве языка

Народно-песенная культура – это древние пласты национальной языковой практики и ценностно-образные комплексы повседневно-бытового, ритуального поведения; это один из значимых сегментов истории и культуры народа. Народно-песенный пласт национальной культуры как своеобразное фольклорное койне соотнесено с наддиалектным литературным языком и, соответственно, охватывает не только лексико-грамматические, но и ассоциативно-образные нормы словоупотребления, поэтические обороты, типичные микроконтексты. Широта и разнообразие типизации эстетико-языковых приемов характерны и для таких ядерных единиц народно-песенного словаря, как названия родства [Срмоленко 1987, с. 8].

Стереотипизация образов, стабильность норм словосочетания, лексическая и синтаксическая фразеологизация песенно-ритуальных контекстов способствовали формированию концептов этнокультуры. Среди них важное место занимает константа Родство / Спорідненість, в ее народно-песенном бытовании, восприятии, реализации [Жайворонок 2007, с. 181].

Этнолингвокультурные смыслы слов, в том числе НР, сформировавшись в народно-песенном дискурсе, воспроизводятся вне фольклорного контекста в качестве фольклорем [Жайворонок 2007, с. 181], при этом термин *фольклорема* может относиться и к бытованию НР в фольклоре. Термин подразумевает, что НР

не только широко используются в народно-песенных текстах в типизированных речевых формулах, но и заимствуются из этих текстов литературно-языковой практикой вместе с закрепленной за ними речевой и эстетической нагрузкой, поскольку эпичность, лиризм, оценка эмоционального, психологического и социального состояния человека тесно переплелись с их типизированными, стереотипными текстовыми формами. Кроме того, фольклоремы за пределами фольклорной картины мира могут становиться маркером поэтического мировосприятия [Срмоленко 1987, с. 156]. Сравните фольклорные формулы (структурно-семантические повторы) *отец-мать, батько-ненька* и под. и песенное поэтическое употребление *Батьку мій милий, темнесенький гаю, / Як же я нічку свою прогаю?; верба-матусенька, березоньки-сестри* [Там же].

Изменения в концептуальном наполнении НР в структуре песенно-ритуального фольклора связаны с модификацией их внутренней формы, шире – с процессом социального осознания поэтической нормы, т. к. НР-фольклоремы стали маркерами определенных дискурсивных практик – ритуально-обрядовых, календарно-обрядовых, семейно-обрядовых, а также песенно-лирического обобщения эмоционально-психофизиологических состояний членов рода. Эту особенность отметил Н.Ф. Алефиренко: «Дискурсы, сообщая словам дополнительную смысловую нагрузку, снабжают их этнокультурным коннотативным ореолом, наделяют их особой символической функцией. В итоге такие слова становятся культурно маркированными. Причины их отмеченности могут обуславливаться сохранившимися в подкорках нашего сознания архетипами, архаичными формами мифологического мышления [Топоров 1995], культурными или библейскими ассоциациями, ритуалами или обрядами» [Алефиренко 2006, с. 38].

В качестве фольклорем НР в народно-песенном пространстве языка, отличном от повседневно-бытового (в составе паремий, фразеологизмов) дискурса, не только приобретают особенные смыслы, но и становятся словами-символами особых ситуаций (ритуально-обрядовых, типичных необрядовых), базовыми единицами в формировании вторичного значения ‘родства’ как

ассоциативной социокультурной общности, опосредованной функциями людей в общественной практике.

Изучение вербализации и функционирования константы Родство / Спорідненість в народно-песенном пространстве русского и украинского языков нацелено на определение роли мифопоэтических образов и структур в формировании художественного этнического (народного) сознания, на вычленение способов стереотипизации экзистенциальных (*род, жизнь, судьба, удача, смерть*), репрезентативных («свой – чужой») и поведенческих представлений и норм (*радость, любовь, страдание, страх, долг* и т. д.), а также на описание особенностей концептуализации в народно-песенной культуре отношений в семье и к семье / роду.

Основну исследования составили материалы сборников народных русских и украинских песен. В составе этих песен для удобства изучения выделено две группы: первую составляют песни семейно-бытовые, календарно-обрядовые, хороводно-игровые, шуточные, лирические любовные, рекрутские, тюремные; все они имеют тематические корреляты в обеих лингвокультурах. Другая обладает выраженной социальной направленностью: в ее состав входят песни бурлацкие, чумацкие, казацкие, невольничьи; представлена она преимущественно текстами украинской народной лингвокультуры.

НР-фольклоремы в структуре народно-песенного текста организованы по законам поэтики, т. е. включены в ассоциативно-образные связи, вспомогательные метафорические семантические механизмы обобщения и в формируемые на их основе символические структуры. Кроме того, в структуре народных песен они выполняют функцию воплощения и обобщения общественно-исторических (работа в найме, пребывание в плену, воинская служба и т. д.), идейно-эстетических явлений и чувственных переживаний человеком тех или иных состояний. Иными словами, НР-фольклоремы сопряжены с историческими процессами и сохраняют регионализм песенного творчества. Преобладание дискурсивной составляющей в функционировании НР-фольклорем обуславливает особенности структурирования лингвокультурологических

моделей при анализе константы Родство / Спорідненість в народно-песенном пространстве русского и украинского языков.

3.2. Концептуализация повседневно-бытовых отношений и ритуальных ролей членов нуклеарной семьи

3.2.1. НР-фольклоремы в народно-бытовом лирическом песенном тексте

Русские и украинские народные лирические песни отражают богатство чувств, особенности восприятия событий, переживания народа в типичных необрядовых ситуациях [Сидельников 1959, с. 3]. Основу эстетизации семейной жизни в этих песнях составили темы любви родителей к детям и детей к родителям, сыновей и дочерей, которые, взрослея, переживают состояние любви. На семейно-бытовые отношения накладывало отпечаток социальное обустройство жизни, общественные условия крепостничества, работы по найму [Лазутин 1965], что стало предпосылкой к некоторой условности в дифференциации мотивов народных песен разных жанров: они во многом пересекаются, приобретая вариативное текстовое воплощение. Концептуальный анализ позволил структурировать систему словесных образов, связанных с функционированием НР-фольклорем как вербализаторов константы Родство / Спорідненість. Для народных лирических песен в силу жанровой и тематической специфики наиболее значимыми в структуре константы являются концепт Род / Семья и микроконцепты Дочь и Сын.

Концепт Род / Семья в народных лирических песнях связан с воплощением представлений о том, что род есть главная опора в жизни человека, ср. концептуальную цепочку{[род, родиночка] = [пристанище]}: *Нема роду-родиночки, / Ні до кого притулитися* (ЛП, с. 223–224). С другой стороны, род – это вся семья, а если в ней кто-то отсутствует, то по нему скучают – *тужат* (ср.: {[дочь, сын] ≠ [род, родиночка, род-племя] = [туга, печаль]}): *Десь за мною, сиротою, / Родина тужить. / Тужси, тужси, родинонько, / А я й не буду* (ЛП,

с. 222); *Красна девица воду черпала <...> / Призадумалась, заплакала, / А заплакавши, слово молвила: / «Хорошо тому жить на сем свете, / У кого как есть отец и мать, / И отец, и мать, и брат-сестра, / Ах брат-сестра, что и род-племя! / У меня ль, у красной девицы, / Ни отца нету, ни матери, / Как ни брата, ни родной сестры, / Ни сестры, ни роду племени, / Ни того ли мила друга, / Мила друга полюбовника!»* (НЛП 61, с. 162).

В связи с этим стоит отметить, что именно в украинском лирическом народно-песенном дискурсе распространена уменьшительно-ласкательная словоформа «родинонька», «родиночка». Этот образ в украинских лирических песнях совмещается с символом *вишневого сада* (ср.: **{[род, родиночка] = [вишневый сад]}**): *Ой єсть в мене родинонька / Ще й рідненький брат; / З'жджайтеся, сходжайтеся / Всі в вишневий сад* (ЛП, с. 222); *Тільки мені тяжко: як була я у батька – / По саду гуляла, кісоньку чесала, / Вишеньки щипала, в платочок в'язала* (УНП-РПЛ, с. 259).

Растительная символика пронизывает тексты народных лирических песен, в которых девушка (дочь или сестра) передает свои чувства беззащитной сироты на чужбине. Поэтому для нее родная земля и родное пространство соотнесены с образами дуба, граба-рода, дуба-батька, липы-матери, кленочка-братика, калины-сестрички, шелест листьев которых – метафора разговора с ближними (ср.: **{[дочь] = [род, родиночка: дуб-отец, липа-мать, клен-брат, калина-сестра] = [защита, совет, беседа, разговор]}**): *Ой піду я в ліс по підпеньки; / Там стоїть дуб зелененький. / Сюди-туди коло того дуба, – / Все ж моя родинонька люба* (УНП-РПЛ, с.112); *Ой стану я під дубочка, / А дубочок та й не батечко, / Вітер віє, гілля ломить, / Та й до мене не заговорить. <...> / Ой стану я під липочку, / А липочка не матіночка, / Вітер віє, гілля ломить, / Та й до мене не заговорить. <...> / Ой стану я під кленочка, / А кленочок та й не братичок, / Вітер віє, гілля ломить, / Та й до мене не заговорить. <...> / Ой стану я під калину, / А калина та й не сестричка, / Вітер віє, гілля ломить, / Та й до мене не заговорить* (ЛП, с. 223–224); *Не порадив отець-мати, / Ніяка родина, / Хіба мене той порадить, / Кому люба-мила* (УНП-РПЛ, с. 258); *В кого батько, в кого мати, / Є з ким*

розмовляти (УНП-РПЛ, с. 261); *Над озером верба, / Над вербою камень, / На камушке девка / Горчехонько плачет: / «Отдал меня батька / В турецкую землю, / В немецкую веру / А я, молоденька, / Ничего не умею – / Ни прясть, ни ткати, / А только умею / Раненько вставати / Косу заплетати»* (НЛП 61, с. 177).

Здесь архаические мифопоэтические представления, связанные с семантикой единства и единосущности человека и природного мира и восходящие в том числе к мифу о боге Роде, приобретают в приеме психологического параллелизма эстетические функции: сопоставление драматической ситуации, в которой оказался герой (героиня) песни, с природным явлениям и (или) их противопоставление эмоционально вовлекают слушателя, усиливают выразительность высказывания. В то же время в этом приеме и особенно в используемых в нем образах деревьев (воплощающих, конечно, не столько личный или коллективный опыт, сколько архаическую символику Мирового древа) и соотносимых с ними номинаций родства (*отец, батько, сестричка* и т. п.) продолжает жить и приобретает особые художественные формы мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість.

Желание вернуться в родную семью, на родную землю связывается в текстах песен с образами дальнего пути (дороги, поля и пр.); чтобы преодолеть расстояние, нужно обернуться голубем, соколом, слиться с дорогой, полем (концептуальная цепочка {[дочь, сын] → [цвет, голубь, дорога] → [род, родиначка]}). Такое превращение, однако, не является реальностью (как в народных сказках), но лишь мечтой героя: *Пливи, пливи, з рожі квіте, / А до мого роду* (ЛП, с. 225); *Накажу до родини / Сизим голубочком* (ЛП, с. 225); *Летел сокол високо да високо, / Ронял перье золотое, золотое. / Я перышко подниму и подниму, / Грамоточку напишу и напишу, / Ко батюшке отошлю и отошлю. / Велит ли мне батюшка / Скакать, плясать, тешитсья? / «Скачи, пляши, дитятко, / Скачи, пляши, милое...»* (НЛП 61, с. 191–192); *А другая стежечка-доріженька – / Аж до роду мого* (ЛП, с. 254). Таким образом, мифопоэтический изоморфизм преобразуется в народных лирических песнях в эстетическое уподобление, приобретает функции метафоры.

В поэтической эпитетной формуле народная лирическая песня часто характеризует род как *милый, родной* (*Ой роду мій, ой роду мій, ой роду мій милий, / Розійшовся по всім світі, як той туман сивий* (ЛП, с. 222–223); *Горе мені, сиротині, / Без рідного роду* (УНП-РПЛ, с. 261); *Сюди-туди коло того граба, – / Все ж моя родинонька мені рада* (УНП-РПЛ, с. 112).

Для текстов хороводных песен характерна тема любви, вовлекающая в себя установку на то, что брак должен совершаться по любви и благословлению родителей, согласию братьев-сестер. В связи с этим в концепт Род / Семья в хороводных песнях входит семантика любви как единого основания для семейных отношений (концептуальная цепочка **{[род-семья] ↔ [любовь] ↔ [дети]}**): *Уж взять ли не взятии Вам по любви, / По батюшкиному Хлебу-соли, / По матушкиному Благословенью, / По сестрициному Повеленью, / По братилкиному Приказанью* (НЛП 61, с. 182). Сопоставляя этот факт с исследованным выше мифопоэтическим ядром и теми изменениями, которые в него привнесло христианство, можно утверждать, что в актуализации семантики любви в концепте Род хороводные песни обнаруживают православную перспективу представлений о роде и семье.

Признание в своих чувствах к родным, как правило, в народной песне связано с мотивом долгого расставания, с нахождением вдали от родных по долгу службы. Поэтому концепт Род / Семья тесно коррелирует с концептом Чужбина (чужая сторона) (**{[род-семья] ↔ [любовь] ↔ [чужбина]}**): *Сторона ль моя, сторонушка, / Незнакомая здешняя! / Не тебе, моя сторонушка / Нетуть милого дружка, <...> / Нету друга, нет подружки, / Нетуть матушки родной* (НЛП 61, с. 146–147).

Микроконцепт Сын / Син в лирической народной поэзии находит выражение в контекстах с образом неженатого сыне, который у матери ассоциирован с молодостью и красотой (символ – *барвинок*) (**{[мать] ↔ [красота: барвинок] ↔ [сын]}**): *Рости, барвіночку, / Широко стелися, / Ай гуляй ми, синочку, / Восени женися* (ЛП, с. 247), с продолжателем рода (**{[мать] → [женитьба: семья] → [сын]}**): *«Оженися, мій синочку, / Возьми собі любку, /*

Цілуй її, милуй її / Як голуб голубку» (ЛП, с. 250); *Он бел лицом, кудреватый / Ему матушка говорила: / «Василий-свет, ты женися! / Возьми себе хозяйошку. / Тебе с нею веселее, / А мне перемена». / – «На что, матушка, жениться? И так меня девки любят, / Молодушки похваляют...»* (НЛП 61, с. 124).

Лирические песенные микроконтексты вербализуют стремление сыновей к любви и счастью ({[сын] ↔ [любовь, женитьба: семья] ↔ [девица]}): *Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке, / Лели-лели-лелюшки, вдоль по муравке, / Тут ходит-гуляет тут удаленький молодчик, / Ходит выбирает красавицу девочку <...> Меня красна девица невлюбила». / – «А я тебя, миленький, не узнала». / (...) «Пресчастливая матушка зародила, / Пресчастливой долюшкой наделила, / Меня красна девица возлюбила»* (НЛП 61, с. 208).

Женитьба сына в украинской песенной лирике приносит матери счастье и спокойствие ({[мать] ↔ [спокойствие] → [сын женат]}): *Ой вдарилась бідна вдова об поли руками: / «Сини ж мої коханії, пропала я з вами!» / «Сама-сь, мати, винна, сама провинила, / Що нас молодими та не поженила!»* (УНП-РПЛ, с. 175). При этом народ обобщил то, что невестка / жена должна быть любима: *Ой туман ярм та налягає, / Та батько сина лає, проганяє, / Ой а матінка лає, проклинає: / «Та й іди, сину, ступай прич від мене: / Не возлюблена та жінка у тебе!»* (УНП-РПЛ, с.179); *Засвітила мати свічку, / Щоб ясно горіла, / Най погляне родина, / Чи мила дружина* (УНП-РПЛ, с. 259–260).

В русской же песенной культуре выражен мотив страха матери (ассоциат – пташка) в связи с женитьбой сына ({[мать] ↔ [беспокойство] → [сын женат]}): *Невелика птичка-пташечка / Много знала, много ведала, / На сине море летала. / Говорила птичка-пташечка / Человеческим голосом, / Говорила любезному своему: / «Не женися, мой любезный друг! / Когда женишься – спокаешься, / С молодой женой намаешься!»* (НЛП 61, с. 174).

Традиционно в украинской лирике сын ассоциируется с соколом, орлом, готовым к воинской повинности (*Породила мати сина сокола, / Та не знала, де його діти, та в військо дала. <...> Я до тебе, моя мати, орлом прилечу, / –*

Побачиши, моя мати, якого я тобі жалю нароблю (УНП-РПЛ, с. 173); Ой мала вдова сина сокола, / Вигодувала, військо отдала (УНП-РПЛ, с. 174).

В народной песенной культуре осуждается сын-пьяница: *В Одарочки був, / В Одарочки напився, / Ой прийшов я додомоньку, / З батьком я додомоньку, / Мати лає, батько лає, / Дуже й розмахався, / Ой два бог – якось хутко / Нагай увірвався (УНП-РПЛ, с. 327).*

В песенных контекстах сопоставляются отношения родного сына и зятя к матери. Если *сын* – это опора, помощь, радость (концептуальная цепочка {[сын] ↔ [помощь] → [род: мать]}), то *зятья* – это те, кто имеет только материальную заинтересованность в семье, с которой они связаны, не имеет родственных чувств к теще (концептуальная цепочка {[зять] ↔ [деньги / чужесть] → [род: мать]}), ср. отрывки из украинских текстов: *Сини мої, соколи мої, / Дочки-голубочки! / Як я буду та й умирати, / Сходітєся та й докупочки. / Сини ходять, радоньку радять – / Як би матір сховати; / А зяті ходять, другу радять – / Як би нам що взяти? (УНП-РПЛ, с. 108); Ой зятю мій, зятю хороший! / Закопала-м під вишнею гроші. / Як хто буде дочку любити, / То той буде гроші лічити (УНП-РПЛ, с. 108); Пила теща із зятями, / Из сивими соколами, / Пила вона, ой упилася / Дай на бочку схилилася. / Єден каже: «Возьмім маму!» / Другий каже: «Ще й помалу!» / Третій каже: «Над водою / Вкиньте тещу с головою, / Нех не стоє за дочкою!» (УНП-РПЛ, с. 108).*

Мать по отношению к сыну может выступать источником истинных знаний, понимания жизни, высшей правды. Таким образом, родовые отношения соотносятся, с одной стороны, с мифопоэтическими представлениями о Мировом древе и о том, что старший в роду может быть проводником сакрального знания; с другой же – с представлениями о причастности родителей к правде Божьей в православной традиции. Это, в частности, выражается в концептуальной цепочке {[мать] → [ПРАВДА] → [сын]}: *Мати з сином стояла, / Сина правди питала (ПРЖ, с. 71).*

Род сына, его родители чувствуют за собой право на физическое насилие над женщиной – женой сына в том случае, если ее поведение не соответствует той

родовой «правде», носителями которой они являются. В украинском песенном фольклоре необрядового направления так представлен этот сценарный мотив – {[отец-мать] → /ОБУЧЕНИЕ - БИТЬЕ/ → [сын] → [жена]}, например: *Ой, бий, синку, та свою жінку, / Бий, научай, / Та під свій обичай* (ПРЖ, с. 62).

Микроконцепт Дочь / Донька вербализируется в лирических песенных текстах через сценарные мотивы:

расставания с ней, сопряженным с ее замужеством ({[мать] ↔ [беспокойство] → [дочь идет замуж]): *Рости, рости та й укронися, / Ти, матінко, не плач, не журися. / Кохай дочку, як ту панночку, / Та оддай людям та за наймичку, / Людям поміч ще й невісточка, / А до неньки тільки звісточка* (ЛП, с. 250); *Як оддала мене мати заміж, / Здивувався рід увесь* (ЛП, с. 256);

просьб-молитв о счастливой судьбе для дочери ({[мать] → [Доля / Судьба] → [дочь]): *Не пуцу я доню, / Щоб не заблудила – / Нема тобі долі, / Бо не заслужила* (ЛП, с. 255–256); *Що породила ненька єдную, / Уділила долю нещасливаю. / В кого дочок сім, то є доля всім, / Я в батька єдна, та й долі нема* (ЛП, с. 256); *Породила мене мати / На святу неділю, / Дала мені щастя-долю, / Нічого не вдію* (УНП-РПЛ, с. 263);

внимания к красоте дочери, уважения ее стремления к любви (ломать калину; выгуливать коня) ({[молодец] ← [любовь: калину ломать, коня выгуливать] ← [дочь]): *Пусти ж мене, мати, у сад погуляти, / Я не буду, мати, нічого займати, / Тільки буду, мати, калину ламати* (УНП-РПЛ, с. 258); *Ненько моя, ненько моя мила. / Не дай мене за нелюба, бо я чорнобрива* (УНП-РПЛ, с. 263). В русской же народной лирике – образ зеленого луга ({[молодец] ← [любовь: идти по зеленому лугу, коня выгуливать] ← [дочь]): *Во лужях, во лужях, / Еще во лужях, зеленых, / Выросла, выросла, / Вырастала трава шелковая, <...> Я с той травы выкормлю коня, / Выкормлю, выкормлю, / И я выкормлю, выглажу его, / Поведу, поведу, / Поведу коня я к батюшке. / «Батюшка, батюшка, / Ах ты батюшка родной мой! / Ты прими, ты прими, / Ты прими слово ласковое, / Полюби слово приветливое: / Не отдай, не отдай, / Не отдай меня за старого замуж! / <...> Ты отдай меня за ровню замуж!»* (НЛП 61, с. 213– 214);

несовпадения воли дочери и родительской, жизни в девичестве и в замужестве (**{[забота родителей] → [дочь] → [замужество] → [тоска по девической жизни]}**): *Кабы мне волюшка от батюшки была дана, / Кабы нега мне от родной матушки была, / Не сидела б у окошка я одна, / Не лежала б белой грудью на окне, / <...> Не ждала бы друга милого мово* (НЛП 61, с. 145); *Родимая мамонька, / Дай понежиться, поспать, / Дай поспать, понежиться, приотважиться, / Покуда в красных девушках. / Во чужие люди отдадут – / Поспать мне не дадут. / Еще свекор да свекровушка / Все журят да бранят; / Еще деверья да золовушки / Работать велят* (НЛП 61, с.175–176); – «*Нет, сударь, не твоя, не твоя! / Воля, воля, воля – батюшки, / Нега, нега, нега – матушки!*» (НЛП 61, с. 177); – «*Мне не надо, мне не надо твоего ничего, / Только надо: поди замуж за меня!*» / – «*В этом воля не моя, воля батюшкина, / Воля батюшки, воля матушки моей*» (НЛП 61, с. 180);

оплакивание дочерью неудачного замужества (**{[замужество] → [дочь] ← [тоска по роду, слезы]}**): *Завивши кудри, сама задумалась: / Как бы я знала, млада, ведала / Про своё горе, про несчастье, / Про замужье про бездельное, / Я бы сидела век во девушках / У родимого своего батюшки, / У родимой своей матушки* (РНП Роз, с. 133); *Знать, меня матушка в горе носила. / В горе носила, несчастну родила. / Отдала матушка не за милого, / Не за милого, за постылого* (РНП Роз, с. 142);

переживание об отношениях с будущей свекровью после замужества (**{[мать] → [ОБУЧЕНИЕ] → [дочь] → [свекровь]}**): *Чом не вчиш мене, ненько, не навчаси, / як свекрусі догодити* (ПРЖ, с. 90).

Последний из отмеченных мотивов вербализирован и в аксиологических функциях эпитетов, которые характеризуют мать и отца как *грозных* (**{[забота родителей] → /грозные/ → [дочь]}**): *Как пойду я, молоденька, / Как пойду я, веселенька, / Вдоль долиною, / Виширь шириною. (встречает там зайца) Не заглядывай, заишка, / Не заглядывай, серенький: / У меня мать грозна, / Не пускает гулять поздно; / И врозь распротиться, / Велит разойтиться* (НЛП 61, с. 192); *Выпускала сокола из правого рукава: / Полети ты, мой сокол, высоко и*

далеко, / И высоко, и далеко, на родиму сторону! / На родимой стороне грозен батюшка живет; / Он грозен, сударь, грозен да немилостивый: / Не велит поздно гулять, с холостыми мне играть! (НЛП 61, с. 193).

Ассоциирован с концептом Дочь / Донька в лирическом народно-песенном пространстве мотив чужой стороны (чужого, отчасти враждебного пространства), в которое дочь может попасть в связи с замужеством ({[мать] ↔ /печаль, скорбь/ ↔ [чужой край] ↔ /печаль, скорбь/ ↔ [дочь]}), символами которого являются ветер и гнущиеся лозы: *Вітер повіває, / Лози розхилиє, / Мати дочку має / Та гулять посилає: / «Гуляй, гуляй, доню, / Поки й молодую, / Бо як стара будеш, / Й гуляти забудеш». / Та зсушила, зв'ялила / Чужая країна. / Чужая країна / А мала дитина. / Мала дитина / Й невірна дружина* (УНП-РПЛ, с. 128–129).

Многими мотивами образ дочери в народных лирических песнях связан с темой любви. Среди них можно назвать:

признание дочери в своих чувствах, преодоление страха перед матерью, отцом (как правило, в ритуале сватовства), их запретов ({[дочь] → [страх: признание в любви] → [родители] → [запрет] → [дочь]}): *Ах ты матушка, не бей, / Сударыня, не жури! / Я за эту за вину / Всю покорность принесу / И всю тайность объявлю: / Я молодчика люблю* (НЛП 61, с.114–115); *Шила моя Катюшенька / Тонки белы рукава; / Вышивши рукавчики, / В терем к батюшке пошла: / «Родимый мой батюшка, / Ты подумай обо мне!» / <...> Сыта ль не сыта / – Всегда буду весела / ... Честь мне будет, похвала, / Музыкантова жена!* (НЛП 61, с. 131); *Вздумаю про милого – не мил белый свет, / Не мил, только не милешенек, ни мать, ни отец, / Ни мать, ни мать, ни отец* (РНПТ:Хр 84, с. 145); *Как прошла про девицу небылица, / Будто бы я батюшку обессудила, / Родную матушку обесчестила, / Что сама-то я ко милу другу приходила. / Ах, за то на меня батюшка осердился, / Родимая матушка прогневалась. / <...> И я стану моего батюшку просити: / проруби ты мне, сударь батюшка, три окошка [чтоб увидеть милого. – Ж. М.]* (НЛП 61, с. 136–137); *Ах ты друг ли мой, дружочек, / Сердце-радость, животочек! / <...> Ты зачем в гости не ходишь, / И не жалуешь,*

и не гуляешь? / Али батюшка запрещает? / Али матушка не пуцает? / Али я тебе не по мысли? (НЛП 61, с. 156–157);

признание девушки в нежных чувствах к молодому человеку, которому она близка, как родная сестра (**{[дочь] = [сестра] → [любовь]}**): «<...> *Ты куда, мой свет, снаряжаешься, / Во которую дальну сторону, / Во которую незнакомую / – Во Казань-город, или в Астрахань, / Или в Новгород, или в Петербург, / Или во матушку каменну Москву? / Ты возьми меня, возьми меня с собой, / Назови меня родной сестрой / Или душечкой молодой женой!*» / – «*Ах ты глупая краса девица, / Неразумная твоя головушка! / И рад бы тебя взять с собой: / Про меня там люди ведают, / Да что нет у меня родной сестры, / Нет ни душечки молодой жены; / Лишь одна у меня матушка, / Да и та уже старешенька*» (НЛП 61, с. 134);

переживание печали в связи с расставанием с любимым, физической боли (**{[дочь] ↔ [боль] = [любовь]}**): *Туманно красно солнышко, туманно, / Что в тумане красного солнышка не видно. / Кручинна красна девица, печальна; / Никто ее кручинушки не знает: / Ни батюшка, ни матушка родные, / Ни белая голубушка сестрица (печальна, т. к. не может забыть любимого. – Ж. М.) (НЛП 61, с. 135); Ах, матушка, тошно мне, голова болит, / Сударыня, грустно мне, сердечко ноет. / Болит моя головешка – не знаю, как быть [девушку бросил милый. – Ж. М.] (НЛП 61, с. 157); – «Не надо мне, мамонька, не надо, государыня, / Да мне духовного отца! / Приведи-ка ко мне, мамонька, / Да приведи, государыня, / Кого прежде любила!» (НЛП 61, с. 157–158);*

переживание состояния безответной любви (та же концептуальная цепочка): *Не смейся, мой милый, / В глаза надо мной, / Бог тебя накажет / Несчастною судьбой – / Немилой женой (НЛП 61, с. 160).*

Любовь для девушки в народных лирических песнях выше богатства и дорогих подарков: *Мне не дорог твой подарок – / Дорога твоя любовь. / Не хочу перстня носить, / Хочу так дружка любить [НЛП 61, с. 140].*

С темой любви связаны ритуальные, обрядовые лирические песни, например, такие, которые исполняются дочерью перед замужеством

(концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [любовь] → [замужество] = [неволя]}): *За реченькой за быстрою четыре двора, / Во этих ли во двориках четыре кумы. / Вы кумушки, голубушки, подружки мои! / Пойдете вы в зелен сад, возьмите меня; / Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне; / Вы станете венки плести, сплетите и мне, / Пойдете вы на реченьку, возьмите и меня; / Вы будете венки бросать, вы бросьте и мой!* (НЛП 61, с. 148). Поэтому в части текстов дочь просит родителей не выдавать ее замуж: – *Ах как мне, девушке, веселенькой быть? / Мой батюшка хочет замуж меня отдать, / А мачеха хочет в черницы постричь. <...> «Пусти меня, матушка, на Дон погулять, / Белильца, румянца с лица посмывать!» / – «Смоешь мое дитяtko, горючей слезой, / Сотреешь, мое милое, пельчатый рукавом»* (НЛП 61, с. 175). В иных контекстах преобладает просьбы бать замужем за равным – молодым мужем, не пьяницей, нежным мужем: *Уж я батюшку не слушала, / Я, старый идет, – прихоронюсь, / Молодой идет – поклонюсь!* (НЛП 61, с. 212); *Не подумаю: / У Степана три стакана, / Завсегда я буду пьяна <...> / Неиду, неиду, маменька, неиду, / Не подумаю: / У Филиппа в саду липа, / Завсегда я буду бита* (НЛП 61, с. 216).

Часть лирических народных песен нацелена на негативную оценку недоброй жены, на предупреждение, что молодой человек может ошибиться в выборе. В них фактически вербализируется утверждение противоположных стереотипов, которые объединяет концепт Хорошая жена, ср. концептуальные цепочки {[хорошая жена?] = [дочь] = [плохая жена?]}: *Не поглядится тебе худа жена – / Ни продать-то ее, ни променять; / Ни товарища-братца подарить! / Тебе век с нею мыкаться!* (НЛП 61, с. 172–173); *Ты гуляй, гуляй, душа милый друг, / Ты потуль гуляй, как не женишься; / Ах ты женишься – переменишься, / Переменишься, друг, успокаешься! / Ты возьмешь себе молодую жену, / Молоду жену, змею лютую: / Из норы выползет – озирается, / По песку ползет – извивается, / По траве ползет – мураву сушит* (НЛП 61, с. 173); *В кого вірная дружина, – / А у мене, сиротини, / Немає родини* (УНП-РПЛ, с. 261–262); – *«Возьми ж, возьми, дитяtko, / У соседушки девушку». / – «Сударыня матушка! /*

Та мне женой будет, / А тебе невестушкой, / Во поле работница, / Во дому кукобница<...>» (НЛП 61, с. 217–218).

В хороводных свадебных песнях о любви молодой муж утверждает свою заботливость (предметный символ *подушка*) по отношению к жене {[жена] ← [забота] → [муж] → [жена]}: *Жалко жонушек будить: / «Усни, жонка, усни, подушка! / Вот те в голову подушка. / Усни, радость, дорогая, – / Вот те в голову другая!»* (НЛП 61, с. 188).

В то же время для народной лирики характерны мотивы страданий жены от злого мужа или от мужа-пьяницы ({[жена] ← [горе] = [плохой муж]}): *Прийшла мати до донечки за штири години, / Не пізнала з-під оконця своєї дитини. / «Сідай, нене, коло мене, далеко ід мене! / В мене тіло побитес, не поразить мене!»* (УНП-РПЛ, с. 154); *Горе ж мені, моя рідна мати, / Жити із п'яницею. / Ой п'яниця – не робітниця, / День і ніч він п'є, / Як прийде він з корчми додому, / Мене, молодую, б'є* (УНП-РПЛ, с. 156); *Йду додому та й боюся, / Бо лихого мужа маю, / Буде бити, – добре знаю* (УНП-РПЛ, с. 159); *«Не бий мене, мужу, не карай, / Бо покину діти, / Бо покину дрібні, / А сама піду / За Дунай!»* (УНП-РПЛ, с. 164).

В некоторых текстах песен отмечается склонность жен к пьянству ({[плохая жена] = [горе] → [муж]}): *Чужії жони з церкви ідуть, / Моє чудо з корчми ведуть* (УНП-РПЛё, с. 155); *Ой ти, мужу мой, / Отворяй двор свій; / Іде твоя миленька / Із корчмоньки п'яненко* (УНП-РПЛ, с. 160). Осуждается в песенной лирике и ленивая жена: *Що чужії жіночки конопельки сіють, / Моя чепурушка ще й не думає. / Вона треться та мнеться, / Вона думає – минеться* (УНП-РПЛ, с. 161).

Лирические народно-песенные контексты охватывают все НР-фольклоремы, т. к. обрядовая поэзия вовлекает весь род в совершение обрядов сватовства, свадьбы-женитьбы и пр. Поэтому в так называемых песнях-посвящениях, в хороводных, плясовых песнях актуализованы НР разной степени: мать, дочь (*Ух ты ж мать моя, матушка / Мать, бела лебёдушка! / Ты на что меня хорошую родила, / Черноброву, приглядчивую? / Мне нельзя к обедне сходить, / Нельзя богу*

молитися, / Добрым людям поклонитися (НЛП 61, с. 222)), отец, сын (*Как у батюшки сынок / Был такой затейник: / Продал соху на нужду, / А купил себе кофейник* (НЛП 61, с. 188)), бабушка (*У бабушки у нашей / Супрядка была, / Супрядка была ,бабушка, / «Что ты, бабушка, пряди даси?»* (НЛП 61, с. 223)), кум, кума (*Куманёчек, побывай у меня, / Душа-радость, побывай у меня, / Побывай-бывай-бывай у меня, / Душа-радость, побывай у меня! / – «Я бы рад побывать у тебя, / Побывать-бывать-бывать у тебя, – / У тебя, кума, ведь улица грязна, / Что грязна-грязна-грязна-таки, грязна!»* (НЛП 61, с. 199)).

Анализ функционально-стилистической нагрузки НР-фольклором в лирических песенных текстах позволяет утверждать, что в этом дискурсе в содержании константы Родство важное (если не центральное) место принадлежит семантике любви (как единого основания семейных отношений), при этом деление мира на своих (членов семьи и рода) и чужих (тех, кто вне кровного родства или свойства) часто соотносится с парадигмой отношений любви (или же равнодушия). Средствами интимизации чувств членов семьи являются фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

3.2.2. НР-фольклоремы в обрядовом песенном тексте

Обрядовые тексты украинского и русского фольклора, как известно, разделены на календарно-обрядовые циклы, связанные с сезонными работами селян, и циклы семейно-обрядовые. В разных видах обрядовой тексто-дискурсивной практики роли членов семьи освещаются по-разному, однако общие функции одинаковы: это пожелание, заклинание, призывание благополучия. В связи с этим необходимым представляется соответствующая дифференциация образно-ценностного, но не информационного компонента константы Родство / Спорідненість в их обрядово-песенном функционировании.

В песенных текстах зимнего цикла (колядки, щедровки), ориентированных на посещение гостей, перехода от дома к дому, актуализирована метафора весны – зозуля, один из символов щедривки, ибо существует поверье, что эта птичка предвещает приход весны и имеет ключи от юга, а следовательно, связана с представлениями о Мировом древе. Одно из воплощений последнего такое: *Прилетіли д нему три зозуленьки, / Єдна му сіла коло головоньки, / Там на траві, на отаві. / Третья му сіла край серденька, / Тая в головоньках – то єго батенько, / Тая що в ноженьках – то матінка, / Тая край серденька – то миленька, / А за тим словом бувай ми здоров!* (КЩ, с. 446). Отождествление «зозулі» с отцом-матерью – это и поэтический образ счастливой супружеской жизни [Жайворонок 2018, с. 265].

Символом Мирового (Райского) дерева выступают и три терема с астральными символами радости и основ жизни ({[отец-мать: месяц – солнышко] = [семья-древо] = [дети: звездочки}): *Как ходила каледа окануне рожества. <...> / А вокруг єго двора железный тын. / На каждой тычинке по жемчужинке. / Посреди єго двора три теремы стоят. / В первом терему – красно солнышко, / А в другом терему – месяц-батюшко, / А в третьем терему – часты звездочки. / Светел месяц – то хозяин во дому, / Красно солнышко – то хозяйюшка єго, / Часты звездочки – малы детушки* (ОбрП 89, с. 53–54); *Светел месяц – То хозяин во дому, / Красно солнышко – То хозяйюшка, / Часты звездочки – Малы деточки* (НЛП 61, с. 74).

Родители (стражи) – опора дома, семьи, единоначалие, гостеприимство, радушие ({[дети] = [дом] = [родители]}): *В татковім домі три сторожы: Перва сторожа – татко за столом, / Друга сторожа – матка у порога, / Третья сторожа – братко у воротах. / Татко за столом з медом і вином, / Мамка у порога з рушниками, / Братко у воротах за калачами. / Ми ж тебе, Петре, не зневажаєм, / З святом вечером поздравиєм* (КЩ, с. 458).

Сценарный мотив «трех дорог к отцу-матери» ({[дорога жизни] ↔ [отец-мать]}) символизирует пожелание удачного брака (тут *дорога* в значении ‘всякое дело’ [Жайворонок 2018, с. 207]) в наступающем году. К этой цели ведет человека

конь как метафора дороги, пути, в которой приобретается жизненный опыт [Жайворонок 2018, с. 305]: *Ой ви, коні, не гайтеся, / В три дорозі збирайтеся: / Єдина дорога до батечка, / Друга дорога до матінки, / Третя дорога до сестриці; / До батечка по шапочку, / До матінки по сорочку, / До сестриці по хусточку. / Щедрий вечор, святий вечор! / Добрим людям на весь вечор* (КЩ, с. 448).

Не менее известен в зимнем цикле сценарный мотив «хвастовства своими родными», оценки которых представлены в метафорических вторичных наименованиях: *Питають його, чи є в його батенько. / – Не був я дома, гуляв я в пана, / В гетьмана. / В мене батенько – вороний кониченько. / Соколю ясний, паниче красний, / Павлечко! / В мене матінка – гостра шабелька. <...> В мене братичок – золотий лучок / Соколу ясний, паниче красний, / Павлечко! / Зустріли його сімсот козаків. / В мене сестриця – ясна зірницяю* (КЩ, с. 449–450). Таким образом, в целом предстает образ сильного щита, тыла.

Колядки и щедровки, нацеленные на пожелания всякого благополучия в новом году, опираются на позитивное мировосприятие и ассоциативное сравнение жизни как движения по реке в золотой лодочке: *– А зладимо, браття, золотий човничок, / Золотий човничок, срібнеє весельце. / Та пустимо, браття, на Дунай глибокий. / Посадимо, браття, гречнеє дитятко, / Гречнеє дитятко, пана Івана, / Та й пустимо, браття, на Дунай глибокий, / На Дунай глибокий стрілок рубати* (КЩ, с. 453).

В целом идеалом семьи является единство духовного (отец-мать) и материального благополучия: *Сам з собою, з вітцем, з маткою, / З вітцем, з маткою, дім з челядкою. / Здоровля в той дім на челядоньку, / Щастенька на двір, на худобоньку* (КЩ, с. 462).

Поскольку Масляница связана с шумным гуляньем, приемом гостей в доме, то песенные тексты обыгрывают дискурсивное отношение членов семьи друг к другу, обобщенные, в частности, в концептуальных цепочках:

{[теща ≠ мать] → /пытает, выспрашивает, принимает в доме/ ∴ [зять, зятчечек: сын, гостечек]}: *Теща зятя питає: /«Что зять ты, зятчечек, / Дорогой*

сын гостечек, / Скажи мне всю правду, / Что на свете милее: / Али тесть, али теща, / Али жена молодая, / Али матушка родная?» / «Теща милая – для привета, / Жена молодая – для совета, / А маменька родная / Милей всего свету» (РНП ОБП 84, с. 95); Теща про зятя пирог пекла. / В этом пироге три осьмины муки, / Соли да крупы на четыре рубли, / Лучку да мачку на семь рублей, / Маслица с яичком на восемь рублей; / Этот ли пирог с рублем двадцать стал. / Зять-то сел, у присеста съел (ОбрП 89, с. 170–171);

{[теща] ← /угрозы, битье/ ← [зять]}: *Приходи-ка, теща, об масленой, / Я ж тебя, теща, употчваю: / Четыре дубины березовых, / А пятый кнут по заказу бьют, / Ох, пятый кнут по заказу бьют (РНП ОБП 84, с. 96).*

В весеннем песенном цикле актуальны глаголы *благословлять, звать, призывать*, т. е. ждать чего-то нового с радостью или хороших, счастливых перемен в ближайшем будущем. Эти действия весеннего календарно-обрядового цикла связаны с образом матери как источника жизни. Семантическую модель таких микроконтекстов может представить концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]}: *Благослови, мати, / Весну закликати! / Весну закликати, / Зиму проводжати! / Зимонька в возочку, / Літечко в човночку (УНП 63, с. 86).* Соответственно, и земля как источник жизни отождествляется с матерью: *«Весна красная, / Долгожданная! / Где ж ты долго / Так бродила?» / «Зимой лютою / Повстречалася, / Растопила ее сердце хладное, / Напоила землю-матушку!» (ОбрП 89, с. 186).* Смысловое наполнение предыдущего и следующего контекстов связывает концептуальная цепочка {[мать] ↔ [весна 'рождение'] ↔ [жизнь]}, поскольку и будущая женитьба сыновей – это стремление к продолжению рода, утверждению его жизнеспособности: *Зароди, весна, жито густое, / Ай, люли-люли, жито густое. / Жито густое, колосистое, / Ай, люли люли, колосистое. / Чтоб было с чего пиво варити, / Ай, люли-люли, пиво варити. / Чтоб было с чего пирогов напечь, / Ай, люли-люли, пирогов напечь. / Пирогов напечь, сынов поженить! / Ай, люли-люли, сынов поженить (ОбрП 89, с. 187–188).*

Позитивное восприятие женщиной свекрови представлено в троическом песенном цикле, в котором через эпитетную колористику, символику венка-подарка подтверждается желание идти замуж [Жайворонок 2018, с. 101: *давати кому-небудь вінок* ‘идти замуж’], утверждается уважение к старшим, красота взаимопонимания в роду (концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [уважение] = [свекры: отец-мать]}): *Благослови, Троица, / Богородица! / Ай дидо, ой ладо! / Нам в лес пойти, / Нам венки завивать! / <...> Мы цветов нарвем, / И венки сошьем, / Свекру-батюшке, / Свекрови-матушке. / Свекру-батюшке / Малиновый, / Свекрови-матушке / Калиновый...*(РНП ОБП 84, с. 129).

НР-фольклоремы в жнивных песнях обозначают коллективное участие рода в тяжелых полевых работах, несмотря на которые женщина стремится сохранить свою красоту (концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [красота] = [лебедка]}): *Петрочкова женка / На свою нивку / Раненько выходила, / Дочек-лебедок, / Невесток-перепелок / С собой выводила* (НЛП 61, с. 99).

Большее разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклоремами сохранили семейно-обрядовые песни, связанные со сватаньем, благословением, обручением, свадьбой. Текстовый материал дает возможность дифференцировать несколько основных сценарных мотивов, в которых используются НР-фольклоремы.

Во-первых, сценарный мотив выражения симпатии, любви молодых людей. Обращает на себя внимание то, что влюбленные ассоциируют себя с миром природы, обозначая влюбленную пару с помощью орнитонимов, а будущую семью с наследниками – как гнездо [Жайворонок 2018, с. 145: *гніздо* ‘символ домашнего очага’] (концептуальная цепочка {[муж] ↔ [жена / жона] = [мать]}): *Ой з-за гори дим та дим, / Там соловейко гніздо звив / Ще й гарнесенько щибетав – / До себе галочку прикликав... / Иди, галочко, зо мною, / Будеш ти мені жоною, / А моїм діткам матір’ю, / Бо в мене дітки маленькі, / Ще й до матері раденькі* (УНП КОЛ, с. 90).

Девушка в украинском песенном фольклоре характеризуется стереотипными действиями: она «поит коня», «подаёт ведро с чистой водой» как

символ своей молодости и красоты, «выставляет бочку меда», «подметаает двор васильками», которые являются символами девичьей душевной красоты, чистоты [Жайворонок 2018, с. 410: *напування коня*; с. 382: *додати меду* ‘усилить впечатление’; с. 67: *васильки* ‘символ святости и чистоты; девичьей нежности, чести’] ({[**мать**]→ /бранит/ → [**сын**]← [**любов**] → [**дочь**] ← /бранит/ ← [**отец-мать**]}). Например: *Ой на татарській границі / <...> – Дівчинонько, голубонько, / Напій коня вороненького! / – Ой не буду напувати, / Буде мене мати ждати, / Буде мене бить, сварить* (УНП 63, с. 154); *Молодець коня пасе / <...> – Дала б тобівідра, / Так боюся батька. <...> – Дала б тобівідра, / Да боюся матки. / – Не бійсяти матки: / А маткина гроза, / Як літняя роса* (УНП 63, с. 148); *Ой піду я по-над річенькою – / млин меле, млин меле. / Ой не гнівався, мій батеньку, / На мене, на мене. / Ой поставлю я бочку медочку, / Вина дві, вина дві. / Перепрошу я свого батенькана вині, на вині* (УНП КОЛ, с. 170); *Да вирвати в саду василечки, / Слід позамітати! / Ой у менененька / Раніше мене встала / Та вирвала в саду василечки, / Слід позамітала* (УНП 63, с. 166). Подобные действия находятся под социокультурным табу со стороны матери-отца, которые берегут невинность дочери: *Мене мати не пускає* (УНП 63, с. 144).

Второй из сценарных мотивов – мотив признания в симпатии дочери / сына к кому-либо (концептуальная цепочка {[**дочь**: звездочка] ↔ [**любовь**] ↔ [**сын**: месяц]}). Его символами являются астральные символы месяца и звезд на небе (*Ой ньенько ж моя, матінко / Ой ньенько ж моя, матінко, / Ой снівся ж менідивний сон: / Що є на небімісяць, / З правого боку зірочка. / – Я ж тобі сей сон розкажу* (УНП 63, с. 142)), вода, отражающая счастливое будущее дочери (*Ой на горі під вербою / Стояв колодязь з водою, / Там дівчинонька воду брала, / До місяця промовляла: / «Мій місяченьку, мій батеньку! / Скажи ж мені всю правдоньку / Чи я пойду за нелюба, / Чи я пойду за милого? <...>»* (УНП 63, с. 194)), проявляющаяся в девичьем восприятии как символ парования, единения [Жайворонок 2018, с. 113: *пити воду* ‘символ единения, удовлетворения желания любви’], а в материнном – разлуки с немилым зятем (*Ой пий, мати, тую воду, / Що я наносила, / Шануй, мати, того зятя, / Що я полюбила. / Буду пити, буду лити,*

Буду розливати, – / Нелюбого полюбила, / Буду розлучати (УНП 63, с. 208)). С последним контекстом связываем концептуальную цепочку { [дочь] ↔ [любовь: вода] ↔ [зять] = /уважение/ = [мать] }.

Традиционно символом единения является семейный ужин [Жайворонок 2018, с. 83: *вечеря в 1 знач. ‘семейный ритуал, когда собирается вся семья за одним столом’*], от которого отказывается сын, влюбленный и желающий жениться: *Як там мати свого сина / Вечеряти просить. / Ой вечеряй, моя мати, / Коли наварила, / А я піду на той куток, / Де дівчина мила* (УНП 63, с. 164).

Привлекая внимание девушки, сын предлагает «иди со мной, будешь верной женой», верит в то, что «верно наживется» с избранницей ({ [мать] ← [сын] /верность/ [жена] }): *Иди, Марисю, зо мною: / Будеш мою жоною; / Будеш же ти мені жіночка, / Моїй матінці вірночка; / Будеш же ти вірити, / Моїй матінці служити* (УНП 63, с. 204); *Оддай мене, моя мати, / З ким вірно люблюся, / Хоч худоби не доб’юся – / Вірно наживуся. / З великою худобою / Носиться, возиться, / А з вірною дружиною / У світі нажиться* (УНП 63, с. 205).

Третий – сценарный мотив отдания / принятия в связи тем, что пришло время идти замуж / жениться ({ [мать] ← /отдание ↔ принятие ↔ благословение/ → [дочь] }, ({ [теща, тесть] → /отдание/ → [дочь] → /отдание/ → [зять] })): *– Підеш замуж, донько, / Підеш замуж, любко, / Підеш замуж, чорнушенько, / Сивенька голубко. / – Та за кого, мамко* (УНП 63, с. 67); *Хоче мене мати / За милого дати* (УНП 63, с. 198); *А Леня дочкой набивається, / Ай, люли-люли, набивається, / «Ты возьми, Витенька, мою доченьку, / Ай, люли-люли, мою доченьку»* (ОбрП 89, с. 188); *Как увидела да узрела [прилетевшего «ясна сокола»] / Свет княгинина матушка: / Ты дитя мое, дитячко, / Ты дитя, чадо милое! / Приголубьты ясна сокола, / Ясна сокола залетного, / Доброго молодца заезжего!* (ОбП 89, с. 380); *Матушка, со стени образ снимают, / Матушка, меня благославляють. – / «Дитячко, господь бог с тобою, / Свет милое, господь бог с тобою»* (ОбП 89, с. 418–419); *Вьун на воде извивається, / Азять у ворт убивається: / «Ах тесть, ты мой тесть ласковой! / Отдай мой дар, мое суженое»* (ОбП 89, с. 424).

При этом мать готовится, например, варит символическую вечерю ({[мать] ← /отдание/ → [сын]}): *Вари, мати, вечеряти / Вари, мати, вечеряти, / А я ляжу спати; / Кому мила, кому люба, / То прийде до хати. / Вари, мати, вечеряти / Гречані галушки; / Кому мила, кому люба, / Прийде на подушки* (УНП 63, с. 164). Свою будущую супружескую жизнь будущие пары видят счастливой, что воплощено в символах пшеницы, сада: *Всі курочки докупочки / <...> Насіяна пшениченька, / Та нікому жати; / Питається син матері, / Которую брати: / – Ой чи тую багатую, / Що мати веліла, / Ой чи тую сиротину, / Що серце боліло* (УНП 63, с. 175); *Ой піду я у садспати, / А ти мене не буди, мати, / Нехай мене той збудить, / Ой хто мене вірно любить. / Ой млин меле, вода реве, / А колесо перестать хоче. / За гидкого, за бридкого / Мене мати да й оддать хоче* (УНП 63, с. 196).

С этим мотивом связан дискурс послушания, что выражают и опеределенные предикаты, и вторичная номинация матери – *государыня*, отца – *государь-батюшка* ({[мать] ← [уважение] → [отец]}): *Споносила меня маменька, / Споносила государыня / Во утробе ровно сорок недель* (РНП ОБП 84, с. 212–213); *Ты кормилице государь батюшко! / Обострочь меня, девушку, / Хоть на летьшко красное* (НЛП 61, с. 234–235).

Четвертый сценарный мотив связан с тем, что в некоторые времена случалось так, что дочь шла замуж за старого, злого, нелюбимого мужа ({[муж] → /битье/ → [жена / жінка]}; {[неверность] → [жена] → [муж]}): *Бо лихого мужа маю, / Буде бити добре знаю, / І щіткою, кружівкою, / Веретенем, гребінкою* (УНП 63, с. 75); *Поняв старий / Молодую жінку. / Іще ж не поняв, / Та хвалиться бити, / Та похваляється з товаришем / Нагайку купити* (УНП 63, с. 76); *И хочет батюшко ведь замуж выдавать, / И родна матушка ведь с волей разлучать, / И выдать девушку ли, меня, не за ровню, / Не за ровнюшку ли замуж – за старого, / И за старым я, девка, в любви жить не буду, / И за старым мужем я да погуливать стану, / И себе ровнюшку я буду прибирать* (РНП ОБП 84, с. 190); *Хотит батюшко девку замуж отдавати, / <...> А старого мужа стану*

проклинати, / Себе ровнушку стану выбирати, / Далекo ровню буду провозжати (РНБП Рыб 90, с. 115).

Пятый сценарный мотив связан с меной социальных ролей. Больше всего народно-песенных контекстов сопровождает мотив сватовства, в дискурсе которого обозначены роли большего ряда членов семьи как исходной, так и будущей, в которой обозначаются новые для молодых людей и их родителей роли – жена / муж, свекровь / свекр, теща / тесть, невестка / зять и др.: – *Ой добрий вечір, ласкава теще. / Ой рано, рано, ой рано еще! / – Ой здоров, здоров, мій рудий зятю! / Чого ж тихо чеши, мій рудий зятю? / – Я в тебе хочу котору дочку. / – На тобі цюю, хоч найменшую. / – Ой нащо мені така мала, / Така мала, неспособная? / – Ти, зятю, ще не брав, а вже гордуєш. / – Я не гордую, тільки шлюбую* (УНП 63, с. 71); *Вы подружки мои, все голубушки, / Вы придумайте мне, пригадайте мне: / Уж я как же буду звати люта свекра? / Уж я как называть люту свекровь? / Уж я как звеличать да деверьцев? / Уж я как назову да золовушек? / Приубавлю я спеси-гордости, / Я прибавлю смиренства и кроткости, / Назову ли я люта свёкра батюшкой, / Назову ли я люту свекровь матушкой, / Назову ли я деверьцев братцами, / Назову ли я золовушек сестрицами, / Назову ли я Григория душечкой, / Назову ли я Васильевича ягодкой»* (РНП ОБП 84, с. 227); *Сестрицы мои, подруженьки! / Придумайте мне, пригадайте, / как-то мне прийти к свекру, / Как-то мне назвать свекра-та? / Мне свекром назвать – осердится, / Мне батюшкой назвать – не хочется: / Убавлю я спеси и гордости, / Прибавлю ума-разума, / Назову свекра батюшкой, / Лютую свекровь – матушкой»* (ОБП 89, с. 380).

Прежде всего обращает внимание эпитетика – концептуальная оценка «чужая / чужой», пронизывающая восприятие перемен в жизни ({{[чужой] → [новая семья] → [дочь]}}): *Да ты не слушай хоть, Анна, у Петровича, / Да что Василья-то гусельцы звончатые, / Они звончаты гусли, перебарчатные, / Да они скоро-то перезовут на чужу сторону. / Дана чужу сторону к чужу батюшку, / Да на чужу сторону к чужой матушке* (РНП ОБП 84, с. 189); *Уж теперь отдает меня маменька / На чужую дальнюю сторонушку, / На чужую, дальнюю,*

незнакомую, / Ко чужому свекру-батюшке / Ко чужой свекровке-матушке, / Ко чужим деверьям-брателкам, / Ко чужим золовкам-сестрицам (РНП ОБП 84, с. 212–213); Как чужого отца-мать буду как называть? / Как чужого отца-мать буду как называть? / Назову ль я свекра батюшкой, свекровь матушкой / А чужого дитя назову ли я по имени и по отчеству? (РНП ОБП 84, с. 230).

В отношении самых близких родственников в эпитетике НР-фольклором подчеркнута сема ‘близость’ ({[дочь / сестра] → /близость/ → [семья]}): *Я спрошу тебя, родной батюшка, / и родимая моя матушка, / Кто у вас были: гости торговые? / Аль синя моря корабельщики? / Торговал мне родимой батюшка / На мои-то да могучи плеча <...> Торговал мне да родной братец миленькой / <...> Торговала мне родна сестрица / на мою же да буйну голову (ОБП 89, с. 399–400); ...Не пропускай, брат родименький, / Ты ни конного, ни пешего; / Останови моего суженого (РНП ОБП 84, с. 206–207); Уж ты, родимой батюшко, / Ты какие думы думаешь, / Ты какие мысли мыслишь, / Не меня ли замуж выдаешь (РНП ОБП 84, с. 220); Тяжело да расставаются / Со родимым-то батюшкой, / Со родимую-то матушкой, / Со своим родом-племенем (НЛП 61, с. 246–248) и т. д.*

В свадебном дискурсе молодая, отдавая дань уважения, настраивается и на позитивное восприятие новой родни, что также подчеркивают соответствующие эпитеты: *Я в веночке, я в зеленочке, / Хожу ль я, хожу вокруг городочка, / Ищу ль я, ищу ласкова тестя. <...> Ищу ль я, ищу ласкову тещу. / <...> Ищу ль я, ищу ласковых шурьев. <...> Ищу ль я, ищу ласковых своячен (ОбрП 89, с. 244–245).*

Шестой сценарный мотив – это мотив отношений с родителями мужа / жены (концептуальная цепочка {[дочь / сын] ↔ [любовь]} → [свекор / тесть] → [нелюбовь] → [невестка / зять]): *Тужит ли, тужит ли / По мне свекор-батюшка? / Не тонет, не тонет / Мой золотой веночек, / Не тужит, не тужит / По мне свекор-батюшка (РНП ОБП 84, с. 135); А мой свёкорка стоит, / На меня косо глядит. / Люли-люляшеньки, / На меня косо глядит (РНП ОБП 84, с. 146); Ты немного богу молился, / Ты не низко тестю кланяйся, / Ты пониже – теще матушке, / По поклону – красным девушкам (ОбрП 89, с. 406). Средством*

непрямой оценки родителей и других ближайших родственников является именование их с помощью мифопоэтических природных образов: *А мой батька – ясен місяц, / Моя матка – красное солнце, / Мои братья – соловьи в лесе, / Мои сестры – в жите перепелки* (РНП ОБП 84, с. 174–175).

Седьмой компонент семейно-обрядового дискурса связан с усилением функции вторичной номинации, касающейся именованя членов семьи с помощью орнитонимов. Мифопоэтическое сознание связывало птиц с небесным царством, с будущим, со способностью знать правду и быть ее проводником. Поэтому сопоставление человека с птицей в семейно-обрядовых текстах является способом привнесения высокой образности, сопряженной с выраженной положительной оценкой: *Ой вербо, вербо зелена, / Спусти гіллячко додолу, / Де соловейко гнізде в'є, / А сивая зозуля воркує. / То не соловейко – свекорко, / Не сива зозуля – свекруха. / Та свекорко Ганночку чарує, / Золотий перстеньок дарує, / А свекруха Ганночку чарує / Хрести-дукати дарує* (УНП 63, с. 207); *А сегодня вот, матушка, / Прилетал млад ясен сокол, / Что садился млад ясен сокол / На переднее окошечко; / Говорил млад ясен сокол / Человеческим голосом: / «Ты не плачь, красна девица, / Веселись, дочь отецкая! / На чужой дальней стороне / Три поля пшена насеяны, / Весельем да обгорожены, / Радостью да исполиваны. / Течет реченька медовая, / По ей жилочка золотая»* (РНП ОБП 84, с. 189–190); *Да тут не паванька плавала, / Да не пава перья ронила, / Да тут сестра брату жалилась, / Брату милому, любимому* (РНП ОБП 84, с. 193–194); *Залетала вольна пташечка, / Да залетала кинареечка / Ко соловушке во клеточку, / Да за серебряну решеточку <...> Залетевши, стосковалася, / Стосковавшись, сгоревалася: / «Да охти, охти мне тошнешенько, / Да охти, охти мне грустешенько / Да жить без батюшки, без матушки, / Да без любимых подруженек». / «Да ты не плачь, душа Маринушка, / Да ты не плачь, душа Егоровна: / У нас есть батюшка и матушка, / Да молодые есть молодушки, / Да будут все твои подруженьки, / Да будут все твои задушевные»* (ОбрП 89, с. 364); *«Ой ты, матушка-голубушка, / ой да ты родный батюшка, / Не гоните вы лебедушку, / Не гоните вы лебедушку, / Из родимого из*

*гнездышка. / Там во небе сизый селезень, / Он сгубит сизую лебедушку, / Он сгубит вашу лебедушку – / Ваше дитяtko родимое» (ОбрП 89, с. 396–397); «Дитяль мое, дитяtko, / То не селезень – разлука твоя: / Разлучить тебя хотят с отцом-матерью. / С отцом-матерью, с родом-племенем». / Ой баусень! (ОбрП 89, с. 81) и под. Краса девушки в подвенечном платье сравнима с красотой лебедя, что отмечает народно-песенный дискурс: *Выглянь, матка, / Во стекольчато окошко, / Как сын-сокол едет, / Соколушку везет, / Небывалого гостя, / Что век не бывала, / Двора не знавала. / Посади лебедку / Под святые на лавку; / Начнет же лебедка, / Начнет гурковати, к дому привыкати (ОбрП 89, с. 458–459); Поимал лебедушку, / Лебедушку белую, / Марью да Степановну». / Привел к своему двору, / К высокому терему. / Спросил у батюшки, / У родимой матушки: / «Родимый мой батюшка, / Государыня матушка! / Люба ль вам невестушка, / Невестушка-ластушка?» (ОбрП 89, с. 459).**

Как известно, в свадебном цикле молодых могут именовать князь и княгиня. Ритуал поклона сопровождается упоминанием всех членов семьи: *Ты заедешь, сын, на красно крыльцо – / Воздавай свашеньке поклон (РНП ОбП 84, с. 192); Среди пола дубового, / Среди напротив матицы. / Он крест по писаному кладет, / Он поклон по ученому ведет / На все стороны кланяется: / Как на первую-то сторону – / Княгининому батюшке, Карпу Ивановичу, / На вторую-то сторону – / Княгининой матушке, Доманы Даниловне, / На третью сторону – / Ко княгининым братицам, / На четвертую сторону – / Ко княгининым сестрицам, / На пятую сторону – / Ко княгине за завесу, / Анне Карповне (РНП ОбП 84, с. 193–195).*

Положительное и отрицательное, настороженное восприятие перемен в личной жизни дочери меняется, но остается стереотип прихода в новый дом работницы, готовой или не готовой к тяжелому женскому труду (**[[дочь = работница] →[новая семья]]**): *Неужели я тебе, кормилец батюшка, / Не работница была, не заботница, / Твоему дому не рачительница? (ОбрП 89, с. 324); Алым ленточкам убиралася; / Уж ты пела веселы песенки, / А теперь ты, моя мила сестра, / Отпоешь веселы песенки; / Ты пойдешь на тяжку*

работушку, / Обливаться будешь горячим слезами (ОбрП 89, с. 327–328). Как работника воспринимали и сына: «Сына женить». – / «На что сына женить?» – / «Чтобы пашеньку пахати, / Хлеба промышляти» (ОбрП 89, с. 64).

Сценарный мотив оставления дома отца-матери сопровождается предчувствием печали, тоски, которые символизируют образы *темного леса*, слез ({[замужество] → /печаль/ → [дочь]}): *Я пойду с горя в темны леса, – / Я хожу в лесах, аукаюсь. / Никто в лесе не отукнется, / Что ни батюшка, ни матушка, / Ни соколы-братцы милые, / Ни голубушки белы сестры. /.. «Ты родимая моя матушка! / Заблудилась я в чужих людях, / Заплелась я в горе-кручинушке (ОбрП 89, с. 348–349); Перекатно красно солнышко / Закатилось за облачко, / Закатившись, затуманилось. / Перехожа красна девица <...> / Во слезах да слово молвила: / «Государь ты мой, тятенька, / государыня ты, маменька, / нельзя ль думушку отдумати, / Мою свадебку остановити / До иного года нового, / Хоть до летечка до красного?» (ОбрП 89, с. 366–367); Встань, вставай, мой батюшко, раненько, / Поливай мои съветы частенько / Свежою ключевой водой, / Сверх того горючими слезами (ОбрП 89, с. 386); Ой, об чем, сердечушко, ноешь, / Ой, об чем, сердечешко, ноешь (ОбрП 89, с. 415). Печаль одолевает не только дочь, но и ее родителей, которым непросто проститься с дочерью ({[замужество] → /печаль/ → [дочь] ← [мать]}): *Не бела лебедь вскрикнула – / Мать по дочери всплакнула: / «Воротись, мое дитяtko, / Воротись, мое милое! / Позабыла ты, дитяtko, / от терема золоты ключи / Со шелковым со поясом / И с кольцом со серебряным» (ОбрП 89, с. 436–437); Она [матушка] где трубу услышала, / Слезно жалобно тут всплакала: / «От меня ли дитя везут, / Что дитя – дочь милую!» (ОбрП 89, с. 457–458); А станешь ли, мой батюшка, цветки поливать? / Цветики поливать утреней, вечернею порою? <...> /– Стану я, мое дитяtko, твои цветки поливать, / Утреней, вечерней зарею – / Своею горючею слезою (НЛП 61, с. 235).**

Ожидание встречи с родными подчеркивает в народно-песенной поэзии эмоциональные перемены в дочери, в памяти которой пробуждаются положительно окрашенные ассоциативно-образные связи ({[дом] ← [радость] → [дочь]}): *дом – сад, батюшка – радость, похвала, сладость* и т. д.: *Зеленейся,*

зеленейся, / Мой зелен сад в огороде <...> / Ко мне будут, ко мне будут, / Ко мне гости дорогие. / Сударь батюшка родимый / Будет по саду ходити, / Изюм-ягоду щипати, / Меня, младу, похваляти (НЛП 61, с. 315).

Со свадебными обрядами отдания невесты, перехода дочери в статус жены, которые проводят мать и сестры, связана функциональная нагрузка символов *венки* [Жайворонок 2018, с. 101: *вінок давати* ‘женский оберег’], *коса* [Жайворонок 2018, с. 329: *прощання з косою* ‘символ замужества’], *косынка* [Жайворонок 2018, с. 665: *хустка* ‘атрибут свадебного обряда’]: *Положу этот веночек на головку, / Ай да наголовку! / Я на душечку прекрасну красну девицу, / Ай да на девицу! / На родиму на сестрицу, / Ай да сестрицу!* (НЛП 61, с. 96); *«Да тебя завтра будет, косынька, / Тебя завтра будет, русая, / Да расплетать будут подруженьки, / Да чесать будет милая сестра, / Чесать будет и то – милая сестра. / Примочи, родима матушка, / Примочи, родима матушка, / Что своим то горячим слезам, / Что своим-то горячим слезам»* (ОбрП 89, с. 381–382); *Танец сводила, / Венки сронила. / Матушка, поди, / Венки подыми! / Матушка идет, / Венки не несет...* (РНП ОбП 84, с. 149–150); *Погляди, моя матушка, / На мою на русу косу! / Уж не долго мне, матушка, / Во косе красоватися, / Во русой величатися!* (ОбрП 89, с. 378). С этим сценарным мотивом связана концептуальная цепочка **{[сестра] → [замужество: венки] → [мать]}**.

Еще один из распространенных народно-песенных мотивов – мотив дарения, передачи приданого (**{[дочь / сестра] → [дар] → [новая семья]}**). В таких контекстах актуализированы артефакты *сундук* [Жайворонок 2018, с. 582: *скриня* ‘символ достатка, богатства’], *короб, рушники* [Жайворонок 2018, с. 549: *рушник* ‘атрибут обряда сватанья, свадьбы’], *платок, косынка* и т. д.: *Ах, как на дворе у нас да две радости: / Отец сына женит, дочку замуж дает. / Еще коробы с двора, сундуки на двор. / Да кому мы спели, тому добро* (ОбрП 89, с. 104); *«Ой, вставай, сестра, не лежи, / Ой, раным-раным, не лежи. / А тебе, сестра, много надо. / Ой, раным-раным, много надо: / Сорок сороков рушников, / Свекра с свекровью дарити, / Красных золовок, ох, золовок, / Молодцов, деревьев, / Ой, раным-раным, деверьев»* (РНП ОбП 84, с. 239); *Свекрочек, мой батюшка, прими*

мои дары, / Э во й лели, лели, лели, прими мои дары. / Дары дорогие-ковры вышивные (РНП ОБП 84, с. 240); *Как батюшку-свекру / Рубашку, порточи, / Жилетку, платочек; / Матушке-свекрове / Рубашку, повойник; / Деверьям-соколям / Всем по платочку; / Золовкам-сестрицам / По алой косынке!»* (РНП ОБП 84, с. 241).

Со сценарным мотивом дарения связаны и определенные изменения в психологических и экономических отношениях сестры и брата (братьев). С одной стороны, в украинском фольклоре утверждается факт поддержки национальных традиций семейного сожителства ($\{\{\text{брат}\} \rightarrow [\text{ПОДДЕРЖКА}] \rightarrow [\text{сестра}]\}$): *Продаймо, браті, продаймо, браті, та й воли, та й корову, / Викупмо ми, браті, та й воли, та й телицю, / Ой викупимо, ой викупимо та й сестру-молодицю* (ПРЖ, с. 240). Как отметила С.Т. Лавриненко, фольклорно-правовые лингвокультуреми отражают свойственное связанным кровным родством лицам стремление к порядку, нарушение которого воспринимается как отклонение от естетственной нормы, что может привести даже к правонарушению [Лавриненко 2014, с. 311]: *Тим у сім світі добра нема, / Що брат сестри за род не ма. / Тим у світі теряється, / Що брат сестри цурається* (ПРЖ, с. 243). Таким образом, в семейных отношениях сформирована концептуальная цепочка $\{[\text{ДОБРО}] = [\text{брат}] \rightarrow [\text{ЗАКОН РОДА}] \rightarrow [\text{сестра}]\}$.

Также народно-песенное пространство транслирует такую особенность национально-правовой культуры, как экономическое неравенство сестер и братьев перед наследством ($\{\{\text{брат}\} \leftrightarrow [\text{НАСЛЕДСТВО}] \neq [\text{РАВЕНСТВО}] \neq [\text{НАСЛЕДСТВО}] \leftrightarrow [\text{сестра}]\}$), ср.: *Бо нас одна ненька народила, / Та не одну долю вділила. / Тобі воли та корови, / Мені дала личко, чорні брови. / Тобі дала весь двір на помості, / Мені дала коника в повозиці* (ПРЖ, с. 244).

Проецируется на народно-песенный контекст и концепт Богатство. Речь идет о ситуативной трансформации известного фразеологизма *Брат любить сестру багату, а чоловік жінку здорову* (о его интерпретации см. п. 2.2). Лингвокультурные маркеры народно-песенного пространства НР

свидетельствуют о наличии неравных прав у сестер: *Да покличу сестру в гості багатую, / А вбогая, безщасная, сама прийде* (ПРЖ, с. 254). В таком контексте реализована концептуальная цепочка {[брат] → [ЗВАТЬ] → [богатая сестра] : [бедная сестра] ≈ [брат]}.

В народно-песенной календарно-обрядовой и семейно-обрядовой лирике разнообразное функционирование НР-фольклором (в функции символов, образов, метафор, олицетворений, в приеме психологического параллелизма) – важнейшее «стилистическое требование», поскольку именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и воспроизведения тех или иных обрядовых действий. В целом в этих текстах актуализуются вторичные номинации-оценки НР, а также названия действий и взаимодействий членов семьи как репрезентанты высокого стиля в народной культуре.

3.3. Концептуализация семейно-родственных отношений в социально маркированных народно-песенных текстах

Как известно, в народно-песенной русской и украинской культурах общественная мотивация отношений членов семьи наиболее выражена в текстах, отражающих историю этих народов, начиная со времен становления древнерусского государства (XI в.) и до второй половины XIX в. При этом отмечают, что крепостное право в России документально связано с 1649 и 1861 годами, в Украине же – с 1588 и 1861 годами; рекрутскую повинность отбывали в период 1705–1874 гг. (имперский период); бурлачество было распространено в России в XVI – 20-е гг. XX вв., в Украине (так в частности называли бездомных людей, наемных вспомогательных рабочих) – в период XVI–XIX вв., когда бурлаки работали на промышленных предприятиях, рыбных промыслах и в портах на Днепре, Днестре, Дунае и Черном море [Гуржій]; деятельность чумаков, проживающих на территории нынешней Украины и Юге России в XVI–XIX вв., известна как торгово-перевозной промысел; турецкие и татарские набеги являются частью истории Украины XV–XVII вв., они, как известно, были связаны

с порабощением населения, его эксплуатацией, в частности на «каторгах»-галерах. Кроме этих исторических событий народно-песенная культура отражает невольничью – тюремную – тематику, а также тематику особой воинской повинности, которая в украинской истории именуется казачеством.

НР-фольклоремы в соответствующих текстах включены в характерные концептуальные цепочки, в которых сохранена проекция тех или иных сценариев поведения, отношений отдаленных общественно-историческими обстоятельствами родственников.

Значимое место в концептуализации отношений родства в социально маркированных лирических песнях занимает концепт Род. И в бурлацких, и в крепостнических текстах, в песнях наемных рабочих герой (представитель рода) признается в своем одиночестве, сиротских чувствах, которые переполняют его в чужой стороне. В основном эти переживания он обозначает через отрицание общности с далеким родом, семьей – *нема роду, нема родиньки: Ой тужу я, тужу, / Бо в лихого пана служу <...> / Я гадаю мандрувати, / – Жаль ми роду покидати; / Не так роду, як мамочки: Годувала з дитиночки; / Годувала, леліяла, / Потіхи ся надіяла* (КП-УНП 67, с. 244); *Та сидить бурлак у неволі, та рубашку латає, / Та поглядає крізь решотку, де родину має? / «Та нема в мене родиньки, но на Україні дядько: / Він мене приголубить, як рідненький батько!»* (БП-УНП 67, с. 273); *Сидить хлопець у неволі, / Сорочку латає, / Ніхто ж його не питає, / Бо роду немає. / «Прибудь, прибудь, родинько, / Буде мені свято, / Бо то ж мене, родинько, / Безневинно взято* (БП-УНП 67, с. 275); *Соловейку маленький, / В тебе голос тоненький! / Защобечи ти мені, / Бо я в чужій стороні: / Нема роду, родини, / Ні вірної дружини* (БП-УНП 67, с. 280); *Ой сад саджу, ой сад саджу, / Вином поливаю, / На чужині пропадаю, / Бо роду не маю. / Бодай тая річка / Риби не сплodiла, / Що котра мене з родом розлучила. / Горе ж мені, молодому, на цім світі жити: / На чужині чужі люди, нігде ся подіти* (БП-УНП 67, с. 283). Таким образом, ассоциативно-образное содержание представленных контекстов позволяет выделить такие концептуальные цепочки: {[крепостной, бурлак, наемный работник] ↔ [(нет) род / семья] → [тоска, горе]}, {[крепостной, бурлак,

солдат, наемный работник] ↔ [(нет) род / семья] → [чужой]}, {[крепостной, бурлак] ↔ [род / семья] → [тоска, горе]}.

В подобных контекстах актуализованы орнитосимволы: *соловей, лебедь, орел* как ассоциаты воли, свободы и духовной связи с родом, семьей: *Соловейко маленький, / В тебе голос тоненький! / Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні. / Бо я в чужій стороні, / – Нема роду при мені. / Я одбилася од роду, / Як той камінь у воду!* (НЗП-УНП 67, с. 634); *Гиля, гиля, лебедята, / На тихую воду, / Перекажіть, лебедята, / Аж до мого роду!* (НЗП-УНП 67, с. 636). В связи с таким семантическим наполнением микроконтекстов смоделированные концептуальные цепочки могут быть модифицированы: {[крепостной, бурлак, наемный работник] → [соловей, лебедь, орел] ↔ [(нет) род / семья] → [тоска, горе]}. Ср. как слово-символ *зозуля* олицетворяет тоску матери, сестры об ушедшем в войско или на тяжелую службу – о сыне-брате: *Да лежить син неділю, да лежить син другу; / Да на третю неділю вилетіли три зозулі. / Да що й одна біленька – то й то моя ненька. / Да й а друга біліша – то сестра рідніша* (БП-УНП 67, с. 282).

В украинской народно-песенной культуре за НР-фольклоремами закрепились темы сиротства, семьи 'беззащитность', 'одиночество' ({[крепостной, бурлак, наемный работник] ↔ [сирота = (нет) род / семья] → [беззащитность, одиночество, тоска, горе]}): *Розлилися води / На чотири броди, / Виряджала мати дочку / На чотири годи* (НЗП-УНП 67, с. 629); *Розлилися ріки і бистрії води: / «Не очідай мене, ненько моя, і в чотири годи!» / Розлилися води і бистрії ріки, / Помер отець і матуся – сирота навіки!* (НЗП-УНП 67, с. 632); *Будуть бити, катувати, / Нікому ся жаловати, / Що ні отця, ні матусі, / Нікому ся жаловати* (РСП-УНП 67, с. 307).

В народно-песенном субпространстве анализируемой тематики актуализирована микроконцептуальная корреляция «отец – мать / батько – матір». Стереотипные образы *старого, сивого, родного батька* и *старой, сивой, родной матери* – это НР-фольклоремы, лингвокультурные коды, на которые опирается человек в своей памяти, в размышлениях о доме, семье, родителях, их судьбах: *Здоров, здоров, сивий орле, / Що там в нас чувати? / Чи ще живий*

батько сивий, / Старесенька мати? / А вже давно старесеньку / В садку поховали, / А твій батько сивесенький / В корчмі п'є-гуляє (БП-УНП 67, с. 276); *Чи тим браття розійшлося, / Що батька немає? / Нема батька, нема батька, / Немає й поради! / Беруть сиріт у солдати / За чужі громади!* (БП-УНП 67, с. 278); *Батько рідний, мати рідна, / Де ж ви долю заподіли? / Да гей, гей, доле моя! / Десь ти водою запливла!* (БП-УНП 67, с. 294); *Наймитонька на панцину рано виправляють, / А вже сонце під полудне, обіду не дають. / А всі люде по обіді, я стану, думаю: / Ой мав же я рідну матір, а тепер не маю! / Що ся гляну перед себе, сльозами ся змию, / Де ж тепер нещасливий на світі ся дію?!* (НЗП-УНП 67, с. 601). На основани таких контекстов можна виділити концептуальную цепочку {[крепостной, бурлак, наемный работник] ↔ [(нет) род / семья / судьба] → [тоска, горе, слезы]}.

Сценарный мотив припоминания (*споминає, згадай*), памяти важен как одно из связующих звеньев, помогающее, с одной стороны, удерживать традиции рода («*Згадай мене, ненько, / В суботу пізенько, / Як дівчата помиються / Й плетуть дрібненько. / Згадай мене, ненько, / В неділеньку вранці, / А я тебе ізгадаю / В сороченці-дранці. / Згадай мене, ненько, до церковці йдучи, / А я тебе ізгадаю, / В строку горюючи. / Згадай мене, ненько, / На хатнім порозі, / А я тебе ізгадаю / В степену, при дорозі*» (НЗП-УНП 67, с. 626–627)), а с другой – подчеркнуть беспомощность существования человека, его бездольность (ср. выражения с актуализированной мифологемой Доля, Щастя-доля): *Білий сніжок випадає; / Бурлак ноги підгинає, / Отця й неньку споминає: / «Мати ж моя старенькая! / Нащо мене породила, / На біленький світ пустила, / Щастя-долі не вділила!* (БП-УНП 67, с. 290); *Гей, гей, дробен дощик покрапляє, / Бурлак ніжки підношає, / Гей, гей, свою матір споминає: / «Мати ж моя чорнобрива, / Гей, гей, нащо-с мене породила?»* (БП-УНП 67, с. 292). Соответственно лингвокультурологическое наполнение концептуальной цепочки таких контекстов может быть смоделировано так: {[крепостной, бурлак, наемный работник] ↔ [память] : [род – отец, мать] : [судьба] → [тоска, печаль, слезы]}. Бинарная фольклорема *отец-мать* вмещает в свое содержание семантику проводника благополучной судьбы:

«Десь у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А що тобі, молодому, Фортуна служила! / Десь у тебе, козаченьку, / Є рідная мати, / Що як станеш на камені, / То й слідочки знати!» (КП-УНП 67, с. 242).

Актуалізація образів родни – *сестри, дітей, жєны*, очідуєущих и страдуєущих от тягот жизни, супроводжуєтся образами *луга, поля, долины, гая*. В соотвєтствующєм лингвокультуроологическом наполненіи концептуальной цепочки ключевую роль играють мотивы памяти (*згадаю*), встрєчи (*зустріну*), разговора (*питає*) и емоціоноально-оцєночные маркєры: *Маю жінку, маю діти, а я їх не бачу; / Як згадаю про їх долю, та й гірко заплачу* (БП-УНП 67, с. 279); *Ой піду я лугом, / Лугом-долиною, / А чи не зустрінусь / З родом, з родиною. / Ой там моя сестра / Пшєничєнку жсала, / Сказав я їй «здрас্তুй», / «Здоров» не сказала. / Ой чого ти, сєстро, / Така горда стала: / Сказав тобі «здрас্তুй», / «Здоров» не сказала? / Тим я тобі, братє, / «Здоров» не сказала: / За дрібними слїзьми / Тебе не пізнала. / На чужїй роботі / Тяжко нароблюсь, / Як прийду додому, / Сяду й зажурусь* (НЗП-УНП 67, с. 622); *Ой у гаю-гаю / Там вітру немає, / Тільки брат сєстриці / Про життя питає: / «Сєстро ж моя, сєстро, / Сєстро дорога, / Ой чого ж ти, сєстро, / Така стара стала? / Синів не жєнила, / Дочок не давала, / Ой чого ж ти, сєстро, / Ти стара стала?» / «Постарили, братє, / Нужди та клопоти, / Нужди та клопоти, / Людськїї роботи!»* (НЗП-УНП 67, с. 624). Ср.: { [крепостной, бурлак, наемный работник, солдат] ↔ [память / встрєча / разговор] : [род – жєна, сєстра, діти] : [судьба] → [тоска, печаль, слєзы] }.

Антропоморфная природная стихия (*ветер* как способ донести вєсть к родному дому и как источник плохих вєстей из дома; *воды рек* как связуєущєє звєно с родным краєм) как традиционный компонент народно-пєсенного текста маркируєт мифопєэтическое воспріятие взаимосвязи чєловека и природы, особенно в моменты ощущєния бєзыходности, одиночества, которые испытывает крепостной, наемный работник, бурлак:

Крутий берег, крутий, річенька бистренька; / Далеко від мене рідна сторонька. / Ой повій же, вітре, з рідної країни, / Принєси вістєньку любої дружини! / Ой повій же, вітре, з мої стороньки / Та скажи, що роблять дрібнїї

дітоньки! / *Віють, віють вітри, та все з холодами:* / «*Твоя дружинонька скована панам!*» / *Віють, віють вітри, та хто знає звідки<...>* / *Дожидають батька дрібненькії дітки* (БП-УНП 67, с. 276). Ср. концептуальні цепочки: { [крепостной, бурлак, наемный работник, солдат] ↔ [ветер / вода] ↔ [род – жена, дети] ↔ [тоска, печаль, слезы] }.

Інформаційно-образний компонент соціально маркованої народно-песенної культури [тоска, печаль, слези] є значимою частиною і інших сценарних мотивів, які слід представити як системні в формі таблиці:

Таблиця 3.1.

Розповсюджені сценарні мотиви з мікроконцептами *тоска, слези, печаль* в народно-песенному субпросторі

НР-фольклорема	Інформаційно-образний компонент	Соціальний статус, стан	Текст
батько, сини	←[слези] →	пан, панщина	Та посіяв вельможний пан пшеницю ланами, / Та позаганяв на панщину батьків із синами. / Летить крячок над жінками, літаючи, кряче, / За сльозами в пана хлопці і світу не бачать! (КП-УНП 67, с. 207)
<i>родная</i> мать		солдатчина: рекрут	Не за одним некрутиком / Матінка вліває; / Не під одним некрутиком / Ворон коник скаче, / Не за одним некрутиком / Мати рідна плаче (РСП-УНП 67, с. 298)

		<p>отец, мать</p>	<p>Взяли да й помчали темними лугами, / А за ними отець, мати битими шляхами. / А де на ніч стануть, світло задувають, / Що рідного отця й неньки да не допускають. / «Не плач, моя мати, не плач, не журися: / Що я молоденький козак, – вислужуся!» (РСП-УНП 67, с. 301–302)</p>
<p>мама</p>		<p>солдатчина: рекрут, козак</p> <p>наемный труд, зарботки</p>	<p>Заплакала матусенька / Слізоньками, / Як я ішла в Америку / З пакунками. / «Не плач, не плач, матусенько, / Не журися, / Маєш в листі долярика – / Подивися» (НЗП-УНП 67, с. 659);</p> <p>Задзвонили на станції дзвони та тоненько, – / Плачуть люди в Америці дуже жалібненько: / Лишив тата, лишив маму й молоду дівчину, / А сам пішов в Америку – мало не загинув. / Лишив жінку, лишив діти, лишив рідну мати, / А сам пішов в Америку свій вік марнувати (НЗП-УНП 67,</p>

<p>отец (тато), мама, жена</p> <p>мама, ненька</p>		<p>тюрма, неволя</p>	<p>с. 654)</p> <p>Ненько моя рідна! / Ох, яка ж я бідна! / Журюся та плачу, / Що тебе не бачу (ТНП-УНП 67, с. 36)</p>
<p>батько, сини, мати, дочка</p>	<p>← [печаль, горе: 'чорна хмара', 'лихая година'] →</p>	<p>пан, панщина</p>	<p>Наступає чорна хмара, / З-під чорної – синя, / Що син батька не заступить, / Ані батько – сина. / Що батько йде в степ косити, / А син молотити, / А його дочка паняночка – / Тютюну садити, А їх мати старесенька – / Обідать</p>

мать, дитя		наемный труд, зароботки	<p>носити. / А в нашого дворянина / Сивая кобила, / Ох побила бідних людей / Лихая година (КП-УНП 67, с. 210)</p> <p>Ой а де ж то моя ненька, / Та, що мя зродила? / Ой а де ж та доріжечка, / Що я не ходила? / Ой далеко у лісочку / Зацвіла калина; / Ой тепер я на чужині / Нічия дитина. / Ой роблю я, моя мамо, / Як удень, так вночі – / Не можу ся доробити / На хліба кусочок. / Гірко мені, моя мамко, / Гірко поводитьсь, / Як не віриш, моя мамко, / Прийди подивиться (НЗП-УНП 67, с. 654–655)</p>
сестра, брат	←[сочувствие, защита] →	солдатчина: рекрут, козак	<p>Соколочек да милый брателко, / Ты куды да наряжаешься, / Ты куды да сподобля-ешься, / Во какую да путь-дороженьку? /</p> <p><...> Станут брить, да сокол-брателко, / Всё твои да всё русы кудри, – / Поваляться да русы кудри / Со буйные головушки (РСР-РНП, с. 70);</p> <p>Возьмемо ми того молодця, /</p>

			Що ні неньки ні отця, / Гей, що ні неньки ні отця, / Тільки їдна сестра є, / Та й та за ним жалує, / Гей, та й та з ним жалує». <...> «Тікай ти, мій рідний брат, / Хотять тебе в військо взять, / Гей, хотять тебе в військо взять!» (РСП-УНП 67, с. 343)
мать, жена, дети	←[несчастье] →	солдатчина: рекрут, козак	Знать-то, мне-ка, молодцу, во несчастье быть, / Вот тако мне счастьице – в солдатах служить, / Моей родной маменьке – век солдаткой быть, / Моей солодой жене – век солдаткой быть, / Моим малым деточкам – век сиротовать (РНП Роз, с. 164); Прийде стара ненька, просити ж го буде: / «Ой пане мій, пане, пусти ж мені сина, / Як не пустиш сина, то я нещаслива» (КП-УНП 67, с. 234)
мать, ненька		пан, панщина	
мать, сын	←[тоска, печаль] →	чумакование: чумак	Битим шляхом чумаки йдуть. / Туман поле устилає, / Мати сина підмовляє: / «Вернись, сину, додомоньку, / Змию,

			зчешу головоньку!» / «Ізмий, мати, сама собі, / Не завдавай жалю мені» (ЧП-УНП 67, с. 488)
--	--	--	--

Характерно, что символическую роль связующего звена между переживающим солдатом, рекрутом, козаком и его родными играет *конь*, ср.: *Ой летить ворон вже понад Дунай та й жалібненько краче: / Ой не єден отець, не єдна мати за своїм сином плаче. / Ой ступай, коню, ти підо мною на кривавії ріки. / Бувай здорова, родина моя, пропав же я навіки! / Ой ступай, коню, ти підо мною на розбитую груду. / Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!* (РСП-УНП 67, с. 346).

НР-фольклорема *мать-вдова* и номинация *сын*, как правило, входят в микроконтексты, которые зафиксировали эмоциональную нагрузку, которую несут члены семьи во время рекрутско-солдатского набора, панщины: *А у вдови один син, та й той пішов під аршин. / Його пани любили та й лоб йому забрили* (РСП-УНП 67, с. 361); *На ряду-то живет вдова грешная с сиротою, / У нее есть один сыночек-сиротина, — / Отдадим-то мы его во солдаты!* (РНП Роз, с. 170).

Рекрутско-солдатский цикл народно-песенной культуры характеризуется актуализацией не только НР-фольклорем, но и орнито- и растительной символики, которая опосредует духовную связь родителей и детей, в частности сына, сыновей, которых по долгу родители должны отдать в войско: *зозуля* – ‘мать’, ‘печаль, горе’ [Жайворонок 2018, с. 264]; *вороной конь* – ‘верный друг’ [Жайворонок 2018, с. 305], ‘опора’; *орел* – ‘символ имперской власти’ [Жайворонок 2018, с. 447]; *дуб, дубрава* – ‘опора’, ‘сила’, ‘жизнь’ [Жайворонок 2018, с. 214]; *калина* – ‘краса’, ‘молодость’ [Жайворонок 2018, с. 287]; *барвинок* – ‘життя’ [Жайворонок 2018, с. 27]; *сад* ‘отцовский дом; сами отец-мать’ [Жайворонок 2018, с. 553].

В целом из смыслового наполнения анализируемых текстов можно установить ведущую роль нескольких сценарных мотивов:

МАТЬ ВЕДЕТ / БЛАГОСЛАВЛЯЕТ СЫНА НА СЛУЖБУ – {[мать] ← [проводы] → [сын-солдат]}: *Ой зродила мати сина – / У солдати нарекла, / Гей, та взяла ж його за рученьку, / До прийому одвела* (РСП-УНП 67, с. 373); *Виряджала мати в військо свого рідного сина* (РСП-УНП 67, с. 376); *Летіли орли з далекого краю, / Сіли спочивати на вдовиній хаті. / Сіли спочивати на вдовиній хаті... / Виряджала мати сина у солдати* (РСП-УНП 67, с. 377); *«Ой не бій, сину, коня в головою, / Не буде ся спотикав; / Ой не здрадь, здрадь людської дитини, / Не буде тя бог карав»* (РСП-УНП 67, с. 379); *Ой у лузі да калина весь луг іскрасила: / Породила стара мати жовніронька-сина* (РСП-УНП 67, с. 380); *Дуб на дуба похилився, / Син матері поклонився: / «Бувай мені, мамо, здорова!» / «Щаслива ті, сину, дорога!»* (РСП-УНП 67, с. 391); *Рости, рости барвіночку, / Рости, не хилися; / Служи, служи, мій синочку, / Служи не журися* (РСП-УНП 67, с. 438); *Во третьем-то было садичке – / Родная матушка сидит-плачет. / Она плакала, рыдала / И во солдатушки сына снаряжала* (РСП-РНП Роз, с. 179);

СЫН ПРОЩАЕТСЯ С СЕМЬЕЙ – {[отец-мать, сестра, брат, жена, дети] ← [прощание, слезы] → [сын-солдат]}: *За обозами солдатів женуть, / За солдатами матусі ідуть! / Вони плачуть, убиваються... / Що брат з сестрою прощаються!.. / Прощай, отець і матуся стара, / І ти, жона молодьохенькая! / Прощай, отець і сестриця родна, / І ви, брати все родньохенькі!* (РСП-УНП 67, с. 386). В русском народно-песенном субпространстве прощание с родными ассоциируется с дисгармонизацией внутреннего мира сына-солдата, который сакрально связан с родиной, символами которой являются земля (мать) и небо (отец), соколы (братья), лебеди (сестры), солнце, месяц (дети), ср.: *С родной той ли маменькой я разоставался – / Мать сыра ли земля да простонала; / С родными ли братьями я да разоставался – / Ясны те соколы нароть да разлетались, / Добры те ли молодцы нароть да разъзжались; / Со родными ли сестрами я да разоставался – / Беды те лебедушки нароть да разлетались; / С молодой женой я да разоставался – / Те да слезяны ручьи да протекали; / С малыми деточками я разоставался – / Во поле червочки да извивались; / С красными да с девушками я разоставался – / Ретиво ли сердце, эх да сердце встрепенулось; / Со родом да с*

*племенем я разоставался – / Весь ведь мир-от да взволновался (РНП Роз, с. 182);
Став со батюшкой прощаться – / Небо, земля простонало, / Став со матушкой
прощаться – / Свет-от стал переменяться. / С молодой женой-прощаться – /
Тело с душой расставаться, / Став с детушкам прощаться / Солнце, месяц
опускаться (РНП Роз, с. 182);*

СЕМЬЯ ПЛАЧЕТ, ПРОЩАЯСЬ С СЫНОМ – {[отец-мать; жена, дети] ← [печаль, слезы] → [сын-солдат]}: *Ой у лісі на дубочку зозуля кувала, / Там у саду у вишневім мати заплакала. / Не така вона заплакала, як заговорила, / Виправляла на війноньку рідненького сина (РСП-УНП 67, с. 379); Закувала сива зозуленька / В лісі над водою; / Плаче, тужить, жовняр молоденький / На конику вороному. / Сіла мати, сіла старенькая в сінюх на порозі, / Як си погадала, що сина оддала, оболляли ю дрібні сльози (РСП-УНП 67, с. 375); Годі, дубе, на горі стояти, / Ой час-пора листу опадати, – / Ой час-пора листу опадати, – / Велять мене у солдати взяти, / Велять мене у солдати взяти, / А за мною плаче отець-мати, / А за мною плаче отець-мати, / Жена молодая, дитина малая (РСП-УНП 67, с. 385); Шумить, шумить дубровонька, / Шумить, шумить зеленая, / Куди ішли новобранці, / Молоді хлопці, / А за ними отець, мати плаче гірко, ридає, / Слізьми моря доповняє (РСП-УНП 67, с. 390); Виправила мати сина горов, гребельками, / Не виділа дороженьки перед сльозоньками; / Виправила мати сина на війну раненько, / Сіла собі під віконце, плаче жалібненько (РСП-УНП 67, с. 391); Провожаєт его, разудалого, / Его молода жена, провожают его, разудалого, / Его все – отец и мать; / Провожают еще его, разудалого, / Его весь и род и племень. / Позади идет его горюшенька – / Его молода жена... (РНП Роз, с. 175); А матушка ходит по новым сеням, / Невестушек-ластушек побуживает: / «Невестушки-ластушки, встаньте скорей! / Что у нас во саду пташечка поет?» <...> / Поди же ты, горькая, в наш высокий терем, / Про свое горе расскажи, про наше спроси: / Как батюшку с матушкой за Волгу везут, / Большого-то брата в солдаты куют, / А среднего-то брата в лавей стригут, / А меньшого-то брата – в приказчики» (НЛП 61, с. 104–105).*

В русском народно-песенном пространстве НР-фольклоризм сын-солдат актуализован в ассоциативно-образном ряду сада (семьи как сада, напоминающего рай), в котором отец представляется кипарисом, мать – яблоней, жена – грушей: *Во строю солдат тяжело вздыхал: / «Мне не жаль, не жаль самого себя, / Только жалко мне зелена сада... / Кипарис-дерево – родной батюшка; / Сладка яблонка – родна матушка; / Зелена груша – молода жена»* (РНП Роз, с. 185).

Народно-песенное пространство охватывает и дискурсивные ситуации, когда в подневольной солдатчине сын-рекрут мысленно – соколом – связывается с родными: *Прилечу я соколочком / И закружусь над теремочком. / Закружусь на теремочком, / Да над родительским домочком. / Мать от радости рыдает, / Да только сына не узнает. / Повстречает мать сынка, / Ой, расседого старика* (РНП Роз, с. 193); *Ой, буду, буду, маменька, через двадцать лет, / Буду, буду к тебе, маменька, через двадцать лет, / Э... прилечу к тебе, сударыня, ясным соколом. / Я кокованьем-горёваньем зелен садик обсушу, / Ой, я горячими слезами твою рассаду оболью. / <...>Меня, добра молодца, во солдаты меня берут. / Во солдаты, во солдатушки; ворона коня дают..* (РНП Роз, с. 178). Сына-рекрута готов понести на встречу с родными верный друг – конь: *У него стоял его добрый конь, / Он копытом бил мать сыру землю. / Он не землю бил – молодца будил: / «Ты вставай, вставай, добрый молодец, / Есть ли мочь у тебя, есть ли силушка? / Ты седлай скорей своего коня, / Седлай лучше ты своего коня и садись на меня. / Отвезу тебя в родну сторону, / К отцу, к матери, к молодой жене, / К молодой жене и родным детонькам»* (РНП Роз, с. 198). Символизм текстов такого жанра обусловлен эмоциональным напряжением обеих сторон, более близкая солдату природа включается в ассоциативно-образные связи (параллели) с отдаленными родственниками: *Прилетели к доброму молодцу три ласточки, / Из них первая садилась на буйной главе, / А другая-то садилась на белой груди, / Ах, как третья садилась на скорых ногах. / Что как первая-топташка – родна матушка, / А другая-то пташка – то мила сестра, / Ах, как третья-то пташка – молода жена. / Они взяли мертво тело за белы руки, / Понесли они то тело во высокий*

терем. / Его матушка плачет – что река льется, / А родна сестра плачет – как ручьи текут, / Молодая жена плачет – как роса падет: / Когда солнышко взойдет, росу высушит, / Как замуж она пойдет, то забудет его... (РНП Роз, с. 203).

Орнитосимволика характерна и для народно-песенных текстов о крепостничестве: дети-соколы отчуждены орлом-невольником для службы господину ({[отец-мать] → [печаль, слезы] → [дети-крепостные]}): *А на третє літо сокіл прилітає, / Сокіл прилітає і орла питає: / «Ой брате, мій брате, сизокрилий орле, / Де ж подівав ти всі розкоші мої, / Де ж подівав ти мої малі діти?» / «Твої розкоші у огні згоріли, / Твої малі діти у гай полетіли: / Сіли твої діти на високім дереві, / На якому дереві – на колькому терні. / І їхали пани із чужої країни, / Древо ізрубали, соколят забрали, / Невірному царю гостинця подали» (КП-УНП 67, с. 203). Пташка – это и символ духовного единства крепостных невольников с отдаленным родом: *Ах ты птушка, птушка вольная! / Ты лети, лети в мою сторонушку, / Ко батюшке во зеленый сад, / А к матушке во нов терем. / Ты неси, неси, соловушка, / Ах батюшке да низкий поклон, / А матушке челобитьеце: / Что пропали наши головы / За боярами за ворами! / Гонят старого, гонят малого / На роботушку раненько, / А с роботушки позднешенько (НЛП 61, с. 103–104).**

Подобно характерным для народной лирической песни приемам обработки мифопоэтического компонента константы Родство / Спорідненість, социально маркированной народной песне свойственно преобразование мифопоэтического изоморфизма, отождествляющего человека с природным явлением, в сопоставление, уподобление, сопологание человека и природы как родственных, но не тождественных феноменов, привнесение в эту взаимосвязь функции эстетического приема (усиления экспрессии) через механизмы психологического параллелизма, эстетического уподобления (метафоризации), олицетворения, обращения (героя к существам природного мира).

Традиционно маркером оберега в украинском народно-песенном пространстве выступает *біленька сорочка*, которая в иерархии значимых

составляющих образа солдата, бурлака, чумака существует в одном ряду с отцом-матерью, сестрой, т. е. с образами оберегов, защитников, опоры (концептуальная цепочка {[мать] → /защита/ → [сорочка] → /защита/ → [сын]}): *В середині новобранців ведуть, / А по боках тарабанчики б'ють, / Ой а ззаду отець, мати іде, / Біленькі сороченьки несе* (РСП-УНП 67, с. 392); *Чому в тебе, бурлаченьку, сорочка не біла? / «Якби я мав сестру рідну та неньку стареньку, / То дала б мені щонеділі сорочку біленьку»* (БП-УНП 67, с. 273); *«Чому в тебе, чумаченьку, сорочка не біла?» / «Не випере сестра моя, не випере мати; / А далеко од дівчини, щоб сорочку прати»* (ЧП-УНП 67, с. 518); *«Десь у тебе, рекруточку, / Та й мати не рідна, / А що в тебе, рекруточку, / Сорочка не біла?» / «Якби в мене була мати / Або сестра рідна, / То була б мені щонеділі / Сороченька біла»* (РСП-УНП 67, с. 358).

Верный друг сына-солдата – конь, он же для семьи вестник трагической судьбы сына, умершего или погибшего в рекрутах (см. ряд эвфемизмов-фольклоризмов); символом смерти является и ворон: *«Не стій, коню, надо мною, / Бо ти видиш біду мою. / Іди, коню, дорогою / До матінки з новиною. / Та як прийдеши під ворота, / Та там вийде отець, мати. / Отець вийде, утішить сі, / Мати вийде, засмутить сі: / «Коню ж ти мій вороненький, / Де мій синок молоденький?» / «Ой цит, мати, не жири сі, / Вже твій синок оженив сі. / Взевси за жінку мураву, / Під головоньку купину, / А очу накрив хустинов»* (РСП-УНП 67, с. 470); *Червона калина / Біленько зацвіла; / Породила бідна вдова / Жовнярика-сина. <...> / Кряче ворон, кряче, / Матусенька плаче: / Поховали її сина в полі край дорожки* (РСП-УНП 67, с. 478–479).

Предметным символом драматической или трагической судьбы является письмо – сына-солдата, сына, ждущего смерти или отбывающего тюремное наказание ({[отец-мать] ← [память, смерть, забота-поминание] → [сын-солдат; сын-арестант]}): *Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка! / Не плачь, не печаль доброго молодца, / Ты не жди, ты не жди молодца через три года; / На четвертый год сам письмо пришлю, / Во письме пропишу строку черную, / Строку черную, печальную; / Поминай ты меня тогда, родимая матушка,*

хлебом-солью (РСП-РНП Роз, с. 172); *Я в тюрме-то сижу, да всё письмо я пишу. / Я письмо-то пишу да отцу, матери. / Что отец-от и мать да догадалися, / Догадалися да взволновалися* (РНП Роз, с. 222).

Общественно-исторический феномен **чумакование** через вербализаторы константы Родство / Спорідненість предстает в корреляции с несколькими акциональными концептами и в ряде сценарных мотивов:

ПАМЯТЬ:

память и уважение – {[отец-мать] ← [память, уважение] → [чумак]} (*Ой як став же той чумаченько у дорозі помирати, / Ой і став же він свого товариша вірненько прохати: / «<...> Ой як будете, вірне товариство, на Подолі становитись, / То не забувайте, вірне товариство, отцю й неньці поклонитись!»* (ЧП-УНП 67, с. 539));

память и забытье – {[отец-мать] ← [память, забытье] → [чумак]} (*«Коли тебе, мій синочку, в гості дождидати?» / «Тоді мене, моя мати, будеш дождидати, / Як поросте зелена трава в хаті на помості!» / Росла, росла зелена трава, стала посихати; / Ждала, ждала мати сина, стала забувати* (ЧП-УНП 67, с. 539));

память и смерть – {[мать‘зозуля’; батько, отець, сестри, брати, рід] ← [память, смерть, слезы] → [сын-чумак]} (*Прилетіла зозуленька та й сказала: «Ку-ку! / Подай, сину, подай, орле, хоч правую руку!» / «Ой рад би я, моя мати, обидві подати, / Та налягла сира земля – не можна підняти!»* (ЧП-УНП 67, с. 540); *Поховали чумаченька в чужій стороні. / Ой приїхав батько, та вже не застав, / Скинув з себе опанчину, до землі припав* (ЧП-УНП 67, с. 558); *Викопали дві ями, / Там чумака сховали, / Притрусили комишем, / Поминали кулішем. / Як зацвіте бур’янець, / Як заплаче мій отець, / Що синова голова / В чужім полі полягла. / Як зацвіте маківка, / Як заплаче матінка, / Що синова голова / В чужім краї полягла. / Як зацвітуть будячки, / Як заплачуть братички, / Що братова голова / В чужім краї полягла. / Як зацвітуть суніці, / Як заплачуть сестриці, / Що братова голова / В чужім краю полягла. <...> / Як зацвіте увесь цвіт, / Як заплаче увесь рід, / Що родичева голова / В чужім краї полягла* (ЧП-УНП 67,

с. 561–562)); *Плаче гірко родинонька: / «Де синочки наші лежать, / Порубані, почорніли / І кров'ю обкипіли, / А нікому приглянути!.. (ЧП-УНП 67, с. 532); 3 Криму вітер прилітає, / Матці сльози утирає: / «Були сини талюбезні, / Пішли гроші заробляти, / Слави добувати / Та голови покладати!» (ЧП-УНП 67, с. 532); «Ах вы братцы вы мои, вы друзья-товарищи, Товарищи! / Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней, / Вороных коней. / А свезите вы, братцы, батюшке низкой поклон, / Низкой поклон, / Родной матушке челобитьеце, / Да челобитьеце (НЛП 61, с. 338);*

ЗАБОТА:

забота – {[**мать**] ← [забота] → [**сын-чумак**]} (*Ой мати сина спородила / І вірненько кохала, / Вона ж його в дороженьку / Сильно не пускала (ЧП-УНП 67, с. 543));*

ДОМ ↔ ОТЧУЖДЕНИЕ (ПЬЯНСТВО, ОТРЕЧЕНИЕ ОТ РОДА, ЖЕНЫ;):

забытье, проклены – {[ДОМ: **отец, мать, жена, дети**] ← [проклены] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: **сын-чумак**]} (*Гей, дома жінка молодая, / Ще й дитиночка малая, / Іще й ненька старенькая. / Гей, іще й ненька старенькая, / Вона ж мені рідненькая. / Ой вони ж мене дожидають / Та чумачку проклинують (ЧП-УНП 67, с. 574); Вернися, чумаче, додому! / Отець, мати лає / Й тяжко проклинає, / Таки тобі фортуна не служить! / Та вернися, милий, додому! / Та плачуть діти за тобою, / Малі діти плачуть, / Та отець і мати лає, / Тим нам талану немає!» (ЧП-УНП 67, с. 575);*

пьянство – {[ДОМ: **отец-мать**] ← [гулянье] → [ШИНОК: **сын-чумак**]} (*Наливай, наливай, шинкарочко, / А я буду пить! / Ой є в мене отець-мати, / Викуплять мене! (ЧП-УНП 67, с. 575);*

отречение – {[ДОМ: **жена, дети**] ← [разлука] → [**муж / отец-чумак**]}. В таких микрконтекстах актуалізується трагічна коннотація слова-символа *калина* (асоціація з покинутою жінкою): *Зацвіла калина у лузі да попустила квіти, / Не один чумак кида жінку і дрібненькі діти (ЧП-УНП 67, с. 492); В темнім лузі червона калина / Ісхилила віти: / Не один чумак кида свою жінку / І*

маленькі діти (ЧП-УНП 67, с. 505); *Ой калина зацвіла та пустила квітки, / Мусить чумак кидать жінку і маленькі дітки* (ЧП-УНП 67, с. 506).

Украинское народно-песенное пространство отражает негативное отношение матери к желанию дочери выйти замуж за чумака ({[ДОМ: **мать**] → [запрет] → [**дочь** : чумак – сватанье]}): «*Чому мене, моя мати, / Рано не збудила, / А як тая чумачина / З села виїздила?*» / «*Тим я тебе, моя дочко, / Рано не збудила, / Попереду твій миленький – / Щоб ти не тужила*» (ЧП-УНП 67, с. 490); «*Сватай мене, чумаченьку, / Рано й у неділю: / Буду просить у матінки – / Нічого не вдію <...>*» / «*Ой піду я, моя мати, / Та за його заміж; / Як ти мене та й не ддаси – / Дак я й умру зараз.*» / «*Легше ж мені тебе, доню, / Дома поховати, / Аніж мені т за його / Заміж тебе дати*» (ЧП-УНП 67, с. 502–503).

Примечательна семейно-бытовая и социально-бытовая украинская песенная культура и обобщением отношений членов рода, семьи, связанных с тем, что в семье есть *казак*. Внешний портрет, как принято в народно-песенной культуре, ассоциативно-образный: казак отождествляется с барвинком, символом красоты, чистоты и молодости сына, с маком – по цвету обмундирования ({[казак: барвинок, мак] =[красота]}): «*Козаченьку молоденький, / Барвіночку зелененький! / Ой не пий ти горілок, / Не люби чужих жінок – / Будеш як барвінок!*» (УНП-РПЛ, с. 331); *Та зжурився соколونько <...> Та по долинах води стоять, / По городах маки цвітуть; / Та тож не маки, то й козаки, / (...) Та то козаки у Крим ідуть, / Битим шляхом той пил зоб'ють* (КП-УНП 67, с. 62).

Как и в других социально-бытовых народно-песенных контекстах, в казацких песнях выделяется особой значимостью (частотностью) тема отчужденности от рода, семьи ({[казак] ↔ /кладка, мост/ ↔ [род]}). С ним связаны предметные символы *моста, реки, кладки*, которые разделяют род и казака (сына): *Ой у степу річка, через річку кладка: / Не покидай, козаченьку, рідненького батька! / Як батька покинеш, сам марно загинеш, / Річенькою бистренькою за Дунай заплинеш* (УНП-РПЛ, с. 306).

Эта тема в структуре микроконтекстов соотнесена ритуалом проводов ({[казак] ↔ /служба/ ↔ [род]}): «*Ой хто сини має, то хлібом годуите / Да до*

війська готуйте, / А хто їх не ме, то тії наймайте / Да громаду заступаите!» (КП-УНП 67, с. 55); *Мати сина в дороженьку / Слізно проводить: / «Прощай, милий мій синочку, / Да не забавляйся! / Через чотири неділеньки / Додому вертайся!»* (КП-УНП 67, с. 72). В этом ритуале принимает участие вся семья (символ – вишневый сад), с каждой НР-фольклоремой связана акциональная символика: отец – дает совет, мать – готовит защиту-сорочку, брат – снаряжает коня, верного друга, сестра – готовит платочек как символ нежности и любви (в некоторых контекстах – также подает коня), ср.: *Ставлю коня в вишневому саду, А сам піду к батьку на пораду. / <...> Моя ненька по кімнаті ходить, / На рученьках сороченьку носить: / <...> А мій братик по сінечках ходить, / На рученьках сіделечко носить <...> А моя сестра по двірочку ходить, / На рученьках хустиночку носить: / «На, братику, хусточку, не гайся, / Щоб ти з свого війська не зостався!»* (КП-УНП 67, с. 610); *Сестри брата виряджають: / Старша сестра коня веде, / Середульша зброю несе* (КП-УНП 67, с. 66). Акционный код «коня не давать» – не пускать сына в казаки, на воинскую службу, не благославлять долгую разлуку с родом: *«Не вари, мати, вечеряти: / На сторожу загадали». / «Кажу, сину, коня нема». / «Казав, мамцю, не раз, не два, / Що в козака коня нема»* (КП-УНП 67, с. 82).

В сценарном мотиве расставания актуализован образ плача, слез (материнских), печали (жури) ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /слезы, печаль/ ↔ [род]}): *А мій милий коня веде, / На ратище підпирається, / За ним, за ним стара мати / Слізочками умивається: / «Годі ж тобі, мій синочку, / На ратище підпиратися, / Ачей же я перестану / Слізочками умиватися...» / Не веліла мені мати: / «Не йди, сину, та на Запоріжжя, / Не дасть, сину, бог долечки, / Щасливої та доріжечки»* (КП-УНП 67, с. 59); *Та не жур мене, моя нене, / Бо я журбу і сам знаю, / Ой бо я журбу і сам знаю: / Шле мене гетьман до Дунаю* (КП-УНП 67, с. 63).

Наиболее близкий ассоциат самого образа казака – конь ‘верный друг’, ‘помощник’, который также выступает связующим звеном между служивым и его родом, к которому конь может донести и самого казака, и весть о нем, поклон ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /конь/ ↔ [род]}): *Став козак до коня розмовляти: /*

«Бийся ти, коню, вибивайся, / До отця, до неньки поклоняйся. / До моєї жінки-удівоньки, / До моїх діточок-сиріточок, / До моїх братиків-порадників, / До моїх сестричок-жалібничок, / До моїх вороженьків-розлучників (УНП-РПЛ, с. 307). Через мотив розговора с конем, тернистою дороги трансформується духовна зв'язь с родом, семейою казачка: «Соколоньку-синку, чини мою волю: / Продай коня вороного, вернися додому!» / «Соколихо-мати, коня не продати; / Мому коню вороному треба сінця дати» (КН-УНП 67, с. 60); Ой а у полі, гей, терен, теренок, / Попід тереном та доріженька йде. / По доріженці, гей запорожець йде, / А коника отець-мати веде. / <...> «Тобі, мати, гей, та і не питають, / Тобі, мати, та й додому рушать..» (КП-УНП 67, с. 65). Конь везе мертве тіло казачка к месту погребення: Ой мала вдова сина-сокола, / Вигодовала, в військо віддала. <...> За восьмим полком голову схилив? / Зозуля літала, над ним куючи, / А коники ржали, його везучи (КП-УНП 67, с. 133).

Народно-песенний образ матери казачка имеет символическое значение оберега, отношения с ней – основа духовного единства с родом ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /мати/ ← [род]}): *Козак покидає, на коня сідає, / Мати його рідненькая з жалю умліває (КП-УНП 67, с. 55); Мати ж моя рідная, / Порадонько вірная! / Исправ мені тритруби, / Да й усі три мідяні; / А четвертю трубу / Исправ мені золоту! / <...> «Якби, мати, я сокіл, я б до тебе полетів!» / «Рости, сину, в забаву, козачеству на славу, / Вороженькам на розправу!» (КП-УНП 67, с. 56).*

Сломать калину для казачка – потерять оберег матери, ее защиту (символ матери – рожка), надежду на жизнь, утратить хорошую долю: *Як піду я ярком та долиною, / Та найду я рожу з калиною, / Та й стану я калину ламати, / Та й стала мені зозуля кувати. / Як кину я калину ламати, / Та й почну я зозулі питати: / «Скажи мені, сива зозуленько, / Куди ся доріженька впала, – / Чи в ліс, чи в луг, чи в чистеє поле?» / В чистім полі висока могила, / а на могилі – червона калина, – / Мати сина в службу спорядила (КП-УНП 67, с. 62). Дождь, омывающий раны казачка-воина, – это также опосредованный символ материнских слез: *Нещаслива годинька була, <...> / Ой не жалкуй, мій сину, на мене: / Не дай боже пригоди на тебе; / Як ти будеш пострелян, порубан, / Ой хто ж тобі раноньки промиє?» /**

«В полі, мати, дрібен дощик іде, / Ой той мені раноньки промиє!» (КП-УНП 67, с. 65).

Символ страдаючої, ждущей матери – кукушка (зозуля): *Приблудився він [молодий козак] до гаю, / До дрібненького ручаю / І став коня напувати, / Стала зозуля кувати, / Став він зозулі питати: / «Зозуленько, моя ненько, / Скажи мені доріженьку, / Скажи мені слід-дорогу / До мого рідного роду!»* (КП-УНП 67, с. 77).

Чорная или *синяя туча* – символ беды, грядущего несчастья, трудностей, которые переживает сын-казак. *Родители* асоціированы с соколами, *отец* – (дополнительно) с орлом, *мать* – с кукушкой, которые всегда готовы прийти на помощь: *То ж не синяя хмарочка наступає, / Дрібний дощик накрапає, / Чорне море вітер-буря колихає, / Там турецький корабель розбиває, / Сорок тисяч козаченьків потопає <...> Як прилетів батенько соловейко: / «Діти ж мої, діти солов'ята! / А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, старенького, розважати!» / Як прилетіла матінка солов'їха: / «А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, стареньку, розважати!»* (КП-УНП 67, с. 92). Синтезированный словесный образ семьи-рода в ассоциативных номинациях сада и кукушки (зозулі) в нем: *Сади мої, сади процвітали, / Та сади процвітали, рано опадали, / А сива зозуля з садів вилітала, / Та синєє море вона поглядала <...> / А за сиву гривку козак ухопився. / Бийся, коню, бийся, вибивайся! / На крут бережечок ой вигрибайся, / До отця, до неньки ой поспішайся! / Та не так же до неньки, як до дружиньки, / Не так до дружини, як до дитини* (КП-УНП 67, с. 141). Растительная символика – это образная основа семьи козака – матери-отца как дуба и березы, опирающихся друг на друга: *Ой дуб на березу / Гіллям похилився, / А син своїй неньці / Низенько вклонився: / «Нене ж моя, нене, / Чом не жениши мене?» / «Нащо ж тебе, синку, / Молодим женити: / Хіба тобі, синку, / Ні з ким говорити? / <...> Куплю тобі, синку, / Коня вороного... / <...> Прийде темна нічка, – Говори до нього»* (КП-УНП 67, с. 124–125).

Максимально обобщенно образ матери, переживающей за своих сыновей-казаков, воплощается в ассоциативно-образной связи *мать=Украина* ({[казак] ↔

/служба/ ↔ [мать-Украина]}}: *Зажурилась Україна, бо нічим прожити, / Витоптала орда кіньми маленькії діти, / Котрі молодії, у полон забрато; / Як заняли, то й погнали до пана до хана. / Годі тобі, пане-брате, гринджоли малювати, / Бери шаблю гостру, довгу та йди воювати* (КП-УНП 67, с. 96). В этом уподоблении характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу приобретает особые очертания: оно встраивается в военно-исторический сценарий вражьих набегов, разорения и борьбы с врагами, приносящими страдания не только народу, но и матери-земле. При этом мать-земля теряет свойственные ей функции поддержки и защиты, оберегания, питания народа природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

Кроме темы отчуждения, для казацких песен характерен мотив воли (неволи), который соотносится с концептом Судьба в специфической форме его вербализации (*фортуна* – слово, вошедшее из лат. в украинский и русский языки в XVIII в. в значении ‘удача’ и ‘богиня удачи’). Вместе со словом *фортуна* в эти микроконтексты входит память об отношениях управления (в обе стороны) между богами и людьми. Попавшие в плен воины мечтают о том, чтобы «фортуна» им служила: *Що узяли козаченька / В велику неволю; / Як узяли в невольнюку, / Забили в кайдани <...> / Ударились вражі пани / Об поли руками: / «Десь у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А що тобі, молодому, / Фортуна служила...» / «Ой хоч жива, хоч не жива, / У бога просила: / Ой тим мені молодому / Фортуна служила»* (КП-УНП 67, с. 100–101). Мысленно пленный казак (динамичный образ явора над водой) разговаривает с отцом, прося о выкупе: *Стоїть явір над водою, на воду схилився; / Сидить козак у неволі, тяжко зажурився. / <...> Ой з-за гори з-за крутої чорний ворон криче, / На Вкраїн далекої дівчинонька плаче. / Плаче вона та й журиється, ще й тяжко голосить, / Свого батька старесенького слізеньками просить: / «Продай, тату, продай, тату, та сірії воли / Та викупи козаченька з тяжкої неволі!»* (КП-УНП 67, с. 189).

Отмечаем в исследуемых текстах актуальность концепта Смерть, ассоциатами которого являются символы *высокая могила, гора, землянка, сырая земля, темный лес, сивый голубь* (душа умершего), *белый снег, ворон, пугач* – предвестники смерти: *Не питай, ненько, що у військо пішов, / Що військо пішов, розуму дійшов, / Лиш питай, ненько, високої могили, / Високої могили, глибокої долини. / Ой там будуть орли стояти, / Орли стояти, правду казати. <...> / «Твій син на могилі всі розкоші знає, / Йому сивий голуб в головочці іськає»* (КП-УНП 67, с. 132–133); *Ой на горі огонь горить, / Під горою козак лежить, / Порубаний, постріляний, / Китайкою покриваний <...> / А в головах ворон кряче, / А в ніженьках коник плаче <...> / Ой коню мій вороненький, / Товаришу мій вірненький! <...> / Як прибіжиш ти в батьків дві, / Заржи, коню на весь двір! / Вийде сестра – розгнуздає, / Вийде мати – розпитає: / Ой коню мій вороненький! / А де ж мій син молоденький? / «Не плач, мати, не журися: / Та вже ж твій син оженився, / Узяв собі паняночку – / В чистім полі земляночку»* (КП-УНП 67, с. 145–146); *За городом сніжок припав... / Їхав козак, з коня упав. / Накрив личко китайкою, / Білі ручки нагайкою <...> Мати вчула – сама вийшла. / «Ой ти, коню вороненький, / Де ж мій синок молоденький?»* (КП-УНП 67, с. 147); *А може ж ти, коню, / Та й у край у слободку, / Ой там ти побачиш Батька мого й матір, / Меншу сестричку. / А ще як побачиш, / Та мою дівчин, / То дівчині скажеш, / Хай йде вона заміж, / Бо нам не видатся: / Та сира земля – / Ото моя теща, / Я в неї за зятя»* (КП-УНП 67, с. 148–149); *За татарами обіз іде, / За обозом кінь турецький, / На тім коню син козацький <...> / Летить ворон, сумно кряче, / Іде мати, ревно плаче, / Своім життям проклинає, / Свого сина не пізнає* (КП-УНП 67, с. 158–159).

В содержание концепта Смерть входит мотив смерти родителей, после которой казак называет себя вечным сиротой: *За шуміли луги, ще й бистрії ріки... / Помер отець-мати – сирота навіки!* (КП-УНП 67, с. 170).

Таким образом, концептуализация общественной мотивации отношений между членами нуклеарной семьи отражена в вербализаторах понятий «чужой – родной», «смерть – жизнь», «воля – неволя», «плач, слезы», «память», «прощанье

– встреча», среди которых предметные (этнокультурные, народно-поэтические), растительные, орнитологические слова-символы играют особую роль: будучи символами с конкретно-образной основой, они сообщают текстам особую экспрессивность, в то же время они эстетизируют мифопоэтические представления о родстве и тождестве реальности природной и человеческой.

3.4. Метафора как способ семантизации социокультурных отношений на материале НР-фольклорем

Как отмечено выше, НР в лексикографическом пространстве соотнесены не только с прямым значением, но и с производными, касающимися семантизации общественных ролей членов нуклеарной семьи. Эта же ситуация наблюдается в социально маркированных народно-песенных текстах, в частности в анализируемых рекрутско-солдатских, казацких, чумацких, невольничьих, крепостнических. Ведущую роль в метафоризации семантики НР в них играет сема ‘близкий’ – по роду занятий, по духу, если речь идет об общих социальных действиях.

Проецирование семы ‘близкий’ с семейных отношений на отношения в социальной группе дает социально маркированной народной песне, в частности, вторичную номинацию *батько* по отношению к атаману (‘наставнику’) ({[ДОМ: отец] → [СЛУЖБА: наставник] → [отец] → [сын : чумак, солдат, бурлак, козак]}), а также *брат*, *браття* – по отношению к сослуживцам, товарищам по службе ({[ДОМ: брат] → [СЛУЖБА: общее занятие] → [брат] → [брат : чумак, солдат, бурлак, козак]}): «*Отамане, батьку наш, / Як ти поражаєш: / Чи тут будем селитися, / Чи втікати додому?*» (БП-УНП 67, с. 267); «*Ох та він [чумак] собі перед смертю отамана бажас. / «Ох отамане-батьку, да пиши листи та дрібненькі, да давай отцю знати, / Ой нехай їде та у Молдову свого сина ховати*» (ЧП-УНП 67, с. 538); «*Отамане, батьку наш! / Порадь же ти тепер нас: / Що ми будемо робити, / – Чим нам коней кормити?*» (КП-УНП 67, с. 98); «*Ой не сам я піду слободою – / Ведуть мене громадою, / Називають бурлакою, / Мого брата –*

розбишакою (БП-УНП 67, с. 265); *Та оглянешся та чумак Назарій, / Аж волів немає! / Тепер же ми, милі браття, / Навіки пропали* (ЧП-УНП 67, с. 509); *Гей, зібралася голота, / Стали говорити: / «Ой як би узятись нам, / Рідненькії брати, / Вражих панів за кордон / Та й по виганяти!»* (НЗП-УНП 67, с. 667); *Туди ніхто не проходить, тільки пройшло два солдати, / Холостії й нежонаті, вони собі рідні брати. / Вони плачуть і ридають, до сиріє землі припадають...* (РСП-УНП 67, с. 350); *Ой тепер наші славні запорожці / Усі раді стали, / Що поїхав кошовий на Москву, щоб нам, братці, землю дали* (КП-УНП 67, с. 192).

Направление семантической метафоризации, в котором опорной является НР-фольклорема *мати, матір*, актуализирует семы 'родная', 'источник жизни', ассоциированные с реками, территориями, шире – землей, родиной ({[ДОМ: **мать**] ↔ [чумак, солдат, бурлак, козак] ↔ [РОДИНА: **мать**]}). Наиболее распространенная метафора *мать-сырая земля* как источник жизни и последнее пристанище для умирающих солдат, чумаков, крепостных и т. д.: *«Земле наша сиресенька! / Мати наша ріднесенька! / Нащо ти нас породила, / висотою поростила, / Висотою поростила, / красою покрасила?..»!* (РСП-УНП 67, с. 350); *Моя ненька була – / То сирая земля, / А дружина моя – / Гробовая дошка* (РСП-УНП 67, с. 474).

В контексте метафоризации номинаций через соотнесенность с НР-фольклоремой *мать* в народно-песенной культуре возникают различные метафорические ассоциаты, в частности:

из сферы природы родной земли ({[**мать**] ↔ [СВОЙ; КРАСИВЫЙ] ↔ [природа: звезда, вишня, пава и т.д.]}): *Ой матінко-зірко, / Як у строку гірко: / Куди хилять, то й хилюся, / Бо я всіх боюся. / Ой матінко-зоре, / Яке в строку горе: / Ні доїсти, ні допити, / Ні сісти спочити! / Ой матінко-вишня, / Чи я у вас лишня, / Що ви мене туди дали, / Де я не привишна? / Ой матінко-пава, / Тепер я пропала, / Що ви мене туди дали, / Де я не бувала* (РСП-РНП Роз, с. 187). В данных микроконтекстах встречаемся с наложением одной метафоры на другую: если *мать* – 'близкая', 'родная', 'своя', то *зірка, вишня, пава* – 'красота';

из сферы пространственных артефактов и значимых пространственно-природных явлений, обозначенных соответствующими топонимами. В комплексе с названиями городов (столиц), рек, этнографических регионов приложение *мать* актуализует сему ‘близкая’, ‘родная’, т. е. ‘защитница страждущих’ бурлаков, ‘источник’ их заработка, жизни ({[**мать**] ↔ [СВОЙ; КРАСИВЫЙ] ↔ [река, город, регион]}). Ср. и русские, и украинские песенные микроконтексты: *Или во матушку каменну Москву? / Ты возьми меня, возьми меня с собой* (НЛП 61, с. 134); *Волга-матушка родимая течет, / Друга милого, канатика несет* (НЛП 61, с. 134); *Как во городе во Санкт-Петербурге, / Что на матушке на Неве-реке, / На Васильевском славном острове, / Как на пристани корабельные / Молодой матрос корабли снастил...* (НЛП 61, с. 148–149); *Наші бурлаченьки догадались, / – Через Дунай-річку перебрались. / Та Дунай-річка мати, / Та не дай погибати / Нам, безщасним сіромахам!* (БП-УНП 67, с. 264); *Ти, зелена Буковино, / Мати наша рідна, / Ох, яка ж ти, Буковино, / Тепер дуже бідна <...> / Ти, зелена Буковино, / Мати наша мила, / Ох, яка ж ти. Буковино, / Тепер нещаслива. / Ти, зелена Буковино, / Мати возлюблена, / Ах, яка ж ти, Буковино, / Тепер замучена* (НЗП-УНП 67, с. 647).

В ряд этих метафоризаций вписывается и известный устойчивый метафорический образ, характерный для казацких песен: Великий Луг – батько, Сич – мать: «*Чи є в тебе, козаченьку, отець, рідна мати?*» / «*Ой є в мене родина – уся Україна, – / Доведеться сіромасі без виручки згинуть! / Ой Великий Луг – батько, а Сич – моя мати, – / Та доведеться сіромасі у неволі погибати!*» (КП-УНП 67, с. 99).

В то же время то, что названия рек в бурлацких и казацких украинских и русских песнях ассоциированы с *братско-сестринскими* отношениями, с *батьком*, с *матерью* объясняется не столько вторичной номинацией, связанной с метафоризацией сем ‘родная’ / ‘родной’, ‘своя’ / ‘свой’, сколько архаическим мифопоэтическим представлением о естественной родственности и единосущности природы и человека и, соответственно, подобия отношений между людьми и прородными явлениями ({[**брат**] ↔ [СВОЙ] ↔ [РЕКА]}):

Понад Дністром Дойно ходить, / Дев'ятеро коней водить; / На десятім поїжджає, / Дністра братом називає: / «Дністре-брате, побратаймося! / Скажи річці Савранській / І прикметі козацькій» (БП-УНП 67, с. 264–265); Сам я молод понад Дніпром ходжу, / Дев'ятеро коней воджу, / На десятому, вороному, роз'їжджаю, / Дніпра братом називаю: / «Скажи, Дніпре, скажи, брате, / Скажи усю правду: / Скажи броди бурлацькій, / Ще й первози козацькій!» (БП-УНП 67, с. 265); Одна річка Синявочка Дніпра правди все питала, / Рідним батьком називала (БП-УНП 67, с. 265). То же можно сказать и о вербализации концептуальной цепочки {[Днепр] ↔ [сестра] ↔ [Десна]}: Десна Дніпру рідна сестра, / Десна Дніпра пережала, / Гори, кряжі становила, / Дніпра-брата не спинила, / Ще й ворона посилала / А в Києві в Дніпр упала... (КП-УНП 67, с. 129).

Традиционным является народно-песенное метафорическое уподобление отношений между природными существами отношениям между членами в семье с учетом гендерного признака: соловей – брат, сестра – перепелка, т. е. 'близкая' / 'близкий', 'своя' / 'свой': *Та полетів соловейко у чистеє поле, / Та зострів соловейко перепілку. / А здорова, сестрице перепілко, здорова! / А здоров, здоров, брате соловейку! / А чи я тобі, брате, н казала: / Не бгай же гніздечка у діброві (ЧП-УНП 67, с. 522).*

НР-фольклоремы метафорически используются как средство интимизации в описании обмундирования и вооружения солдата-рекрута, т. е. того предметного мира, который физически ему наиболее близок ({[ДОМ: отец, мать, брат] ← [СВОЙ] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын] → [СВІЙ: оружие-брат, сестра]}), ср.: *«Здрастуй, некруте жонатий! / Чи є в тебе отець-мати?» / «Ой є у мене отець-мати, / Одна сестра, нас два брати, / Да й ті ідем у солдати». / «Дайте йому в руку гармати – / Оце тобі батько-мати». / Дали йому московське плаття – / Оце тобі вірні браття; / Дали йому в руки рушниці – / Оце тобі вірні сестриці; / Дали йому в руки ружину – / Оце тобі вірна дружина (РСП-УНП 67, с. 306); Бідна моя головонька, / Що чужа сторононька – / Не рідная родинонька. / Лучче було з грабельками, / Ніж тепер з шабельками; / Лучче б було з сестрицями, / Ніж тепер з рушницями (РСП-УНП 67, с. 322).*

Семантически-метафорическая корреляция концепта Правда и НР-фольклоремы *мать* – широко используемый прием, характерный для народных песен крепостнической тематики ({[ПРАВДА-мать] ↔ [дети]}): *Тільки в світі правди, що рідная мати <...> / Де б ми єї могли в світі одиськати? / Ой орлице-мати! Де ж нам тебе взяти? / Тебе не купити, ані заслужити! / Коли б тебе, правдо, в світі увидіти, / Орловими крильми раді б ми летіти. / Ой як же тим діткам без матері бути? / Да щодня заплачуть, не можуть забути!* (КП-УНП 67, с. 240). Обращает на себя внимание включение в эту корреляцию мифопоэтического образа орлицы, за которым (в частности, как и за образами больших птиц в целом) закреплена ассоциация с небесным царством, миром богов – а значит, и высшей (а не только земной) Правды.

В украинских казацких песнях укоренился прием метафорического названия царицы матерью с ироническим оценочным переносом ({[мать] ≈ [царица]}): *«Ой царице, наша мати, / Змилуйся над нами, / Верни назад степи й луки / З темними лугами!»* (КП-УНП 67, с. 190); *«Мати наша, Катерино, Недобре зробила, / Що степ добрий, край веселий / Та й занастила»* (КП-УНП 67, с. 190–191). Такие метафоры с использованием НР-фольклорем как средства смягчения социально-политических оценок.

Таким образом, в социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклоремы активны как средства интимизации и эстетизации социальных отношений и социальных явлений в контексте оценочной и смысловой концептуализации мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами.

Выводы к главе 3

Использование номинаций родства в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения организовано по общим законам поэтики: они включены в ассоциативно-образные связи, метафорические механизмы сопоставления и синтеза, формируемые на их основе символические структуры.

Варианты содержания константы Родство / Спорідненість существенно различаются в народной лирической (и хороводной) песне, в песне обрядовой (календарно-обрядовой) и в социально маркированной народной песне; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является выделение в качестве центрального ее компонента значения 'семья'. Можно аргументированно утверждать, что пространство народно-песенной культуры – пространство принципиально семейное, личностно ориентированное, а не родовое.

Анализ функционально-стилистической нагрузки НР-фольклором в лирических песенных текстах позволяет утверждать, что в этом дискурсе в содержании константы Родство центральное место закреплено за семантикой любви (как единого основания семейных отношений), при этом деление мира на своих (членов семьи и рода) и чужих (тех, кто вне кровного родства или свойства) часто соотносится с парадигмой отношений любви – нелюбви (отчужденности). Наиболее значимыми в содержании константы Родство / Спорідненість в ее народно-лирическом бытовании является семантический комплекс 'любовь', 'свой, родной', 'семья', 'надежный', 'близкий', 'понятный'. К периферийному содержанию константы в этом песенном пространстве можно отнести семантические компоненты 'счастье', 'радость', 'судьба', 'чужой', 'чужбина', 'страх', 'печаль', 'страдание', 'боль', 'долг'.

Оценочность, составляющая неотъемлемую часть как центральной, так и периферийной составляющих константы, усиливается приемами включения мифопоэтических образов. Сопоставление драматической ситуации, в которой оказался герой (героиня) песни, с природным явлением и (или) их противопоставление эмоционально вовлекает слушателя, усиливает выразительность высказывания. В то же время в этом приеме в целом и особенно в образах деревьев (воплощающих, конечно, не столько личный или коллективный опыт, сколько архаическую символику Мирового древа) и соотносимых с ними номинаций родства (отец, батько, сестричка и т. п.)

продолжает жить и приобретает особые художественные формы мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість.

Фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий являются средствами интимизации чувств членов семьи. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

В народно-песенной календарно-обрядовой и семейно-обрядовой лирике разнообразное функционирование НР-фольклором (в функции символов, образов, метафор, олицетворений, в приеме психологического параллелизма) – важнейшее жанровое требование, поскольку именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и воспроизведения тех или иных обрядовых действий. В целом в этих текстах актуализуются вторичные метафорические номинации НР.

В разных видах обрядовой дискурсивной практики роли членов семьи освещаются по-разному, однако общими для всех песенных текстов такого рода являются функции заклинания, пожелания, призывания благополучия. В связи с этим содержание константы Родство / Спорідненість в ее обрядово-песенном бытовании имеет единую структуру, в центре которой находятся семантический комплекс ‘семья’, ‘полнота’, ‘счастье’, ‘жизнь’, ‘добро (материальное, физическое благо)’, ‘любовь’; в периферийной же области – множество связанных с ними смысловых компонентов разной направленности, включая ‘благословлять’, ‘дом’, ‘сад’, ‘радость’, ‘женитьба / замужество’, ‘порядок’, ‘уважение’, ‘печаль (тоска)’. Существенно отличает наполнение константы в разных видах календарно-обрядовых песен только образная составляющая. Так, песенные тексты зимнего цикла (колядки, щедровки), нацеленные на пожелание (заклинание) благополучия в новом году, опираются на изображение идеальной семейной жизни, состоящей в единстве духовного (семьи ‘единство’, ‘полнота’, ‘(взаимная) поддержка’) и материального (семьи ‘здоровье’, (материальное) ‘счастье’) благополучия. В весеннем песенном цикле глаголы *благословлять*, *звать*, *призывать* связаны с образом матери как источника жизни. Семантическую модель таких

микроконтекстов может представить концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]}.

Большое разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклорами сохранилось в семейно-обрядовых песнях, связанных со сватаньем, благословением, обручением, свадьбой. В целом они определяют следующие особенности содержания константы Родство / Спорідненість: в центре ее структуры – оппозиция ‘своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)’. С этой оппозицией связаны все наиболее значимые семантические компоненты, входящие в центральную часть структуры: ‘послушание’, ‘уважение’, ‘родной’ (и ‘неродной’), ‘род-племя’, ‘дом’; соотнесены с ней и значения менее частотные, составляющие периферийное содержание этого варианта константы: ‘поддержка’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘слезы’, ‘труд’, ‘верная (жена)’.

Мифопоэтическое сознание связывало птиц с небесным царством, с будущим, со способностью знать правду и быть ее проводником. Поэтому сопоставление человека с птицей, именование членов семьи с помощью орнитонимов и таких слов, которые обозначают небесно-природные явления (*солнце, месяц, звезды*) в семейно-обрядовых текстах, является способом привнесения высокой образности, сопряженной с выраженной положительной оценкой.

В социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклора активны направленно: как средства интимизации и эстетизации социальных отношений и социальных явлений – в контексте оценочной и смысловой концептуализации мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами. В центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість, соответственно, находится комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества, сиротства: ‘дом’, ‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных

значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: 'слезы', 'тоска', 'печаль', 'сила', 'помощь', 'совет', 'жизнь', 'смерть'.

Соответствуют специфике функционирования НР-фольклором в социально маркированном песенном дискурсе использование орнитосимволов в качестве знаков социальной свободы (освобождения от непосильного труда, ежедневно истощающей работника трудовой лямки) и духовной связи с родом, семьей.

Подобно характерным для народной лирической песни приемам обработки мифопоэтического компонента константы Родство / Спорідненість, социально маркированной народной песне свойственно преобразование мифопоэтического изоморфизма, отождествляющего человека с природным явлением, в сопоставление, уподобление, соположение человека и природы как родственных, но не тождественных феноменов, привнесение в эту взаимосвязь функции эстетического приема (усиления экспрессии) через механизмы психологического параллелизма, эстетического уподобления (метафоризации), олицетворения, обращения (героя к существам природного мира).

Особое место в украинской социально маркированной песне принадлежит казацким песням. В целом содержание константы в них совпадает в понятийном и оценочном аспектах с семантическим наполнением константы в других видах социально маркированных песен. Основное отличие касается образного наполнения актуального слоя константы: значимое место в нем занимает конь как образ-символ помощника, посредника между служивым и его родом, а также образ-символ матери (в значении оберега, защитных силы семьи, рода). Максимально обобщенно образ матери, переживающей за своих сыновей-казаков, воплощается в ассоциативно-образной связи мать=Украина. В этом уподоблении характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу приобретает особые очертания: оно встраивается в военно-исторический сценарий вражьих набегов, разорения и борьбы с врагами, приносящими страдания не только народу, но и матери-земле. При этом мать-земля теряет свойственные ей функции

поддержки и защиты, оберегания, питания народа природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

Семантически-метафорическая корреляция концепта Правда и НР-фольклоремы *мать* – прием, характерный для народных песен крепостнической тематики. Обращает на себя внимание включение в эту корреляцию образа орлицы, за которым (как и за образами больших птиц в целом) в мифопоэтическом пространстве закреплена ассоциация с небесным царством, миром богов – а значит, и высшей (а не только земной) Правдой.

ГЛАВА 4

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ КОНСТАНТЫ РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И Т.Г. ШЕВЧЕНКО

4.1. Вопрос о мифопоэтическом компоненте художественной литературы

Формирование специфических черт функционирования константы Родство / Спорідненість в художественном пространстве – результат долгого процесса, вбирающего в себя, воссоздающего и пересоздающего то, что было достигнуто на предыдущих этапах национального культурно-языкового развития. Это формирование связано с закреплением в семантической и коннотативной структуре поэтического, литературно-художественного лексикона аксиологических доминант, образных и других художественных (отчасти типизированных) средств. Будучи «вторичной знаковой системой», художественное пространство языка охватывает не только общие, но и индивидуально-авторские варианты употребления слов и речевых структур, что существенно усложняет общую картину функционирования концептов, в том числе концептов-констант в художественном тексте.

Опираясь на давнюю традицию теоретических изысканий в области мифа, определим общую связь между литературой и (архаическим, христианским и т.п.) мифом как «мифологизм» литературы: термин подразумевает, что формы восприятия и пересоздания мифа в художественном тексте могут «представлять собой реликтовое явление или результат регенерации; они могут быть бессознательными или осознанными» [Лотман, Успенский 2000, с. 536–537]. В рамках метода мифореставрации – прямого наследника мифопоэтики – в качестве

основных механизмов вхождения мифа в литературу определены заимствования мифологических сюжетов и образов; создание собственной системы мифов; реконструкция мифологического сознания [Телегин 1994, с. 94]. Этот последний механизм в той или иной степени свойствен любому литературному произведению, так как чувственное восприятие мира, «которое позволяет установить <...> в окружающем мире скрытые взаимосвязи» [Там же, с. 48] есть базовый признак не только «мифологического сознания» (термин М. Элиаде, С.М. Телегина и др.), но и художественного переживания мира.

С этим связаны такие очевидные сходные черты между мифом и литературой, как переплетение повторов, подобий и параллелей, образно-нарративный характер рассказывания и пр. И в художественном, и в мифологическом пространствах языка проявляются ассоциативно-образные связи слов, отражающие целостность сюжетно-образных связей как образов мира. При этом для художественной речи, разумеется, характерны и другие (специфические) особенности (отличающие его от мифопоэтического нарратива): активизация тропов, усиление принципа неопределенности, активизация внутренней речи и др. Особенностью поэтического языкового мышления является единство прямого обозначения слова и его непрямого соответствия: слово «остается конкретным только по видимости, превращаясь в неотчетливое иносказание» [Кожевникова 1986, с. 17]. Соответственно, образы, связанные с мифом, включаются в иерархию разнотипных средств, выражающих одни и те же общие мотивы. Возникает своего рода система зеркал, направленных на одно и то же содержание» [Кожевникова 1986, с. 49].

Своеобразным посредником между (архаическим, христианским и т.п.) мифом и художественной литературой является фольклор. Фольклор – ближайшая к мифу реальность, первый восприимчивый и пересоздатель мифологических структур; и в то же время это один из важнейших источников литературного творчества. Художественные тексты разных эпох множеством нитей связаны с текстами фольклорными. Исследователи выделяют такие типы отношений литературы с фольклором, как а) структурное заимствование из

фольклора; б) мотивное заимствование; в) образное заимствование (в формах перенесения (воссоздания) фольклорного образа и ассоциативно-образного наследования, при котором художественный образ имеет фольклорный подтекст); г) заимствование приемов и средств (тропов) устного народного творчества (таких как постоянный эпитет, олицетворение и психологический параллелизм) [Степанова, Бессонова 2007].

В отношении функционирования НР в условиях художественной речи взаимосвязь художественной литературы, мифа и фольклора проявляется следующим образом. НР в художественных (поэтических) текстах могут заимствоваться из фольклора (как фольклоризмы) и при этом приобретать особые свойства *поэтизм*. Это означает, что в их форме и содержании, как правило, не только модифицируется в соответствии с эстетической функцией и местом в художественном тексте исходный мифопоэтический компонент, но воссоздается или пересоздается то функционально-смысловое наполнение, которое они получили в фольклоре в качестве фольклоризмов.

Система образных поэтических номинаций образует ряд своеобразных поэтических словесно-образных тем, воплощающих (вербализующих) в том числе константу Родство / Спорідненість. Поэтические контексты, содержащие конкретные слова, актуализуют то или иное фольклорное содержание, которое меняется в зависимости от контекстного окружения. Развитие (модификация) лексической сочетаемости – основной способ поэтической трансформации общеупотребительного лексикона, к области которого принадлежат и НР (ср. мысль Н.А. Кожевниковой: «Прежде всего и нагляднее всего изменения проявляются в минимальном контексте – в словосочетании» [Кожевникова 1986, с. 241]). Благодаря этому семантико-синтаксическому свойству лексических единиц в поэтическом контексте буквальное значение обрастает дополнительными, усложняющими и делающими объемным словесный образ, который в контексте или конситуации приобретает обобщенность, стереоскопичность.

Ассоциативность как одно из качеств многозначных слов, а именно такими становятся НР в процессе развития национальной лингвокультуры, способствует разрастанию содержания константы и ее вербализации в микро- и макроконтекстах. На этапе становления национального литературного языка многие семантические явления обобщаются, принимаются как норма общезыковая или функциональная, например художественно-эстетическая, закрепляемая соответственно в словарях и текстах. Вследствие этих процессов, как отмечал В.В. Виноградов, слово начинает переливать «экспрессивными красками социальной среды» [Виноградов 1947, с. 19].

Если исходный лексикон, каковым мы можем считать вербализаторы константы Родство / Спорідненість, остается неизменным по форме и стабильности прямого обозначения, то вариации синтеза прямого и непрямого соответствия предмету изображения, образной ассоциации значительно варьируются. Варьирующиеся образы сосредотачиваются вокруг центральных номинаций родственных и семейных отношений. Повторяющиеся модели поэтического употребления НР (эпитетные, метафорические, компаративные) создают некий словесно-образный универсум, ассоциативно-образное поле вокруг номинаций родства – универсум, подобный мифопоэтическому в постоянстве и взаимосвязанности своих образных реализаций.

Переносные соответствия НР, проявляющиеся в метафорах и др. видах тропов, имеют метонимическую связь с общеупотребительной номинацией, актуализуя отдаленную, обобщенную, перекрестную с вербализаторами других концептов (ДРУГ, РАВНЫЙ, ПАМЯТЬ и др.) связь. Такая поэтическая трансформация общей семантики способствует укреплению и актуализации в семантике слов (в нашем случае – НР) «причастности к выражению одной и той же общей темы», к проявлению и закреплению синонимизации [Виноградов 1947, с. 75] (например, потомок – *сын*, друг – *брат*, подруга – *сестра*), к закреплению в концептуальных семантических цепочках образно-сюжетных традиционных схем.

Это сочетание переносно-образного и индивидуально-авторского словоупотребления, как отмечал В.В. Виноградов, противопоставлено не

словарной фиксации, но использованию слова в общеупотребительном плане – противопоставлено в качестве художественно-изобразительной, эстетической формы языковой деятельности человека [Виноградов 1960, с. 92–93]. В результате художественной деятельности вербализаторы константы начинают реализовывать функцию художественного изображения, эстетического отражения мира, при этом образы и словесные сцепления и приемы, заимствованные из фольклора, приобретают особые качества художественной речи: они одновременно имеют черты общего, типического и субъективно-образного, индивидуального, несовместимого со «стертостью» значений и оценок, со стереотипностью.

В круг словесно-образных вариаций входят индивидуально-авторские употребления, которые в случае выдающихся художников слова, творчество которых оказывает существенное влияние на последующее развитие национальной литературы и культуры (особенно же тех, которые являются основоположниками национальных литературных языков), становятся важными семантическими элементами структуры константы в целом. Иными словами, индивидуально-авторские варианты использования НР в художественной речи такими авторами, как А.С. Пушкин и Т.Г. Шевченко, – писателями и поэтами, чье творчество лежит в основе не только современных русского и украинского литературных языков соответственно, но в целом современных национальных культур, входят в содержательную структуру константы Родство / Спорідненість в качестве ее значимых семантических элементов.

Лингвомифопоэтический подход в изучении константы Родство / Спорідненість, проводимый на материале языкового творчества основоположников русского и украинского национальных литературных языков и национальной литературной традиции – А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко – учитывает не только взаимодействие художественных текстов с фольклорной традицией и архаическим и христианским мифом, но и традиции книжно-письменного и художественного (ассоциативно-образного) словоупотребления.

Целью и результатом такого сравнительного исследования должно стать не только обнаружение общих функций и сходств и расхождений в ассоциативно-

образном употреблении НР в творчестве двух авторов, но выявление специфики восприятия фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов в художественной речи А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. Иными словами, в результате должна быть подтверждена гипотеза о том, что у истоков (некоторых существенных) расхождений в структуре содержания константы Родство / Спорідненість в современной русской и украинской лингвокультурах стоит художественное творчество этих двух основоположников литературных языков и что эти расхождения связаны со спецификой восприятия соответствующей фольклорной традиции в творчестве А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко.

4.2. Функционирование константы Родство в творчестве

А.С. Пушкина: образность, сюжетика, семантика

Творчество основоположника русского литературного языка связано с периодом русской истории, когда начала проявлять себя тенденция «национализации русского литературного языка», которая «обязывала к выработке языка светского общежития» [Виноградов 1978, с. 49]. Язык Пушкина синтезировал разные сферы, стили, дискурсы русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова [Виноградов 1978, с. 53]. При этом «Пушкину, как никому другому, удалось осуществить синтез противоположностей: идеала и реальности, западничества и славянофильства, общечеловеческого и национального, России и Европы» [Широкова 2018, с. 34]. Соединив русскость, национальность и универсальность, высокую речь и простой слог, смешав просторечный, разговорный, книжный, салонный, поэтический дискурсы, как бы «в чистом виде» создал в художественном слове «образ мысли и чувствования русского народа» [Кондаков 1999]. Таким образом, творчество А.С. Пушкина, по словам В.В. Виноградова, «разрушает все преграды для движения в литературу тех элементов русского языка, которые могли претендовать на общенациональное

значение и которые могли бы содействовать развитию индивидуально-художественных <...> стилей» [Виноградов 1978, с. 54]³.

Эта особенность пушкинской художественной речи – синтетичность «нормального» поэтического языка как национального – в приложении к языковым явлениям прослеживается в том числе на материале функционально-стилевой и содержательно-информационной нагрузки названий родства в творчестве поэта. Как носители стилистической нейтральности (за исключением некоторых диалектных и церковнославянских форм) НР вошли в ядро словаря русского литературного языка, которое обеспечило его нормативность, общеупотребительность уже в период первой трети XIX века [Виноградов 1978, с. 198]. В силу своей функциональной нагрузки НР соотносились в общей литературной практике того времени с группой «славянизмов» (или разговорных славянизмов). Однако в языке Пушкина они вовлечены и в структуру галлицизмов (посредством метафорических переносных употреблений). Более того, выступив в роли «прозаизмов», они (вместе с другими языковыми элементами) привнесли в высокую поэтическую речь начала XIX века социально-бытовое содержание, фольклорный или «народный» тон.

Ориентация на устно-бытовые стили, на национально-бытовое творчество – характерная особенность художественной речи в зрелом творчестве А.С. Пушкина [Виноградов 1935, с. 242]. Организуя сложную и стилистически

³ В.С. Непомнящий указывает на такую особенность пушкинского стиха: если попробовать представить себе «Я вас любил» в переводе на другой язык, это окажется практически невозможным. В них нет тех черт, которые должны быть присущи поэзии. Например, нет ни одной метафоры, за исключением слова «угасла». Но и это едва ли не расхожее выражение. Весь словарный состав стихотворения вполне отвечает условиям обыкновенного разговорного языка. Нет ни одного специфически яркого слова, выпирающей детали. И, главное, порядок слов почти такой же, как и в обычной речи. «Я вас любил, Любовь еще, быть может» – можно сказать «может быть». «В душе моей («в моей душе») угасла не совсем». И так далее. Только слово «томим» имеет поэтическую тональность. Больше никакой поэзии, «языка богов» в этих стихах нет. Это обычная человеческая речь. Таким образом, мы имеем дело с поэзией, как бы отказывающейся от самой себя. Это – абсолютная поэзия, в силу именно того, что она не хочет ничего специфически поэтического, она просто себя выражает как поэзия как таковая. А абсолютное, как мы понимаем, непередаваемо и непередаваемо никакими иными способами, кроме абсолютных. Поэтому никакими иными словами передать смысл, который есть в этом стихотворении, ни русскими, ни тем более иностранными, невозможно. Это все равно, что схватить руками воздух» [Непомнящий].

многообразную структуру литературной речи, Пушкин постепенно сосредоточивает (особенно в области стиха) свое внимание на периферии литературных стилей и стремится слить в композиционные единства генетически разнородные языковые элементы [Виноградов 1935, с. 242].

Устная национально-бытовая стихия – «кипящая, но мутная» – с конца 1810-х годов все сильнее и сильнее привлекает Пушкина. Он видит в ней источник обновления литературной речи. Вовлечение форм простонародного языка, – под которым понимался «обиходный язык крестьянства (независимо от областного деления на диалекты), дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества» [Виноградов 1935, с. 392], – в литературу было связано с процессом социально-стилистической переоценки и дифференциации элементов бытовой речи [Виноградов 1935, с. 377]. Таким образом, пушкинский «простой слог» с конца 1810-х годов сочетает в себе элементы разных стилей дворянского бытового просторечия с «простонародным» языком [Виноградов 1935, с. 399; Лопатто 1918, с. 14].

В поэтическом пространстве языка А.С. Пушкина, как показывают писательские лексикографические источники («Словарь языка Пушкина» (далее – СЯП), «Поэтическое слово Пушкина» (далее – ПСП)), зафиксированы следующие НР (в соответствующих колонках даны количественные показатели употребляемости, которую указывают авторы-составители словарей):

Таблица 4.1.

Названия родства в поэтическом словаре А.С. Пушкина

№	Название родства	СЯП	ПСП
1.	бабка	5	5
2.	бабушка 1	44 (в 1-м знач.) из 50	2
3.	брат 1	288 (в 1-м знач.) из 392	48

4.	братец 1	36 (в 1-м знач.) из 63	не указано
5.	дед	46	4
6.	дедушка	20	не указано
7.	дети 1	147 (в 1-м знач.) из 208	29
8.	детки	5	не указано
9.	детушки	12	не указано
10.	дитя 1	22 (в 1-м знач.) из 68	не указано
11.	дитятко	1	не указано
12.	дочь, дочеръ	209	29
13.	дочка	28	1
14.	дщеръ	1	1
15.	дядя	52	5
16.	дядюшка	3	1
17.	жена	358	52
18.	жонка	67	не указано
19.	мать	184	16
20.	матушка	75	3
21.	матерь	5	1
22.	мать-земля		1
23.	мачеха (мачиха)	5	1
24.	маменька (маминька)	11	не указано
25.	муж	153	45
26.	отец 1	457 (в 1-м знач.) из 532	28
27.	папа	1	не указано
28.	папенька (папинька)	25	не указано

29.	семейство	106	3
30.	семья	89	29
31.	сестра	133	14
32.	сестрица	22	1
33.	супруг	45	15
34.	супруга	53	14
35.	супруги	1	не указано
36.	сын	304	59
37.	тесть	9	не указано
38.	тетинька	1	не указано
39.	тетка	59	4
40.	тетушка	7	1
41.	теща	13	не указано
42.	тятя	4	не указано

Представленный список НР свидетельствует о синтезе церковнославянских, народно-разговорных, просторечных и общеупотребительных форм и их грамматических вариантов, которые отличаются частотой употребления.

Как видно из приведенной таблицы, лексикографические источники дают разное количество зафиксированных словесных форм НР и, соответственно, имеют больший или меньший охват самих пушкинских текстов. Но вполне очевиден вывод о том, что наиболее употребительные в художественной речи поэта НР: *отец, жена, сын, брат, дочь, мать, муж, дети, сестра, семейство* (в порядке убывания в диапазоне 457 – 106 употреблений). Поэтому дальнейший анализ концептуальной трансформации мифопоэтического содержания НР в пушкинском художественном слове будет опираться на функционально-стилистическую роль именно этих ядерных НР-поэтизм.

Использование НР в прямых значениях

Что касается художественно-образной нагрузки НР *отец*, эта лексема в поэзии А.С. Пушкина разных периодов в романтическом ключе увязывается с темами героизма, силы, исключительности, борьбы за свободу – и мятежности, даже деспотизма: ср.: *Гроза луны, свободы воин, / Покрытый кровию святой, / Чудесный твой отец, преступник и герой, / И ужаса людей, и славы был достоин* (А.П. 1, с. 227 – «Дочери Карагеоргия»); *Не два волка в овраге грызутся, / Отец с сыном в пещере бранятся* (А.П. 1, с. 209 – «Песня о Георгии Черном»). Приведенные отрывки свидетельствуют о конкуренции в языке Пушкина двух стихий: риторической возвышенной (следование высокой романтической стилистике, связанной с набором романтических штампов) и сниженной просторечной (тут еще – фольклорной народно-песенной, обратите внимание на соответствующий этой манере параллелизм). При этом с точки зрения периодизации творчества Пушкина эта конкуренция предстает, скорее, развитием языка, стиля и общего художественного мышления поэта: от романтической возвышенной стилистики, ориентированной на романтические же идеи и темы, столь значимой для поэта в начале 1820-х годов (первый контекст), Пушкин движется к народности в языке, темах, идеях – в 1830-х годах (второй контекст). При этом образ пещеры, в которой ссорятся отец и сын, в своей функции «обнажения» истинных причин гармоничных или же дисгармоничных семейных отношений наследует фольклорному образу дома. В таком случае с НР *отец* связываем реализацию в этих пушкинских контекстах двух концептуальных цепочек: 1) {[война] [отец-воин : отец-командир] [отец] /чудесный/}; 2) {[ДОМ]: [отец] ↔ [волк] ↔ [сын]}.

Поведение сына в отношении с отцом может быть таковым, что сын может не пощадить родителя ({[сын] → [СМЕРТЬ] → [отец]}): *Сын бегом в пещеру воротился; / Его мать вышла ему навстречу. <...> / Догадалась она, завопила: / «Будь же богом проклят ты, черный, / Коль убил ты отца родного!»* (А.П. 1, с. 210 – «Песня о Георгии Черном»). С другой стороны, с функционированием лексем *отец* в поэзии Пушкина сопряжена и ситуация благословения, мольбы за

него его умершего сына перед тронем Господа ({[сын] → [МОЛИТВА : забота] → [отец]}): *В сиянье, в радостном покое, / У трона вечного творца, / С улыбкой он глядит в изгнание земное, / Благословляет мать и молит за отца* (А.П. 2, с. 437 – «Эпитафия младенцу»).

С образом отца в пушкинской поэзии связаны эпитетные определения: *бедный, блаженный, выданный, добрый, дорогой, достойный, казненный, недовольный, обязанный, ожесточенный, печальный, простой, родной, святой, седой, скорбный, согласный, стареющий, сумрачный, увлеченный, ужасный, унылый, холостой, чадолюбивый, чахоточный, чудесный, чуждый* (ПСП, с. 52). Отмечаем, что не во всех контекстах НР *отец* имеет атрибут: на тот или иной его конкретно-текстовый образ указывает более широкий контекст. Например, НР *отец* употребляется без эпитета, а на признаки персонажа указывает вторичная номинация, ср.: *Короля незапный обнял холод: / Тут же видит он отца и брата. / Пред султаном старик бедный справа, / Униженно стоя на коленях, / Подает ему свою корону* (А.П. 3, с. 38 – «Видение короля»).

О том, что глубокое проникновение не только во внешнюю сторону, но и в идейно-ценностные основания русской бытовой – в том числе народной – культуры у зрелого Пушкина касается и словоупотребления НР, свидетельствует его согласие с А.С. Шишковым в следующей позиции: «Никогда не может языку нашему быть свойственно, чтоб сын или дочь, говоря с отцом своим или матерью, называли их: отец, мать. Причиной тому, что мы для возвышенного слога имеем и возвышенные слова: Родитель мой! Отче мой!... У нас не только – в возвышенном слоге, но даже и в простых разговорах сын вместо: здравствуйте, батюшка или матушка! Не скажет отцу: здравствуй, отец! Или матери: здравствуй, мать! (цит. по: [Виноградов 1935, с. 386]. Это замечание проецируем на употребление просторечного крестьянского *тятя* ‘отец’: Тятя (СЯП, IV, 616: отец (в языке крестьян)) *Прибежали в избу дети, / В торопях зовут отца: «Тятя, тятя! Наши сети / Притащили мертвеца»* (А.П. 2, с. 77 – «Утопленник»).

Что касается НР *жена*, следует в первую очередь сказать, что наиболее известным и масштабным по силе воздействия на последующее развитие русской

литературной и культурной традиции является употребление Пушкиным лексемы *жена* по отношению к Татьяне Лариной: *И неотвязчивый лорнет / Он обращает поминутно / На ту, чей вид напомнил смутно / Ему забытые черты. / «Скажи мне, князь, не знаешь ты, / Кто там в малиновом берете / С послом испанским говорит?» / Князь на Онегина глядит. / <...> / «Да кто ж она?» – / Жена моя.* В цитируемом контексте слово *жена* сопряжено с интимизирующим образ местоименным эпитетом *моя* и в то же время с маркерами официального дискурса, призванными обозначить внешнее, официальное его величие: *посол испанский, князь, малиновый берет.* Однако важнее для понимания закрепленных за образом Татьяны-жены ассоциаций в русской культуре другое: ее решимость быть верной своему мужу выделена сюжетно, композиционно, структурно (*Но я другому отдана / И буду век ему верна*), с этой решимостью, как и с ее образом в целом сопряжен большой ряд характеристик, призванных выразить семантику простоты, безыскусности, глубины (переживаний, осмысления жизни) и близости к природной и народной жизни (в том числе самохарактеристика, которую дает Татьяна в последней главе, строфе XLVI, *«А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура, / <...> / Что в них? Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище, / <...> / Да за смиренное кладбище, / Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной нянею моей...»*). Пушкинская Татьяна – в ее решимости быть верной женой достойному, хотя и не любимому мужу – вошла в плоть и кровь русской культуры как образ, выражающий народные ценности и идеалы; впервые это было отмечено в «Пушкинской речи» Достоевского: «Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины <...>. Отметив тип русского скитальца, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, <...> Пушкин, <...> провел пред нами в других произведениях <...> целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском» [Достоевский 1995, с. 430–434].

Средством интимизации поэтического образа жены у Пушкина выступает местоименный эпитет *моя*; внешний словесный образ в других контекстах конкретизируют самые разные (в том числе антонимичные) эпитеты – *гордая, бедная, верная: К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой* (А.П. 4, с. 236 – «Дельвигу»); *Что может быть на свете хуже / Семьи, где бедная жена / Грустит о недостойном муже / И днем и вечером одна* («Евгений Онегин», гл. IV, XV); *Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень иль верная жена* («Евгений Онегин», гл. I, LIV). Но, как подсказывает ПСП, эпитетный ряд могут продолжить, кроме приведенных, определения *благодарная, бледная, великая, довольная, красная, молодая, испорочная, истерпеливая, обреченная, одетая, окруженная, отличенная, погруженная, полногрудая, полная, равная, радая, робкая, святая, слабая, степенная, увенчанная, умная, утомленная, чернобровая, чистая, юная* (ПСП, с. 47).

Ассоциативно-образный ряд в отрывке «Уродился я, бедный недоносок...» (1828), воссоздающем фольклорную (народно-песенную) стилистику и фольклорный мотив сиротства, создается концептуальной взаимосвязью {[жена] → [ласка] → [муж]}: *Недорослем меня бедного женили; / Новая семья не полюбила; / Сударыня жена не приласкала* (А.П. 9, с. 440).

Поэтическое употребление НР *муж* в художественной речи Пушкина связано со стереотипными для дворянского быта и нравов его времени ситуациями:

следование за женой (в связи с ее делами и целями) (*К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой* (А.П. 1, с. 236 – «Дельвигу»);

ревнивость мужа: *Мы знаем: вечная любовь / Живет едва ли три недели, / Сначала были мы друзья, / Но скука, случай, муж ревнивый* и т. д. (А.П. 1, с. 258–259 – «Кокетке»).

НР *муж* и *жена* в художественной речи Пушкина могут быть ассоциированы с концептом Вера (религиозная), что определяет присутствие

семантики духовной связи в супружеских отношениях. В стихотворении «Янко Марнавич» супруги смотрят в окно, где видят храм, свет, свою судьбу: *Наконец он на родину воротился / И вошел в церковь святого Спаса. / Там день целый он молился богу, / Горько плача и жалостно рыдая. / Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со своею семьею, / Потом лег и жене своей молвил: / «Посмотри, жена, ты в окошко. / Видишь и церковь Спаса отселе?» <...> Помолвившись, он опять ей молвил: / «Посмотри, что ты видишь в окошко?» / И жена, поглядев, отвечала: / «Вижу, вон, малый огонечек / Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою». <...> И жена, поглядев, отвечала: / «Вижу я на реке сиянье, / Близится оно к нашему дому». / Бей вздохнул и с постели свалился. / Тут и смерть ему приключилась* (А.П. 2, с. 535–537). Контекстную семантику отражает концептуальная цепочка {[муж] ↔ [ВЕРА-ДУХ] ↔ [жена]}.

Кроме общих с украинским литературным языком лексем для обозначения членов семейной пары, в языке Пушкина активно функционируют славянизмы *супруг* (СЯП, IV, 450: 45 употреблений) и *супруга* (СЯП, IV, 450: 58 употреблений). Их внутренняя форма содержит сему ‘пара, соединенная венцом’ = ‘сопряженный браком, муж и жена, повенчанная чета’ (ДТСЖВЯ, IV, 630). Если представитель мужского пола охарактеризован в языке Пушкина со стороны физического (*мертвый, молодой, почтенный, уснувший*) и психологического (*дорогой, злобный, лукавый, ревнивый, счастливый, хороший*) восприятия, то поэтический образ супруги более разносторонен: он связан с акцентом на внешности женщины (*белоглавая, дородная, покрытая*) и в то же время содержит оценки ее физического состояния (*молодая, юная*), психологических качеств (*любезная, милая, печальная*), этичности поведения (*верная, неверная*) (ПСП, с. 116). Хотя СЯП не дает стилистической пометы к отмеченным НР, однако очевидно, что им и ассоциированным с ними характеристикам свойственна высокая стилистическая коннотация, книжная (архаическая) маркированность.

Из фольклорной стихии в художественное слово Пушкина пришел субститут *старик и старуха* в значении *муж и жена*. С точки зрения масштабности влияния на русскую культуру самый значимый пушкинский текст,

оперирующий этими субститутами, – «Сказка о рыбаке и рыбке». На иносказательность и символизм пушкинской сказки (основанной, как известно, на переложении померанской сказки братьями Grimm) указывает А.Н. Унжаков: «Пушкин начинает свою сказку с таких слов: “Жил старик со своею старухой у самого синего моря”. Главное слово – “своею”. То есть это муж и жена, они венчаны, а значит старуха “замужем” – муж впереди, а жена за ним. По сути дела, мы должны здесь увидеть <...>, что муж предстоит пред Богом за свою жену. И этот смысл заложен в произведении» [Унжаков 2020]. Действительно, способ вербализации отношений между мужем и женой в начальном высказывании текста указывает на синтаксическую, морфологическую и лексическую экспликацию семантики единства и любви. Семантика единства эксплицирована в форме единственного числа глагола *жить* (*жил*) и в синтаксической структуре предложения (V(ед.ч.) S (ед.ч.) (с) O (Instr.; в значении совместности)). Семантика любви – в местоименном эпитете *своя*; в иносказательной форме – в символическом образе *синего моря*, поскольку символика синего цвета в религиозной и народной культуре включает в себя семантику чистоты и (в том числе небесной) любви. Вторая часть этого начального предложения имплицитно связывает семантику единства и любви с духовной, христианской перспективой: в указании на время их совместной жизни (*ровно тридцать лет и три года*) и в сопряженном с этим указанием описании условий этой жизни (*в ветхой землянке*) содержится аллюзия на новозаветную историю, на христианский миф. Тридцать лет, как известно, – возраст, в котором Христос принял святое Крещение и начал проповедовать; в тридцать три года Христос был судим судом неправедным, распят – и воскрес и взшел на Небо. Архаическая символика числа *три* в христианском мифе приобретает религиозные, исторические и личностные очертания, за ней закрепляется ассоциация с Личностью Христа и Его земным путем как образцом, моделью жизненного пути человека, христианина.

В контексте этой явственной отсылки к «возрасту Христа» (с разбивкой на первый порог – «тридцать лет» и второй порог – «и три года») эпитет *ветхая* прочитывается как аллюзия на библейское понятие «ветхий человек», то есть

человек, не прошедший путь духовного преображения вслед за Христом. Христианская коннотация слова *ветхий* усилена семантикой сочетающегося с ним слова *землянка*: сема 'земляной' в контексте аллюзий на возраст Христа актуализована не только в прямом, но и переносном значениях: как 'сделанный из земли' и как 'связанный с землей' (и не связанный с Небом) – в отношении «ветхого» человека. В то же время, образ ветхой землянки может быть и символом жизненных трудностей, испытаний, сопровождающих супружескую жизнь, в которых муж и жена подходят к порогу возможного преображения.

В этом контексте символические христианские коннотации приобретает и слово *море*. В православных молитвах частотное использование сочетания «житейское море» (ср.: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве!» – ирмос 6-й песни 6-го гласа). Христос в православных молитвах именуется *тихой гаванью*, *тихим пристанищем*, к которому человек может приплыть по морю житейских бурь и духовного делания. Образы моря – созданного и упорядоченного Творцом, расступившегося (перед Моисеем), морской пучины – поглотившей (пророка Иону, апостола Павла), морских чудищ – приводящих море в волнение и усмиряемых Господом – одни из центральных в образной структуре Ветхого Завета [см., в частности: Асмус 2008; Райкена 2005].

Спокойное, тихое, чистое *синее море* в сказке Пушкина, таким образом, соотносится в своих библейско-христианских коннотациях с усмирением страстей и жизнью в любви и согласии; море разыгравшееся (*море слегка разыгралось*), помутившееся (*Помутилось синее море*), а затем и почерневшее (*Почернело синее море; на море черная буря*) – с игрой, а затем и бушеванием страстей, которые грозят поглотить человека, как бездна морская – Иону.

Параллель «бушующее море – бушующие страсти» есть усложнение фольклорного психологического параллелизма, поскольку природное явление в этой параллели имеет не психологическую, но символическую функцию. При этом фольклорная основа сказывается в социально-статусной логике развития сюжета об испытании супружеской пары чудесно обретаемой возможностью

благополучия: все, чего желает старуха, касается поначалу материальной стороны жизни, а потом социального статуса (корыто – новая изба – столбовая дворянка – царица – владычица морская).

Великое чудо (как определяет его старик), явленное мужу, а через него и жене, предстает в пушкинской сказке способом не столько собственно испытания духовной зрелости и любви супругов, сколько развенчания иллюзии их идиллической жизни. Любовь и согласие, столь выделенные различными языковыми и образными средствами как сущностные характеристики их долгой совместной жизни, на поверку оказываются крепко связанными с привычной бедностью и общим социально-материальным неблагополучием и при первом же шаге из него обнаруживают свою иллюзорность. Старуха начинает с того, что грубо упрекает старика в глупости (*дурачина ты, простофиля*), а затем и вовсе отказывает ему в праве быть рядом с ней. Иллюзия любви сменяется откровенной отчужденностью и желанием властвовать. Старик, называемый ближе к концу текста уменьшительно *старичком*, не осмеливается ей *перечить* и, выполняя все приказы старухи, стараясь ее ублажить (*Ну теперь твоя душенька довольна?*), проявляет не столько любовь (которая в христианских воззрениях предполагает, конечно, главенство мужчины над женщиной как духа над телом, разума над чувствами и страстями), сколько свою зависимость от ее душевного к себе расположения.

Ситуация любви и согласия, основанная на христиански (а глубже – и архаически-мифологически) заданной иерархии отношений между мужем и женой, духом и телом, разумом и чувством, в развитии сюжета одновременно освещается как иллюзия, идиллический самообман – и как парадигма, соответствующая законам жизни и мироздания. Решая стилистическую и отчасти образную канву текста в фольклорном ключе, совмещая в лексической и образной символике народную стихию с библейско-христианской традицией, Пушкин строит свой рассказ о муже и жене на основе синтеза фольклорно-мифологического и христианского осмысления отношений между мужчиной и женщиной и фактически находит в них общее зерно.

(He) пройдя через испытание «чудесным» благополучием и погрузившись в пучину страстей, супруги, казалось бы, возвращаются в исходную сюжетную точку: к ветхой избушке и разбитому корыту. Однако за их плечами теперь (как и за плечами читателя) – опыт отчуждения и отказа от любви во имя своих страстных желаний, опыт самопознания. Последнее высказывание текста содержит не только описание возвращения старика к старухе, землянке и разбитому корыту, но и указание на ожидание: *Долго у моря ждал он ответа...* – указание, которое намекает на длительный процесс размышления, осознания. Финал пушкинской сказки, таким образом, с точки зрения судьбы супружеской пары и дальнейшего развития их отношений (между собой, с миром и Богом) остается открытым. Для настоящего же исследования существенными представляются две особенности пушкинского текста:

– синтез фольклорно-мифологического и христианского осмысления иерархии отношений между мужчиной и женщиной (мужем и женой, духом и телом, разумом и чувством), лежащий в основе символической образности и развития сюжета сказки;

– заданность истинной любви и иерархического согласия (в качестве основания супружества и семейной жизни) как парадигмы, соответствующей законам жизни и мироздания.

Двигаясь к другим пушкинским текстам, отметим, что, по нашим наблюдениям, в ближайшем контекстном употреблении НР *жена* частотно слово *дети*: *Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена моя и дети / Вам благодарны, как и я* (А.П. 8, с. 372 – «Заступники кнута и плети...»).

Среди шести морфологических и грамматических форм НР *дети* наиболее употребительным являются именно *дети* (209) – *дитя* (68). В значении ‘сын или дочь’. По данным ПСП (с. 41), эпитетные определения сосредоточены в семантических группах: физическое состояние (*нездоровый, утомленный, слабый*), двигательная активность (*играющий, резвый*), морально-этическое (*балованный*), психологическое восприятие (*беспечный, бессмысленный, благодарный, крылатый, любимый / нелюбимый, милый, ничтожный,*

послушный, прелестный, самолюбивый, спесивый), возраст (*малое*), близость, родственные отношения (*родной*). Более того, контексты употребления лексемы *дитя* у Пушкина, как правило, отчетливо сохраняют связь с фольклорной, народно-песенной культурой.

Как в случае с употреблением других НР в пушкинских художественных текстах, поэтизм *дитя* сможет сопровождаться интимизированным эпитетом-местоимением: *Ты спишь, дитя, мое мученье, / Не знаешь горестей моих – / Откроешь очи и тоскуя / Ко груди не прильнешь моей, / Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей* (А.П. 1, с. 81 – «Романс»).

Концептуальное наполнение НР *дети* проявляется в типичных микропоэтических контекстах, где утверждается единство матери и ее детей в семье: *Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена моя и дети / Вам благодарны, как и я* (А.П. 2, с. 372 – «Заступники кнута и плети...»). Стереотипны и оценочные эпитеты: *маленькие, резвые, игривые* дети: *В начале жизни школу помню я; / Там нас, детей беспечных, было много* (А.П. 2, с. 488 – «В начале жизни школу помню я...»).

В художественной прозе и в эпической поэзии А.С. Пушкина зафиксировано употребление НР *дети* в отношении сына с его невестой {или женой} или дочери с ее женихом {или мужем}, с аллюзией на народно-разговорный, ритуально-обрядовый или повседневно-бытовой контексты: *Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы* (А.П. 10, с. 108 – «Дубровский»); *Просим оба разрешенья, / Твоего благословенья: / Ты детей благослови / Жить в совете и любви* (А.П. 3, с. 55 – «Сказка о царе Салтане»); *Вставай, Земфира: солнце всходит, Проснись, мой гость! пора, пора!.. Оставьте, дети, ложе неги!..* (А.П. 3, с. 117 – «Цыганы»).

Словесно-образное употребление НР *сын* в поэтическом субпространстве А.С. Пушкина можно дифференцировать по нескольким семантическим признакам. Во-первых, возраст и старшинство в семье ({[сын] → [ОПОРА] → [отец]}): *Опора милая стареющих отцов, / Младые сыновья, товарищи трудов, / Из хижины родной идут собой умножить / Дворовые толпы измученных рабов*

(А.П. 1, с. 351 – «Деревня»). Понятно, что определенный контекст может и не иметь дополнительных коннотаций относительно старшего по возрасту сына, а лишь указывать на общий признак: *В пятый день старший сын обезумел, / Стал глядеть он на мертвую мать / Будто волк на спящую козу* (А.П. 3, с. 541–542 – «Гайдук Хризич»).

Во-вторых, психологическое восприятие – общее позитивное (*Где иногда, в своей пустыне / Забыв войну, потомство, трон, / Один, один о милом сыне / В унынье горьком думал он* (А.П. 1, с. 254 – «Наполеон»); *Раевский, молодец прежний, / А там уже отважный сын, / И Пушкин, школьник неприлежный / Парнасских девственниц-богинь, / К тебе, Жуковский, заезжали* (А.П. 1, с. 210). Именно эпитеты с семантическим признаком психологического состояния человека преобладают в приведенном в ПСП списке (с. 116–117): *беззаботный, беспечный, блестящий, вдохновенный, веселый, гордый, милый, нежный, озлобленный, послушный, равнодушный* и т. п.

Согласно материалам ПСП, употребление НР *сын* в художественной речи Пушкина сопровождается эпитетами, связанными с характеристикой физического (*больной, дряхлый, могучий* и др.) и материального состояния человека (*бедный*).

В традиционном народно-эпическом ключе представлена эмоционально-оценочная цепочка {[сын] = [РАДОСТЬ]}: *В славной в Муромской земле, / В Карачарове селе / Жил-был дьяк с своей дьячихой. / Под конец их жизни тихой / Бог отраду им послал – / Сына им он даровал* (А.П. 3, с. 528 – (отрывок, 1833)).

В тех микроконтекстных ситуациях, в которых поэт стилизует разговорный стиль, «простой» эпистолярный стиль, более уместными становятся употребления НР *брат* в сочетании с понятийными эпитетами: *Сей свиток драгоценный, / Веками сбереженный, / От члена русских сил, / Двоюродного брата, / Драгунского солдата / Я даром получил* (А.П. 1, с. 75 – «Городок»); *Ни блеск ума, ни стройность платья / Не могут вас обворозжить; / Одни двоюродные братья / Узнали тайну вас пленить!* (А.П. 2, с. 300 – «М.Е. Эйхфельдт»); *Закричал он старшему брату: / «Милый брат! не губи свою душу; / Ты напейся горячей моей крови, / А умрем мы голодную смертью, / Станем мы выходить из могилы / Кровь*

сосать наших недругов спящих!» (А.П. 3, с. 541–542 – «Гайдук Хризич»); *Вы старшей дочери своей, / Я своему меньшому брату: / Им можно с жизнью шалить / И слезы впредь себе готовить; / Еще пристало им любить. / А нам пора уже злословить* (А.П. 2, с. 258–259 – «Кокетке»).

Наиболее распространенным структурно-семантическим признаком того, что в поэтическом контексте речь идет именно о брате по крови, являются интимизирующие эпитеты – *свой, мой*: *И меня братья мои любили, / И мне всякую оказывали милость* (А.П. 3, с. 113 – «Сестра и братья»). Среди эпитетов-прилагательных к НР *брат* наиболее употребительным является *милый*: *Но где же он, твой милый брат, / Недавний рекрут Гименя?* (А.П. 2, с. 232 – «В кругу семей, в пирах счастливых»); *Брат милый, отроком расстался ты со мной – / В разлуке протекли медлительные годы* (А.П. 2, с. 299 – «Л. Пушкин»); *От меня отцу, брат милый, / Поклониться не забудь!* (А.П. 3, с. 541–542 – «Похоронная песня Иакинфа Маглановича»).

Из общеупотребительных фразеологических выражений для уточнения семантики слова *брат* в поэзии Пушкина используются те, которые описывают род братства (*по крови, по душе, по Богу; родные*): *Я жду тебя. / Тебя со мною / Обнимет в сельском шалаше / Мой брат по крови, по душе, / Шалун, замеченный тобою* (А.П. 2, с. 310 – «К Языкову»); *Жили вместе два братца родные: / Один Павел, а другой Радула* (А.П. 3, с. 550–552 – «Сестра и братья»); *В церкви Спаса они братовались / И были по Богу братья; / Но Кирила несчастливый умер / От руки им избранного брата* (А.П. 3, с. 535–537 – «Янко Марнавич»).

По данным ПСП (с. 23), с НР *брат* также связаны эпитеты со значением: физического (*безмолвный, бледный, больной, большой, живой, здоровый, маленький, мертвый, могущий*), психологического состояния или восприятия его (*верный, бедный, коварный, любезный, любимый, милый, неблагодарный, несчастный, одинокий, прославленный, родимый, суровый, строгий, удалой* и др.), по особенностям внешности (*курчавый*).

Один из немногих словесных оборотов – использование народно-песенного параллелизма *дубочки – братья* ({[дуб] = [СИЛА] → [братья]}): *Два дубочка*

*выросли рядом, / Между ними тонковерхая елка. / Не два дуба рядом
выросли, / Жили вместе два братца родные: / Один Павел, а другой Радула*
(А.П. 2, с. 550–552 – «Янко Марнавич»).

В теме братства, как видим, явственно воздействие христианского (библейского) мифа: с функционированием НР *брат* у Пушкина связана не только семантика любви, поддержки, близости, родства (по крови и по духу), но и семантика предательства, ненависти, братоубийства (ср.: библейские сюжеты о Каине и Авеле, братьях Иосифа). Проявление этой негативно маркированной семантики может быть связано как с обращением к фольклорным сюжетам, фольклорной стилистике, так и с высокой книжной, даже архаической стилистикой. В выше отмеченных случаях мотив братоубийства выявляется в одной из «Песен западных славян» («Янко Марнавич»). Мотив предательства (продажи) брата находим и в наброске, посвященном судьбе Наполеона «Зачем ты послан был и кто тебя послал?..»: *И горд и наг пришел Разврат, / И перед ним
сердца застыли, / За власть Отечество забыли, / За золото продал брата брат*
(А.П. 2, с. 308). Вычленим, соответственно, следующую концептуальную цепочку: {[брат] ↔ [ПРЕДАТЕЛЬСТВО] ↔ [брат]}.

В поэзии Пушкина в связи с темой братства присутствуют контексты, в которых воссоздается не только библейская сюжетика и тематика, но и ее повествовательно-риторические приемы. Так, в «Подражании Корану» находим отсылку к Корану и Апокалипсису, сочетающую повествовательную риторику обоих текстов [Свирин 1936, с. 229]: *Но дважды ангел вострубит; / На землю
гром небесный грянет: / И брат от брата побежит, / И сын от матери
отпрянет* (А.П. 1, с. 322 – «Подражание Корану»).

Частотен в пушкинской поэзии НР *дочь*. Он может быть интимизирован сочетанием с местоименным эпитетом *свой*: *Оставим юный пыл страстей – / Вы
старшей дочери своей, / Я своему меньшому брату* (А.П. 1, с. 258–259 – «Кокетке»). Часто вступает в сочетания с определениями, выражающими объективные характеристики (ПСП, с. 43): *купеческая, меньшая, царская, черкасская* и под. Используется и в сочетаниях с эпитетами (с положительной

коннотацией): *Нимфа плод понесла влюбленного бога; / Меж говорливых наяд, мучась, она родила / Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина* (А.П. 2, с. 478 – «Рифма»), а также ср. признаки по ПСП (с. 43): *живая, маленькая, молодая, нежная, прекрасная, прелестная, томная, резвая*, которые можно воспринимать независимо от контекста или как носители физических качеств, или качеств психологического восприятия. В русле морально-этического восприятия поведения дочери следует квалифицировать семантику эпитетов *послушная, виновная, любезная* (ПСП, с. 43), отношение к дочери родителей выражает определение *любимая* (ПСП, с. 43). Негативных оценочных эпитетов в сочетании с НР *дочь* используется значительно меньше (*бледная, несчастная, поруганная*, ПСП, с. 43).

Как и в текстовом функционально-стилистическом наполнении НР *брат*, НР *дочь* наиболее часто употребляется в единстве с местоименным эпитетом: *Дочь моя живет в Лизгоре; / С мужем ей не скучно там* (А.П. 3, с. 348).

Всего одно употребление церковнославянского *дщерь* (СЯП, I, 760) против *дочка* (28) и *дочь (дочь)* (209) (СЯП, I, 722) свидетельствует о стремлении пушкинского поэтического языка к стилистически естественной (нейтральной) норме: *Цветы, луга, ручей живой, / Счастливый грот, прохладны тени, / Приют любви, забав и лени. / Где с Анджеликой молодой, / С прелестной дщерью Галафрона, / Любимой многими – порой / Я знал утеху Купидона* (А.П. 2, с. 256 – «Из Ариостова “Orlando Furioso”»). В данном поэтическом образе отмечаем исключительную возвышенность образа прекрасной дочери-богини. Ср. ту же стилистику передпушкинской поры и те же ассоциации ({[*дочь-богиня*] – [*красота*]}), стереотипность концептуальных связей: *Богиня, дщерь божеств, науки основавших / И приращенье их тебе в наследство давших, / Ты шествуешь по их божественным стопам, / Распростираючи щедроты светлость нам* (М. Ломоносов). У Пушкина, однако, эта риторическая возвышенность лишь передает характер переводного текста, а не является естественной особенностью его языка.

Словесный образ матери у Пушкина скорее индивидуализован, нежели представлен в типизированном народно-разговорном колорите, поскольку НР *мать* сопровождают соответственные эмоционально-психологические эпитеты: *Клянет ревнивого супруга / Или докучливую мать* (А.П. 1, с. 261 – «Алексееву»); *Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей; Но что сказала я?.. быть может, / Виновную ты встретишь мать, / Твой скорбный взор меня встревожит! / Возможно ль сына не узнать?*(А.П. 1, с. 75 – «Романс»).

В эпитетном ряду НР *мать* ассоциирована с интимизирующим местоимением *свой*: *Хвалю, мой друг, ее охоту, / Поотдохнув, рожать детей, / Подобных матери своей; / И счастлив, кто разделит с ней / Сию приятную заботу* (А.П. 2, с. 239 – «К Родзянке»).

Согласно данным ПСП (с. 68), НР *мать* в тех или иных контекстах сопровождают эпитеты самой разной стилистической окраски, от грубо-фамильярной до возвышенно-религиозной: физического (*брюхатая, полная, мертвая*), психологического (*виновная, добродетельная, докучливая, милая, несчастная, печальная, родная, строгая, унылая, честная, чуткая*), духовного (*спасенная*) состояния.

Словесный портрет *сестры* в художественной речи Пушкина сопряжен с разнообразными эпитетами: они описывают физические внешние данные (*белокурая*), психологические характеристики (*верная, ласковая, любезная, любимая*), статус в роду (*старшая, меньшая, двоюродная*). В стихотворении «Сестра и братья» (из цикла Песни западных славян», ориентированных на народные лирические песни балканских славян) НР *сестра* вынесен в заголовок текста вместе с НР *брат*. Лирико-драматический же сюжет текста выстроен вокруг отношений сестры с братьями и с невесткой (женой одного из братьев). Развитие сюжета и использованные для этого диалога расширяют семантику слова: НР *сестра* трактуется в тексте и в отношениях с женой брата. Фольклорная основа, реализованная в стихотворении как в заимствовании сюжета, так и в воссоздании стиля, предопределила народно-разговорное употребление НР *сестра*: *Отвечает Радулова любя: «По богу сестра моя, невестка, / Я не знаю*

зеля такого; / Хоть бы знала, тебе б не сказала» (А.П. 3, с. 551). В этом же тексте тема предательства, закрепленная в языке за НР *брат*, разворачивается в отношении НР *сестра*. Жена брата, возревновав своего мужа к его сестре, начинает ее ненавидеть и, желая оторвать их друг от друга, сначала убивает коня своего мужа, потом его сокола и, наконец, их (то есть и своего) ребенка – только для того, чтобы в убийствах обвинить сестру. В конце концов ей удается вызвать ненависть мужа по отношению к девушке, и он казнит ее. И однако же природа и Бог указывают на ее праведность: там, где упали капли ее крови, расцветают цветы, а там, где упало ее тело, – *Церковь там над ней соорудилась*. Таким образом, библейская тема предательства и братоубийства, входящая в ассоциативное поле НР *брат* как в русской книжной, так и в русской народной культуре, у Пушкина актуализуется в ассоциативном поле НР *сестра*.

Благодаря известным строкам из поэмы «Евгений Онегин» *Мой дядя самых честных правил, / Когда не в шутку занемог, / Он уважать себя заставил. / И лучше выдумать не мог* НР *дядя* стало соотноситься с образом больного старика. Что характерно, это отслеживаем и по ПСП (с. 45), где *дядя (дядюшка) – больной, старый; радый; названный, двоюродный*.

Согласно нашим наблюдениям, контекстуальной особенностью употребления обобщающего названия *семья* в художественных текстах Пушкина является его сочетаемость с усилительным эпитетом *родная*: *Они [тени], бессмертие вкушая, / В Элизий поджидают их, / Как в праздник ждет семья родная / Замедливших гостей своих...* (А.П. 2, с. 276 – «Таврида»); *Они, бессмертие вкушая, / Их поджидают в Элизей, / Как ждет на пир семья родная / Своих замедливших гостей...* (А.П. 2, с. 364 – «Люблю ваш сумрак неизвестный...»); *Везде его [злодея] найдет удар неожиданный твой: / На суше, на морях, во храме, под шатрами, / За потаенными замками, / На ложе сна, в семье родной* (А.П. 3, с. 238 – «Кинжал»). Синонимом отмеченного прилагательного является определение *своя*: *Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со своею семьею* (А.П. 2 с. 234 – «Видение короля»). Как ситуативный характеризуем эпитет *резвая, неровная* относительно многодетной семьи: *В*

начале жизни школу помню я; / Там нас, детей беспечных, было много; / Неровная и резвая семья (А.П. 2, с. 488 – «В начале жизни школу помню я...»). Пожалуй, общей для всех процитированных строк является концептуальная цепочка {[РАДОСТЬ] → [ПРАЗДНИК] → [ЗАСТОЛЬЕ] = [семья]}.

В поэтическом контексте Пушкин делает также акцент на этнокультурном аспекте семьи – *русская* (ПСП, с. 105): *Я грозно в нем изображу, / Но просто вам перескажу / Преданья русского семейства, / Любви пленительные сны / Да нравы нашей старины* (А.П. 4, с. 24 – «Евгений Онегин»).

Кроме семантики и функционирования НР, для научного представления о содержании константы Родство в творчестве Пушкина необходимо проанализировать семантику родства в двух известных его текстах: «Моя родословная» и «Два чувства дивно близки нам...». Первое стихотворение имеет очевидную сатирическую направленность, при этом острие сатиры, направленное против обвинений в лживом аристократизме, указывает на истинный, или внутренний аристократизм всего рода Пушкиных: *Родов дряхлеющих обломки / <...> / Бояр старинных я потомок; / <...> / Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил; / <...> / Водились Пушкины с царями; / Из них был славен не один, / Под гербовой моей печатью // Я кипу грамот схоронил // И не якшаюсь с новой знатью, // И крови спесь угомонил*. Новая знать противопоставлена здесь предкам, роду поэта, в котором «был славен не один», по параметрам *спеси* (негативная оценка) – и *неукротимости духа* (положительная оценка), умения угодить царям (негативная оценка) – и личного достоинства и героизма (положительная оценка). Лирический герой, настаивая одновременно на своей богатой героической родословной и на значении только своих личных достижений (*Я грамотей и стихотворец, / Я Пушкин просто, не Мусин / Я не богач, не царедворец, Я сам большой: я мещанин*), иронические освещает не только упреки в ложном (не обоснованном родословной) аристократизме в свой адрес, но и свое собственное стремление «выскочить» из отношений родства. Родство с героическим прошлым и героическими, сильными духом предками, таким образом, является в стихотворении естественным

источником силы, естественной опорой лирического героя в поисках самого себя: эти отношения фиксирует концептуальная цепочка [ПОТОМОК] [ИСТИННОЕ ДОСТОИНСТВО, ГЕРОИЧНОСТЬ] [РОД].

В неоконченном лирическом стихотворении «Два чувства – дивно близки нам...» говорится о любви человека к своему дому (*родное пепелище*) и предкам (*отеческие гробы*). Вербализация в этом тексте связи человека с родиной отличается высокой стилистикой и явственной спецификой семантики: общими для слов *пепелище* и *гробы* являются семы ‘то, что жило в прошлом’ и ‘то, что проявлено в настоящем’, при этом прошлое, живое в настоящем (*Животворящая святыня!*), есть и (родительский, прародительский) дом, и память о предках. Оно связывает человека через чувство высокой, чистой любви (в этом отношении семантика слова *любовь* уточняется семантикой слова *святыня*) одновременно с землей (*Земля была б без них мертва*) и с Небом (*И как алтарь без божества*). Примечательно, что в сочетании, вербализующем память о предках, лексема *гробы* характеризуется эпитетом *отеческие*, в котором актуализована семантика связи человека с мужским началом рода, тогда как в сочетании, вербализующем любовь к (пра)родительскому дому, в слове *родное*, ассоциированном в языке со словом *родина*, имплицитно реализована семантика материнства. Таким образом, отношения человека с родиной в этом тексте определяются как отношения священной любви к материнскому теплу (пра)родительского дома и к памяти о героических, мужественных предках.

НР в переносном значении

Язык пушкинской эпохи отражает и переносное, образное употребление НР.

В одних случаях контекстная семантика НР уточняется с помощью ближайшего словоупотребления, как, например, НР *отец* в значении ‘старший; наставник’ {[отец] = [царь]}: *Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!* <...> / *Мы вняли клятве сей; и гордые сердца / В восторге пламенном летели вслед отца / И мстью роковой горели и дрожали; / И россы пред врагом твердыней грозной стали!* (А.П. 1, с. 145 – «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»). В эпических произведениях Пушкина определение *отец*

к номинации *царь* довольно распространено: *День и ночь так долго жданный, / Из далеча наконец / Воротился царь-отец; «Кабы я была царица, /– Третья молвила сестрица, / – Я б для батюшки-царя/ Родила богатыря»; В сени вышел царь-отец. / Все пустились во дворе» («Сказка о царе Салтане»); Вот однажды царь Дадон / Страшным шумом пробуждён: «Царь ты наш! отец народа!» – Возглашает воевода («Сказка о золотом петушке»).*

Словосочетание *век отца* является символом прошлого, ушедшей эпохи, предыстории чьей-либо жизни, достойной уважения потомков ({[прошлое] ← [ОТЕЦ] /уважение/ [ДОЧЬ] ← [прошлое]}): <...> *Таков был: сумрачный, ужасный до конца. / Но ты, прекрасная, ты бурный век отца / Смиренной жизнью пред небом искупила* (А.П. 2, с. 227 – «Дочери Карагеоргия»).

В большинстве случаев поэтические употребления НР являются перифразами, соответствующими романтическому, чаще же – классицистическому стилю, риторической традиции. Как правило, в пушкинских контекстах переносное употребление НР *дитя* реализуется в таких генетивных словосочетаниях, как: *дитя расчета и отваги; забав и роскоши дитя; дитя свободы; сын пиров* ('человек, являющийся порождением чего-н., отразивший в себе характерные свойства, черты чего-н. '); *дитя предрассуждений* ('создание, порождение, следствие чего-н. '); *вольности дети, дети лени* ('о людях, выросших, воспитанных в каких-н. условиях, среде, обстановке'). Соответственно, ключевая концептуальная цепочка включает такие связи: {[ЧЕЛОВЕК] ↔ [ОБСТОЯТЕЛЬСТВА] → [ДИТЯ обстоятельств]}.

Изменение семантики НР *дитя* и *сын* в переносном метафорическом употреблении наблюдается в таком перифрастическом контексте: *Прости, счастливый сын пиров, / Балованный дитя свободы! / Итак, от наших берегов, / От мертвой области рабов, / Капральства, прихотей и моды / Ты скачешь в мирную Москву, / Где наслажденьям знают цену* <...> (А.П. 2, с. 206 – «Всеволожскому»). В результате вербализирована концептуальная цепочка, где в причинно-следственных связях состоят понятия «пир» и «свобода» (от труда), –

{[ЧЕЛОВЕК] ↔ [ОБСТОЯТЕЛЬСТВА пир ↔ свобода] → [ДИТЯ – СЫН обстоятельств]}.

Подобным образом генетив отражает семантические трансформации родственных отношений и для НР *сын*: сын – ‘потомок’, ‘уроженец определенной территории’ (2-е и 4-е знач., СЯП, III, 449) ({[ПРИРОДА] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}, {[ОБЩЕСТВО] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}): *Беспечный сын природы, / Пока золотые годы / В забвеньи трачу я, / Со мною неразлучно / Живи благополучно, / Наперсница моя [чернильница] (А.П. 2, с. 42 – «К моей чернильнице»); Слов несколько на языке родном, / Что некогда нашел привет унылый / Сын севера, бродя в краю чужом (А.П. 3, с. 354 – «19 октября»); И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился, / И край полуночи восторгом озарился! / <...> Суда летучие, торговлей окриленные, / Кормами рассекут свободный океан, / И юные сыны воинственных славян / Спокойной праздности с досадой предадутся... (А.П. 2, с. 98 – «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»).*

Подобные изменения в семантике НР *сын* наблюдаем в словосочетании *сын войны*: *Презренья хладного не снес он от жены / И гордо выступил, суровый сын войны, / На вызов роковых последних наслаждений, / Как прежде выступал на славный крик сражений (А.П. 2, с. 332 – «Клеопатра»).* В.В. Виноградов отмечал, что фразеологические обороты, среди которых «сын угрюмой ночи», являются галлицизмами, от которых позднее стремился отойти поэт в своей стилистике и в ориентации на национализацию русского литературного языка [Виноградов 1978, с. 54].

Оригинальны метафоры, в которых НР *сын* сочетается с наименованиями эмоций, психологических состояний, совместного празднования – *счастья, лени, пирования сын*. Здесь Пушкин, перерабатывая риторическую традицию, вливает в форму перифраза индивидуально-авторское содержание: *Бегут за днями дни / Без дружеских собраний; / Веселых пирований Веселые сыны / С тобой разлучены; / И шумные беседы / И долгие обеды / Не столь оживлены. <...> Содрога счастья сын, и брошенный судьбою, / Он землю русскую не взвидел пред собою. / Бежит...*

и мести гром слетел ему вослед; / И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет! (А.П. 1, с. 245 – «Послание к Галичу»); *Под бурю главой поник я томной / И ждал тебя, вещун пермесских дев, / И ты пришел, сын лени вдохновенный, / О Дельвиг мой: твой голос пробудил / Сердечный жар, так долго усыпленный, / И бодро я судьбу благословил* (А.П. 3, с. 356 – «Дельвигу»).

Единство НР *сын* и топонима не всегда образует словосочетание для обозначения потомков (4-е знач.: ‘Гражданин, уроженец какой-н. страны, государства’, СЯП, III, 470) ({[ЛОКАЦИЯ] : [ТОПОНИМ] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}). Например, *сыны Бородина* – это герои, т. е. мужчины, ставшие на поле боя мужественными и смелыми героями: *Увы! мне не судил таинственный предел / Сражаться за тебя под градом вражьих стрел! / Сыны Бородина, о кульмские герои! / Я видел, как на брань летели наши строи; / Душой восторженной за братьями спешил* (А.П. 1, с. 98 – «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»). Мифологическое и историческое сходятся в таком употреблении, создавая масштабный персонифицированный образ воинов за судьбу России.

Словосочетание, в котором соединены НР *сын* и топоним, под влиянием ближайшего контекста приобретает функционально-семантические качества вторичной номинации растения, второстепенной водной артерии ({[ЛОКАЦИЯ] : [РАСТЕНИЕ (= сыны)]}; {[ЛОКАЦИЯ] : [ВОДНАЯ АРТЕРИЯ] → [ответвления (= сыны)]}): *На скифских берегах переселенец новый, / Сын юга, виноград блистает пурпуровый* (А.П. 2, с. 255); *Блещет среди полей широких, / Вон он льется!.. Здравствуй, Дон! / От сынов твоих далеких / Я привез тебе поклон* (А.П. 2, с. 450 – «К Овидию»).

В пушкинской художественной речи активно употребление НР *дочь* в одном из переносных значений: 1) для именованья женщины, выросшей в какой-то определенной обстановке, среде; 2) для называнья уроженицы какой-то местности (СЯП, I, 722). Поэтический фразеологизм *земная дочь* в соответствии с мифологическим или же религиозно-мифологическим членением мира на мир

земной (человеческий) и небесный (мир богов, ангелов, мир Творца) употребляется в значении 'вообще женщина'.

В поэтическом языке Пушкина активно употребление НР *брат* во втором значении – 'единомышленник, друг, соотечественник' (46) (СЯП, I, 160), например: *Туманные сокрылись дни разлуки: / И брату вновь простерлись ваши руки, / Ваш резвый круг увидел снова я* (А.П. 2, с. 151 – «Элегия»). Средством интимизации отношений с друзьями, со сродными по деятельности людьми являются эпитеты *мой, милый: Помнишь ли, мой брат по чаше, / Как в отрадной тишине / Мы топили горе наше в чистом, пенистом вине?* (А.П. 3, с. 380 – «Воспоминание. К Пушкину»); *В последний раз, в сени уединенья, / Моим стихам внимает наш пенат, / Лицейской жизни милый брат, / Делю с тобой последние мгновенья* (А.П. 3, с. 163 – «Разлука»); *Друг Дельвиг, мой парнасский брат, / Твоей я прозой был утешен, / Но признаюсь, барон, я грешен: / Стихам я больше был бы рад* (А.П. 2, с. 369 – «Дельвигу»); *Мой брат, в опасный день разлуки / Все думы сердца – о тебе. / В последний раз сожжем же руки / И покоримся мы судьбе* (А.П. 3, с. 135 – «Разлука»); *О милый брат, какие звуки! / В слезах восторга внемлю им: / Небесным пением своим / Он усыпил земные муки* (А.П. 3, с. 242 – «Козлову»). В одном из контекстов субстантиват «милый» вытесняет брат во втором значении: *Но, милый, – музы наши сестры, / Итак, ты все же братец мой* (А.П. 3, с. 37 – из письма к Вяземскому). В данных контекстах прослеживаем реализацию концептуальной цепочки {[ЛЮДИ] : [СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ]} → [брат]}.

Поэт актуализует глубинную семантику фразеологического сочетания *брат названный* 'близкий' (тот, кто побратался с кем-н., считается братом кому-н.) как средство оценки отношений с другом: *Мы рождены, мой брат названный, / Под одинаковой звездой. / Киприда, Феб и Вакх румяный / Играли нашею судьбой* (А.П. 2, с. 369 – «Дельвигу»).

В СЯП отмечено употребление фразеологизма *друг и брат кому-н.* (о ком-н. очень близком) (СЯП, I, 160) с некоторым изменением его формы: *И все умрет со мной: надежды юных дней, / Священный сердца жар, к высокому стремление, /*

Воспоминание и брата, и друзей, / И мыслей творческих напрасное волненье, / И ты, и ты, любовь?(А.П. 4, с. 235 – «Война»). В данном случае сема ‘близость’ объединяет два понятия, взаимно усиливая их значение.

Переносное употребление фиксируем в том случае, когда НР *брат* выполняет роль семантического ассоциата, т.е. указания на сходство одной реалии другой, подобной по одному из своих признаков ({[ЛОКАЦИЯ] : [ВОДНАЯ АРТЕРИЯ : МАТЬ] → [ответвления (= дети, братья)]}). Так поэт сравнивает реки: *Как прославленного брата, / Реки знают тихий Дон; / От Аракса и Евфрата / Я привез тебе поклон* (А.П. 2, с. 450 – «Дон»). Подобным образом НР *мать* выполняет роль оценочного определения, указывая на то, что Волга – ‘наша’, ‘родная’: *Как промолвит грозен Стенька Разин: / «Ой ты гой еси, Волга, мать родная! / С глупых лет меня ты воспоила, / В долгу ночь баюкала, качала, / в волновую погоду выносила, / За меня ли молодца не дремала, / Казаков моих добром наделила»* (А.П. 4, с. 282 – «Песни о Стеньке Разине»). У лирического героя, Стеньки Разина, волнение вод вызывает ассоциации с качанием колыбели матерью. Авторы СЯП указывают на то, что НР *мать* в таком употреблении выполняет роль народно-поэтического эпитета (СЯП II, 574), т. е. семантика родства почти стерта.

Актуализация семы ‘материнство’ в переносном значении в пушкинской поэзии связана с античной мифопоэтической традицией и представлением о семействе творческих муз, которых воспитывает Память-мать (Мнемозина) ({[ПАМЯТЬ = МАТЬ] ↔ [девы-музы]}): *Резвая дева росла в хоре богинь-аонид, / Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой, / Музам мила; на земле Рифмой зовется она* (А.П. 1, с. 478 – «Рифма»).

Как и в случае переносного употребления НР *брат, сын, НР сестра* используется в метафорическом переносном значении для описания ситуаций близкого психологического подобия (как родства) (СЯП, IV, 118), например: *Но дружбою одною / Я ныне вдохновен. / Мой друг, я счастлив ею. / Почто ж ее сестрой, / Любовью младой / Напрасно пламенею?*(А.П. 1, с. 288 – «Городок» (К ***)); а также отметить, что лирического героя неизменно сопровождает что-н.,

ему постоянно что-то сопутствует: *Несчастью верная сестра, / Надежда в мрачном подземелье / Разбудит бодрость и веселье, / Придет желанная пора* (А.П. 3, с. 195 – «Во глубине сибирских руд...»).

Частота переносного употребления НР *сестра* определила устойчивость некоторых перифрастических сочетаний, которые приобрели у Пушкина качество фразеологизма: *парнасские сестры* (о музах): *Перебирая все, как новый Ювенал, / Ты о Поэзии со мною толковал; / А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами, / Мне проповедовать пришел сюда стихами?* (А.П. 1, с. 65 – «К другу стихотворцу»); *Фебовы сестрицы* (шутливо, с опорой на народно-бытовую стилистику, о музах): *Далече той станицы, / Где Фебовы сестрицы / Мне с негой вьют досуг, / Скажи – среди столицы / Чем занят ты, мой друг?* (А.П. 1, с. 48 – «Послание к Галичу»).

Актуализовано в художественной речи Пушкина и переносное употребление обобщающего слова *семья* (СЯП, IV, 105). Во многих контекстах отмечаем реализацию значения ‘люди, сплоченные общностью интересов’: *Он верил, что душа родная / Соединиться с ним должна, / <...> / Что есть избранные судьбами, / Людей священные друзья; / Что их бессмертная семья Неотразимыми лучами, / Когда-нибудь, нас озарит / И мир блаженством одарит* (А.П. 2, с. 267 – «Евгений Онегин», глава II, стр. VIII (характеристика Ленского)); *Под вечер иногда сходилась / Соседей добрая семья, / Нецеремонные друзья, / И потужить и позлословить / И посмеяться кой о чем* (А.П. 2, с. 345 – «Евгений Онегин», глава II, строфа XXXIV); *И, признаюсь, мне во сто крат милее / Младых повес счастливая семья, / Где ум кипит, где в мыслях волен я, / Где спорю вслух, где чувствую живее, / И где мы все – прекрасного друзья* (А.П. 2, с. 189 – «Послание Горчакову»). Как видим, микроконцепт *семья* в этих поэтических строках содержит положительную оценочность ({[ДРУЖБА, СЧАСТЬЕ] : [СЕМЬЯ]}).

Не случаен в поэтической речи Пушкина метафорический перенос *великая семья* = ‘семья народов’: *<...> Нередко / Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся* (А.П. 1, с. 229 – «Он

между нами жил...»), ср. концептуальную цепочку {[ДРУЖБА НАРОДОВ] : [СЕМЬЯ]}. С одной стороны, проблема национальной идентичности в русской философской и общественно-политической мысли первой трети XIX в. играла значительную роль. Именно в это время русская культура вступила в период бурного формирования национального самосознания [Широкова 2018, с. 30]. С 1810-х годов в русской интеллектуальной жизни в ее историческом, эпистолярном, философском, поэтическом дискурсах постоянно присутствует тема Святой Руси. В контексте интереса романтизма к проблеме национального своеобразия и (в связи с этим) к национальному фольклору, в контексте событий Отечественной войны 1812 г. и подъема народного духа понятие «Святая Русь» становится «ключевым в поисках русской интеллектуальной элитой основ русской национальной идентичности, в формировании русского национального самосознания» [Королева 2023, с. 11]. С другой стороны, в стихотворении, посвященном А. Мицкевичу, имеется несомненная биографическая основа, и тема соединения народов «в великую семью» (предположительно о славянских народах, поскольку дискуссия относительно кровного и духовного славянского братства составляла один из значимых элементов интеллектуального ландшафта эпохи 1810–1850-х годов), видимо, на основе личного общения с польским поэтом, соединяется именно с его образом в этом пушкинском тексте.

Анализ функционирования НР и некоторых других доминантных слов, вербализующих константу Родство в художественном творчестве А.С. Пушкина, показывает, что в художественной речи Пушкина:

– константа Родство вербализуется во всех основных наименованиях родства как в прямых, так и в переносных значениях, причем метафорические, перифрастические сочетания обнаруживают переход от риторической иносказательности к психологическому символизму;

– контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: **архаическую** (в том числе, церковнославянизмы), связанную с риторической культурой XVIII века; **высокую книжную**, восходящую (через классицистическую литературу и европейскую

культуру XVIII века) к античным источникам; **книжно-поэтическую**, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуальную авторскую стилистическую нагрузку; **разговорную**, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; **народно-бытовую** (простонародную); **народно-поэтическую** (фольклорную);

– центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного с общностью интересов – в частности, к поэтическому творчеству, и семантики рода (НР *сын, дочь, отец, мать*; лексемы *род, родословная*, сочетания *отеческие гробы, родное пепелище*) как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения;

– важное место в структуре константы (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»);

– сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами.

4.3. Функционирование константы Спорідненість в творчестве

Т.Г. Шевченко: образность, сюжетика, семантика

Функционирование константы Спорідненість в поэзии Т.Г. Шевченко, основоположника современного украинского литературного языка, с одной стороны, определено темами и мотивами его творчества, интимизирующими коннотациями его образно-поэтического мышления, сформировавшегося под влиянием идей и стиля романтизма, с другой же – обусловлено народно-

разговорной основой самого украинского литературного языка. Поэту была близка и понятна и номинативная, и образно-эстетическая стихии разговорной речи простолюдина, она составила базис, органическую основу его языкового сознания.

НР – константы национальной культуры, имеющие этнокультурный компонент семантики, традиционный в малороссийских (украинских) фольклорных и литературных текстах нового времени (творчество И. Котляревского, Л. Глебова, поэтов-романтиков, прозаиков Г. Квитки-Основьяненко, П. Кулиша и др.). Т.Г. Шевченко сохранил и преобразовал информационное (понятийное), мифопоэтическое и эмоционально-оценочное содержание этого сегмента малороссийской (украинской) культуры. Установка на воссоздание в поэзии фольклорной стихии и одновременно утверждение (в романтическом ключе) личности художника как личности, приобщенной трансцендентной истине и способной отчасти преобразовать историческую реальность – основополагающие черты эстетической позиции Шевченко – могут быть уточнены в следующих деталях:

- народность как принцип творчества, включая любовь «к своему», собирание фольклора, этнографические исследования, историзм (не исключает фальсификации прошлого);
- сакрализация художественности на всех ее уровнях;
- воспевание исключительной личности в кризисном состоянии, акцентированной эмоциональности, способность к невероятным чувствам;
- идеализация предков, старины, любви, сердца;
- символизация как доминирующий способ обобщения, понимание символа как удачной комбинации фольклорного образа и вечного, универсального духовного содержания;
- широкое использование мифопоэтических средств на уровне тропов, тем, мотивов и сюжетики;

– мистичность художественного мышления, связанная с малороссийским (украинским) фольклором, соединившим мистику христианства с языческой мифопоэтической мистикой [Бовсунівська 2017, с. 209–210].

Внимание к художественно-образным функциям НР в творчестве Т.Г. Шевченко давно привлекает исследователей-шевченковедов. Кстати, в исследованиях академика В.М. Русановского НР отнесены к так называемым «любимым словам» Кобзаря [Русанівський 2002, с. 224–226]. Ученые (Ю. Гончар, Г.Ю. Грабович, В.И. Пахаренко, В.А. Шевчук, О.О. Черкас, О.В. Шаф, И.М. Дзюба) отмечают их связь со сценарным мотивом (в контексте терминологии литературоведения – темой-мотивом) отцовства-материнства. В частности, в одном из исследований утверждается, что особенности воплощения украинской модели семейных отношений в поэзии Шевченко могут выглядеть так: *добрий батько – дитина; лихий батько – добра мати – дитина (донька); батько-мати – неслухняна донька; старий батько (дід) – молода мати (його донька) – дитина* [Черкас 2014].

Согласно нашим наблюдениям, словесные образы отца-матери и их детей в творчестве Кобзаря сопряжены с различными текстовыми функциями соответствующих единиц:

– создать художественный образ идеальной семьи с укладом, в котором родители – воспитатели и хранители судеб детей или же злодеи, лишаящие своих детей ласки и опеки;

– выделить, акцентировать матриархальное основание традиции в украинской народной культуре, модифицируя также образ матери-Украины (см.: [Гончар 2010, с. 88; Шевчук 2008, с. 213]);

– использовать НР как средства интимизации чувствований, эмоций лирического героя;

– проецировать семантический потенциал НР на реалии окружающего мира (в структуре эпитетов, метафор, сравнений) (см.: [Булаховський 1924, 1977]);

– изобразить драматизм жизни человека, несущего в себе идеал семейной жизни в любви и постоянно сталкивающегося с враждебностью (чужих) людей, злой судьбы.

Исследование текстовых функций НР в структуре художественной речи Т.Г. Шевченко невозможно без учета особенностей восприятия в его творчестве романтизма. Неоднократно было отмечено, что мифологизм его художественности состоит в глубинном синкретизме его мышления. Сам Шевченко не стремился к созданию мифов, его цель – выражение народности. Привлечение мифогенных архетипов шло путем спонтанным, будучи управляемым одной только авторской ориентацией на выражение сакральной истины и на принципы библейской поэтики. Шевченковский мифологизм состоит в том, что поэт придал символическому языку окраску сказочной, песенной народности и в то же время сакральной истинности.

По данным шевченковской лексикографии («Словарь русских произведений Т.Г. Шевченко» – далее СРПШ, «Словник мови Шевченка» – далее СМШ, «Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка» – далее КПТШ, «Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка» – далее ЕПМ, «Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій» – далее ПСК), в его украинском языковом творчестве зафиксированы НР-поэтизмы, приведенные в таблице ниже. Поясним, что в соответствующих столбцах представлены подсчеты употребления разных форм, зафиксированных в текстах, объединенных исходной формой именительного падежа единственного числа существительных-НР); в приведенных рядах отмечены формы-композицы и слова с суффиксами субъективной оценки; поскольку в «Конкорданції...» приведены варианты словоупотребления в русских произведениях Т. Шевченко, то через косую линию (/) указываем употребление русских форм НР:

**Названия родства в поэтическом словаре Т.Г. Шевченко в контексте
употребительности**

№	Название родства	СМШ	СРПШ	КПТШ	ПСК (количество атрибутивных конструкций)
1.	баба	11		22	299
2	бабусенька	4			не указано
3.	бабуся	8			не указано
4.	батько	134	отец – 129; папаша – 4; родитель – 6	139 / 2 – отец	31
5.	батечко	4			не указано
6.	батьки	4	родители – 32	6	300
7.	брат	103	156 / братец – 14	116	20
8.	братік 2.	3			не указано
9.	дитина	85		163	1
10.	дитиночка	3			не указано
11.	дитина-син				не указано
12.	дитятко	1			не указано
13.	дитинка	2			не указано
14.	дитя	20	149	19	16
15.	дитяточко	3			не указано
16.	дід	13	5	38	не указано
17.	дідусь	3	дедушка – 1		не указано

18.	діти	155	200 (дети)	119 / 4 – дети	не указано
19.	дітки	36			не указано
20.	діточки	58	деточки 5; детище – 4; детишки – 1		не указано
21.	доня	20		22	не указано
22.	донька	1	дочка – 7		не указано
23.	дочка	57	дочь – 76	46	16
24.	дочечка	2	дочечка – 1		не указано
25.	дружина (подружжя)	20		22	112
26.	Дружинька	1			не указано
27.	дядько	4		5	не указано
28.	жінка	61	жена – 94	30 / 1 – жена	180; жена – 55
29.	жіночка	16			не указано
30.	зять	11	10; зятек – 1	9	591
31.	мати	348	мама – 8; мать – 224; родительниц а – 3	209	3; мать – 35
32.	матер	8	матерь – 23		не указано
33.	матір	7			не указано
34.	матінка	4	мамочка – 1; маменька – 25		не указано
35.	матуся	3	мамуня – 3		не указано
36.	неня	1		9	не указано

37.	ненька	7			378
38.	невістка	4	1	3	не указано
39.	сват	4	18	2	не указано
40.	сваха	1	2	1	не указано
41.	свекор	1		2	не указано
42.	свекруха	3		2	не указано
43.	свекривонька	1			не указано
44.	сестра	93	сестра – 20; сестрица – 71	31	не указано
45.	син	225	143	61 / сын, сыночек – 4	не указано; сын – 68
46.	рідня	6		1	не указано
47.	рід, род	6	65	15 / 1 – род	не указано
48.	родина	5	32	1 / 1 – родня	не указано
49.	сем'я	4	10	/ 6	семья – 13
50.	сім'я	11		2	не указано
51.	тітка	1	тетя – 3; тетушка – 7; тетка – 3; тетенька – 13		не указано
52.	тесть	1	6	/ 6 – тесть	не указано
53.	теща	2	3	/ 6 – теща	не указано

Как видно из приведенных данных, наиболее частотны словесные формы НР– *мати, діти* в украинских текстах; и *мать, дитя* в русских. Множество форм НР, отмеченных в украинских произведениях, оказались «не востребованными» в русскоязычных текстах Шевченко в связи со сменой тематики и мотивов. Отметим, что в произведениях на русском языке употребление НР ограничено номинациями *брат, братец, деточки, детишки, детище, дед, дедушка, дочь,*

дочка, дочечка, жена, зять, зятек, мама, маменька, мамочка, мамуня, мать, мать, невестка, отец, папаша, сват, сваха, семья, сестра, сестрица, сын, сынок, сыночек, тетя, тетушка, тетка, тетенька, тесть, теща, род, родня, родители, родитель, родительница.

Поскольку, как видно из *Таблицы 4.2*, разные лексикографические источники дают различные количественные показатели по употребительности тех или иных НР в связи с различными задачами словарей, в общем соотношении употребления различных форм НР в украинско- и русскоязычных текстах можно обобщить так:

Таблица 4.3.

Соотношение украинских и русских форм НР к общему количеству НР в произведениях Т. Шевченко

Источник информации	Украинские формы НР	Русские формы НР
КПТШ	53 : 27	53 : 10
СРПШ		53 : 37

Можно предположить, что когнитивно-ментальная структура национальной языковой практики определяет ту или иную степень актуализации тех или иных компонентов в константе Родство / Спорідненість в творчестве одного автора на двух разных национальных языках.

Употребление НР в прямом значении

В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко особую роль играет лексема *семья*. Это обусловлено в первую очередь тем, что в стихотворении «Садок вишневий коло хати» идеализированный образ крепкой, любящей семьи становится символом украинской идентичности, чувственно-конкретным воплощением образа Украины. Ностальгия лирического героя, отбывающего наказание в казематах, – одна из причин психологической нагрузки как этой лексемы, так и более конкретных по своему содержанию НР, задействованных в образной структуре текста: *мать, дочка, діточки*.

Со словесным образом семьи связана экспликация ценностного компонента произведения: ценностным идеалом в нем предстает красота семейной жизни, усиленная эстетикой украинского сельского быта [Дзюба 2008, с. 398]. Шевченко нанизывает акциональные образы (*ідуть дівчата, сем'я вечеря, дочка подає вечерю, мати навчає, поклали діточок, заснули*), которые призваны обрисовать неторопливую, ритуально организованную, идиллически прекрасную жизнь в крестьянской семье. Ритуальная ритмичность такой жизни подчеркивается чередой словесных повторов – приемом, восходящим к фольклорной поэтике. Идеализации крестьянской семейной жизни в стихотворении способствует изображение пения девчат и соловья.

Пространство стихотворения включает в себя внутреннее пространство дома (хаты) и внешнее природно-окультуренное пространство вишневого сада. И то, и другое – постоянные атрибуты семейной жизни в украинском фольклоре; более того, у Шевченко, как и в народно-песенной культуре, образ вишневого сада обременен мифопоэтической коннотацией образа сада как рая-пристанища семьи (концептуальная цепочка {[сім'я] ↔ [хата]}): *Співають, ідучи, дівчата, / А матері вечерять ждуть. / <...> Сем'я вечеря коло хати, / Вечірня зіронька встає. / Дочка вечерять подає, / А мати хоче научати, / Так соловейко не дає. / <...> Поклала мати коло хати / Маленьких діточок своїх, / Сама заснула коло їх. / Затихло все, тільки дівчата / Та соловейко не затих* (Т.Ш. 2, с. 17 – «Садок вишневий коло хати...»). Ср. такое наблюдение: «Хата в значении ‘семейного гнезда, пристанища семьи’ принадлежит к этническим украинским ценностям: тут проходит жизнь поколений, передается опыт, действуют моральные законы» [Єрмоленко 2014, с. 55].

Значимое место в стихотворении занимает и образ матери, укладывающей *Маленьких діточок своїх* спать: он повторяется и в других, различных по тональности и тематике, произведениях Шевченко как изображение идиллического крестьянско-семейного жизненного идеала: для поэта «это интимизированное высказывание стало идеализированной словесной формулой

выражения эмоций, связанных с детьми» [Сюта 2014, с. 84]. Ср.: концептуальная цепочка {[мати кладе спати] → [хата ↔ сім'я] ← [маленькі діточки]}.

Что касается собственно НР, отметим, что в отдельных произведениях Шевченко зафиксирован образ старшего в семье в мифопоэтической ипостаси «сивого (то есть старого) деда» в – охранителя семьи, проводника родовой силы и жизненного опыта от предков к потомкам. Наблюдаем художественную конкретизацию концептуальных цепочек {[сивий дід] ← [игра = поучение] → [внук]}; {[мати-донька] ← (любов) → [сивий дід] → [внук; дитина]}): *Біленька хаточка. Сидить / Неначе й досі сивий дід / Коло хатиночки і бавить / Хорошее та кучеряве / Своє маленькеє внуца. / І досі сниться, вийшла з хати / Веселая, сміючись, мати, / Цілує діда і дитя...* (Т.Ш. 2, с. 233 – «І досі сниться: під горою...»).

Родовая мифопоэтическая семантика народно-песенного эпитета *старий* (варианты: *сивий, мудрий*) активизирована в поэзии Шевченко и в отношении к *батьке* ({[дети] → [уважение] → [отец-учитель] → [мудрость / возраст] ← [сивый]}). Например: *Обізвався старий батько: / «Чого ждеш, небого?»* (Т.Ш. 1, с. 97 – «Катерина»); *З дружиною Ярина гуляє / По садочку. Старий батько / Сидить коло хати / Та вчить внука – пузанчика / Чолом оддавати* (Т.Ш. 2, с. 302 – «Невольник»); *Веде коня за поводи / Та плаче Ярина; / Старий батько іде рядом, / Научає сина, / Як у війську пробувати, / Старшин шанувати, / Товариство поважати, / В табор не ховатись* (Т.Ш. 2, с. 294 – «Невольник»); *А шануйте, чтіте, / Поважайте його, діти, / Бо то батько сивий! / Батько мудрий! / Добре отим / Сиротам щасливим, / Отих батьків, / То й не согрішають* (Т.Ш. 2, с. 178-179 – «Сотник»).

Духовная связь отца и детей концептуализована в тех контекстных ситуациях, когда речь идет о прощении и взаимном искуплении грехов отцов и детей (концептуальная цепочка {[отцы] ↔ /прощение / молитва-разговор/ ↔ [дети]}): *Тебе тільки не покине / Лиха година, / Княжно моя безталання, / Знівечений цвіте. / Ти ще будеш покутовать / Гріхи на сім світі, / Гріхи батькові* (Т.Ш. 2, с. 33 – «Княжна»); *«Ой не п'ються пива-меди» / Ой полетить,*

гайворони / Мої сизокрилі, / До батечка та скажіте, / Щоб службу служили / Та за мою грішну душу / Псалтир прочитали, / А дівчині молоденькій / Скажіть, щоб не ждала (Т.Ш. 2, с. 135 «Ой не п'ються пива-меди»). Таким образом, связь отцов и детей сакрализована, она проходит по линии духовной связи и искупления грехов.

Характерна для поэзии Шевченко концептуализация и частотная вербализация отношений согласия и взаимопонимания между отцом и сыном. Эта семантика воплощена в лексемах *молитва, моление, разговаривать: І не пом'яне батько з сином, / Не скаже синові. – Молись, / Молися, сину, за Україну. Його замучили колись. – / Мені однаково, чи буде / Той син молитися, чи ні...* (Т.Ш. 2, с. 13 – «В казематі», III); *Наїхали старости / Й молодих за ними: / Вони собі пішли в хату / З батьком розмовляти; / А я в його, молодого, / В того чорнобривця, / Беру коня, та й нічого – / Везу до криниці* (Т.Ш. 2, с. 336 «Подражаніє Сербському»).

С народно-песенным стилистическим и ценностно-образным строем объединяет поэзию Шевченко и словесный образ *старой матери – старої матері* [СМШ, I, 289]: *Коло його стара мати / Сидить на ослоні. Образ старой матери неизменно вызывает сочувствие и даже жалость героя, желание ее защитить: Плаче стара мати, / Плаче жінка з діточками / В нетопленій хаті. / Сестра плаче, йде шукати / Братів на чужину... (Т.Ш. 2, с. 16 «В казематі», VI); Пішов козак світ за очі; Грає синє море, / Грає серце козацькеє, / А думка говорить: / «Куди ти йдеш, не спитавшиєсь? / На кого покинув / Батька, неньку старенькую, / Молоду дівчину? / На чужині не ті люди – / Тяжко з ними жить / Ні з ким буде поплакати, ні поговорити!* (Т.Ш. 1, с. 79 – «Думка»). Ассоциативно-образные связи в этой контекстуальной группе отражает концептуальная цепочка ({[дети] → /уважение, сочувствие, сопереживание/ → [старая мать]}), которая, по сравнению с семантическим наполнением понятийного эпитета «старий батько», более эмоциональна, экспрессивна.

Эпитетный ряд к слову *мать* (*сердешная, немощна, одна-однісінька, чорніше чорної землі*) акцентирует тяжкую долю матери-крестьянки, матери-крепостной и сочувственно-нежное к ней отношение ее детей (лирического героя)

(({[мать] ↔ [одинокство, печаль]}): *Ніби в хаті, / На холоді сердешна мати / Під тином знай собі сидить. / Стара неначе одуріла* (Т.Ш. 2, с. 105 «Марина»); *Дивлюсь – твоя, мій брате, мати, / Чорніше чорної землі, / Іде, з хреста неначе знята* (Т.Ш. 2, с.17 «В казематі» VII); *Мені приснилось: ти вже мати, / Не в аксамиті, не в палатах / Твоє голоднее дитя... / А ти осталась на землі / Одна-однісінька; з тобою / Єдине добро було – / Твоє дитя, <...> Оперилось, і ти осталась / Стара і немоцна* (Т.Ш. 2, с. 228 «І станом гнучим, і красою...»). Характеристичний епитет «чорніше чорної землі» внаслідок став маркером людини так такою в творчестві Шевченка, придбув статус самоцитати [Сюта, 2014, с. 82–83].

Образ матери и ее песни увязан в поэзии Шевченка с образом Украины, с темой исторической памяти украинского народа, например: *Не одцуравсь того слова, / Що мати співала, / Як малою повивала, / З малим розмовляла; / Не одцуравсь того слова, / Що про Україну / Сліпий старець, сумуючи, / Співає під тином. / Любить її, думу правди, / Козацькую славу, Любить її!* (Т.Ш. 1, с. 133 «Гайдамаки»). Здесь НР *мати* реализует семантику нежной заботы по отношению к своим детям в таких отношениях: {[малой (ребенок)] ↔ [мати] → [песня]}.

Акциональное содержание концепта Мать связано у Шевченка с такими действиями, как *молитися, пеленать, наставлять, догонять, возвращать дитя, звать к столу, плакать*, ожидая кого-либо из детей: *У те, де мати повивала / Мене малою і вночі / На свічку Богу заробляла; / Поклони тяжкій б'ючі, / Пречистій ставила, молила, / Щоб доля добрая любила / Її дитину* (Т.Ш. 2, с. 119 «І виріс я на чужині...»); *Подибала стара мати / Доню в полі доганяти... / І догнала, привела; / Нарікала, говорила* (Т.Ш. 2, с. 18 – «Рано-вранці новобранці...»); *Не покличе стара мати / Вечеряти в хату* (Т.Ш. 2, с. 18 «В казематі», IX). Простонародный бытовой лексикон определяет трудовую роль матери в крестьянской семье, ее ответственность по отношению к недавно родившемуся ребенку: *І у хаті, і надворі, / І коло скотини, / Увечері і вдосвіта; / А коло дитини / Так і пада, ніби мати; / В будень і в неділю / Головоньку йому змиє, / Й білу / Що Божий надіває* (Т.Ш. 1, с. 334 – «Наймичка», III). В связи с

отмеченным семантическое наполнение концептуальной взаимосвязи «мать – дитя» такое: {[мать] → /забота; оберег; вскармливание/ → [дети]}.

При этом автор усиливает образ слез, плача с помощью метафоры – *реки, море слез* (концептуальная цепочка {[мать] → /плач/ → [дети]}).

Словесный образ матери-плакальницы, матери-страдательницы многократно повторяется в поэтическом творчестве Кобзаря: – *Так, мамо, так. – І знов ходила, / А мати плакала, ждучи* (Т.Ш. 2, с. 14 – «В казематі» V); *І розкажу я людям горе, / Як тая мати ріки, море / Сльози кровавої лила, / Так, як і Ти* (Т.Ш. 2, с. 245 – «Неофіти»).

Трагичность конкретно-чувственных образов, связанных с матерью, может быть усилена психологическим параллелизмом, в котором фольклорная мифопоэтическая основа расцветивается романтическим образом бури; поддерживает фольклорные коннотации и эмоциональное напряжение и синтаксический параллелизм (взаимодействие трех концептуальных цепочек {[ветер] → [ломать = умирать] → [дуб]} ↔ {[мать] [умирать] [могила] → [дитина] → [один, сам, одиночество]} ≠ {[мать] ↔ [дитина] ↔ [отец]}), ср.: *То не вітер, то не буйний, / Що дуба ламає; / То не лихо, то не тяжке, / Що мати вмирає; Не сироти малі діти, / Що неньку сховали: / Їм зосталась добра слава, / Могила зосталась. <...> А тому, тому на світі, що йому зосталось, / Кого батько не бачив, / Мати одууралась?* (Т.Ш. 1, с. 108 – «Катерина»).

Мать – родительница, продолжательница жизни и рода. В художественной речи Шевченко за этим НР закреплён статус высочайшей значимости в жизни человека, главной ценности, сакральности (концептуальная цепочка {[ЖИЗНЬ] ↔ [мама] ↔ [семья]}): *І коли-то воно буде / Гратись і промовить / Слово мамо. Велике, / Найкраще слово!* (Т.Ш. 2, с. 194 – «У нашім раї на землі»). Это высказывание оказало и продолжает оказывать масштабное воздействие на украинское национальное сознание.

Мать – и учитель для дочери, и берегиня рода: *Стовп високий муровали, / Щоб про неї люде знали, / Дітей своїх научали, / Щоб навчалися дівчата, / Коли не вчить, мати* (Т.Ш. 2, с. 93 – «Титарівна»); *На улиці невесело, / В хаті батько лас,*

/ А до вдови на досвітки / Мати не пускає. / Що ж мені робити, / Де мені подітись? <...> Скажи йому: сватай мене / Або одчепися!... / Бо як мені у матері... / То лучше топиться (Т.Ш. 2, с. 136 – «На улиці невесело»).

«Мать и дитя» – наиболее выделенный, интимизированный, коннотативно сакрализованный (ср. микроконтекстную сочетаемость с лексемами *рай, сад, Божий*) образ в следующем контексте: *Ох, діти! Діти! Діти! / Велика Божа благодать!* (Т.Ш. 2, с. 27 – «Княжна»); *У нашім раї на землі / Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим* (Т.Ш. 2, с. 193 – «У нашім раї на землі»); *Мов яблучко у садочку, / Кохалась дитина* (Т.Ш. 2, с. 28 «Княжна»). Высказывание «Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим» вошло в цитатный тезаурус украинцев, в основу этнокультурных установок [Сюта 2017, с. 205–206]. Ассоциативно-образное наполнение этого высказывания отражается в концептуальной цепочке {[**Бог**] → [**мать – ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ**] → [**дитя**]}. В приведенных поэтических контекстах библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в общую семантику «удвоенной» сакральности: сакральности жизненных, плодоносящих сил рода и сакральности Небесных энергий, Божьей благодати.

Словесными ассоциатами детей в поэзии Кобзаря – в соответствии с установкой на воссоздание фольклорных мотивов – являются номинации деревьев: название мужского рода означает рождение сына, женского – дочери. Так, «посадила три ясени в полі» означает рождение трех сыновей, «посадила високу тополю» – рождение дочери: *Посадила стара мати. / Три ясені в полі. / А невістка посадила / Високу тополю. / Три явори посадила Сестра при долині... / А дівчина заручена – / Червону калину* (Т.Ш. 2, с. 16 – «В казематі», VI). В этом поэтическом контексте находит проявление такая сакрализация материнства, при которой смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений о творящем, созидающем мужском и о поддерживающем, питающем женском началах. Доводя логику двоеверия, то есть слияния христианских верований с языческими в крестьянской

ритуально-бытовой жизни, в том числе в векторе отождествления Богородицы с Матерью-Землей и богиней весны Ладой («в колядках пели о Богородице, что она засеивает землю, а сам Господь водит золотым плугом» [Жайворонок 2006, с. 44]), до предельной сакрализации материнского начала, Шевченко в центр и начало мироздания ставит Мать как единое созидающее и питающее начало. Не только взаимодействие с началом мужским (духовным), но и сама природа творящего мужского начала из шевченковской мифопоэтической картины мира исключаются. В приведенном контексте мать сажает символические деревья – Деревья жизни, от нее идет Род, Жизнь, Любовь. Это матриархальный образ Вселенной в его индивидуально-авторском воплощении: концептуальная цепочка {[пра]Мать} ↔ [Жизнь]}.

Среди произведений Кобзаря поэма «Катерина» по силе воздействия на украинскую национальную культуру занимает особое место. С точки зрения концептуализации ролей и функций членов семьи, рода эта поэма следует выделенной выше логике наследования и внутреннего изменения, искажения фольклорной традиции. В фольклорной мифопоэтике семейных отношений, как было выявлено во второй и третьей главах диссертации, роли и функции членов семьи соответствуют семантике иерархического взаимодействия мужчины (мужа, отца, деда – главы для женщины) и женщины (жены, матери, бабушки), родителей и детей. Шевченко же в этой системе выделяет образ матери как средоточие семейного мира, как ее сакрально-ценностный центр: *Бо хто матір забуває, / Того Бог карає, / Того діти цураються, / В хату не пускають* (Т.Ш. 1, с. 353 – «І мертвим, і живим...»), *«Не кидай матері», – казали, / А ти покинула, втекла, / Шукала мати – не знайшла, / Та вже й шукати перестала, / Умерла, плачучи* (Т.Ш. 2, с. 13 – «В казематі», IV). В уста матери же он вкладывает наказ об уважении отца сыном, подчинении морально-этическим законам: *Сину мій, сину, не клени тата, / Не пом'яни* (Т.Ш. 2, с. 142 – «Ой, люлі, люлі, моя дитино...») – {[отец-)мать} ≠ [ЧУЖОЙ] ≠ [дети]}.

Сценарный мотив материнства в художественном творчестве Шевченко раскрывается и через словесный образ взаимоотношений матери и сына как

продолжателя рода. В стилизованном под народно-песенную традицию поэтическом тексте (но в логике индивидуально-авторской мифопоэтики материнства) знакомит поэт читателей с персонажами своих стихотворений: *Породила мати сина / В зеленій діброві, / Дала йому карі очі / І чорнії брови* (Т.Ш. 1, с. 257 – «Сова»); *Пишалася синами мати, / Синами вольними... Росли, / Росли сини і веселили / Старії скорбнії літа...*(Т.Ш. 2, с. 48 – «Полякам»); *А буде син, і буде мати, / І будуть люде на землі* (Т.Ш. 2, с. 353 – «І Архімед, і Галілей...»). Последнее высказывание содержит отсылку к изображению Богоматери с младенцем Христом на руках ({{[(пра)Мать]} ↔ [Сын]}}).

Широко употребителен в поэзии Шевченко эпитет *добрая* по отношению к матери, воплощающий глубину любви сына к родительнице: *Там матір добрую мою / Ще молодую – у могилу / Нужда та праця положила. / Там батько, плачучи з дітьми / (А ми малібули і голі), / Не витернів лихої долі, / Умер напанщині!* (Т.Ш. 2, с. 222 – «Якби ви знали паничі»). При этом сама мать основное свое счастье видит в том, чтобы сына женить (*Найду тобі рівню / Хоч за морем синім*) и радоваться потом полноте семейной жизни в его доме-рае: *По світлиці походжає, / Як пава, як пані, / Та з тобою розмовляє. / В хаті, як у раї!! / А я сиджу на покуті, / Тільки поглядаю* (Т.Ш. 1, с. 258 – «Сова»).

Сценарный мотив ожидания матерью сына представлен в сопоставлении с чувствами-переживаниями его невесты. Напряжение и параллелизм ситуации подчеркивает синтаксический и психологический параллелизм: *Понад ставом увечері / Хитається очерет. / Дожидає сина мати/ До досвіта вечерять. / Понад ставом увечері / Шепочеться осока. / Дожидає в темнім гаї / Дівчинонька козака* (Т.Ш. 2, с. 261 – «Сова»). Одновременно и по-разному мать и девушка плачут-тоскуют по парню-казаку: *Плаче мати одна в хаті, / А дівчина в гаї. / Поплакала чорнобрива / Та й стала співати; / Поплакала стара мати / Та й стала ридати* (Т.Ш. 2, с. 261 – «Сова»). Если для матери потеря сына – это невыразимое и неизбежное горе, то для молодой девушки жизнь продолжается, будет еще на ее жизненном пути любовь, будет чернобровый. Концептуальную связь в таком

контексте можно представить в такой схеме: {[мать] ↔ [ожидание сына] : | : [ожидание жениха] ↔ / ≠ [невеста]}.

Народно-поэтическая номинация *батько-мати* в поэзии Кобзаря актуализована в измененном виде: семантика единства ослаблена, что находит выражение в отношениях перечисления между композитами *батько* и *мати*. *Батько* и *мати* – самые близкие люди для ребенка; как правило, у Шевченко их попытки защитить дитя от превратностей судьбы неуспешны: *І молилась, і ридала, / Кляла все на світі. / Ох, тяжкі ви, безталанні / У матері діти! / Не слухала Катерина / Ні батька, ні неньки, / Полюбила москалика, / Як знало серденько* (Т.Ш. 1, с.261 – «Сова»). В ситуации обретения девушкой любви (к юноше) родители могут казаться чужими людьми, на почве любви родных и к родным и любви эротической возникает внутренний драматизм: *Хто спитає, привітає / Без милого в світі? / Батько, мати – чужі люди, / Тяжко з ними жити!* (Т.Ш. 1, с. 94 – «Катерина»). При этом полнота жизни обрисована в поэзии Шевченко в единстве уважения к родителям и взаимной любви с милым ({[дочь] ← [ЛЮБОВЬ] : [отец-мать] → [ОТЧУЖДЕНИЕ] → [дочь] → [отец-мать]}): *Не щобече соловейко / В луці над водою, / Не співає чорнобрива, / Стоя під вербою, / Не співає – сиротою, / Білим світом нудить: / Без милого батько, мати – / Як чужії люди, / Без милого сонце світить – / Як ворог сміється* (Т.Ш. 1, с. 115 «Тополя»). Отсутствие родителей – синоним одиночества: *Така її доля... О Боже мій милий! / За що же ти караєш її, молоду? / За те, що как щиро вона полюбила / Козацькі очі?.. Прости сироту! / Кого ж її любити? / Ні батька, ні неньки, / Одна, як та пташка в далекім краю* (Т.Ш. 1, с. 74 – «Причинна»)

Батько-мати как хранители рода и семейной жизни стоят на страже судьбы дочери, оберегая ее от несчастной любви ({[дочь] ← [ЛЮБОВЬ] ← [отец-мать в саду-раю]}): *Полюбилась би я, / Одружилась би я / З черобривим сиротою, та не воля моя! / Батько, мати не сплять, / На сторожі стоять, / Не пускають саму мене / У садочок гулять* (Т.Ш. 2, с. 125 – «І багата я...»); *Тече вода край города. / Вода ставом стала. / Прийшло дівча воду брати, / Брало, заспівало. / Вийшли з*

хати батько й мати / В садок погуляти, / Порадилися, кого б то їм / Своїм зятем звати? (Т.Ш. 2, с. 366 – «Тече вода з-під явора»).

Как известно, в народной культуре восточных славян особое место занимает мифопоэтический образ *стола*. Это сакрально-магический, ритуально-обрядовый и морально-этический центр семейно-родового мироздания, воплощение благополучия и духовной крепости семьи, символ ее единства. В художественной речи Шевченко этот мифопоэтический образ, как и многие другие, обрастает ассоциативными связями со словами, воплощающими драматизм пороговой ситуации в жизни семьи – в данном случае ситуации, в которой в семантику единства вторгается семантика разделения, отчуждения: *Сидить батько кінець стола, / На руки схилився, / Не дивиться на світ Божий: / Тяжко зажурився. / Коло його стара мати / Сидить на ослоні, / За сльозами ледве-ледве / Вимовляє* (Т.Ш. 1, с. 96 – «Катерина», II) – {[отец] ↔ [Стол] ↔ [мать]}.

В произведениях поэта нет места пространным портретным описаниям. Образ мира у Шевченко создается через описание символически-бытовой ситуации и ее коммуникативных маркеров. Для шевченковской художественной речи характерна внутренняя диалогичность, передающая эмоционально-экспрессивный драматизм жизненной ситуации, состояние взволнованности персонажей, психологического сопротивления обстоятельствам. Так фольклорные типы обретают у поэта индивидуальные черты и включаются в новую парадигму диалогических отношений между фольклорным словом и индивидуально-авторским художественным мышлением (сказывающимся, в частности, в неоднозначности оценки ситуации, в сложных внутренних коллизиях персонажей).

Так, мать, обращаясь к дочери в поэме «Катерина», упрекает ее в несоответствии ее поведения типовому, ритуальному, поскольку за этим несоответствием стоит потеря счастливой, благополучной судьбы, возможного или реализованного счастья семейной жизни ({[мать] → [сочувствие, сопереживание = Любовь] → [дочь]}): *Коло його стара мати / Сидить на ослоні, / За сльозами ледве-ледве / Вимовляє доні: / «Що весілля, доню моя? / А де*

ж твоя пара? / Де світилки з друженьками, / Старости, бояре?» (Т.Ш. 1, с. 96 – «Катерина», II). Беременность дочери без замужества, злобные пересуды и всяческое осуждение соседей вызывают у матери полярные чувства: она проклинает рождение дочери (*Проклятий час-годинька, / Що ти народилась!*) и одновременно выражает в ласковых номинациях, народных определениях нежное отношение к дочери; она прогоняет ее из дому, лишая семейной поддержки, – фактически отказываясь от нее и обрекая ее и нерожденного еще ребенка на смерть, – и не может душой смириться с собственным решением: *Доню моя, доню моя, / Цвіте мій рожевий! / Як ягодку, як пташечку, / Кохала, ростила / На лишенько... Доню моя, / Що ти наробила?<...>; / Доню моя, доню моя, / Дитя моє любе!; А хто ж мою головоньку / Без тебе сховає? / Хто заплаче надо мною, / Як рідна дитина? / Хто посадить на могилі / Червону калину? / Хто без тебе грішну душу / Поминати буде?* (Т.Ш. 1, с. 9697 – «Катерина», II).

Роль отца в ситуации прощания с дочерью, его благословение перед изгнанием из дома в поэме «Катерина» выписана скромнее: преобладают обрядовые клише, ставшие традиционными фольклорные обращения, например: *Обізвався старий батько: / «Чого ждеш, небого?» / Заридала Катерина / Та бух йому в ноги: / «Прости мені, мій батечку, / Що я наробила! / Прости мені, мій голубе, / Мій соколе милий!» / «Нехай тебе бог прощає / Та добрії люде; / Молись богу та йди собі – / Мені легше буде»* (Т.Ш. 1, с. 97 – «Катерина», II). В изображенном в поэме «Катерина» драматическом моменте изгнания дочери отец предстает как «хранитель чести семьи», хотя вся ответственность за «плохое воспитание» целиком возложена на мать, поэтому именно ее роль, ее слова и позиция важнее в этой сцене, но слова отца являются окончательным приговором, лишенным и тени душевного сомнения (**{отец}** → [долг, традиции = ЛЮБОВЬ] → [дочь]).

В поэме дана двойная перспектива оценки ситуации: фольклорная (народно-бытовая), связанная с жестким требованием соответствия ритуальному поведению, образу действия – из нее исходят соседи в их жестоком, злобном осуждении беременной Катерины, и – в своем решении изгнать дочь из дома – ее

собственные отец и мать; и христианская, определяемая сочувствием к страдающему, в том числе заблудшему человеку, связанная с доминантной ценностью любви и сострадания над поведенческой или моральной нормой. Развитие образа Катерины, сопряженного с мотивом внутренних страданий и непосильных трудностей, приводят исследователей к общему утверждению: в сюжете поэмы выражен не прямой призыв к христианскому отношению к человеку, к сочувствию, прощению и поддержке молодой матери [Бовсунівська 2017, с. 63].

Диалогичность отношений с фольклорной традицией в художественных текстах Шевченко определяется и романтической перспективой: в образах героинь его поэм «Катерина» и «Тополь» (вторая поэма Шевченко периода 1840-х годов) в той или иной степени проявляются черты мятежности, индивидуализма, величия и одиночества личности, противопоставленной «толпе». Так, в разговоре с матерью героиня «Тополя» резко выражает свое неповиновение, нежелание быть с нелюбимым; она готова умереть и призывает мать убить ее ({[мать] → [ДОЛГ] → [замужество дочери] ≠ [дочь] → [неповиновение]}): *Рушниками, що придбала, / Спусти мене в яму. / Нехай попи заспівають, / А дружки поплачуть* (Т.Ш. 1, с. 115 – «Тополя»). Относительно такого соединения НР *мать – дочь* В.М. Русановский отмечал, что они включены в семантическое поле ограниченной воли, даже насилия [Русанівський 2002, с. 225].

Родители – основа материального и духовного благополучия детей; эта идея вербализуется в художественной речи Шевченко в минус-ситуации сиротства. При этом драматизм, столь свойственный шевческовскому творчеству, усилен как сопоставительным параллелизмом в отношении детей, имеющих полноценную семью, так и пасхальным хронотопом, содержащим семантику всеобщей радости: *На Великдень, на соломі, / Проти сонця діти / Гралась собі крашанками, / <...> Одна тільки / Сидить без обнови / Сиріточка, рученята / Сховавши в рукава. / – Мені мати купувала. / – Мені батько справив. / – А мені хрещена мати / Лиштву вишивала. / – А я в попа обідала. – / Сирітка сказала* (Т.Ш. 2, с. 196 – «На

Великдень, на солomé...»). Эту стереотипную ситуацию отражает концептуальная цепочка {[родители] → [праздник – подарки] → [дети]}.

НР в поэзии Т. Шевченко являются, как уже показано в ряде концептуальных цепочек, вербализаторами оппозиционных концептов «свой – чужой», ср. функции и семантическую актуализацию лексем *род – люди* (СУМ, VIII, с. 554: рід 2. // збірн. Усі родичі, рідні; родина, рідня): *Бо немає в мене роду / На всій Україні, / Та все-таки не ті люди, / Що на цій чужині!* (Т.Ш. 2, с. 209 – «Лічу в неволі дні і ночі...»). Соответственно концептуальная цепочка {[род-семья] ↔ [СВОЙ] :|: [ЧУЖОЙ] ↔ [люди]} актуализует позицию лирического героя внутри круга «своих». В контексте возникновения эротической любви эта позиция меняется: взрослый сын готов поставить любовь к девушке над любовью к роду, семье: *Туман, туман долиною, / Добре жити з родиною. / А ще лучше за горою / З дружиною молодю* (Т.Ш. 2, с. 144 – «Туман, туман долиною»).

Как отмечалось выше, в украинских текстах Т. Шевченко активны и другие НР – например, *свекор, свекрівонька* (*Свекор оженився, / Батько утопився* (Т.Ш. 2, с. 266 – «Відьма»), *Якби мені свекрівонька тиха* (Т.Ш. 1, с. 299 – «Сліпий») и др., соответствующие романтически-этнографическому направлению его творчества, опоре на украинский фольклор как на источник речевых образов, стилистических приемов и мифопоэтических парадигм.

Не раз исследователи творчества Шевченко отмечали стилистическую роль интимизирующих местоимений-эпитетов и уменьшительно-ласкательных форм НР в его художественной речи: «*Уже, таточку!*» – *озвалось / Из хати Ярина* (Т.Ш. 2, с. 291 – «Невольник»); *В хаті темно, нема дома / Або вже міг спати / Мій батечко одинокий* (Т.Ш. 2, с. 271 – «Відьма»); *Моя мати... чого вона, / Вона все журилась / І на мене, на дитину, / Дивилась, дивилась / І плакала?* (Т.Ш. 1, с. 373 – «Лілея»); «*Прости мене! Я каралась / Весь вік в чужій хаті... / Прости мене, мій синочку! / Я... я твоя мати*» (Т.Ш. 1, с. 342 – «Наймичка»); «*Прости мені, мій батечку, / Що я наробила! / Прости мені, мій голубе, / Мій соколе*

милий!» (Т.Ш. 1, с. 97 – «Катерина»); *Тяжко годувати / Малих діток неумитих. / В нетопленій хаті* (Т.Ш. 1, с. 369 – «Три літа») и под.

Приведенные примеры употребления НР стоит проинтерпретировать с учетом широкого и суженного понимания понятия «интимизация», которому именно на материале творчества Т. Шевченко в свое время особое внимание уделил Л.А. Булаховский. Он в статье «Языковые средства интимизации в поэзии Тараса Шевченка» (1942 г.) предложил под средствами интимизации понимать «художественные средства, которые сближают самого поэта с изображаемым», а также «своего рода побуждение читателя – разделить с автором элементы его творчества, ближе войти в круг его чувствований и настроений, сделавшись как бы участником самого живого процесса художественного выбора» [Булаховський 1977, т. 2, с. 573]. Эту лингвостилистическую особенность украинского языка он характеризует как возможность «с помощью местоимений **той, та, те (отой, ота)**, употребленных не в прямом их – указательном значении, создать значение своеобразной условной апперцепции – перекинуть мостик от слушателя или читателя к предмету как таковому, возможно, когда-то знакомому, возможно, касающегося круга впечатлений немного забытых, но сравнительно легко восстанавливаемых, как таковому, что о нем знают сами они оба – тот, кто говорит (пишет), и тот, кто слушает (читает)» [Булаховський 1977, II, с. 573]. В таком контексте речь идет о психологической функции местоимения как средства возбуждения представления, эмоции, средства припоминания.

Образное, переносное употребление НР

Для художественной речи Шевченко характерно переводение части общеупотребительной лексики в статус понятий, ассоциативно связанных с некоторой реалией; при этом нейтральное повседневно-бытовое приобретает коннотацию интимности, ласкательности, окрашивается положительной оценкой. Вектор изменений в ассоциативно-образной нагрузке НР при этом принципиально отличен от векторов соответствующих трансформаций в художественной речи Пушкина: Шевченко опирается на знакомые читателям ассоциации из

повседневно-бытового опыта, как бы продолжая и развивая народной-песенную традицию.

Так, в сравнении матери, пеленающей дитя, с природными явлениями (солнце, море, облака) задействован фольклорный по своему происхождению прием олицетворения; в глубине же этого сравнения работает другой фольклорный прием – психологический параллелизм: (*За сонцем хмаронька пливе, / Червоні поли розстилає / І сонце спатоньки зове / У синє море: покриває / Рожевою пеленою, / Мов мати дитину* (Т.Ш. 2, с. 116 – «За сонцем хмаронька пливе...»)). Трансформируются при этом фольклорные концептуальные связи: {[мать]→ /пеленает/ → [дитя] = [гучка]→ /накрывает/ → [солнце]}.

НР *мать* в художественной речи Шевченко включено в качестве приложения в описание ночи, чей образ приобретает в связи с этим психологическую окраску: *Нехай, кляті, бенкетують, / Поки сонце зайде, / А ніч-мати дасть пораду – / Козак ляха знайде* (Т.Ш. 1, с. 87 – «Тарасова ніч»). Ср.: {[ночь] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Выделяется образное употребление НР *мать* (*ненька*) в отношении Украины: в сочетании с эпитетом *бідна* (в других контекстах – *сердешна*) оно сообщает образу Украины особую интимную окраску, намекает на нежную любовь ребенка (представителя украинского, малороссийского народа) к своей родине. Семантика нежной, жертвенной любви поддерживается контекстуальным окружением, включающим указания на реалии казацкой жизни, а также содержащим особый признак казацкой народной песни (был отмечен выше) – закреплённость за названием *Украина* семантики страдающей матери и (ассоциативно) позиции жертвенной любви и защиты матери-родины со стороны казака: «*Бідна моя Україно, / Стоптана ляхами! / Україно, Україно! / Ненько моя, ненько! / Як згадаю тебе, краю, / Заплаче серденько*» (Т.Ш. 1, с. 86 – «Тарасова ніч»); *Ой Богдане! / Нерозумний сину! / Подивись тепер на матір, / На свою Вкраїну, / Що, колишучи, співала / Про свою недолю* (Т.Ш. 1, с. 252– «Розрита могила»); *Як мандрували день і ніч, / Як покидали запорожці / Великий Луг і*

матір Січ, / Взяли з собою Матер Божу, / А більш нічого не взяли (Т.Ш. 2, с. 44 – «Іржавець»). Ср.: {[Украина] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Нежные отношения любви народа к страдающей матери-родине (*мати*) связаны в художественной речи Шевченко и с образом братьев-украинцев (*браты, діточки*), то есть с переносом семантики братства на всех представителей украинского, малороссийского народа. Уходя в подобных контекстах от прямых отсылок к традиции казацкой песни, поэт наследует из нее и воссоздает в качестве центрального образ Родины как страдающей матери. Кроме того, сам поэт, или лирический герой, выступает как один из братьев-детей матери-Украины, максимально тем самым вербализуя ее кровное родство не только с «абстрактным» народом, но с собой как личностью выдающегося поэта и одновременно легендарного певца своего народа: *Обніміте ж, брати мої, / Найменшого брата – / Нехай мати усміхнеться, / Заплакана мати. / Благословить дітей своїх / Твердими руками / І діточок поцілує / Вольними устами* (Т.Ш. 1, с. 353–354 – «І мертвим, і живим...»). Ср.: {[Украина] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать и дети]}. *І ті люде, і село те, / Де колись, мов брата, / Привітали мене* (Т.Ш. 2, с. 212– «Немає гірше, як в неволі...»). Ср.: {[брат] ↔ [СВОЙ] ↔ [люди]}.

Кровно-родственная близость украинцев и Украины обозначена в поэзии Шевченко функционированием НР *дети* в переносном значении (украинцы – дети Украины) [СМШ, I, 180]: *Чи вже ж йому любо людей мордувать? / А надто сердешну мою Україну. / Що вона зробила? За що вона гине? / За що її діти в кайданах мовчать?* (Т.Ш. 2, с. 45 – «Іржавець»); *Просвіtilись! та ще й хочем / Других просвітити, / Сонце правди показати / Сліпим, бачиш, дітям!..* (Т.Ш. 1, с. 346 – «Кавказ»). Ср.: {[дети-потомки] ↔ [Украина-мать]}.

Сопоставляя и синтезируя наблюдения над функционированием слов *мати* и *діти* в переносном значении для обозначения кровно-родственных (максимально близких) отношений между Украиной и ее народом с выводом о «двойной» сакрализации образа матери в поэзии Шевченко, приходим к следующему значимому заключению: подобно тому, как центр и начало

Вселенной у Шевченко исходит из Матери (как единого созидającego и питающего начала), так центром и началом социокультурного мира в его поэзии становится Украина-мать. На ней сходятся все чаяния и верования народа (как они изображены Кобзарем), к ней устремлена вся его жертвенная любовь, все его стремление защитить свой мир от враждебных, разрушительных сил. Все остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувствования подчинены этой всеохватной концепции священного материнства.

Индивидуально-авторским является сравнение звуков оружия казака, с которым он никогда не разлучается во время службы, с плачем матери; приведенное сравнение сопровождается олицетворением предметного мира: «*Нащо мені женитися?...*» / *Як положать отамана / В новій хаті спати, / Заголосить, як та мати, / Голосна гармата* (Т.Ш. 2, с. 185–186 – «*Нащо мені женитися?*»). Ср.: {[звук **оружья**] ↔ [СВОЙ] ≈ [мать]}.

Кроме НР *мати*, в функции сравнения (в широком смысле) в художественной речи Шевченко часто встречается название *дитя*, *дитина*, *діточки* [СМШ I, 179, у порівн.]. Оно привносит в текст стилистическую коннотацию интимности, нежности, искренности сопереживания, привязанности, ср.: *І ждеш його, того світу, / Мов матері діти* (Т.Ш. 2, с. 116 – «*За сонцем хмаронька пливе...*»), *Був собі дід та баба. / З давнього-давна у гаї над ставом / Удвох собі на хуторі жили, / Як діточок двоє, – / Усюди обоє* (Т.Ш. 1, с. 330 – «*Наймичка*»), *Хто ж їх старість привітає, / За дитину стане? <...> І згадає дякуючи, / Як своя дитина?* (Т.Ш. 1, с. 330–331 – «*Наймичка*»). Ср.: {[дети] → [ожидание] ≈ [мать]}, Ср.: {[старые родители] ↔ [ПАМЯТЬ] ← [дети]}.

В поэзии Т.Г. Шевченко переносное значение у слова *дети* формируется и в отношении внутренней жизни поэта (лирического героя): его мысли, его слова, его творения через сему ‘рождение’ метафорически осмысляются как дети (в отдельных случаях – как дружина) [СМШ I, 179, перен.]: *Привітаю вас, як діток, / І заплачу з вами* (про думи) (Т.Ш. 2, с. 118 – «*Думи мої, думи мої...*»); *Думи мої! літа мої, / Тяжкії три літа, / До кого ви прихилитесь, / Мої злії діти?* (Т.Ш. 1, с. 370 – «*Три літа*»); ср. также – *думи-діти* [СМШ I, 179]; а также – *О*

думи мої! О слава злая! <...> Люблю як щиру, вірною дружину (Т.Ш. 2, с. 47 – «О думи мої! О славо злая!»). Ср.: {[дети - произведения] ↔ [творческое «Я»]}.

Наименования *дети, дочь* переносятся на объекты растительного мира – цветы, тополя, тем самым эмоционально, как бы духовно сближая природу с человеком: *Привітав мене, лущипер, / Благословив діток, / Та й забрав їх у покої... / Ростуть мої квіти!* (Т.Ш. 2, с. 274 – «Відьма»); *Що день Божий / Радості приносить / Своїй матері щасливій / Дочка уродлива. / Мов тополя, виростає / Світові на диво* (Т.Ш. 2, с. 2829 – «Княжна»). Аналогичное словоупотребление зафиксировано в творчестве последователей Шевченко – Марко Вовчок (*Діточки мої, квіточки мої! Пов'яли ви у зеленочку*), Б. Гринченко (*А дитиночка, як квітиночка*) и др. Ср.: {[дети] ↔ [ПЛОД, красота] ← [цветы]}.

Согласно информации, которую дает «Конкорданція..», в поэтическом словаре Т.Г. Шевченко зафиксированы такие индивидуально-авторские метафорические употребления НР: *серце-мамо* (1), *сестри-зорі* (1) [СМШ, II, с. 244], *сестрились* (1) [СМШ, II, с. 244], *сестри-чарівниці* (1) [СМШ, II, с. 400] (КПТШ 4, с. 3128). Ср.: <...> *Умру, серце-мамо, / За сотником Іваном; Спочинемо, а тим часом / Твої сестри-зорі / Безвічній попід небом; Мов борються в полі. / Ото сестри-чарівниці – / Отії тополі; Колись божились та клялись. / Братались, сестрились зо мною. / Поки, мов хмара, розійшлись.* Если в композитах компонент НР является актуализатором эмоциональности, сем 'близкий', 'родной', 'дорогой' ({[сестра] ↔ [СВОЙ] ↔ [звезды, тополя...]}, {[сердце] ↔ [СВОЙ] ↔ [мама]}), то глагол *сестриться* 'становиться названной сестрой' – аналог глагола *брататься* – является индивидуально-авторским образованием (не был воссоздан ни в чьей другой писательской практике (СУМ, IX, 151)).

Укажем, что вторичная семантика НР *сестри* (относительно *звезд*), взаимоусилительное употребление в переносном значении составляющих композита *сестри-чарівниці* относительно *тополя*, как и *сердце* относительно *матери*, имеют народно-песенную основу: ср. аналоги *дівчинонька-серце, серце-дівчина, дівчина-чарівниченька* [Жайворонок 2018, с. 198].

Афористическими стали слова Шевченко из «Заповіту»: *І мене в сем'ї великій, / В сім'ї вольній, новій / Не забудьте пом'янути / Незлим, тихим словом* (Т.Ш. 1, с. 371 – «Як умру, то поховайте...»). Они приобрели статус идеологемы в советский период развития русской и украинской культур, став частью текстов и с негативной, и с позитивной оценкой идеологической семы 'семья народов'. Ср. *сім'я* 2. Перен. Про людей, об'єднаних спільністю інтересів [СМШ, II, 252]. Ср.: {[люди] ↔ [СВОЙ] ↔ [люди] = [семья]}.

Особое внимание привлекает вопрос сочетаемости НР с эпитетами в произведениях Шевченко, поскольку эпитет как таковой всегда имеет оценочную и образную функции. Помимо процитированных контекстов, обратимся к случаям, указанным в лексикографических источниках [Ващенко 1982; Меншиков 2008]. Согласно этим словарям, среди существительных-НР, входящих в украинские поэтические контексты в атрибутивные конструкции, отмечены *дитина, дитя, дитячко, дитяточко, діти, дітки, діточки* (ПСК, с. 11), *мати, матер, матінка, матір* (ПСК, с. 12), *син, синок* (ПСК, с. 12), *дочка, доненька, доня, доченька, дщеря* (ПСК, с. 16), *батько, батечко* (ПСК, с. 18), *сестра* (ПСК, с. 20), *чоловік* (ПСК, с. 25), *внук, внуча, онучата* (ПСК, с. 27), *баба, бабуся, бабусенька* (ПСК, с. 34), *батьки* (ПСК, с. 34), *прадід* (ПСК, с. 37), *свекруха, свекрівонька* (ПСК, с. 37), *дівчина-дитина* (ПСК, с. 41), *правнук* (ПСК, с. 47), *сестри-зорі* (ПСК, с. 48). А также – *батько* (ЕПМ, с. 8), *батьки* (ЕПМ, с. 8), *брат* (ЕПМ, с. 9), *дід, дідусь* (ЕПМ, с. 14), *зять* (ЕПМ, с. 18), *ненька* (ЕПМ, с. 27), *рід, рідня* (ЕПМ, с. 33), *родина* (ЕПМ, с. 34), *сім'я* (ЕПМ, с. 37).

Также среди наиболее часто употребляемых, определяющих синтаксических доминант названы такие эпитеты к НР, как *святий* (ПСК, с. 64), *старий* (ПСК, с. 65), *молодий* (ПСК, с. 65), *добрий* (ПСК, с. 65), *добрий, веселий* (ПСК, с. 66), *проклятий* (ПСК, с. 67), *убогий* (ПСК, с. 67), *єдиний, чужий, малий* (ПСК, с. 68), *козацький, праведний* (ПСК, с. 69), *праведний* (ПСК, с. 69), *сердешний, тяжкий, лукавий* (ПСК, с. 70), *вольний, тихий, злий, високий* (ПСК, с. 71), *голий, безталанний, багатий, маленький, сивий* (ПСК, с. 72), *людський, скажений, чорнобривий, одинокий, дурний* (ПСК, с. 73), *козачий, синій, чистий,*

щирий, бідний, любий, найкращий (ПСК, с. 74), *мудрий, чималий, голодний, босий, милий* (ПСК, с. 75), *хороший, страшний, убитий, благий* (ПСК, с. 76), *ледачий, пречиста* (ПСК, с. 77), *слов'янський, вродливий* (ПСК, с. 77), *гнучкий, грішний, молоденький, недобрий, пренепорочна, рідний, умитий, щасливий* (ПСК, с. 78), *дрібний, кароока, невеликий, невольнича, неживий, нерозумний, обідраний* (ПСК, с. 78), *один-однісінький, сизокрилий, скорбний, смілий, чорнявий, батьковий, веселенький* (ПСК, с. 80), *заплакана, княжа, милосердний, навісний, недобитий, нехрещений* (ПСК, с. 81), *радий, старенький, вкрите* (ПСК, с. 82), *голісінька, горбата, зарізана, звичайна, здорова* (ПСК, с. 83), *незрячий, ненагодований, непевні, розхристана, скований, сонний, сповитий* (ПСК, с. 85), *вилита, вірний, вкопаний, всеблагая* (ПСК, с. 86), *злякана, знята, нагодована, гола, несповита* (ПСК, с. 87), *письменний, понура, радесенька* (ПСК, с. 88), *чорніша* (ПСК, с. 89), *благословенна⁴ мати* (ПСК, с. 90), *викохана дитина* (ПСК, с. 91), *гарна дочка, гордіша мати, доглядана дитина, достеменний син* (ПСК, с. 92), *лепська мати* (ПСК, с. 95), *мужикова дочка, невінчана дитина, неголована дитина* (ПСК, с. 96), *не єдина дочка, незлобна дитина, нелюба дитина, не одинокий син, не панський син* (ПСК, с. 97), *неумита дитина, одиноча дочка, однаковий син, одягнена дитина, окаянна дочка* (ПСК, с. 98), *оперений син, опухла дитина, покорна дитина, попова дочка* (ПСК, с. 99), *преправедна мати, прескорбная мати, прикована дитина, прокажена мати* (ПСК, с. 100), *сивенький / сивесенький дід* (ПСК, с. 101), *скупана дитина, старесенька мати* (ПСК, с. 102).

В приведенном списке повторяются лишь три эпитета – *добрий, голий, убогий* (ПСК). Рассматривая вопрос о традиционности и оригинальности эпитета в структурах с НР, В.М. Русанивский утверждает, что в художественной речи Шевченко преобладают народно-поэтические определения, понятные и близкие тем, для кого прежде всего писал поэт, ср.: *Жаль і батька, жаль і матір, / І вірну дружину, / Молодую, / Веселую, / Класти в домовину, / Жаль великий, брати мої* (Т.Ш. 1, с. 369 – «Три літа»); *Катерина задумалась / У третьому каже: / «Єсть*

⁴ Тут и дальше по списку указываем сочетаемость, зафиксированную только со словами-НР.

у мене брат єдиний / У неволі вражій!..» (Т.Ш. 2, с. 137 – «У тієї Катерини...») [Русанівський 2002, с. 50–51].

В целом отмечаем, что по семантическим признакам эпитеты сконцентрированы в таких группах: возраст, психологическое, эмоциональное состояние человека, его отношение к другим людям, физическое состояние человека, отношения с членами семьи, национальная принадлежность, религиозность. Некоторые прилагательные в роли эпитетов употреблены в обобщенном значении. В связи с этим привлекает внимание *княжої дитини*. Как известно, *княжий* – принадлежащий князю, свойственный ему. Например: **КНЯЖИЙ**, -ая, -ее и -ья, -ье. Устар. и трад.-поэт. Княжеский. *Все их громко величают / И царевича венчают / Княжесей шапкой, и главой / Возглашают над собой* (Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане). *На княжьем дворе слушал [русский человек] сказания вещего Бояна.* (А.Н. Толстой. Откуда пошла русская земля) (СРЯ). В действительности эта ассоциация отдаленная, поскольку поэт использует эпитет для создания идеалистического обобщения: *Ой виростеш, сину, За півчварта року, Як княжа дитина, Як ясен високий, / Гнучкий і дебелий, / Щасливий, веселий / І не одинокий»* (Т.Ш. 1, с. 257 – «Сова»).

В русских произведениях Шевченко среди атрибутированных НР зафиксированы: *брат, дитя, дети* (ПСК, с. 126), *мать* (ПСК, с. 127), *жена* (ПСК, с. 128), *сын* (ПСК, с. 129), *дочь* (ПСК, с. 129), *отец* (ПСК, с. 130). Соответственно – *голодный, живой, забытый, злобный, родной, согбенный* – **брат**; *единое, милое, прекрасное, родное, чужое* – **дитя**; *избранная, родная, скорбящая, слепая* – **мать**; *бесплодная, несчастливая, убогая* – **жена**; *грустный, единый, родной* – **сын**; *молодая, прекрасная* – **дочь**; *злой, усталый* – **отец**. Среди зафиксированных эпитетов наиболее употребляемые *родной, прекрасный, единый*.

Выводы к главе 4

Лингвомифопоэтический подход в изучении константы Родство / Спорідненість, проводимый на материале языкового творчества А.С. Пушкина и

Т.Г. Шевченко, учитывает взаимодействие художественных текстов как с фольклорной традицией и архаическим и христианским мифом, так с традициями книжно-письменного и художественного (ассоциативно-образного) словоупотребления.

В результате сравнительного исследования был выявлен ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; была описана специфика восприятия в их творчестве фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; были определены основные расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.

Что касается сходств в использовании НР и в концептуализации отношений родства в художественной речи двух поэтов, их можно описать **в следующих общих признаках:**

– значимость фольклорной традиции (особенно в ее народно-песенном варианте) как стилистической, мифопоэтической и образно-сюжетной основы изображения отношений родства;

– активность употребления всех основных номинаций родства в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией (с той оговоркой, что у Шевченко и самих НР, и количество их употреблений больше);

– актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту (ср: Пушкин ассоциирует творческие порывы с братьями, сестрами-музами, Шевченко – с детьми).

Что же касается **расхождений в использовании НР и в концептуализации отношений родства** в творчестве Пушкина и Шевченко, выделим наиболее существенные:

1. У Пушкина метафорические, перифрастические сочетания с НР обнаруживают переход от риторической иносказательности к психологическому

символизму. У Шевченко же метафорический перенос выполняет функции интимизации, усиления эмоционально-оценочной нагрузки образа, по сути, он продолжает фольклорную традицию совмещения бытового и мифопоэтического содержания.

2. У Пушкина контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: архаическую (в том числе церковнославянизмы), связанную с риторической культурой XVIII века; высокую книжную, восходящую (через классицистическую литературу и европейскую культуру XVIII века) к античным источникам; книжно-поэтическую, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуально-авторскую стилистическую нагрузку; разговорную, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; народно-бытовую (простонародную); народно-поэтическую (фольклорную). У Шевченко нет такого разнообразия стилистических коннотаций в контекстуальном окружении и сочетаемости НР: оно ограничивается проявлениями библейско-христианских, книжно-поэтических (отсылающих к романтическим образам и идеалам) и народно-бытовых (простонародных) коннотаций при абсолютном доминировании коннотаций народно-поэтических.

3. У Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами. У Шевченко же смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений. Предельно сакрализуя образ матери, Шевченко в центр и начало картины мироздания ставит именно его как мифопоэтический образ единого созидającego и питающего начала.

4. У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его

продолжения. У Шевченко же в структуре константы Спорідненість центральное место занимает сочетание семантики жертвенной, самозабвенной любви (матери к ребенку, ребенка к матери, девушки к любимому, поэта к своему народу; как основы семейных отношений; как основы отношений между народом и родиной) и семантики сакральной связи между матерью и ребенком, в которой библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в общую семантику «удвоенной» сакральности (сакральности жизненных, плодоносящих сил рода и сакральности Небесных энергий, Божьей благодати). Спроецированный на социокультурный мир, сакральный мифопоэтический образ матери у Шевченко воплощается в облике страдающей матери-Украины. К ней устремлена вся жертвенная любовь украинского народа и его певца Кобзаря, все же остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувствования подчинены этой всеохватной концепции священного материнства.

5. Важное место в структуре константы Родство (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»). В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко сходное место отведено образу крепкой крестьянской семьи: он становится чувственно-конкретным воплощением образа Украины («Садок вишневий коло хати»), при этом его центром являются детско-материнские отношения. В то же время в поэме «Катерина» (масштабно воздействовавшей на формирование украинской идентичности) воплощен образ семьи, разрушенной столкновением свободолюбивой дочери с жесткими требованиями семьи, живущей ритуально-бытовыми нормами поведения. Над семантикой семейного родства в поэме встает семантика любви как сострадания.

В целом отмечаем актуальность НР в творчестве основоположников двух литературных языков, проявления общего и специфического, индивидуального, в том числе социально и культурно обусловленного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуализация отношений родства входит в число основополагающих факторов формирования и развития национальной культуры. Начальным этапом этой концептуализации – этапом, уходящим вглубь истории народа вплоть до начатков его формирования в период выделения семейного начала из родового – является формирование **мифопоэтического ядра**, включающего в себя имя-миф, мифопоэтический образ и связанные с ними в архаической ритуально-мифологической картине мира представления и сюжеты. Дальнейшее осмысление отношений родства связано с формированием соответствующих образно-чувственных, ритуально-бытовых, разговорно-дискурсивных и сценарно-сюжетных структур в народной культуре – в том, о чем сегодня мы говорим как о фольклоре. **Фольклорные и литературные тексты** играют ключевую роль в масштабных процессах осмысления отношений родства, поскольку именно они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать и транслировать в пространство национальной культуры. Особое место в этом развитии принадлежит тем текстам художественной литературы, которые получают статус «классических», «национальных», масштабно воздействуют на формирование национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт).

Рассматривая результаты концептуализации родственных отношений в русской и украинской национальных культурах как целостность связанных друг с другом представлений, оценок, образных ассоциаций, восходящих к мифопоэтическому ядру как единому истоку и образному-смысловому стержню, мы определяем эту целостность как **константу** – вид лингвокультурных концептов, для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в культуре и который маркирован основополагающей значимостью для национального мира. В константе Родство /

Спорідненість, как и в других константах, мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития; в связи с этим она преимущественно развивается в фольклорном и художественном пространствах, осваивающих и развивающих образно-смысловой потенциал ее мифопоэтического ядра, которое определяется этимологией слова род / рід и целым рядом связанных с ней мифологических представлений о взаимодействии и единении мужского и женского начал в человеческой и природной жизни.

Для сопоставительного анализа содержания константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах был разработан **лингвомифопоэтический подход**, учитывающий особый признак концепта-константы – интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, в других художественных текстах национальной культуры, а также специфику ее структуры, состоящую в том, что 1) концепт-константа в качестве основополагающего, исходного элемента структуры имеет не чувственно-образное, но мифопоэтическое ядро; 2) периферийное поле константы состоит из актуальных ценностно-образных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ценностно-образных ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху.

Сущность лингвомифопоэтики, или лингвомифопоэтического подхода к исследованию концептов-констант, состоит в сочетании следующих методов работы с языковым, текстовым, семиотическим материалом:

- метода сравнительной лингвоконцептологии, опирающегося на компонентный (семный) анализ и теорию поля и включающего в себя анализ ассоциативных полей и контекстов слов, вербализующих ЛК;
- метода лингвокультурологической поэтики, сфокусированного на выявлении в художественных текстах способов формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект, на интерпретации

совокупности языковых и стилистических особенностей в художественной речи в их тесной связи с культурой народа;

– метода мифопоэтики, изучающего способы воплощения древнего мифа в образах, сюжетах, мотивах, аллюзиях и пр. в художественных произведениях и учитывающего как когнитивно-психологическое своеобразие мифологического мышления, так и своеобразие мифологической образности и сюжетики, а также полифункциональность отношений фольклора и литературы с мифом.

Сочетание этих методов при доминировании метода сравнительной концептологии позволило разработать **лингвомифопоэтическую методику компаративного анализа концепта-константы:**

1) построение номинативного поля концепта-константы (в компаративном аспекте), описание семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта: семный анализ лексикографических источников, дистрибутивный анализ сочетаемости доминантного слова; анализ значения производных доминантного слова, определение содержания понятийного ядра концепта;

2) исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа (доминантных слов), описание мифопоэтического ядра константы;

3) компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную для настоящего времени национальную картину мира;

4) компаративное описание особенностей реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и национальной картины мира и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием;

5) обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также компаративное описание мифопоэтической составляющей литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, на четвертом и пятом шагах методики предусматривают не только совмещение приемов концептуального и мифопоэтического анализа, но и моделирование когнитивно-ментальных текстовых структур константы с помощью концептуальных цепочек. Такое моделирование дает представление не только о синтагматике, парадигматике и семантическом развитии константы, но и о ее лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации, а также о национально-культурных особенностях реализации того или иного ценностно-смыслового содержания.

Применение лингвомифопоэтического подхода к исследованию константы Родство / Спорідненість в соответствии с разработанной методикой на первом шаге дало следующие результаты:

– было установлено, что ключевой номинацией константы выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы;

– было выявлено, что в целом в толковой академической лексикографии отмечается совпадение семантических признаков, отражающих в русском и украинском языках семантику ‘общность, связь, близость по крови’, ‘общность, связь по браку’ и ‘общность, близость по духу’. Первые два из выделенных значений – ‘близость по крови’ и ‘близость по браку’ – являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными. Именно в этих прямых значениях, как в наибольшей степени связанных с образно-смысловым ядром константы и реализующих ее мифопоэтический потенциал, рассматривается функционирование константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах;

– в качестве **существенных признаков семантического ядра константы Родство / Спорідненість** были определены: а) совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, б) мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, в) ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку.

Исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа на втором шаге изучения константы Родство / Спорідненість позволило прийти к следующим значимым выводам. **Мифопоэтическое ядро константы** (действующее впоследствии как образно-смысловой стержень для новых ее слоев) восходит к мифопоэтическим представлениям о боге Роде и связанных с ним женских божествах и в образно-чувственной форме «схватывает» **семантику взаимодействия мужского и женского** как творящего и питающего (поддерживающего) начал, обеспечивающих единство, взаимосвязанность и порядок в космическом, природном и человеческом мире.

Новые христианские представления о небесных силах и отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства вливают семантику духовного родства и в то же время втягивают в себя и преобразуют (в рамках русской православной традиции) такие образно-смысловые, мифопоэтические представления, как со-причастность человека и природы небесным силам, возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, нерасторжимость духовной связи между предками и потомками рода (шире – народа). Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода.

На третьем шаге исследования константы Родство / Спорідненість в различных формах ее вербализации во фразеологизмах и поговорках с

доминантными названиями кровного родства (на украинском и русском материале) было обнаружено следующее:

1. В целом русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений.

2. **Семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании** составляют следующие значения, выделяемые по параметру наиболее широкого охвата фразеопаремийного фонда: 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом'.

3. В периферийную зону этого содержания входит большой семантический комплекс, включая следующие (наиболее актуализованные) значения: '(генетическая) наследственность', '(психологическое и физиологическое) сходство', 'опора', 'счастье', '(Божья) правда / воля / помощь', 'сочувствие', 'доброта', 'любовь', 'забота', 'уважение (к родителям)', '(родовая) судьба', '(родовая) ответственность', 'труд, работа', 'ум, разум'.

4. Положительный оценочный компонент содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании тесно связан с информационным (понятийным); при этом в константе содержатся и информационно-оценочные значения негативного характера, указывающие на возможность развития неблагоприятных сценариев в отношении рода, родственников, родственных связей: 'смерть' (родителей), 'корыстолюбие', 'зависть', 'обособленность', 'враждебность', 'безответственность', 'глупость', 'брань', 'битье', 'пьянство'.

5. На тесную связь константы с архаическими мифопоэтическими представлениями о единстве и взаимосвязи рода и мира, вписанности жизни рода в природную, космическую жизнь в первую очередь указывает частотность актуализации во фразеопаремийном фонде растительных образов, восходящих к образу Мирового древа.

6. Наблюдаются незначительные расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах. Так, соотнесенность паремийной картины мира с делением на «своих» и «чужих» более часто встречается в украинской лингвокультуре. Если в украинской паремийной картине мира основной акцент в характеристике отношения матери к детям приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (сердце), то в русских пословицах это отношение ассоциировано с 'душой' и 'красотой'. Только русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения к чужим сестрам. В то же время только в украинской паремийной картине мира выражено безразличие к внешности невестки, а порой и злоупотребление ее непривлекательностью.

Отражая иерархию структурно-семантических языковых и ментально-языковых связей через конкретные микроконтексты со связанным лексико-грамматическим значением, фразеопаремии тяготеют к таким глобальным концептуальным оппозициям, как «свой – чужой», «добро – зло», «правда – неправда», «богатство – бедность», «радость – горе», «умный – глупый», «счастье – несчастье», «молодой – старый».

В целом русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений. Выделенные из фразеопаремийного фонда литературных языков вербализаторы константы Родство / Спорідненість отражают народную концептуализацию родовых и семейных устоев, ценностных установок и сценариев взаимодействия в семье, а также реализуют мифопоэтическую составляющую, связанную с архаическими представлениями о боге Роде, Судьбе, Древе Жизни. Особое место в ряду паремийных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, принадлежит паремиям с центральными номинациями *дед / дід* и *баба / баба*. В них широко воплощается

ряд архаических мифопоэтических представлений о роде и сакральных силах Рода, о счастье-удаче и жизненной энергии Мирового древа.

Исследование функционирования номинаций родства в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения привело к следующим значимым выводам:

1. НР включены в ассоциативно-образные связи, метафорические механизмы сопоставления и синтеза, в формируемые на их основе символические структуры. Варианты содержания константы Родство / Спорідненість существенно различаются в народной лирической (и хороводной) песне, в песне обрядовой (календарно-обрядовой) и в социально маркированной народной песне; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является выделение в качестве центрального ее компонента значения 'семья'.

2. Можно аргументированно утверждать, что пространство народно-песенной культуры – пространство принципиально семейное, личностно ориентированное, а не родовое. Анализ функционально-стилистической нагрузки НР-фольклором в лирических песенных текстах позволяет утверждать, что в этом дискурсе в содержании константы Родство / Спорідненість **центральное место закреплено за семантикой любви** (как единого основания семейных отношений), при этом деление мира на своих (членов семьи и рода) и чужих (тех, кто вне кровного родства или свойства) часто соотносится с парадигмой отношений любви – нелюбви (отчужденности). Наиболее значимыми в содержании константы Родство / Спорідненість в ее народно-лирическом бытовании является семантический комплекс 'любовь', 'свой, родной', 'семья', 'надежный', 'близкий', 'понятный'. К периферийному содержанию константы в этом песенном пространстве можно отнести семантические компоненты 'счастье', 'радость', 'судьба', 'чужой', 'чужбина', 'страх', 'печаль', 'страдание', 'боль', 'долг'.

Оценочность, как неотъемлемая часть как центральной, так и периферийной составляющих константы, усиливается приемами включения мифопоэтических

образов. Сопоставление драматической ситуации, в которой оказался герой (героиня) песни, с природным явлением и (или) их противопоставление эмоционально вовлекает слушателя, усиливает выразительность высказывания. В то же время в этом приеме в целом и особенно в образах деревьев (воплощающих, конечно, не столько личный или коллективный опыт, сколько архаическую символику Мирового древа) и соотносимых с ними номинаций родства (отец, батюшка, сестричка и т.п.) продолжает жить и приобретает особые художественные формы мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість.

Фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий являются средствами интимизации чувств членов семьи. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

3. В народно-песенной календарно-обрядовой и семейно-обрядовой лирике разнообразное функционирование НР-фольклором (в функции символов, образов, метафор, олицетворений, в приеме психологического параллелизма) – важнейшее жанровое требование, поскольку именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и воспроизведения тех или иных обрядовых действий. В целом в этих текстах актуализуются вторичные метафорические номинации НР.

В разных видах обрядовой дискурсивной практики роли членов семьи освещаются по-разному, однако общими для всех песенных текстов такого рода являются функции заклинания, пожелания, призывания благополучия. В связи с этим содержание константы Родство / Спорідненість в ее обрядово-песенном бытовании имеет единую структуру, **в центре которой находятся семантический комплекс ‘семья’, ‘полнота’, ‘счастье’, ‘жизнь’, ‘добро’ (материальное, физическое благо), ‘любовь’;** в периферийной же области – множество связанных с ними смысловых компонентов разной направленности, включая ‘благословлять’, ‘дом’, ‘сад’, ‘радость’, ‘женитьба / замужество’, ‘порядок’, ‘уважение’, ‘печаль (тоска)’. Существенно отличает наполнение константы в разных видах календарно-обрядовых песен только образная

составляющая. Так, песенные тексты зимнего цикла (колядки, щедровки), нацеленные на пожелание (заклинание) благополучия в новом году, опираются на изображение идеальной семейной жизни, состоящей в единстве духовного (семы 'единство', 'полнота', '(взаимная) поддержка') и материального (семы 'здоровье', (материальное) 'счастье') благополучия. В весеннем песенном цикле глаголы *благословлять, звать, призывать* связаны с образом матери как источника жизни. Семантическую модель таких микроконтекстов может представить концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]}.

Большое разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклорами сохранилось в семейно-обрядовых песнях, связанных со сватаньем, благословением, обручением, свадьбой. В целом они определяют следующие особенности содержания константы Родство / Спорідненість: в центре ее структуры – оппозиция 'своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)'. С этой оппозицией связаны все наиболее значимые семантические компоненты, входящие в центральную часть структуры: 'послушание', 'уважение', 'родной' (и 'неродной'), 'род-племя', 'дом'; соотнесены с ней и значения менее частотные, составляющие периферийное содержание этого варианта константы: 'поддержка', 'радость', 'печаль', 'слезы', 'труд', 'верная (жена)'.

4. В социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклора активны направленно: как средства интимизации и эстетизации социальных отношений и социальных явлений – в контексте оценочной и смысловой концептуализации мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами. В центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість, соответственно, находится **комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества, сиротства**: 'дом', 'отец-мать', 'одинокий', 'без / вне семьи', 'без / вне помощи', 'чужая (сторона)', 'плохая доля', 'неволя', 'прощанье – встреча'. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в

периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: 'слезы', 'тоска', 'печаль', 'сила', 'помощь', 'совет', 'жизнь', 'смерть'.

Соответствуют специфике функционирования НР-фольклором в социально маркированном песенном дискурсе использование орнитосимволов в качестве знаков социальной свободы (освобождения от непосильного труда, ежедневно истощающей работника трудовой лямки) и духовной связи с родом, семьей.

Подобно характерным для народной лирической песни приемам обработки мифопоэтического компонента константы Родство / Спорідненість, социально маркированной народной песне свойственно преобразование мифопоэтического изоморфизма, отождествляющего человека с природным явлением, в сопоставление, уподобление, сопологание человека и природы как родственных, но не тождественных феноменов, привнесение в эту взаимосвязь функции эстетического приема (усиления экспрессии) через механизмы психологического параллелизма, эстетического уподобления (метафоризации), олицетворения, обращения (героя к существам природного мира).

Особое место в украинской социально маркированной песне принадлежит казацким песням. В целом содержание константы в них совпадает в понятийном и оценочном аспектах с семантическим наполнением константы в других видах социально маркированных песен. Основное отличие касается образного наполнения актуального слоя константы: значимое место в нем занимает конь как образ-символ помощника, посредника между служивым и его родом, а также образ-символ матери (в значении оберега, защитных сил семьи, рода). Максимально обобщенно образ матери, переживающей за своих сыновей-казаков, воплощается в **ассоциативно-образной связи мать=Украина**. В этом уподоблении характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу приобретает особые очертания: оно встраивается в военно-исторический сценарий вражьих набегов, разорения и борьбы с врагами, приносящими страдания не только народу, но и матери-земле. При этом мать-земля теряет свойственные ей функции поддержки и защиты, оберегания, питания народа

природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

На четвертом шаге исследования константы Родство / Спорідненість анализировались НР и слова более общего содержания с семантикой родства в их функционировании в художественных произведениях А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. В результате сравнительного исследования был выявлен ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; была описана специфика восприятия в их творчестве фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; были определены **основные расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.**

Что касается сходств в использовании НР и в концептуализации отношений родства в художественной речи двух поэтов, их можно описать **в следующих общих признаках:**

– значимость фольклорной традиции (особенно в ее народно-песенном варианте) как стилистической, мифопоэтической и образно-сюжетной основы изображения отношений родства;

– активность употребления всех основных номинаций родства в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией (с той оговоркой, что у Шевченко и самих номинаций родства, и количество их употреблений больше);

– актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе, по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту (ср: Пушкин ассоциирует творческие порывы с братьями, сестрами-музами, Шевченко – с детьми).

Что же касается **расхождений в использовании НР и в концептуализации отношений родства** в творчестве Пушкина и Шевченко, к наиболее существенным относятся следующие:

1) У Пушкина метафорические, перифрастические сочетания с НР обнаруживают переход от риторической иносказательности к психологическому символизму. У Шевченко же метафорический перенос выполняет функции интимизации, усиления эмоционально-оценочной нагрузки образа, по сути, он продолжает фольклорную традицию совмещения бытового и мифопоэтического содержания;

2) У Пушкина контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: архаическую (в том числе церковнославянизмы), связанную с риторической культурой XVIII века; высокую книжную, восходящую (через классицистическую литературу и европейскую культуру XVIII века) к античным источникам; книжно-поэтическую, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуально-авторскую стилистическую нагрузку; разговорную, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; народно-бытовую (простонародную); народно-поэтическую (фольклорную). У Шевченко нет такого разнообразия стилистических коннотаций в контекстуальном окружении и сочетаемости НР: оно ограничивается проявлениями библейско-христианских, книжно-поэтических (отсылающих к романтическим образам и идеалам) и народно-бытовых (простонародных) коннотаций при абсолютном доминировании коннотаций народно-поэтических;

3) У Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами. У Шевченко же смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений. Предельно сакрализуя образ матери, Шевченко в центр и начало картины мироздания ставит именно его как мифопоэтический образ единого созидającego и питающего начала;

4) У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного

с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения. У Шевченко же в структуре константы Спорідненість центральное место занимает сочетание семантики жертвенной, самозабвенной любви (матери к ребенку, ребенка к матери, девушки к любимому, поэта к своему народу; как основы семейных отношений; как основы отношений между народом и родиной) и семантики сакральной связи между матерью и ребенком, в которой библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в общую семантику «удвоенной» сакральности (сакральности жизненных, плодоносящих сил рода и сакральности небесных энергий, Божьей благодати). Спроецированный на социокультурный мир, сакральный мифопоэтический образ матери у Шевченко воплощается в облике страдающей матери-Украины. К ней устремлена вся жертвенная любовь украинского народа и его певца Кобзаря, все же остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувствования подчинены этой всеохватной концепции священного материнства;

5) Важное место в структуре константы Родство (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»). В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко сходное место отведено образу крепкой крестьянской семьи: он становится чувственно-конкретным воплощением образа Украины («Садок вишневий коло хати»), при этом его центром являются детско-материнские отношения. В то же время в поэме «Катерина» (масштабно воздействовавшей на формирование украинской идентичности) воплощен образ семьи, разрушенной столкновением свободолюбивой дочери с жесткими требованиями семьи,

живущей ритуально-бытовыми нормами поведения. Над семантикой семейного родства в поэме встает семантика любви как сострадания.

Таким образом, было установлено, что русская и украинская концептуализация отношений родства в **фольклорной лингвокультуре** – как во фразеопаремийном фонде, так и в народно-песенных текстах – обнаруживает симметричность общего содержания и функций, расходясь при этом в незначительных деталях понятийной, образной или же ценностной структуры. Более близкой к образно-смысловому содержанию мифопоэтического ядра является реализация константы **во фразеологизмах и паремиях**. Семантический центр ее содержания составляют значения **‘жизнь’, ‘порядок’, ‘согласие’, ‘общность, единство’, ‘благополучие’, ‘защита’, ‘воспитание’, ‘дом’**. Первые пять из них явственно восходят к семантике мифопоэтического ядра: к значениям единства, взаимосвязанности и порядка как результата взаимодействия мужского и женского начал. В **народно-песенном пространстве** языка развивается **эстетизация мифопоэтических средств**; структура и содержание константы Родство / Спорідненість здесь имеет выраженную специфику, ориентированную на ценность **любви и семьи** (христианская и одновременно ритуально-бытовая перспектива). И однако «просвечивание» мифопоэтического ядра обнаруживается и здесь – как в системе образно-поэтических средств, так и в ценностном выделении родного (упорядоченного, единого) пространства дома и семьи.

В отличие от фольклорной концептуализации родственных отношений, структура и содержание константы Родство / Спорідненість **в художественном пространстве русского и украинского языков** – а именно: в творчестве создателей их литературных форм (А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко) – обнаруживает **глубокие сущностные различия**. Именно к ним следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время. В качестве самых значимых из этих различий можно выделить следующие:

1) У Пушкина сохраняется **мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма** иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим,

главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания ставит фигуру **матери как единое созидающее и питающее начало Вселенной;**

2) У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание **семантики духовного родства**, связанного с общностью интересов, и **семантики рода** как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения, тогда как у Шевченко в структуре константы Спорідненість центральное место отведено сочетанию **семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком**. Спроецированная на социокультурный мир, эта семантика предельно **сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между ней и украинским народом**.

Как видим, и фольклорное, и художественное бытование константы существенно расширяет комплекс семантических признаков, выделяемых в семантическом ядре константы Родство / Спорідненість на основе лексикографических источников. Более того, в каждом из выделенных пространств бытования национального языка константа приобретает своеобразные очертания как в границах своего семантического центра, так и в облаке периферийных значений. При этом семантика, а отчасти и образно-смысловые (ценностные, нарративные) структуры мифопоэтического ядра сохраняются (при возможности существенной трансформации) в виде стержневых во всех исследованных вариантах единого концепта-константы. Обнаруживаются они и в компонентах ее семантического ядра.

Дальнейшие исследования могут касаться как перспективы сопоставительного изучения константы Родство (и ее аналога в другой лингвокультуре) в ее функционировании в неисследованных в рамках этой работы дискурсах, так и перспективы сопоставительного изучения других констант на основе предложенного лингвомифопоэтического подхода. Особенно актуальной представляется, в частности, задача изучения дальнейшей концептуализации сакральной связи между матерью-Украиной и украинцами-

детьми в произведениях украинских поэтов и писателей разных периодов. С другой стороны, масштабной представляется задача и по исследованию пушкинской традиции в аспекте концептуализации отношений родства в русской литературе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП. 1, 2 и т. д.	Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. / А.С. Пушкин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 1–4.
АПС	Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. – М. : Худ. лит., 1985. – Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А.С. Пушкин. – 735 с.
АУНТ	Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості : пісні, прислів'я, загадки, скоромовки [Упоряд. Н.С. Шумада]. – Київ : Веселка, 1989. – 606 с.
БСРП	Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа групп, 2010. – 1026 с.
БФС	Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н.Телия / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
БП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с.
Д	Даль, В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В.И. Даль. – М. : Альфа-книга, 2020. – 984 с.
Д 1, 2	Даль, В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа / В.И. Даль. – Сборник в 2-х т. – СПб. : Литера, ВИАН, 1997.
ДТСЖВЯ	Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль.– М. : Прогресс, 1994 (репринтное издание СД 1903–1909 гг.).

ЖНП	Жемчужины народной мудрости : пословицы, загадки, поговорки, скороговорки, дразнилки, колядки, потешки, считалки / Сост. Г.Н. Тубельская, Е.Н. Новикова, А.Э. Лебедева. – М. : ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2000. – 560 с.
ЗУПП	Багмет, А. Збірка українських прислів'їв та приказок / А. Багмет. – Київ : Техніка, 2002. – 211 с.
КПТШ	Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка / Ред. і упоряд.: Олег Ільницький, Юрій Гавриш. У 4-х тт. Торонто, 2001.
КП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967 – 735 с.
МН–ММ	Жовківський, А.М. Мудрість народна – мудрість міжнародна : Прислів'я, приказки, крилаті вислови та мовні звороти дев'ятьма мовами / А.М. Жовківський, Г.А. Жовківська, Т.Д. Івасютин, Ю.І. Макар та ін. – Чернівці : Рута, 2004. – 256 с.
НЗП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967 – 735 с.
НЛП 61	Народные лирические песни. – 2-е изд. – Л. : Советский писатель, 1961 – 610 с.
ОбрП 89	Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Желункина, А.Н. Розов. – М. : Современник, 1989. – 735 с.
ПП	Пословицы и поговорки / Сост. В.Д. Сычев. – М. : АСТ :Астрель : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 191 с.
ПРЖ	Пісні родинного життя / [редкол. : Березовський І.П. (відп. ред.) та ін.]. – Київ : Дніпро, 1988. – 358 с.
ПСК	Меншиков, І.І. Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / І.І. Меншиков, Н.В. Підмогильна. – Київ, 2008. – 211 с.
ПСП	Меньшиков, И.И. Поэтическое слово Пушкина. Словарь / И.И. Меньшиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная. –

	Дніпропетровськ : Січ, 1999. – 325 с.
РНБП Рыб. 90	Рыбников, П.Н. Русские народные былины, песни / П.Н. Рыбников. – М. : Советская Россия, 1990. – 144 с.
РНПАник	Русские народные песни / Сост. В.И. Аникина. – М. : Детская литература, 1972. – 125 с.
РНП Варганова	Русские народные песни. / Сост. и вводн. тексты В.В. Варгановой. – М. : Правда, 1988. – 576 с.
РНП ОбП 84	Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. К. Чистова. – Л. : Худож. лит., 1984. – 528 с.
РНП Роз	Русские народные песни: Сборник / Сост. А.Н. Розова. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.
РП Розанов	Русские песни / Сост. проф. Ив.Н. Розанов. – М. : Гослитиздат, 1952. – 434 с.
РНПТ: Хр 84	Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Круглов. – Л. : Просвещение, 1984. – 559 с.
РНПТ: Хр	Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Под ред. А.М. Новиковой. – Изд. третье, испр., дополн. – М. : Высшая шк, 1987. – 512 с.
РСЦ-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – К. : Музична Україна, 1967 – 735 с.
РУТСП	Російсько-український тлумачний словник паремій / Ж.В. Колоїз, З.П. Бакум, Л.А. Білоконенко, Т.І. Вавринюк, Н.М. Малюга, Н.М. Шарманова ; за ред. проф. Ж.В. Колоїз. – Кривий Ріг : ФОП Маринченко С.В., 2016. – 454 с.
СЕУМ	Библик, С.П. Словник епітетів української мови / С.П. Библик, С.Я. Єрмоленко, Л.О. Пустовіт. – Київ : Довіра, 1998. – 430 с.
СЛЭ	Зеленецкий, А.Л. Словарь литературных эпитетов / По изд.: Эпитеты литературной русской речи: 1120 статей. – М. : Т-во

	Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. – М. : Грамотей, 2005. – 149 с.
СМШ	Словник мови Шевченка: у 2 т. – Київ : Наук. думка, 1974. – Т. 1, 2.
СРПШ	Снегирев, И. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах / И. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец», «Братья славяне», 1996. – 624 с.
СРПШ	Словарь русских произведений Т. Г. Шевченко: в 2 т. – Київ : Наук. думка, 1985–1986.
СРЯ	Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
ССРЛЯ	Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л. : Академия наук, 1950–1966.
СУМ	Словник української мови: в 11 т. – Київ : Наук. думка, 1970–1980.
СЭРЛЯ	Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб. : Норинт, 2002. – 224 с.
СЯП	Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – М. : «Азбуковник», 2000.
ТНП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967 – 735 с.
Т.Ш. 1, 2, 3	Шевченко, Т.Г. Повне зібрання творів : У 12 т. – Київ : Наук. думка, 2001 – 2003.– Т. 1–3.
УНП КОЛ	Українські народні пісні: календарно-обрядова лірика [Упоряд., підготовка текстів та приміт. О.І. Дея]. – Київ : Держ. вид. худ. літератури, 1963. – 569 с.
УНПШ	Українські народні прислів'я та приказки / Упоряд. В. Бобкова, Ф. Лавров. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1955. – 446 с.

УНП-РПЛ	Українські народні пісні: родинно-побутова лірика [Упоряд., підготовка текстів та приміт. Г.К. Сидоренко]. – Київ : Дніпро, 1965. – 528 с.
УПП	Українські прислів'я і приказки / Упоряд. Т.М. Панасенко. – Харків : ТОВ «Бібліоколектор», 2012. – 351 с.
УПП Номис	Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Либідь, 2003. – 352 с.
УПП Паз	Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1990. – 528 с.
УПТРН: Хр	Устное поэтическое творчество русского народа : Хрестоматия / Сост. С.И. Василенок, В.М. Сидельников. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1954. – 287 с.
ФСУМ 1, 2	Фразеологічний словник української мови : у 2 т. / Уклад. : В.М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993.
ЧП-УНП 67	Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові [Упоряд. О. М. Хмілевська]. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

1. Адамова, С.М. Паремии, репрезентирующие межличностные отношения в семье (на материале лакского и английского языков) [Электронный ресурс] / С.М. Адамова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13979>.
2. Алефиренко, Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума, Волгоград, 22–24 мая 2003 г., Ч. 1: Научные статьи. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 3–13.
3. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1(007). – С. 36–44.
4. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : Учеб. пособие. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
8. Альбекова, А.Ш. Лексико-семантические особенности терминов родства в русском и казахском языках [Электронный ресурс] / А.Ш. Альбекова. – URL : http://www.rusnauka.com/10_NPE_2010/Philologia/61512.doc.htm.
9. Аносов, Е.А. Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной

стереотипизации / Е.А. Аносов // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25 : Серия «Лингвистика». Вып. 15. – С. 93–96.

10. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 472 с.

11. Артыкбаева, Ф.И. Отражение специфики языкового сознания этноса в материалах свободного ассоциативного эксперимента: межкультурные аспекты [Электронный ресурс] / Ф.И. Артыкбаева. – URL : https://docviewer.yandex.ua/view/0/?page=1&*=2liFsGP%2F37.

12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

13. Ахнина, К.В. Лингвокультурологический анализ лексики семейных отношений в русских пословицах и поговорках / К.В. Ахнина, В.М. Шаклеин // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 31–35.

14. Бабина, Е.Ю. Концепт понятия «семья» в английской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 8. – URL : <http://human.snauka.ru/2016/08/16044>.

15. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–58.

16. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. –104 с.

17. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Багаутдинова Гузель Анваровна. – Казань, 2007. – 45 с.

18. Барабуля, А.М. Конотативні компоненти лексичної семантики як параметр міжмовного зіставлення : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 / Барабуля Антон Михайлович. – Київ, 2007. – 19 с.
19. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика: Пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
20. Барт, Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина / Р. Барт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
21. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 512 с.
22. Батырева, Л.П. Термины родства в частной переписке середины XX века / Л.П. Батырева // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2012. – СПб. : Изд-во «Нестор–История», 2012. – С. 63–75.
23. Белякова, И.Ю. Имена родства в поэзии Марины Цветаевой / И.Ю. Белякова // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 58–64.
24. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
25. Белехова, Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі : лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії) / Л.І. Белехова. – Херсон : Айлант, 2002. – 368 с.
26. Бійчук, Г. Актуалізація архетипів національного підсвідомого засобами художнього слова : [На матеріалі творчості Григора Тютюнника] / Г. Бійчук // Дивослово. – 2005. – № 11. – С. 9–13.
27. Близнюк, О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Близнюк Ольга Викторовна. – Тверь, 2006. – 17 с.
28. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / [общ. бед. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–170.
29. Богословская, З.М. Дефиниционный анализ лексикографических толкований имени концепта «семья» / З.М. Богословская, Ч. Ци // Вестник ТПУ. – 2016. – № 7 (172). – С. 65–69.

30. Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
31. Борисова, Л.В. Концептосфера «Семья» в чувашской языковой картине мира / Л.В. Борисова // Весник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptosfera-semya-v-chuvashskoy-yazykovoy-kartine-mira/viewer>.
32. Булаховський, Л.А. Вибрані праці: у 5 т. (1975–1983). Т. 2. Українська мова / Л.А. Булаховський. – Київ : Наукова думка, 1977. – 631 с.
33. Булаховський, Л.А. Мовні засоби інтимізації в поезії Т.Г. Шевченка. 1. Інтимізуючі займенники / Л.А. Булаховський // Вісті АН УРСР. – 1924. – № 3-4. – С. 75–89.
34. Булаховський, Л.А. Мовні засоби інтимізації в поезії Тараса Шевченка / Л.А. Булаховський // Булаховський Л.А. Вибр. пр. в 5 т. / редкол. : І.К. Білодід (гол.), Ю.Л. Булаховська, Т.Б. Лукінова та ін. – Київ : Наукова думка, 1977. – Т. 2 : Українська мова. – С. 573–593.
35. Бурыкин, А.А. Русские термины родства и свойства: дискурсивный потенциал / А.А. Бурыкин // Лексикология. Лексикография и корпусная лингвистика : сборник науч. статей; Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб : Изд-во «Нестор-история», 2013. – С. 3–20.
36. Буряк, Н.Ю. Проблематика концепта как феномена культуры в современном социокультурном пространстве [Электронный ресурс] / Н.Ю. Буряк. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-kontseptov-kak-fenomena-kultury-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve/viewer>.
37. Быкова, Т.Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945–1954 гг. / Т.Ю. Быкова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 114–118.
38. Васюк, В.В. Концепт «Женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Васюк Вероника Владимировна. – М., 2002. – 21 с.

39. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
40. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М. : Индрик, 1998. – 239 с.
41. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
42. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : учеб. пособие для студентов филол. спец. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1973. – 233 с.
43. Верещагин, Е.М. Язык и культура : Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров ; под ред. Ю.С. Степанова ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М. : Индрик, 2005. – 1037 с.
44. Виноградов, В.В. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
45. Виноградов, В.В. К спорам о слове и образе / В.В. Виноградов // Вопросы литературы. – 1960. – № 5. – С. 92–93.
46. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
47. Виноградов, В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов. – М.–Л. : Academia, 1935. – 458 с.
48. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
49. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности : Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Воронежский гос. техн. ун-т, 2002. – С. 79–95.

50. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) / С.Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2014.– № 3 (49). – С. 12–20.
51. Воркачев, С.Г. Лингвокультурный концепт : терминологический статус семиотика / С.Г. Воркачев // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: колл. монография : к 80-летию юбилею профессора В.В. Колесова / отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М. : Флинта, 2015. – С. 9–25.
52. Воркачев, С.Г. Studia Selecta. Избранные работы по теории лингвокультурного концепта : монография / С.Г. Воркачев. – 2-е изд. стереотипное. – М. : Флинта, 2015. – 169 с.
53. Воркачев, С.Г. Родной народ: опыт русской лингвоидеологии : монография / С.Г. Воркачев. – М. : Флинта, 2015. – 443 с.
54. Воробьев, В.В. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление / В.В. Воробьев, Г.М. Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 13–18.
55. Восканянц, Д.Е. Исследования общих лексических элементов тюркских и монгольских языков на примере термина родства «Мать» / Д.Е. Восканянц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. – 2008. – № 4. – С. 24–31.
56. Гаваркевич, Р. Концепт «Мать» в языковой картине мира поляков и русских / Р. Гаваркевич // Славянские языки в свете культуры: Сборник научных статей / отв. ред. М.А. Алексеенко. – М. – Щецин – Грайфсвальд : ООО «А Темп», 2006. – С. 109–115.
57. Гаджиева Л.А. Сравнительный анализ терминов родства кумыкского и турецкого языков [Электронный ресурс] / Л.А. Гаджиева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-terminov-rodstva-kumykskogo-i-turetskogo-yazykov/viewer>.

58. Гасанова, М.А. Лингвокультурологический анализ терминов родства в табасаранском и русском языках / М.А. Гасанова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (032). – С. 135–139.
59. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
60. Гинзбург, Н.С. Значение слова и методика компонентного анализа / Н.С. Гинзбург // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 5. – С. 2–26.
61. Глотова, Е.А. Семья в русском национальном сознании / Е.А. Глотова // Гуманитарные исследования. Филология. – 2014. – № 3 (4). – С. 47–50 .
62. Головин, А.С. Лингвокультурный концепт «родство» в английских, немецких и русских поговорках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Головин Александр Сергеевич. – М., 2014. – 23 с.
63. Головкина, С.Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева (в лексикографическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Головкина Светлана Христофоровна. – Вологда, 1999. – 20 с.
64. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковой картины мира / И.А. Голубовская. – Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 293 с.
65. Голубовська, І.О. Етнічні особливості мовних картин світу / І.О. Голубовська. – Київ : Логос, 2004. – 284 с.
66. Голубовська, І.О. Перспективи розвитку сучасної зіставної лінгвокультурології / І.О. Голубовська // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – Вип. 3 : збірник наукових праць / за ред. А.В. Корольової. – Київ : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2009. – С. 98–102.
67. Гофман, О.В. Концепт «семья» в традиционной крестьянской культуре / О.В. Гофман // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Филология. – Кемерово, 2002. – С. 43–48.
68. Григорьев, В.П. Очерки по истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев, И.И. Ковтунова, О.Г. Ревзина и др. – М. : Наука, 1990. – 364 с.

69. Губарева, Г.А. Феномен поетичної мовної картини світу / Г.А. Губарева // Вісник ХНУ: Серія: Філологія. – 2002. – № 538. – С. 186–190.
70. Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.
71. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2008. – 288 с.
72. Гумбольдт, фон. В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
73. Гуняшова, Г.А. Социальный концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира / Г.А. Гуняшова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 1 (53). – С. 153–161.
74. Гусева, А.Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гусева Алла Ефимовна. – М., 2008. – 44 с.
75. Даниленко, Л.В. Универсальное и идиоэтническое в культуре (на примере языковой картины мира в сравнении с научной) : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Даниленко Лариса Владимировна. – Улан-Удэ, 2003. – 141 с.
76. Данич, О.В. Лингвокультурологическая поэтика как вид лингвопоэтики / О.В. Данич, Н.В. Крицкая // Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 62–67.
77. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М. : Институт языкознания; Тамбов : Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2005. – № 3. – С. 5–10.
78. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
79. Дзибель, Г.В. Аннотированная междисциплинарная библиография научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012 / Г.В. Дзибель // Алгебра родства. – 2012. – Вып. 13. – С. 214–283.

80. Дзибель, Г.В. Феномен родства. Прологомены к идентической теории / Г.В. Дзибель – СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2001. – 470 с.
81. Димитренко, Л.Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: структура и лексическая объективация : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Димитренко Лидия Юрьевна. – Воронеж, 2005. – 221 с.
82. Дмитриева, О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов : На материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ольга Александровна Дмитриева. – Волгоград, 1997. – 189 с.
83. Дмитриевская, М.А. Философия памяти / М.А. Дмитриевская // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 78–84.
84. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Добровольская Елена Валерьевна. – Томск : ТГУ, 2005. – 203 с.
85. Добронравин, Н. Родство как оболочка и поиск скрытых смыслов (от политологии до лингвистики и права) / Н. Добронравин // Антропологический форум. – 2011. – № 14. – С. 328–335.
86. Добрусинець, Д. Назви спорідненості: етнолінгвістичні студії / Д. Добрусинець // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – 2008. – Вип. 3. – С. 120–130.
87. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ: Типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3–20.
88. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Проблеми прикладної лінгвістики. – 2004. – № 9. – С. 81–92.
89. Жайворонок, В.В. Етнолінгвістика в колі суміжних наук / В.В. Жайворонок // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 23–25.

90. Жайворонок, В.В. Українська етнолінгвістика / В.В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2007. – 262 с.
91. Жалсанова, Ж.Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Жалсанова Жаргалма Баиновна. – М., 2008. – 23 с.
92. Жизневская, О.Н. Стереотип родительских отношений в пословичной картине мира белоруссов / О.Н. Жизневская // Мова і культура / Київ. нац. ун-т, Видав. Дім Д. Бураго. – Київ, 2012. – Вип. 15. Т. 3. – С. 165–171.
93. Жизневская, О.Н. Языковые стереотипы семейных ролей матери, отца, ребенка (на материале русско- и белорусскоязычных текстов средств массовой информации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; 10.02.01 / Жизневская Ольга Николаевна. – Минск, 2018. – 28 с.
94. Залевская, А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избр. труды. – М. : Гнозис, 2005. – С. 86–132.
95. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
96. Занеги́на, Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Занеги́на Наталия Николаевна. – М., 2011. – 254 с.
97. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб. : МИРС, 2009. – 292 с.
98. Зиновьева, Е.И. Общекультурный код русских паремий (на примере пословичного портрета мужчины) / Е.И. Зиновьева, М.Н. Довгалюк // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы III Конгресса РОПРЯЛ : в 2 т. (г. Санкт-Петербург, 10–13 октября 2012 г.). – СПб. : Изд. дом «МИРС», 2012. – Т. 1. – С. 341–344.
99. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике : Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб. : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

100. Іващенко, В. Компоненти змістової структури концепту як одиниці етнокультури / В. Іващенко // Українська мова. – 2004. – № 4. – С. 18–28.
101. Іващенко, В. Концепт і концептосфера в термінах метапоняттєвого опису / В. Іващенко // Вісник національного університету «Львівська політехніка». – 2004. – № 503 : Проблеми української термінології. – С. 176–180.
102. Іващенко, В.Л. Ментальна структура концепту / В.Л. Іващенко // Мова і культура. Серія «Філологія». – 2003. – Вип. 6. – Т. II : Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації. – С. 100–108.
103. Іващенко, В.Л. Семантика ментальності концепту / В.Л. Іващенко // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 37–43.
104. Іващенко, В.Л. Типологічна диференціація концептуальних структур як одиниць ментального простору / В.Л. Іващенко // Мовознавство. – 2004. – № 1. – С. 58–59.
105. Іващенко, В. Функціональна топологія концептів як одиниць культури / В. Іващенко // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – 2004. – Вип. 34. – Ч. I. – С. 390–397.
106. Ипанова, О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира : Лингвокультурологический и лексикографический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ипанова Ольга Александровна. – СПб., 2005. – 225 с.
107. Калько, В. Вербальна репрезентація концепту «мати» в українських пареміях / В. Калько // Мовознавчий вісник : збірник наукових праць. – 2013. – Вип. 16–17. – С. 221–230.
108. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. научн. трудов. – Волгоград-Архангельск : ВГУ, 1996. – С. 3–16.
109. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75–80.

110. Карасик, В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В.И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс : сб. науч. тр. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 24–45.
111. Карасик, В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) / В.И. Карасик // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск : Изд-во Поморск. гос. ун-та, 1997. – С. 154–171.
112. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
113. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры [Текст] : монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 318 с.
114. Карасик, В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов : [словарь] / [науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин]. – Иваново : Гнозис, 2007. – 511 с. – С. 12–13.
115. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 328 с.
116. Караулов, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования : монография. – М. : Азбуковник, 2009. – 334 с.
117. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 368 с.
118. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М. : Ин-т языкознан. РАН, 2000. – С. 191–206.
119. Качинская, И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Качинская Ирина Борисовна. – М., 2011. – 325 с.
120. Качинская, И.Б. Термины родства и языковая картина мира: сопряжение «семейного» и «телесного регистров» (по материалам архангельских говоров) [Электронный ресурс] / И.Б. Качинская. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf>.

121. Ковшова, М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60–65.
122. Когнитивные исследования: Концепция образовательной программы / сост. И. Протопопова [Электронный ресурс]. – М. : РГГУ, 2003. – URL: <http://kogni.narod.ru/concept.htm>.
123. Кожевникова, Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – М. : Наука. 1986. – 253 с.
124. Колесник, О.С. Міфологічний простір крізь призму мови та культури / О.С. Колесник. – Чернігів : РВВ ЧНПУ імені Т.Г.Шевченка, 2011. – 312 с.
125. Колесникова, С.М. Смыслообразующие начала понятия *семья* в русской лингвокультуре / С.М. Колесникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2018. – № 5. – С. 53–59.
126. Колесов, В.В. Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма / В.В. Колесов // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.–Горловка : ГГПИИИЯ, 2010. – С. 5–19.
127. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с.
128. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.
129. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014.
130. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 103 с.
131. Кононенко, В.І. Концепти українського дискурсу / В.І. Кононенко. – Київ; Івано-Франківськ : Плай, 2004. – 247 с.
132. Кононенко, В.І. Мова у контексті культури / В.І. Кононенко. – Київ; Івано-Франківськ : Плай, 2008. – 389 с.

133. Кононенко, В.І. Українська лінгвокультурологія / В.І. Кононенко. – Київ : Вища школа, 2008. – 327 с.
134. Кононова, И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И.В. Кононова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 49–60.
135. Константы русской народной культуры: языковые воплощения / Т.Б. Банкова, М.М. Угрюмова, Н.А. Агапова. – Томск : Издательский дом Томского гос. ун-та, 2019. – 199 с.
136. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов : дис. ... д-ра культурологических наук : 24.00.04 / Корнилов Олег Александрович. – М., 2000. – 460 с.
137. Космеда, Т. Комуникативний кодекс українців у пареміях: тлумачний словник нового типу / Т. Космеда, Т. Осіпова. – Дрогобич : КОЛО, 2010. – 272 с.
138. Кострубина, Е.А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ-ДОМ / Е.А. Кострубина // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 51–57.
139. Коць, Т.А. Тарас Шевченко і становлення літературної норми / Т.А. Коць // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 20–32.
140. Коцюба, З.Г. Рефлексія побутової свідомості в різномовному проverbs'яльному просторі (від універсального до національного) / З.Г. Коцюба. – Львів : ДП «Видавничий дім «Укрпол», 2010. – 472 с.
141. Коч, Н.В. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении: монография / Н.В. Коч. – Николаев : Илион, 2010. – 440 с.
142. Кочерган, М.П. Про системність у лексиці та семантиці / М.Н. Кочерган // Укр. мова і літ-ра в шк. – 1976. – № 4. – С. 38–45.
143. Кошарная, С.А. Фразеология как архив и средство трансляции мифологических представлений народа / С.А. Кошарная // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции. – Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 376–380.

144. Красных, В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія: Курс лекцій / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
145. Красных, В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
146. Крушевская, А.С. Концепт семья в русской лингвокультуре [Электронный ресурс] / А.С. Крушевская. – URL: <http://docplayer.ru/48383054-Koncept-semya-v-russkoj-lingvokulture.html>.
147. Кубрякова, Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. – 2002. – № 1. – Т. 61. – С. 13–24.
148. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Серебренников Б.А. и др. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картины мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
149. Кузьмина, Е.Б. Аpellятивы – термины родства в лексикографическом аспекте (об отражении прагматического компонента семантики слов в толковых словарях русского языка) / Е.Б. Кузьмина // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2011. – Вып. 2. – С. 147–151.
150. Кульсарина, Г.Г. Репрезентация концепта «семья (Ғаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) / Г.Г. Кульсарина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – С. 52–58.
151. Кучуб, Н.А. Семья как ценность развивающегося социума и личности / Н.А. Кучуб // Вестник ОГУ. – 2008. – № 11. – С. 42–49.
152. Кушнир, О.Н. Макроконцепты «Право / Закон» и «Мораль / Нравственность»: «фигуры конфликта» в поле взаимодействия / О.Н. Кушнир // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1(12). – С. 98–101.
153. Лавриненко, С.Т. Мовні знаки концептуалізації правової культури у фольклорному тексті (лінгвокультурологічний аналіз різних жанрів українського фольклору) / С.Т. Лавриненко. – Київ : Видав. дім Дмитра Бураго, 2014. – 468 с.

162. Леонтьева, Л.В. Сравнительно-сопоставительная характеристика терминов родства в разноструктурных языках / Л.В. Леонтьева, А.Г. Абрамова // Вестник Чувашского государственного университета. – 2016. – №2. – С. 214–220.
163. Леонтьева, Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2003. – 282 с.
164. Ли, Е.В. Термины родства в системе языка и в сознании разноязычных носителей (на примере русского и корейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ли Екатерина Владимировна. – Кемерово, 2013. – 24 с.
165. Лисиченко, Л.А. Бесіди про рідне слово (слово і його значення) / Л.А. Лисиченко. – Харків : ХДПУ, 1993. – 138 с.
166. Лисиченко, Л.А. Лексико-семантичний вимір мовної картини світу / Л.А. Лисиченко. – Харків : Видавн. група «Основа», 2009. – 191 с.
167. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. –1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
168. Ломакина, О.В. Паремия в текстах Л.Н. Толстого : лингвокультурологический комментарий / О.В. Ломакина // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 217–221.
169. Мазай, Н.И. Семантическое поле «род» в русском фольклоре: былины, лирические песни, паремии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мазай Нина Игоревна. – Красноярск, 2008. – 20 с.
170. Макарець, Ю.С. Концепти *рід, родина, сім'я* в мовній картині світу українців / Ю.С. Макарець, О.М. Сліпчук // Наукові записки [Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя]. Філологічні науки. Кн. 1 / Відп. ред. Г.В. Самойленко. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. – С. 75–78.
171. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов / М.М. Маковский. – М. : Владос, 1996. – 416 с.

172. Мамонтов, А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации / А.С. Мамонтов // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 143–156.

173. Манакин, В.М. Сопоставительная лексикология / В.М. Манакин. – Київ : Знання, 2004. – 326 с.

174. Марфина, Ж.В. Микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко / Ж.В. Марфина // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 26. – С. 194–199.

175. Марфіна, Ж.В. Архетип «спорідненість» в асоціативно-образній структурі поетичної мови / Ж.В. Марфіна // Лінгвістика. – 2013. – № 3 (30). – С. 145–152.

176. Марфіна, Ж.В. Етнолінгвокультурний зміст українських паремій з компонентом ‘спорідненість’ / Ж. В. Марфіна // Українська мова. – 2014. – № 2 (50). – С. 51–61.

177. Марфіна, Ж.В. Міфопоетика номінації «мати» в поетичній картині світу / Ж.В. Марфіна // Наукові записки: Філол. науки. – Ніжин, 2013. – Кн. 1. – С. 85–89.

178. Марфіна, Ж. Лексема *мати* в поетичних контекстах Андрія Малишка / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бурого, 2001. – Вип. 57. – С.49–55.

179. Марфіна, Ж. «Мати моя, мати, порадице в хаті...» (архетип *мати* в усній народній творчості) / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бурого, 2011. – Вип. 75. – С.101–106.

180. Марфіна, Ж.В. Назви спорідненості як основа міфотворення в мові української поезії ХХ століття / Жанна В. Марфіна // Stylistyka. – 2014. – XXIII. – С. 299–309.

181. Марфіна, Ж. «Я все віддам за одне недоспіване «мамо» (міфопоетика слова-образу мати у поезії Б. Олійника) / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бурого, 2011. – Вип. 74. – С. 22–27.

182. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск. : ТетраСистемс, 2008. – 256 с.
183. Маслова, В.А. Коммуникативный и когнитивный аспекты художественного текста : монография / В.А. Маслова. – Витебск : Витебский гос. университет им. П.М. Машерова, 2014. – 104 с.
184. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
185. Мелерович, А.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Фразеология в контексте культуры. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 63–69.
186. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: учебное пособие для студентов гуманитарных вузов. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 349 с.
187. Мурясов, Р.З. Термины родства в контрастивно-типологическом видении / Р.З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 98–107.
188. Назарова, Л.Г. Концепт родства дед в поэтическом сборнике Н.В. Оболонского «Светится в сумерках родина» / Л.Г. Назарова // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы XVII международной научно-практической конференции (Киров, 17–20 апреля 2018 г.) / Кировский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА. – Киров : МФЮА, 2018. – С. 68–73.
189. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск : ОГУ, 1998. – С. 80–85.
190. Николенко, О. Ю. Термины родства в терминосистемах общественных наук / О.Ю. Николенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. Филология. Искусствоведение. – С. 99–101.

191. Николенко, О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Николенко Ольга Юрьевна. – Омск, 2006. – 22 с.

192. Николенко, О.Ю. Лингвистическое изучение названий родства / О.Ю.Николенко // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 3. – С. 215–220.

193. Николич, М. Национально-культурный компонент семантики родства-свойства в русской и сербской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Николич Милина. – М., 2016. – 16 с.

194. Николаєва, Л.Б. Типологія термінів спорідненості / Л.Б. Ніколаєва // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових статей. – Київ : КДЛУ, 2005. – Вип. 7. – С. 174–182.

195. Ніколайчук, Х. Структура і склад мікрополя «дитинство» (на матеріалі польської фразеології) / Х. Ніколайчук // Філологічні студії. – 2013. – Вип. 9. Ч. 2. – С. 121–135.

196. Німчук, В.В. Давньоруська спадщина в лексиці української мови. – Київ : Наук. думка, 1992. – 414 с.

197. Новоспасская, Н.В. Особенности номинации родства-свойства в современном сербском языке / Н.В. Новоспасская, О.В. Лазарева, М. Николич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 2 (80). – Ч. 2. – С. 350–355.

198. Орлова, Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка) / Н.В. Орлова. – Омск : «Вариант-Омск», 2005. – 266 с.

199. Осовская, И.Н. Прототипные роли в немецком семейном дискурсе / И.Н. Осовская // Проблемы современной науки и образования. Филологические науки. – 2014. – № 3 (21) – С. 47–53.

200. Осовська, І. Стереотипи сімейних стосунків у паремійному фонді німецької мови / І. Осовська // Науковий вісник Волинського НУ. Серія:

Філологічні науки (мовознавство). – Луцьк : ВНУ ім. Лесі Українки, 2010. – Вип. 7. – С. 141–145.

201. Пазяк, М.М. Українські прислів'я та приказки: Проблеми пареміології та пареміографії / М.М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1984. – 201 с.

202. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремииологии / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1998. – 236 с.

203. Петрухин, В.Я. Мировое дерево / В.Я. Петрухин // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого. — М. : Межд. отношения, 2004. – Т. 3. – С. 253–254.

204. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.

205. Пименова, М.В. К вопросу о лингвистическом понимании концепта и методах его изучения [Электронный ресурс] / М.В. Пименова. – URL: <https://docplayer.ru/56791921-K-voprosu-o-lingvisticheskom-ponimanii-koncepta-i-metodah-ego-izucheniya.html>.

206. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15–19.

207. Пименова, М.В. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре / М.В. Пименова, А.А. Бакирова // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1.– С. 92–101.

208. Пименова, М.В. Структурные изменения макроконцепта «Род» в русской лингвокультуре / М.В. Пименова // Педагогика: история, перспективы. – 2022. – Т. 5. – № 5. – С. 113–127.

209. Пименова, М.В. Типология структур концептов / М.В. Пименова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : Материалы IV Международной научно-практической конференции (16-17 октября 2008 г.) / Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. – Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – С. 235–241.

210. Пинтин, Г. Репрезентация традиций семейного воспитания детей в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) / Го Пинтин // Вестник Башкирского университета. – 2017. – № 3. – Т. 22. – С. 790–797.

211. Пихновский, П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пиховский Петр Владимирович. – Тверь, 2004. – 136 с.

212. Плотников, Б.А. Основы семасиологии / Б.А. Плотников. – Минск : Высшая школа, 1984. – 223 с.

213. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика : Учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : «Восток – Запад», 2007. – 226 с.

214. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 1999. – 30 с.

215. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

216. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика : Учеб. издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

217. Попова, Н.С. Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры / Н.С. Попова // Филология и культура: Материалы III-й Международной научной конференции: В 3ч. – Тамбов, 2001. – С. 36 – 37.

218. Постовалова, В.И. Существует ли языковая картина мира? / В.И. Постовалова // Язык как коммуникативная деятельность человека : сб. науч. трудов МГПИИЯ. – М., 1987. – Вып. 284. – С. 65–72.

219. Приходько, А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 331 с.

220. Приходько, А.Н. Концепты и концептосферы / А.Н. Приходько. – Днепропетровск : Издатель Белая Е.А., 2013. – 307 с.

221. Пьянкова, Т.В. Лексическое представление художественного концепта «семья» в повести Л. Улицкой «Сонечка» [Электронный ресурс] / Т.В. Пьянкова.

– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskoe-predstavlenie-hudozhestvennogo-kontsepta-semya-v-povesti-l-ulitskoy-sonechka>.

222. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета / Т.Б. Радбиль. – М. : Наука, 2010. – 328 с.

223. Рэнчин, Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира в фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков : на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Рэнчин Батсурэн. – Саратов, 2010. – 26 с.

224. Русанівський, В. М. Мовна картина світу в етнокультурній парадигмі / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 2004. – № 4. – С. 3–7.

225. Русанівський, В.М. Структура лексичної і граматичної семантики / В.М. Русанівський. – Київ : Наук. думка, 1988. – 240 с.

226. Русанівський, В.М. У слові – вічність: (Мова творів Т.Г. Шевченка) / В.М. Русанівський. – Київ : Наук. думка, 2002. – 239 с.

227. Савельева, Е.С. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства и дружбы и его реализация в разных типах русского дискурса и языковом сознании носителей русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Савельева Елена Сергеевна. – Барнаул, 2007. – 22 с.

228. Савельева, Е.С. Концепт родства в русской ментальности (на примере политического дискурса) / Е.С. Савельева, В.А. Миллер // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – № 3. – С. 250–252.

229. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д., 2002. – 239 с.

230. Савченко, Л.В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови : етимологічний та етнолінгвістичний аспекти / Л.В. Савченко. – Сімферополь : Доля, 2013. – 600 с.

231. Самситова, Л.Х. Культурный концепт как лингвокультурный феномен [Электронный ресурс] / Л.Х. Самситова. – Режим доступа: URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kontsept-kak-lingvokulturnyy-fenomen/viewer>.

232. Селезнева, И.А. Объективация представлений о семье в русском, английском и китайском языках / И.А. Селезнева, Л.В. Бабина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т.12. – Вып. 2. – С. 139–144.

233. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2000. – 247 с.

234. Селіванова, О.О. Міфологемна мотивація номінативних одиниць (на матеріалі української мови) / О.О. Селіванова // Мовознавство. – 2006. – № 6. – С.41–51.

235. Сергиева, Н.С. «Человек» как единица ядра языкового сознания / Н.С. Сергиева // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 73–81.

236. Слышкин, Г.Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Академия, 2000. – 128 с.

237. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 339 с.

238. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 825 с.

239. Степанова, Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты [Электронный ресурс] / Н.И. Степанова. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-semioticheskiy-i-kulturologicheskiy-aspekty/viewer>.

240. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : МИОН, ВГУ, 2001. – С. 58–65.

241. Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сэпир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.

242. Телия, В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Культурные слова во фразеологизмах и дискурсивных практиках : сб. ст. / отв. ред. В.Н.Телия. – М. : Языки русской культуры, 2004. – С. 19–30.

243. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 19–21.

244. Телия, В.Н. Предисловие / В.Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 6–14.

245. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

246. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

247. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г.В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 213 с.

248. Толстая, С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе / С.М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М. : ИНДРИК, 2009. – С. 7–22.

249. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С.23–31.

250. Толстая, С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С.М. Толстая. – М. : ИНДРИК, 2008. – 528 с.

251. Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М. : Либроком, 2010. – 368 с.

252. Трубачев, О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – М. : КомКнига, 2006. – 240 с.

253. Туровский, В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить / В.В. Туровский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 91–95.

254. Ужченко, В.Д. Когнітивні аспекти вивчення фразеології в Україні / В.Д. Ужченко // Лінгвістика. – 2008. – № 2 (14). – С. 46–59.

255. Ужченко, В.Д. Східноукраїнська фразеологія / В.Д. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2003. – 362 с.

256. Унжаков, А.Н. Лекция 6. Духовные основы пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» (26.03.2020) // Унжаков А.Н. Духовные основы русской литературы. [Электронный ресурс]. – URL : <https://pravoslavie.ru/129665.html?ysclid=lu9aeho68v970201726>.

257. Успенский, Б.А. Избранные труды / Б.А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 608 с.

258. Уфимцева, А.А. Лексическое значение / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.

259. Уфимцева, А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия // Языковая номинация (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 24–25.

260. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания [Электронный ресурс] / Н.В. Уфимцева. – URL: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/Part3-1.htm>.

261. Филиппов, Ю.В. Лингвокультурология как культурологическая дисциплина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – №8 (41). – С. 8–24.

262. Фирсова, И.М. «Шуринов племянник, какая зятю родня?» / И.М. Фирсова // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 72–75.

263. Халилова, А.Н. Паремические единицы с компонентом «женщина / жена» на материале французского и итальянского языков / А.Н. Халилова, Л.Х. Хараева // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке : сб. ст. по материалам XVI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2018. – №7 (16). – С. 60–65.

264. Харитоновна, О.В. Репрезентация концепта «семья» в русском языковом сознании / О.В. Харитоновна, Л.В. Панова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – №1. – Т. 9. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/15FISK118.pdf>

265. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии : Учеб. пособие / А.Т. Хроленко . – М. : Флинта, 2005. – 184 с.

266. Худаш, М. Походження імен та релігійно-міфологічні функції давньоруських і спільнослов'янських язичницьких божеств / М. Худаш. – Львів : Інститут народознавства НАНУ, 2012. – 1064 с.

267. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – 2-е изд., доп. – М. : КомКнига, 2005. – 279 с.

268. Черниговская, Т.В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты : автореф. дис. ... д-ра биол.наук : 03.00.13, 10.02.19 / Черниговская Татьяна Владимировна. – СПб, 1993. – 51 с.

269. Чернейко, Л.О. Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира / Л.О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 50–60.

270. Чернова, А.В. Концепти “батько”, “мати” в українській лексико-фразеологічній системі світу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Чернова Аліна Володимирівна. – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.

271. Чернова, А.Е. Этнокультурные константы в лирике Николая Рубцова: автореф. дис. ... канд. филол.н. : 10.01.09 / Чернова Анастасия Евгеньевна. – М., 2014. – 26 с.

272. Чжан, Цинхань. Семантическое наполнение концепта «семья» в русской языковой картине мира и его языковая объективация в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Цинхань Чжан. – Н. Новгород : ННГУ, 2022. – 182 с.

273. Чудинов, А.П. Метафора в политическом интердискурсе / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.

274. Шайхуллин, Т.А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01; 10.02.20 / Шайхуллин Тимур Акзамович. – Казань, 2012. – 48 с.

275. Шмелев, А.Д. Русская языковая картина модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

276. Шпітько, І.М. Терміни кровної спорідненості в українській і словацькій мовах / І.М. Шпітько // Вісник Дніпропетровського університету. Серія : Мовознавство. – 2012. – Т. 20, вип. 18. – С. 252–258.

277. Шуба-Зимянина, Т.П. Номинации родства в русском, белорусском польском языках (на материале фемининативов) [Электронный ресурс] / Т.П. Шуба-Зимянина // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Между- нар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/17319/1/Шуба-Зимянина%20Т.%20П.%20Номинации%20родства%20в%20русском%20и%20белорусском%20и%20польском%20языках.pdf>.

278. Щербакова, Н.В. Фразеологізми з назвами людей у лексичному наповненні : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / Щербакова Наталя Володимирівна. – Харків, 2002. – 18 с.

279. Эгамназаров, Х.Х. Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Х.Х. Эгамназаров. – Душанбе, 2010. – 148 с.

280. Юдина, Н.Ю. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) / Н.Ю. Юдина // Русский язык: исторические судьбы и современность / Н.Ю. Юдина. – М. : Изд-во Московского университета, 2001. – С. 80–81.

281. Яковлева, О.В. Обрядовый дискурс у системі національної лінгвоментальності / О.В. Яковлева. – Одеса : ОНУ, 2014. – 394 с.

282. Ярмач, В.І. Семантико-експресивний потенціал концепту «СИН» у сербських, російських і українських фразеологізмах і пареміях / В.І. Ярмач // Мовознавство. – 2012. – Вип. 12. – С. 175–184.

283. Ясіновська, О. Концепт любов у текстах Нового Завіту / О. Ясіновська // Вісник ЛНУ: Сер. Філологічна. – Львів, 2000. – Вип. 29. – С. 152–165.

284. Etnolingwistyka. Problemy jkzyka i kultury 12. / Pod red. Jerzego Bartmickiego. – Lublin : Wydaw. UMCS, 2000. – 324 s.

285. Hallig, R. Begrieffs systemals Grundlageferdie Lexikographie / R. Hallig, W. Wartburg. – Berlin, 1963. – 291 p.

ТРУДЫ ПО КУЛЬТУРОЛОГИИ, ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ И СМЕЖНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

286. Аверинцев, С.С. Символ художественный / С.С. Аверинцев // София–Логос: Словарь / С.С. Аверинцев / [2-е изд., испр.]; [сост., авт. послесл. К. Сигов]. – Київ : Дух і Літера, 2001. – С. 155–161.

287. Аверинцев, С.С. Символ / С.С. Аверинцев // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с. – С. 385–386.

288. Алехина, С. Проблема идентичности в русской философии XIX – начала XX вв. / С. Алехина // Власть. – 2010. – № 3. – С. 39–43.

289. Амброз, А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А.К. Амброз // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 61–76.

290. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М. : Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления «Братья Карич», 1996. – 304 с.
291. Аристотель. Риторика. Поэтика; Пер. О.П. Цыбенко (Риторика) и В.Г. Аппельрота (Поэтика) / Аристотель. – М. : Лабиринт, 2000. – 224 с.
292. Архетипи української ментальності [Електронний ресурс]. – URL : <https://www.filosof.com.ua/Mentaltheorie/P12.pdf>.
293. Асмус М., диакон. Житейское море // Православие. Ru. (03.12.2008). [Электронный ресурс]. – URL : <https://pravoslavie.ru/37156.html?ysclid=lu9gyh6wyt276899563> .
294. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т. Репринт 1865 года / А.Н. Афанасьев. – М. : Индрик, 1994. – Т. 1. – 801 с.
295. Афанасьев, А.Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. – М. : Эксмо, 2007. – 608 с.
296. Банковская, Н.П. Типология романтического мышления : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.08 / Банковская Нина Павловна. – Київ, 1981. – 32 с.
297. Бовсунівська, Т.В. Поетика Тараса Шевченка. Вибрані статті / Т.В. Бовсунівська. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. – 224 с.
298. Богданова, Л. Амбівалентність перцепції материнства у творчості Тараса Шевченка / Л. Богданова // Література, фольклор, проблеми поетики : зб. наук. праць. – Київ : Твім-інтер, 2009. – Вип. 33. – Ч. 2. – С. 434–448.
299. Бондаренко, О. І назвав Адам ім'я своїй жінці: Єва : ЧОЛОВІК і ЖІНКА у дзеркалі мовних культур / О.І. Бондаренко. – Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2008.–160 с.
300. Бурвикова, Н.Д. Жизнь в мимолетных мелочах / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2006. – 68 с.

301. Вернадский, Г.В. Киевская Русь / Г.В. Вернадский / пер. с англ. Е.П. Беренштейна и др. – Тверь, М. : ЛЕАН, АГРАФ, 1999. – 448 с.
302. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с.
303. Голосовкер, Я.Э. Логика античного міфа / Я.Э. Голосовкер // Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика міфа. – М, СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.
304. Гончар, Ю. Сердечний рай (Гендерні аспекти художнього світу Тараса Шевченка) / Ю. Гончар. – Черкаси : Брама-Україна, 2010. – 188 с.
305. Грабович, Г. Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка / Г. Грабович. – Київ : Часопис «Критика», 1998. – 206 с.
306. Грицай, Л.А. Идеалы родительского воспитания в русской традиционной культуре (на материале изучения устного народного творчества) / Л.А. Грицай // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 2. – С. 53–62.
307. Грицай, Л.А. Сопоставление мифологем «мать» и «отец» в русской и карельской фольклорной традиции [Электронный ресурс] / Л.А. Грицай // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2013. – № 6 (26). Сентябрь. – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1381298999.pdf>.
308. Гуржій, О.І. Бурлаки [Електронний ресурс] / О.І. Гуржій // Енциклопедія історії України: Т. 1: А-В / редкол. : В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – Київ : Наук. думка, 2003. – 688 с. – URL: <http://www.history.org.ua/?termin=Burlaky>.
309. Данилюк, Н.О. Поетичне слово в українській народній пісні / Н.О. Данилюк. – Луцьк : РВВ Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2010. – 511 с.
310. Демчук, О. Архетип матері – єдина ланка ранніх збірок Павла Тичини : [урок-літературознавче дослідження : 11 клас] / О. Демчук // Українська мова й література в середніх школах, гімназіях, ліцеях та колегіумах. – 2001. – № 3. – С. 94–100.

311. Дзюба, І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І.М. Дзюба. – Київ : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 718 с.
312. Дмитриев, М.В. Парадоксы «Святой Руси» : «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства 16–17 вв. и фольклоре 18–19 вв. // Cahiers du Monde Russe. – 2012. No 53/2–3. – P. 319–331.
313. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М. : Алетейя, 2002. – 672 с.
314. Достоевский, Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1988-. – Т. 14. – СПб.: Наука, 1995. – 783 с.
315. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь [Электронное издание] / Г. Дьяченко. – М., 1900. – URL : <http://www.slavdict.ru>.
316. Єрмоленко, С.Я. Мовно-естетичні знаки української культури / С.Я. Єрмоленко ; відп. ред. Г.П. Півторак. – Київ : Ін-т української мови НАН України, 2009. – 352 с.
317. Єрмоленко, С. «Садок вишневий коло хати» – символ української ідентичності / С. Єрмоленко // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 50–59.
318. Єрмоленко, С.Я. Фольклор і літературна мова / С.Я. Єрмоленко. – Київ : Наукова думка, 1987. – 245 с.
319. Зайцева, И.П. Своеобразие мифологии восточных славян: истоки, реальность, перспективы // Русский язык и литература в Украине : проблемы изучения и преподавания : материалы Международной научной конференции. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2009. – С. 238–240.
320. Закирова, Т.В. Трансформация института семьи в контексте ценностей либерализма / Т.В. Закирова, З.Ю. Переселкова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2022. – № 4. – С. 359–366.
321. Засухина, В.Н. Идеал «всеобщего родства» в философии общего дела Н.Ф. Фёдорова как интерпретация пятой заповеди Декалога / В.Н. Засухина //

Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. – 2016. – Т. 11. – № 1. – С. 92–97.

322. Зеньковский, В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – М. : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с. [Электронный ресурс]: Азбука веры. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/1.

323. Зусман, В.Г. Диалог и концепт в литературе / В.Г. Зусман. – Н. Новгород : Деком, 2001. – 168 с.

324. Іларіон, митрополит (Огієнко І.І.) Дохристиянські вірування українського народу / І. Огієнко. – Київ : Обереги, 1992. – 424 с.

325. История России : Учебник / А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. – М. : Проспект, 1997. – 544 с.

326. Как читать молитвы на очищение рода? // Фома (Рубрика: Вопросы священнику). Вопрос от 20.06.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://foma.ru/kak-chitat-molitvu-na-ochishhenija-roda.html?ysclid=ltobhkm90588591678>

327. Кармин, А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы / А. Кармин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 52–60.

328. Кассирер, Э. Философия символических форм : Мифологическое мышление / Э. Кассирер. – Т. 2 : Мифологическое мышление. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. – 280 с.

329. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси // Полищук, Е.С. Пресвятая Богородица в России. – М.: Издательство МП РПЦ, 2012. – С. 6.

330. Коваль, В.И. Мифологические верования восточных славян: Пособие по курсу «Славянская мифология» / В.И. Коваль. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 270 с.

331. Кондаков, И.В. Пушкин как феномен русской культуры / И.В. Кондаков // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 160–170.

332. Королева, С.Б. Дискурс о Святой Руси в русской поэзии XIX века (1825–1854) / С.Б. Королева // Религиозные коды русской литературы XIX–XX веков: Коллективная монография. – М. : ЛЕНАНД, 2023. – 304 с. – С. 5–32.

333. Кравець, Л.В. Динаміка метафори в українській поезії XX ст. / Л.В. Кравець. – Київ : «Академія», 2012. – 416 с.

334. Кривоший, О.П. Материзна. Жінка в правовій культурі українського народу (X – перша половина XVII ст.) / О.П. Кривоший. – Запоріжжя : «Поліграф», 2001. – 92 с.

335. Кримський, С.Б. Наука як феномен цивілізації / С.Б. Кримський // Кримський С.Б. Запити філософських смислів. – Київ : ПАРАПАН, 2003. – С. 148–168.

336. Кримський, С. Перспектива нового тисячоліття та зміна стратегій соціального інтелекту / Сергій Кримський // Магістеріум. – 1998. – Вип. 1 : Історико-філософські студії. – С. 63–70.

337. Кронштадтский, Иоанн (свт. прав.). Христианская философия. – М. : Моск. Патриархат, 1992. – 212 с.

338. Лебединцева, Н.М. Українська поетична свідомість кінця XX ст. : трансформація архетипу Великої Матері : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Лебединцева Наталія Михайлівна. – Київ : Інститут літератури ім. Т. Шевченка НАН України, 2003. – 22 с.

339. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д.С. Лихачев. – СПб. : Алетейя, 1997. – 582 с.

340. Лихачев, Д.С. Об особенностях русского православия // Звезда. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/11/ob-osobennostyah-russkogo-pravoslaviya.html>

341. Личковах, В. Універсалізм і регіоніка в сучасній етнокультурології / В. Личковах // Культурологічна думка. – 2010. – № 1 (2). – С. 48–54.

342. Лозко, Г. Велесова Книга – воловник / Г. Лозко // Українська Духовна академія Рідновірів. – Вінниця : Континент-Прим, 2004. – С. 339–345.

343. Лозко, Г.С. Символіка жінки-птаха в українській культурі / Г.С. Лозко // Україна в етнокультурному вимірі століть. – Вип. 5: Міфи і символіка в етнокультурі українців : збірник наукових праць / Відп. ред. П.М. Чернега. – Київ : НПУ імені М. П. Драгоманова, 2015. – С. 33–41.
344. Лозко, Г.В. Історія розвитку Рідної Віри українського народу [Електронний ресурс] / Г.В. Лозко. – URL : <http://kolovolhviv.top/рідна-віра-україни-руси/історія-розвитку-рідної-віри-україн/>.
345. Лопатто, М.О. Повести Пушкина. Опыт введения в теорию прозы / М.О. Лопатто // Пушкинист. Историко-литературный сборник; под ред. С.А. Венгерова. – Вып. III. – Пг., 1918. – С. 3–50.
346. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Лосев, А.Ф. Из ранних произведений. – М. : Правда, 1990. – С. 363–600.
347. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
348. Лосев, А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 10–11.
349. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М. : МГУ, 1990. – 269 с.
350. Лотман, Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб : «Искусство – СПб», 2001. – 704 с.
351. Лотман, Ю.М. Миф – имя – культура / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Лотман Ю. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 703 с.
352. Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 414. – Тарту : Изд-во ТГУ, 1977. – С. 3–36.
353. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Текст в тексте: Труды по знаковым системам XIV. – Тарту, 1981. – Вип. 567. – С. 3–18.
354. Межуев В.М., Культура [Электронный ресурс] / В.М. Межуев, А.В. Константинов // Большая российская (онлайн) энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd?ysclid=lslnwuw3bk392424311>.

355. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М. : Библиотека им. М. Горького, 1976. – 407 с.
356. Миролюбов, Ю.П. Сакральное Руси. Собрание сочинений : в 2 т. / Ю.П. Миролюбов. – М. : АДЕ «Золотой Век», 1996.
357. Непомнящий, В.С. Пушкин. Размышления в лицейский день. [Электронный ресурс] / В.С. Непомнящий. – URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=143&id=181.
358. Нефедов, прот. Геннадий. Основы христианской нравственности. – М.: Паломник, 2006. – 287 с. Глава 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Gennadij_Nefedov/osnovy-hristianskoj-nravstvennosti/4
359. Никитина, Ф.А. Древнейшие идеологемы и их влияние на европейскую культуру / Ф.А. Никитина // Мова і культура. – 2004. – Вып. 7. – Т. VIII: Теорія і практика перекладу. – С. 5–18.
360. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 830 с.
361. Нойманн, Э. Леонардо да Винчи и архетип матери / Э. Нойманн; [пер. с англ.] // Психоанализ и искусство : сб. / К.Г. Юнг, Э. Нойманн. – М., К. : Refl-book; Ваклер, 1996. – С. 95–152.
362. Орлов, А.С. История России с древнейших времен до наших дней / А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. – М. : Проспект, 2006. – 528 с.
363. Павиленис, Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
364. Павленко, Ю.В. Ценностно-смысловой универсум как основа познавательной деятельности / Ю.В. Павленко // Collegium. – 2011. – Вып. 10. – С. 156–168.
365. Панченко, А.М. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и поэзии начала XX века / А.М. Панченко, И.П. Смиронов // Труды отдела древнерусской литературы. Древнерусская литература и культура XIX–XX веков. – Л. : Наука Ленингр. отд-е, 1971. – Вып. 26: Древнерус лит. и культура XVIII–XX вв. – С. 33–49.

366. Пелипенко, А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 396 с.
367. Полищук, Е.С. Пресвятая Богородица в России / Е.С. Полищук. – М. : Издательство МП РПЦ, 2012. – 253 с.
368. Попов, В. Геометрия родства, алгебра родства и абракадабра родства, или Как из систем родства и фольклора соорудить кубик Рубика (заметки на полях статьи П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства») / В. Попов // Антропологический форум. – 2011. – №14. – С. 352–364.
369. Потеня, А.А. Из лекций по теории словесности Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потеня // Теоретическая поэтика. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 90–97.
370. Потеня, А.А. Слово и миф / А.А. Потеня // Из истории отечественной философской мысли / сост. А.Л. Топоркова. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
371. Потеня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потеня. – М. : Искусство, 1976. – 613 с.
372. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.
373. Процик, І.В. Архетип і символ: проблеми визначення та взаємодії / І.В. Процик // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство : Міжвуз. зб. наук. ст. – 2011. – Вип. XXIV, ч. 2. – С. 368-377.
374. Процик, І.В. Поняття архетипу в науковій літературі: генетико-теоретичний аспект / І.В. Процик // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2009. – № 9. – С. 56–67.
375. Психоанализ и искусство / [отв. ред. С. Л. Удовик ; пер. с англ. Г. Бутузов (К.-Г. Юнг), О. Чистяков (Э. Нойманн)]. – М. : REFL-book ; Киев : Ваклер, 1996. – 304 с.

376. Пуларія, Т. Архетип, міф, символ: до співвідношення понять / Т. Пуларія // АРКАДІЯ. Мистецтвознавчий та культурологічний журнал. – 2015. – №1(42). – С. 19–25.

377. Пустовіт, Л.О. Символ / Л.О. Пустовіт // Українська мова. Енциклопедія. – Київ : «Укр. енциклопедія ім. М. Бажана», 2000. – С. 536.

378. Райкен Л. (ред.). Море // Словарь библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Л.Райкена и др. (пер. с англ.). – СПб.: Библия для всех, 2005. – 1423 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/463#source>.

379. Руткевич, А. М. Жизнь и воззрения Юнга / А.М. Руткевич // Юнг К.Г. Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991. – С. 5–22.

380. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 783 с.

381. Свириин, Н. «Подражание Корану» Пушкина / Н. Свириин // Звезда. – 1936. – № 8 – С. 221–242.

382. Серебрякова, А.А. Традиционные семейные ценности в современном российском обществе / А.А. Серебрякова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 9 (177). – С. 57–59.

383. Сидельников, В.М. Поэтика русской народной лирики. Пособие для вузов / Под ред. Л.И. Тимофеева / В.М. Сидельников. – М. : Держ-е уч.-пед. вид-во мін-ва освіти РСФСР, 1959. – 128 с.

384. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. – М. : Мысль, 1988. – Кн. 1. История России с древнейших времен. Тома 1–2. – 798 с.

385. Соловьева, Л.А. Исследование семейных образов в изобразительном искусстве (контент-анализ материалов русского и советского искусства XIX-XX вв.) [Электронный ресурс] / Л.А. Соловьева // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 (127). Выпуск 20. – С. 313–320. URL : https://artchive.ru/artists/28390~Taras_Grigorevich_Shevchenko/works/383048~Krestjanskaja_semja.

386. Соціологія : навч. посіб. / [С. О. Макеєв, В. П. Черноволенко, В. Л. Оссовський та ін.] ; за ред. С. О. Макеєва. – [2-ге вид., виправ. і доп.]. – Київ : Т-во «Знання», КОО, 2003. – 455 с.

387. Ставнича, О. Література – міф – суспільство: концептуалізація соціального міфу у прозі 1990 – 2000-х років / О. Ставнича. – Київ : Наук. думка, 2017. – 358 с.

388. Степанова, Т.М. Типология фольклоризма литературных текстов / Т.М. Степанова, Л.П. Бессонова [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2007. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-folklorizma-literaturnyh-tekstov>.

389. Сюта, Г. Самоповтори в поетичній мові Тараса Шевченка / Г. Сюта // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бураго, 2014. – Вип. 80. – С. 79–89.

390. Сюта, Г.М. Цитатний тезаурус української поетичної мови ХХ століття / Г.М. Сюта. – Київ : ТОВ «КММ», 2017. – 384 с.

391. Телегин, С.М. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации / С.М. Телегин. – М. : Община, 1994. – 144 с.

392. Токарева, Г.А. Мифопоэтический аспект художественного текста: проблема интерпретации / Г.А. Токарева // Вопросы современной филологии : Сборник научно-методических статей. – Петропавловск-Камчатский: Издательство КГПУ, 2004. – С. 26–35.

393. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Издательство «Индрик», 1995. – 509 с.

394. Топорков, А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А.Л. Топорков. – М. : Изд-во «Индрик», 1997. – 456 с.

395. Топоров, В.Н. Древо жизни; Древо познания; Древо Мировое / В.Н. Топоров // Мифы народов мира : Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 396–406.

396. Топоров, В.Н. Род / В.Н. Топоров // Мифы народов мира : Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 2. – С. 384–385.

397. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре в 2 т. / В.Н. Топоров. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 875 с.

398. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области славянской мифологии и этнолингвистике / В.Н. Топоров. – М. : [б.и.], 1995. – 621 с.

399. Уваров, М.С. Идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры / М.С. Уваров. – СПб : Изд-во Балтийского гос. техн. ун-та, 1996. – 214 с.

400. Фаминцын, А.С. Божества древних славян / А.С. Фаминцын. – М. : Гаудеамус, Академический проект, 2012. – 315 с.

401. Федотов, Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г.П. Федотов. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.

402. Франко, І. «Наймичка» Т. Шевченка / І. Франко // Твори: в 20 т. – Київ: Держлітвидав України, 1955. – Т. 17. – С. 115–116.

403. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс, 1986. – С. 93–119.

404. Хафизова, Н.А. Архетипы Великой Матери и Вечной Женственности как способы производства женской идентичности / Н.А. Хафизова // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2014. – № 1. – С. 100–110.

405. Хоружий, С.С. Антропологические следствия энергийной онтологии православия // X Рождественские чтения (материалы). 2002. [Электронный ресурс]. – URL : https://www.fapsyrou.ru/science/stati_conference/antropologicheskie_sledstviya_energiy_nou_590/?ysclid=Inoarqjjdp297227864.

406. Черкас, О.О. Образ батька та модель родинних стосунків у поезії Тараса Шевченка [Електронний ресурс] / О.О. Черкас, О.В. Шаф // Таїни

художнього тексту. – 2014. – С. 144–149. – URL :
file:///E:/Скачанное/Ткht_2014_17_20.pdf.

407. Шаф, О. Мотив руйнації родинних стосунків у поезії Тараса Шевченка в гендерному ракурсі / О. Шаф // Шевченкознавчі студії. – Київ : Вид. поліграф. центр «Київський університет», 2013. – Вип. 16. – С. 103–109.

408. Шевчук, В. Родина / В. Шевчук // Теми і мотиви поезії Тараса Шевченка / Ю. Барабаш, О. Боронь, І. Дзюба та ін. – К. : Наук. думка, 2008. – С. 213–232.

409. Широкова, М.А. Творчество А.С. Пушкина как выражение синтеза языковых и культурных систем России и Европы / М.А. Широкова // Филология и человек. – 2018. – № 4. – С. 23–36.

410. Элиаде, М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова / М. Элиаде. – М. : Инвест-ППП, Gallimard, 1995. – 237 с.

411. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 300 с.

412. Assagioli, R. Psychosynthesis: A Collection of Basic Writings / R. Assagioli. – Amherst : Published by Synthesis Center Inc. (in cooperation with Berkshire Center for Psychosynthesis), 2000. – 287 p.

413. D'Andrade, R.G. Cultural meaning systems / R.G. D'Andrade // Cultural theory: Essays in mind, self and emotion. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 88–119.

414. Cassirer, E. The Philosophy of Symbolic Forms [Электронный ресурс] / E.Cassirer. – Vol I: Language, trans. R Manheim. –New Haven : Yale University Press, 1953. – URL: <https://www.jstor.org/stable/41477398?seq=1>.

415. Dworkin R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. – Cambridge : Harvard University Press, 1978. – 392 p.

416. Slochower, H. Mythopoesis: Mythic Patterns in the Literary Classics / H. Slochower. – Detroit: Wayne State Univerity press, 1970. – 362 p.

417. Janes, J. The Origin of Consiousness in the Breakdown of the Bicamiral Mind / J.Janes. – Boston: Houghtov Mifflin Co, 1976. – 467 p.

418. Tynan, C. A Review of the marriage analogy in relationship marketing / C. Tynan // J. Mark Manag. – 1997. – № 13. – P. 695–703.

419. White, L.A. The concept of cultural systems: A key to understanding tribes and nations / L.A. White. – N.Y., 1976. – 192 p.

СЛОВАРИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ

420. Большая российская (онлайн) энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/>

421. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Аст-пресс книга, 2006.– 784 с.

422. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 608 с.

423. Енциклопедія історії України: Т. 1: А-В / редкол. : В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – Київ : Наук. думка, 2003. – 688 с.

424. Жайворонок, В.В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2006. – 703 с.

425. Жайворонок, В.В. Антологія знаків української культури: Словник-довідник / В.В. Жайворонок. – Київ : Наукова думка, 2018. – 759 с.

426. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

427. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Большая рос. энцикл, 1993. – Т. 2. – 1160 с. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/russpenc/17.php.

428. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М. : Астрель; АСТ, 2002.

429. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля – К., 2010. – 844 с.
430. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М. : Межд. отношения, 2004.
431. Словарь библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Л.Райкена и др. (пер. с англ.). – СПб.: Библия для всех, 2005. – 1423 с.
432. Українська мова. Енциклопедія. – Київ : «Укр. енциклопедія ім. М. Бажана», 2000. – 824 с.
433. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
434. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев и др. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
435. Шевченко, В.М. Словник-довідник з релігієзнавства / В.М. Шевченко. – К. : Наукова думка, 2004. – 560 с.
436. Шейнина, Е.Я. Энциклопедия символов [Электронный ресурс] / Е.Я. Шейнина. – М., 2001. – URL : <http://www.rulit.me/books/simvoly-znaki-emblemu-enciklopediya-read-228708-120.html>.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Словари, энциклопедии, источники дополнительного материала

437. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1984–1985. – Т. 2. – С. 30–31 (Петух и жерновки).
438. Бибик, С.П. Словник епітетів української мови / С.П. Бибик, С.Я. Єрмоленко, Л.О. Пустовіт. – Київ : Довіра, 1998. – 430 с.
439. Ващенко, В.С. Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка / В.С. Ващенко. – Дніпропетровськ, 1982. – с.
440. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – СПб. : Норинт, 2002. – 224 с.

441. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / Ред. кол.: О.С. Мельничук (гол. ред.), І.К. Білодід, В.Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. – К. : Наукова думка, 1982–2012.

442. Зеленецкий, А.Л. Словарь литературных эпитетов / По изд.: Эпитеты литературной русской речи: 1120 статей. – М. : Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. – М. : Грамотей, 2005. – 149 с.

443. Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка / ред.-упоряд. О.С. Ільницький. – Торонто, 2001. – 779 с.

444. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антонимических пар / Под ред. Л.А. Новикова. –2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1984. –384 с.

445. Меньшиков, И.И. Поэтическое слово Пушкина. Словарь / И.И. Меньшиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная. – Дніпропетровськ : Січ, 1999.– 325 с.

446. Меньшиков, І.І. Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / І.І. Меншиков Н.В. Підмогильна. – Київ : Дирекція ФВД, 2008. – 211 с.

447. Мифы народов мира : Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987.

448. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.

449. Селіванова, О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля. – 2010. – 844 с.

450. Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.

451. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого: в 3 т. – М. : Международные отношения, 1995–2004.

452. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1999.

453. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти томах. – М.; Л. : Изд-во «Наука», 1950 – 1965.

454. Словарь языка русских произведений Шевченко. – Киев : Наукова думка, 1985–1986. – 754 с.

455. Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л. : Академия наук, 1950–1966.

456. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М. : ГИС, 1956–1961.

457. Словник мови Шевченка: в 2 т. – Київ : Наукова думка, 1964.

458. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Астрель, АСТ, 2000.

Украинский песенный фольклор

459. Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості : пісні, прислів'я, загадки, скоромовки / Упоряд. Н.С. Шумада. – Київ : Веселка, 1989. – 606 с.

460. Пісні родинного життя / [редкол. : Березовський І.П. (відп. ред.) та ін.]. – Київ : Дніпро, 1988. – 358 с.

461. Українські народні пісні: календарно-обрядова лірика / Упоряд., підготовка текстів та приміт. О.І. Дея. – Київ : Держ. вид. худ. літератури, 1963. – 569 с.

462. Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові / Упоряд. О.М. Хмільєвська. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с.

463. Українські народні пісні: родинно-побутова лірика / Упоряд., підготовка текстів та приміт. Г.К. Сидоренко. – Київ : Вид-во худ літ-ри «Дніпро», 1965. – 528 с.

464. Українські народні пісні / Упоряд. В. Єсипка. – Київ : Техніка, 2003. – 207 с.

Украинские пословицы

465. Багмет, А. Збірка українських прислів'їв та приказок / А. Багмет. – Київ : Техніка, 2002. – 211 с.

466. Жовківський, А.М. Мудрість народна – мудрість міжнародна : Прислів'я, приказки, крилаті вислови та мовні звороти дев'ятьма мовами / А.М. Жовківський, Г.А. Жовківська, Т.Д. Івасютин, Ю.І. Макар та ін.. – Чернівці : Рута, 2004. – 256 с.

467. Українські народні прислів'я та приказки / Упоряд. В. Бобкова, Ф. Лавров. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1955. – 446 с.

468. Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1990. – 528 с.

469. Українські прислів'я і приказки / Упоряд. Т.М. Панасенко. – Харків : ТОВ «Бібліоколектор», 2012. – 351 с.

470. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Либідь, 2003. – 352 с. (Серія «Пам'ятки історичної думки України»).

471. Російсько-український тлумачний словник паремій / Ж.В. Колоїз, З.П. Бакум, Л.А. Білоконенко, Т.І. Вавринюк, Н.М. Малюга, Н.М. Шарманова ; за ред. проф. Ж.В. Колоїз. – Кривий Ріг : ФОП Маринченко С.В., 2016. – 454 с.

Русский песенный фольклор

472. Лазутин, С.Г. Русские народные песни / С.Г. Лазутин. – М. : Просвещение, 1965. – 302 с.

473. Народные лирические песни. – 2-е изд. – Л. : Советский писатель, 1961 – 610 с.

474. Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Желункина, А.Н. Розов. – М. : Современник, 1989. – 735 с. – (Классическая библиотека «Современник»).

475. Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Круглов. – Л. : Просвещение, 1984. – 559 с.

476. Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Под ред. А.М. Новиковой. – Изд. третье, испр., дополн. – М. : Высшая шк., 1987. – 512 с.

477. Устное поэтическое творчество русского народа : Хрестоматия / Сост. С.И. Василенок, В.М. Сидельников. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1954. – 287 с.

478. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. К. Чистова. – Л. : Худож. лит., 1984. – 528 с.

479. Русские народные песни / Сост. В.И. Аникина. – М. : Детская литература, 1972. – 125 с.

480. Русские народные песни : Сборник / Сост. А.Н. Розова. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.

481. Рыбников, П.Н. Русские народные былины, песни / П.Н. Рыбников. – М. : Советская Россия, 1990. – 144с.

482. Русские песни / Сост. проф. Ив.Н. Розанов. М. : Гослитиздат, 1952. – 403 с.

483. Русские народные песни / Сост. и вв. тексты В.В. Варгановой. – М. : Правда, 1988. – 574 с.

484. Исторические песни. Баллады / Сост., подг. текстов, вступ. статья и примеч. С.Н. Азбелева. М. : Современник, 1986. – 622 с.

Русские паремии

485. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

486. Даль, В. Месяцеслов. Суеверия. Приметы. Причуды. Стихии. Пословицы русского народа / В. Даль. – СПб. : Лениздат, 1992. – 96 с.

487. Даль, В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В.И. Даль. – М. : Альфа-книга, 2020. – 984 с.

488. Жемчужины народной мудрости : пословицы, загадки, поговорки, скороговорки, дразнилки, колядки, потешки, считалки / Сост. Г.Н. Тубельская, Е.Н. Новикова, А.Э. Лебедева. – М. : ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2000. – 560 с.

489. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа групп, 2010. – 1026 с.

490. Пословицы и поговорки / Сост. В.Д. Сычев. – М. : АСТ : Астрель : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 191 с.

491. Снегирев, И. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах / И. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец», «Братья славяне», 1996. – 624 с.

Художественно-литературные источники

492. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. / А.С. Пушкин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 1–4.

493. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. – М. : Худ. лит., 1985. – Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А.С. Пушкин. – 735 с.

494. Шевченко, Т.Г. Повне зібрання творів : у 12 т. – Київ : Наук. думка, 2001 – 2003.– Т. 1–3.